

В
К

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Владислав
КРАПИВИН

БАБОЧКА
НА ШТАНГЕ

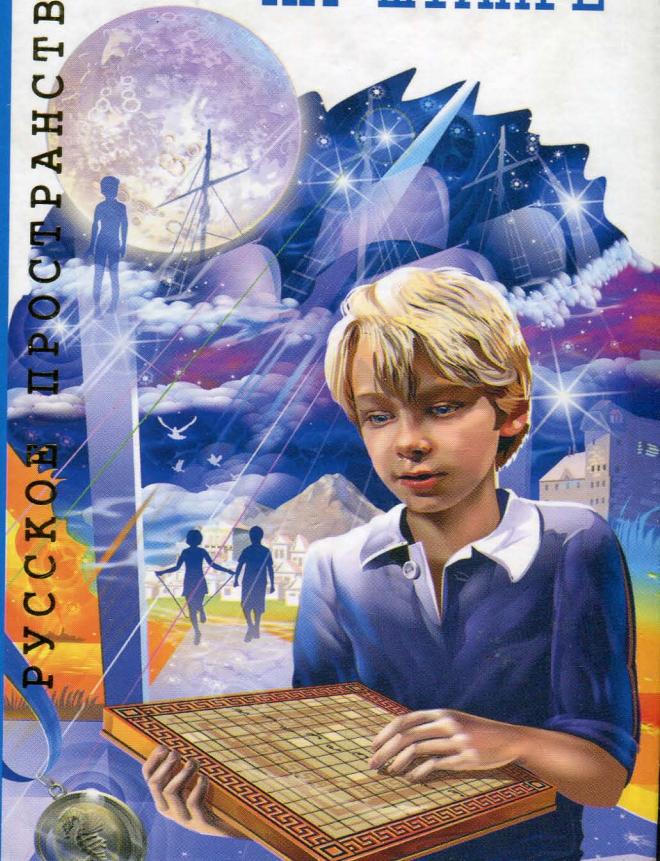
ЭКСМО

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ:

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Владислав **КРАПИВИН**

БАБОЧКА
НА ШТАНГЕ

Владислав
КРАПИВИН

Владислав КРАПИВИН

ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОВЫХ ПОРУЧЕНИЙ
ДЫРЧАТАЯ ЛУНА
ЛУЖАЙКИ, ГДЕ ПЛЯШУТ СКВОРЕЧНИКИ
ПОРТФЕЛЬ КАПИТАНА РУМВА
ГОЛУБЯТНИЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ
В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА
СКАЗКИ О РЫБАКАХ И РЫБКАХ
СИНИЙ ТРЕУГОЛЬНИК
МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ
ДАВНО ЗАКОНЧИЛАСЬ ОСАДА...
ЗВЕЗДЫ ПОД ДОЖДЕМ
МУШКЕТЕР И ФЕЯ
ОРАНЖЕВЫЙ ПОРТРЕТ С КРАПИНКАМИ
СТРАЖА ЛОПУХАСТЫХ ОСТРОВОВ
РЫЖЕЕ ЗНАМЯ УПРЯМСТВА
ОСТРОВА И КАПИТАНЫ
ТОПОТ ШАХМАТНЫХ ЛОШАДОК
ТЕНЬ КАРАВЕЛЛЫ
СИНИЙ ГОРОД НА САДОВОЙ
ЗОЛОТОЕ КОЛЕЧКО НА ГРАНИЦЕ ТЬМЫ
ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ОРИОНА
СИНИЙ КРАБ
АЛЫЕ ПЕРЬЯ СТРЕЛ
ФРЕГАТ «ЗВЕНИЩИЙ»
СТРУНА И ЛЮСТРА
ДАГГИ-ТИЦ
СТАЛЬНОЙ ВОЛОСОК
ВАВОЧКА НА ШТАНГЕ

ОТЦЕЙ-ОСНОВАТЕЛЕЙ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Владислав
КРАПИВИН

**БАБОЧКА
НА ШТАНГЕ**

ЭКСМО
Москва
2010

УДК 82-3

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

К 77

Оформление серии *A. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Крапивин В. П.

К 77 Бабочка на штанге : роман, повесть / Владислав Крапивин. — М. : Эксмо, 2010. — 544 с. — (Весь Крапивин).

ISBN 978-5-699-45335-1

Новое произведение классика детской литературы Владислава Крапивина «Бабочка на штанге» — завершающее в трилогии «Стальной волосок». В центре города, в стороне от шумных улиц, в старом деревянном особняке находится кафе «Арцеуловъ», в котором может открыться дверь в иные миры. Герои книги вместе с новыми друзьями пытаются понять законы гармонии Вселенной и сделать лучше жизнь тех, кто рядом с ними. В сборник также вошла повесть «Прыгалка», рассказывающая о жизни ребят в приморском поселке, находящемся рядом с границей некогда дружественных стран.

УДК 82-3

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Крапивин В., 2010

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-45335-1

БАБОЧКА НА ШТАНГЕ

Последняя сказка

Редактор:

— По-моему, в этой повести нет ничего нового. Нет открытия...

Автор:

— Это не открытие, а закрытие. Способ сказать: «Всего хорошего, ребята...»

Разговор в издательстве

За два дня до начала августа мы с Чибисом поссорились. Вернее, он со мной поссорился, я-то вот ни настолечко не считал себя виноватым... Ну и ладно! Не такие уж мы были друзья, чтобы я из-за этой ссоры страдал с утра до вечера. Подумаешь!..

Однако пострадать могли другие. Вдруг четыреста девять (или даже четыреста семнадцать) галактик в скоплении М-91 ускорят разбегание? Хотя... нехорошо, конечно, так рассуждать, однако галактики мне были по фигу. Их, галактик-то, во Вселенной больше ста миллиардов, и если из-за каждой станет болеть голова... К тому же они все у черта на куличках. Не верится, что они как-то могут влиять на здешние дела...

Была, правда, опасность поближе. Астероид 1999 Юта-Б мог сдуру отклониться от орбиты и вляпаться в земную поверхность. Вот получился бы звон! «Камешек»-то диаметром больше километра. Но и это меня почти не беспокоило. Про такие астероиды мы слышали уже не раз, и все они благополучно свистали мимо.

Но вот что никак бы не «просвистело мимо». Без нашей Улыбки ребячий Пуппельхаус в поселке Колёса не стал бы таким, о каком все мы мечтали.

И все же до последнего момента я не тревожился. Чибис не такой человек, чтобы из-за обиды наплевать на общее дело. Я был уверен, что он принесет ключ. А он...

Первая часть

люди и куклы

ПЕДАГОГИКА ТЕТИ АГИ

В нашем классе он появился в сентябре прошлого года. Раньше он жил на другом краю города, учился в неизвестной мне школе номер семь. Потом его мать и тетка почему-то поменяли квартиру.

Невысокий такой, щуплый, с перепутанными светлыми волосами, острым носом и тонкой шеей. А на затылке у него торчал длинный хохолок с загнутым концом. Это само по себе — причина для птичьего прозвища. А как узнали, что он — Максим Чибисов, так сразу он и стал Чибисом. И не спорил. Но в обиду себя не давал. В первый же день он показал характер.

У нас в шестом «Б» ребята были всякие, и среди них — Гаврила Гречихин по прозвищу Крупа (то есть «мешок с гречкой»). Любил показать себя крутым, особенно перед незнакомыми. На перемене подошел к новичку, отставил ногу, проехался по нему взглядом.

— Ну, чё скажешь, птица Чибис? Как будем жить? По понятиям или по «Правилам для учащихся»?

— А просто по-человечески нельзя? — Прозрачные сине-зеленые глаза «птицы» были то ли боязливыми, то ли... еще какими-то.

— Вот я и говорю: по человеческим понятиям! — старательно обрадовался Крупа. — А это значит, что от новенького требуется вступительный взнос. Сто тугриков на нужды коллектива...

Коллектив никакого взноса не хотел, но ждали молча. Любопытно: как отзовется новичок?

— Всего-то? — негромко отозвался Максим Чибисов. — А может, сразу триста?

— Ты... это в натуре? Или елочку украшаешь? — слегка растерялся Крупа.

— Конечно, елочку, — прежним тоном разъяснил новичок. — Нету у меня ни трехсот, ни сотни. Только пятак. Но и его я не дам, ты не заработал...

— У-тю-тю... — запричитал Крупа. — Какой принципиальный мальчик, прямо Тимур и его команда! А хочешь пластическую операцию на лице? — И потянул растопыренную пятерню. И при этом повернулся к новичку боком. — Ик...

Это Чибисов ткнул его между ребер острым локтем. И тут же деловито стукнул Крупу кроссовкой под колено. А ладошкой толкнул в плечо. Крупа — и в самом деле, как мешок! — осел на половицы.

Правда, он сразу вскочил — тяжело, но быстро. Завелся, как стереомаг:

— Ты-ы! Гнида пернатая! Да я... ик...

— Не суйся, а то получишь еще, — ровным тоном пообещал Чибисов.

— Парни, вы слышали?! — Крупа охватил всех ребят взглядом, в котором горела жажда справедливости. — Как он на наших!

Но «парни» смотрели без сочувствия. А очкастый Бабаклара сказал:

— Крупа, сократись. Он ведь честно предупредил: не наезжай...

Бабаклара был авторитет. Побольше, чем Крупа. И не за счет мясистости и нахальства, а за счет способности мыслить. В четвертом классе наша прежняя учительница Анна Владиславовна однажды назвала его «бакалавром» — за любовь к рассуждениям. Слово понравилось. Но выговаривать его умели не все, и скоро Шурик Лопаткин превратился в Бабу Клару, а потом

просто в Бабаклару. И не возражал. Понимал, что не имя красит человека...

Ну вот, Бабаклара поставил точку в споре, и Крупа побрел к своей парте, обещая разделаться с Чибисом позже.

И стал Чибис нашим одноклассником.

Несколько дней после стычки Крупа глядел на Чибиса косо, цедил себе под нос: «Приемчики знает, паразит...» Но Чибис, по-моему, не знал никаких приемчиков, просто не был трусом. Но и задирой не был, никогда больше ни с кем не подрался. А случай с Крупой постепенно забылся.

Соседкой новичка по парте стала Люся Кнапкина, спокойная такая, вроде самого Чибиса. Они вполне ладили, но друзьями, видимо, не сделались. Да и вообще ни с кем Чибис не подружился, хотя и нессорился никогда. И ничем не выделялся. И оценками не блестал. Только в диктантах не делал ошибок, да английские абзацы переводил с лету...

И говорил всегда негромко. Иногда — себе во вред.

— Чибисов, ты можешь декламировать повыразительнее? Это Лермонтов, а не инструкция для мобильного телефона!

— У меня не получается...

— Садись! Четыре с минусом...

Он слегка пожимал твердыми плечами форменного пиджака: мол, с минусом так с минусом...

Лишь в конце учебного года Чибис оказался опять в центре внимания.

Наша школа всегда считалась «самой-самой». Элитной и выдающейся. «Дети, вы же знаете, на каком счету в городе ваше учебное заведение! И не нарушайте традиций!»

Одной из традиций был «академический внешний вид»: темно-синие отглаженные костюмы, белые ру-

башки и серые в голубую крапинку галстуки. Ну, в галстуках (в крапинках то есть) еще допускалось некоторое разнообразие, а в пиджаках и брюках... Когда несколько старшеклассников появились в джинсах, учительскую захлестнула истерика... Правда, на уроках, если очень душно, разрешалось снять пиджак и повесить на спинку стула. Но ведь не будешь таскать его снятым, когда переходишь из кабинета в кабинет. Вот и жарились. Особенно тяжко было, если за окнами летняя погода.

Такая погода свалилась на город после праздника Победы. Сразу все зазеленело, по кюветам — россыпи одуванчиков, асфальт начал размякать от жары. А мы по-прежнему — в одежде банковских клерков...

Чибис же в середине мая, в понедельник, явился в школу в летнем костюмчике.

Дежурные у входа открыли рты, не сказали «стой!». Может, решили, что мальчик не из нашей школы и пришел не на уроки, а по другому делу — например, к маме-учительнице.

Если бы Чибис появился в каких-нибудь камуфляжных бермудах или обрезанных джинсах и рубахе с «навороченным» рисунком, тогда еще туда-сюда. Просто «вопиющий нарушитель школьного распорядка». Но он выглядел, как детсадовский ребенок-манекен с витрины «Детского мира». Коротенькие светло-серые штаны с вышитым на боку динозавриком были пристегнуты на двойные пуговки к такой же отглаженной рубашечке с накладными карманами и белым воротничком. Правда, рубашку украшал привычный форменный галстук. Словно доказательство, что мальчик — ученик этой школы.

Итак, дежурные девятиклассники хлопнули губами и молча вытаращили глаза. Так же все таращились на Чибиса в вестибюле и в коридоре. И в классе. Но в

нашем шестом «Б» народ в общем-то деликатный, не стали разглядывать нарушителя в упор, только незаметно пожимали плечами да в сторонке кто-то бормотнул:

— Ну, Чибис дает...

И лишь Бабаклара задал прямой вопрос:

— Не боишься, что «мама Рита» попрет тебя вон за нестандартную внешность?

— Не попрет. Они сговорились, — угрюмо отозвался Чибис, вешая на крючок парты рюкзак. Он держался сумрачно и спокойно, однако понятно было, что стесняется.

— Кто сговорился? — удивились разом несколько человек.

Чибис объяснил сквозь зубы:

— Маргарита и... тот, кто озабочен моим воспитанием.

Толстый Даня Панкратов, который всегда больше всех страдал от жары, выговорил:

— Мне бы таких озабоченных. А то скоро копыта откину в этом сукне...

Забречтал звонок, и возникла наша дорогая «классная мама». То есть Маргарита Дмитриевна. Она учила нас русскому и литературе.

— Рассаживаемся быстро! Почему вы всегда пыхтите и возитесь, как усталые буренки в стойле?

Мы пыхтели и возились, потому что стягивали пиджаки. За открытыми окнами нарастал зной и вливался в класс.

— Неужели нельзя снять свою амуницию заранее?.. Кто не сделал домашнее задание, признавайтесь сразу, тогда, так и быть, обойдемся без двоек. А кто ничего не написал, но будет сидеть с умным видом... А, Панкратов! У тебя в тетради, конечно, чисто, как в снежном поле?

— Нет, у меня вопрос, — пропыхтел Даня и поднялся, стягивая тесный рукав. — Почему одни имеют право ходить в летних шмотках, а другие должны жариться, как в инкубаторе?

— Это ты о чём, Панкратов?

— Это он о Чибисове, — ласково подсказала Наташка Белкина, ехидная такая личность.

— А! Здесь особый случай! Чибисов не «имеет право», а «обязан» ходить так. По настоянию его тети. Она решила, что он вообразил себя чересчур взрослым и позволяет выходки, не свойственные школьнику двенадцати лет. Вот пусть и ощутит себя снова ребенком в коротких штанишках.

Сразу, конечно, раздались вопросы: что за выходки?

— Это вы спросите у него! Пусть расскажет... если хватит храбрости.

— У него, наверно, хватит, — сказал Бабаклара. — Но мы не будем спрашивать, это неэтично...

— Неэтично заниматься болтовней на уроке и отвлекать учителя... Быстро открыли тетради!.. Панкратов, тебе особое приглашение?

— Наверно, сигареты смолил за сараём с соседскими пацанами. Вот и все грехи, — заметил Даня.

— Или лазил по сайтам с эротической тематикой, — догадливо сказал Юрик Демьянов по кличке Аньчик (сокращенно от Анекдот).

— Чё по ним лазить-то! — зашумели в классе. — Этого добра теперь в телике на любом канале, только включи... Аж тошно...

А Крупа высказал догадку, что у Чибисовой тетушки просто «поехала крыша».

— Да, — согласился Бабаклара. И академически разъяснил: — Она не сознает, что коэффициент взросления школьника зависит не от фасона штанишек, а оттого, что у них внутри.

Наступило любопытное молчание: как отнесется к такому суждению «мама Рита»? Она помолчала и утомленно произнесла:

— Убирайся. Из класса и из школы. И чтобы без родителей сюда ни ногой...

Бабаклара неспешно уложил рюкзак и направился к дверям. На него смотрели с завистью. Знали, что до завтра «мама Рита» забудет его реплику (да и что он такого сказал?), а сегодня у человека — подарок судьбы, выходной...

Больше про Чибиса не говорили и не обращали на него внимания (или делали вид, что не обращают). Лишь Наташка Белкина один раз не выдержала, показала свою натуру.

После третьего урока мы, забрав рюкзаки, отправились из кабинета математики в кабинет биологии, но оказалось, что он еще занят: семиклассники заканчивали какие-то опыты. Мы расселись на подоконниках. Я оказался у окна вместе с Чибисом, подпрыгнул, сел рядом. Сидеть молча было неловко, я спросил:

— Можешь перевести два абзаца по английскому? Я не успел...

— Давай учебник...

Он положил книгу на незагорелые коленки и в одну минуту пересказал мне русский текст. Внятно и толково.

— Запомнил?

— Конечно... Слушай, где ты так научился английскому? Прямо как... Гарри Поттер какой-то...

Он усмехнулся:

— Все та же тетушка. Она раньше работала переводчицей. А меня натаскивала с трех лет... В общем-то и правильно делала...

Тетушка Чибиса представилась мне этакой сухопарой дамой вроде постаревшей Мери Поппинс.

— Строгая особа, да?

— Угу... — охотно согласился Чибис. И вдруг объяснил: — По правде говоря, она даже не родственница. Просто соседка. Но мы живем вместе с давних пор. Она еще мать воспитывала в ее девчоночьи времена. Та ей до сих пор ни в чем не перечит. И меня отдала ей... В полное распоряжение. Тем более что самой некогда меня учить уму-разуму...

— Почему? — машинально спросил я.

— Она проводница на дальних поездах.

— А... отец? — дернуло меня за язык.

Чибис ответил коротко:

— Сапер был. Под Грозным...

Я выругал себя и заткнулся. А Чибис проговорил беззаботно (может, излишне беззаботно):

— Наверно, пора закусить... — И вытащил из рюкзачка пачку печенья. Видимо, он, как и я, не ел школьные обеды.

— В столовую не ходишь?

— Ну ее... эти сосиски тошнотворные...

— Я тоже не люблю...

— Хочешь? — он протянул пачку.

Я взял две твердые галеты... Хорошо, что несладкие. Но плохо, что сухие. У меня в рюкзаке была баночка спрайта, я вытащил, оторвал язычок. Брызнуло в нос.

— Глотнешь? — спросил я Чибиса.

— Сначала ты...

Я поглотал тепловатую шипучку, тогда и Чибис приложился к банке.

Мимо сновали ребята, но на Чибиса и меня не обращали внимания. И только Натка Белкина остановилась и наклонила кудрявую, как у куклы, головку. Пропела:

— Чи-ибис! Я сразу хотела сказать. Какой ты сегодня симпатичный... Особенно эти пуговки... — И нахально так подергала желтую пуговицу у него на животе.

— Убери лапы, — ровным голосом сказал Чибис.

— Ну чего ты! Я же по правде... А хочешь поиграть в лошадки?

— Как это? — опрометчиво спросил Чибис.

— Разве не знаешь, как жеребчики кусаются? — Она изобразила скрюченными пальцами «зубастую пасть», хихикнула и цапнула Чибиса повыше колена. Чибис взвизгнул и вскинул колени до ушей.

— Дура!

— Ой, да ты боишься щупалок! Вот смешно! Как девочка...

— Наталья, глянь сюда! — быстро сказал я. Зажал пальцем отверстие в банке, взболтнул жидкость. Наташка удивленно глянула, а я убрал палец, и ей в лицо ударила пенная струя.

— А-а-а! Идиоты!.. — Она закрыла щеки и побежала прочь, мелькая белыми гольфиками и бантами на кудряшках. Наверняка жаловаться «маме Рите».

— Сама виновата, корова, — сказал я вслед Белкиной, вовсе не похожей на корову.

Чибис дышал виновато. Признался:

— Я правда щекотки боюсь больше боли... Если попаду в плен к врагам, из меня запросто вытянут все тайны...

— Не вытянут, — утешил я. — В этих случаях организм ставит нервную блокировку. Я читал... Глотни еще.

Мы допили спрайт и увидели, что можно уже идти в кабинет. Но продолжали сидеть. Мне хотелось спросить: чего такого натворил Чибис, что тетка ре-

шила «уокоротить его взросłość». Но, конечно, я не решался.

Чибис вертел в ладонях пустую банку:

— Можно, я возьму ее?

— Возьми, пожалуйста... А зачем она тебе?

— Я собираю такие... И сдаю в одну кафешку. Хозяин платит пятьдесят копеек за штуку...

Я не знал, что сказать. Неужели у Чибиса такая обездоленная жизнь? Наконец выговорил:

— Это же гроши...

— Да... Но все же хоть какие-то карманные деньги. И, кроме того, просто интересно. Вроде как рыбацкий азарт: какой будет улов... — Он повозился, быстро глянул сбоку и вдруг признался: — На этом я вчера и погорел...

— Как?

— Ходил по бульвару недалеко от цирка, там ве-ранда со столиками. Те, кто пиво лакает, кидают банки в урны или оставляют на столах. А я незаметно подбираю... И вот с одного стола смёл сразу четыре посу-дины. Три пустые, а в одной остаток булькает. Пустые я — в сумку, а недопитую... думаю, надо вылить. А жа-рища такая же, как сегодня. Ну, меня будто под локоть толкнули: присосался и давай глотать. Гадость, ко-нечно, зато холодная... Ну и... ничего же не случается безнаказанно. Глядь, мимо движется мадам Инесса Мефодьевна, знакомая моей тетушки. «Ах, Максим! Как ты можешь! Я все расскажу Агнессе Константи-новне!»

— И рассказала?

— Как видишь... И началось: «Это ранняя склон-ность к алкоголизму!.. Чем это кончится!.. Ты прежде срока вообразил себя мужчиной, причем *пьющим муж-чиной!*.. Это требует немедленного пресечения!..» И не

поленилась ведь, и денег не пожалела: поехала в «Детский мир» за этим нарядом... «Отныне ходи вот так. Пробовать алкогольные напитки в таком виде тебе не захочется!»

— Ты не упирался?

— С ней бесполезно... Да и зачем? В общем-то так даже удобнее. Лишь бы не дразнились...

— Никто не дразнится. Некоторые даже завидуют.

— Ну да... Только Белкина эта...

— Она чокнутая... Ты знаешь что? Рубашку заправь поглубже, чтобы пуговиц не видно было, а сверху надень поясок. Тогда будет нормальный спортивный вид.

— Нету же пояска...

— Подожди... — Я полез в рюкзак. Там у меня лежал среди мелочей свернутый ремешок от старого футляра для мобильника. — Вот, продерни в петли.

— Спасибо... — Он чуть улыбнулся, взялся за пуговицу, и вдруг... — Ой, а из чего этот ремешок? Натуральная кожа?

— Да что ты! Клеенка... А не все ли равно?

— Ну... — скомканно сказал он. — Не люблю я, когда вещи из настоящей кожи. Противно...

Я сразу понял:

— Да! У меня так же бывает! Начинаешь думать: когда-то это была шкура живого существа, а потом ее содрали...

— Вот именно! — Чибис живо блеснул сине-зелеными глазами, и я вдруг увидел, что они слегка разные: один более синий, другой более зеленый. Он стал суетливо продергивать ремешок в петли от пуговиц. Застегнулся, прыгнул с подоконника. Одернул «прикид». — Во... Нормально, да?

— В самый раз... — похвалил я. И осторожно сказал: — Слушай... Макс... Кожа кожей, а как насчет мяса? Ты его совсем не ешь, да? — Я вспомнил слова

про «тошнотворные сосиски». И с уколом совести подумал о своей любви к пельменям.

Чибис поморщился:

— Приходится есть... То и дело слышишь: «Мясо необходимо детям для нормального роста. Посмотри на себя, ты и так худой, как пенджабский нищий...»

— Со мной так же... А тебе это тетушка твоя твердит?

— Ну да!

— С ней, видать, не поспоришь...

— Это невозможно. Во-первых, у тети Аги абсолютное чувство логики, она всегда оказывается права... А кроме того, у нее большое сердце, старая уже... Как разволнуется, уходит к себе в комнату, и оттуда сразу — вонь всяких капель. Вот и думаешь: вдруг случится что-нибудь — всю жизнь будешь совестью маяться...

Я кивнул: понятно, мол. А Чибис вдруг добавил:

— И вообще... Всякий лишний скандал увеличивает дисбаланс в этом мире...

— Чего увеличивает?

— Дис-ба-ланс... Он расшатывает равновесие Вселенной... Я бестолково говорю, да?

— Вполне толково... Но... — Я и сам был не прочь поразмышлять о проблемах мирового масштаба, однако сейчас не согласился с Чибисом: — Только... ну, какой там дисбаланс от спора с тетушкой на фоне общего финансового кризиса? Или по сравнению с проблемами черных дыр?

Чибис глянул на меня с уважением, но возразил:

— На кризис есть антикризисные меры. Дыры возникают по законам космического развития. А вот какая-нибудь непредвиденная мелочь может вызвать колоссальное обрушение. Вроде как легкий камешек вызывает лавину. Или... ну, помнишь бабочку на штанге?

— Какую бабочку?

— Мультик есть такой, про волка и зайца. Волк там штангу выжимает, тренируется, а над ним бабочка. Сядет на левый край штанги — волка тянет влево, сядет на правый — беднягу туда же...

— Да! А когда она села посередке — он вместе со штангой бряк на землю! — развеселился я. И Чибис за-смеялся. Я хотел сказать, что бабочка — это все-таки шутка режиссера, но забречтал звонок...

В этом кабинете нам разрешали садиться кто с кем хочет. И мы с Чибисом сели рядом.

Программа шестого класса по биологии в нынешнем году уже закончилась, и старенькая Анна Сергеевна занимала нас рассказами об ученых. Нынче она принялась читать занудный очерк о Пржевальском и его лошадях. А я тихонько сказал Чибису:

— По-моему, никакого равновесия во Вселенной нету. Сплошной кавардак. Чем дальше, тем больше. Будто каша в котле. Галактики разлетаются, черные дыры там и тут, а недавно еще какое-то серое пространство открыли... У меня есть книжка японского ученого Мичио Накамуры, «Новый взгляд на старый мир». Он там много пишет про все такое. И главное, что почти все понятно, без лишних мудростей... Максим, хочешь, дам почитать?

— Хочу, конечно... Клим, только знаешь что? Ты не говори мне «Максим». Говори, как раньше, «Чибис». Я привык, меня так с первого класса зовут. А свое имя я не люблю...

— Почему? Хорошее имя...

— Кому как... Мне вспоминается пулемет на Гражданской войне. В кино «Чапаев». Как из него по тысячам живых людей...

— Что поделаешь, если война... — осторожно проговорил я. — Там никуда не денешься: кто кого...

— Вот оттого и не люблю, — сказал Чибис в сторону. Мне стало почему-то неловко, и я не придумал ничего другого, как сообщить о себе:

— Мое имя тоже связано с Гражданской войной. Немного...

— Как это? — шепнул Чибис.

— Был красный полководец, Клим Ворошилов. Не слышал про такого?

— Слышал, конечно...

— А у моего отца был дед, мой прадед то есть. Очень любил прежние времена. Держал дома древний патефон с ручкой для завода и старинные пластинки. И была у него любимая, называлась «Казачья походная». Эта пластинка у нас до сих пор хранится, только патефон давно сломался. Но отец мне эту песню на электрическом проигрывателе крутит. Там есть такие слова:

Красный маршал Ворошилов, посмотри
На казачьи богатырские полки...

Прадед все просил отца: «Родится у тебя сын, дай ему имя Клим. Климентий». Хотя вообще-то Ворошилов — не Климентий, а Климент... Ефремович...

Чибис молчал с минуту и смотрел не на меня, а за окно. Потом сказал неохотно:

— Казачьи полки были всякие... В Отечественной войне многие из них воевали за немцев... Про это раньше молчали, а теперь уже не скрывают. Целые книжки написаны.

— Но не все же были изменники! Были и герои! Например, генерал Доватор. Про него тоже книжка есть...

— Я знаю... А те, кто против Красной армии, они ведь не считали себя изменниками. Потому что воевали не за Гитлера, а против советской власти. Эта власть им столько всего натворила...

Я знал и об этом. Смотрел однажды про казаков историческую передачу. Однако мне стало обидно за прадеда (которого я никогда не видел). И я хмуро сказал:

— Дед моего отца здесь ни при чем. И Ворошилов тоже...

Чибис глянул быстро и как-то съеженно:

— Клим, ты не обижайся. Это я... У меня дурацкая привычка: во всем копаться и делать уточнения...

Я сразу отмяк:

— Не обижаюсь я, а... тоже уточняю... А вообще-то, когда про свое имя думаю, вспоминаю вовсе не Ворошилова, а другого Клима... Есть такая толстенная книга у Максима Горького...

— «Жизнь Клима Самгина»?

— Да... Ты что, читал?

— Нет, конечно. Просто сериал вспомнил, показывали недавно. Я смотрел там не все, а только про детские годы. Дальше неинтересно стало.

— Я тоже только про детские... И смотрел, и в книжке прочитал. А про остальное решил, что прочитаю, когда «дорасту». Меня и в детских-то его годах зацарапало... не по-хорошему.

— А что... зацарапало? — неуверенно шепнул Чибис.

— Ну, помнишь, как он не сумел мальчишку из ледяной воды спасти? Испугался, выпустил ремень, за который тот схватился... А потом у него все толклось в голове: «А был ли мальчик? Может, его и не было?»

Чибис кивнул. Но тут же возразил:

— Ты здесь ни при чем...

— Ну да... Только все равно иногда скребет... будто это не с ним случилось, а со мной...

Зачем я в этом признался? Вроде ничего такого не было в Чибисе, чтобы откровенничать с ним... Впрочем, дальше откровенничать и не пришлось. Анна Сергеевна добродушно сказала:

— Ермилкин, шел бы ты, погулял. Все равно не слушаешь и соседу не даешь...

— А чего я...

— Иди, иди... Не бойся, жаловаться Маргарите Дмитриевне я не стану. Просто тебе полезно проветриться...

Чибис вскочил:

— Анна Сергеевна, тогда и я! Мы одинаково виноваты!

— А ты сиди...

— Ладно, пока... — шепнул я Чибису, забрал рюкзачок и без всякого огорчения покинул кабинет.

Впереди у меня было полтора часа. Половина урока биологии, потом большая перемена да еще факультатив по истории православия. На него я не ходил.

МАМА, ПАПА, ЛЕРКА И Я

В начале учебного года, когда объявили, что будут такие занятия, «мама Рита» нам объяснила:

— «Факультативные» это значит «добровольные», но ходить на них надо обязательно, чтобы узнать побольше про историю религии и духовную жизнь. К тому же нужна наполняемость группы. Надеюсь, ни у кого нет возражений?

Я быстренько подумал и поднял руку. Сказал, что у меня есть возражения.

— Это почему же, Ермилкин? Ты что, не уважаешь традиции своей страны?

Я сказал, что уважаю. Но еще уважаю Конституцию, а в ней есть статья про свободу совести.

— Я смотрю, ты стал слишком эрудированный, — заявила «мама Рита».

Я немного разозлился и сказал, что не слишком, а в самый раз...

— В самый раз, чтобы я позвонила родителям... — И она повернулась к молодому священнику, который стоял рядом: — Отец Борис, это Клим Ермилкин, он у нас известный «правозащитник»...

Священник, похожий на артиста Харатьяна с приклеенной бородкой, смотрел на меня с интересом. А я разозлился сильнее. На Маргариту. Потому что никаким «правозащитником» я не был, наоборот, не любил влезать в споры. Только в прошлом году, один раз, вступил на уроке за безответную Лельку Ермакову, когда на нее начала орать англичанка Венера Аркадьевна. Из-за какой-то несчастной забытой дома тетрадки! Лелька расплакалась, ну я и сказал: «Чего вы на нее, как фельдфебель на плацу...» Что бы-ыло! «Я потребую от родителей принятия самых решительных мер!» Ну, они и приняли. Мама сказала мне, что следует аккуратнее выбирать выражения, а папа (литератор же!) заметил, что нелогично сравнивать особу женского пола с фельдфебелем, который, как известно, мужчина...

— Ты должен извиниться.

Ну, должен так должен. Трудно, что ли? На следующем уроке я сказал:

— Венера Аркадьевна, простите, я был не прав. Нельзя сравнивать женщину с мужчиной-фельдфебелем...

— Убирайся! Я отказываюсь с тобой заниматься!

Меня перевели в другую группу, к Елене Михайловне, которая ни на кого не орала, потому что работала первый год. И Лельку, кстати, тоже перевели. С той поры мы с ней сидели рядом почти на всех уроках. Но никакой особой симпатии между нами не было, напрасно Натка Белкина хихикала и поглядывала с намеком...

Отец Борис подождал, когда «мама Рита» умолкнет, а мне сказал:

— Однако же... Клим Ермилкин... разве ты атеист? Вот я вижу цепочку под галстуком, похоже, что с крестиком... Или я ошибся?

— Это крестик. Но откуда вы знаете, что я православный? Может быть, католик или лютеранин...

— М-м... ну и что? Знания все равно не помешают. У всех христиан одно Евангелие и одни заповеди...

Я ответил, что Новый Завет читал еще в девять лет, а Нагорную проповедь знаю почти наизусть (малость прихвастнул). И что вера должна быть добровольной, а не превращаться в школьную зубрежку.

— Маргарита Дмитриевна, в суждениях Клима есть, кроме отроческой ершистости, некое рациональное зерно, — кротким голосом сообщил отец Борис. — Принуждение в самом деле не даст пользы... И, может быть, Клим через какое-то время, после размышлений, изменит решение...

Я не изменил решения. Даже после звонка «мамы Риты» родителям. Только перед сном несколько раз виновато перекрестился на картонный образок, что был приkleен повыше отрывного календаря, — маленькую копию рублевской Троицы. Надо было попросить у Бога прощения за дерзость, чтобы не случилось неприятностей...

Я — верующий? Да. Потому что полностью верю: Бог есть. Без Него некому было бы сотворить Вселенную. Само по себе на свете не возникает ничто. Но я, конечно, бестолковый верующий: не знаю толком ни обычаев, ни правил. И многое не понимаю. Например, почему люди отдали Сына Божьего на распятие? Когда я читаю про это, внутри все сжимается. Я ненавижу Пилата, хотя писатель Булгаков пытался осторожно оправдать его в своей книге... Я бы поговорил про все это с отцом Борисом, только не на уроке. Это

не для школы. Там, чего доброго, еще и отметки начнут ставить...

Кроме меня на факультатив не стали ходить Рафик Мамедов и Марик Шульц. Но они — понятно почему. А еще — Бабаклара. Он объяснил, что пока не определился в духовном выборе, но склоняется в пользу буддизма. Конечно, «мама Рита» пообещала позвонить Бабаклариному папе, чтобы тот подкорректировал «склонение» сына в нужную сторону. Но папа, видимо, не сумел...

Итак, у меня была куча времени. А дом — в трех шагах.

Я и раньше жил от нашей школы недалеко, на улице Крупской, в трехэтажке довоенного времени. Мы вчетвером обитали в двухкомнатной квартирке. А прошлой весной наконец набралась нужная сумма на трехкомнатное жилье в новом доме. Аж не верилось в такое счастье!.. Школа теперь сделалась еще ближе, а главное — теперь у меня была *своя комната* (хотя и самая маленькая из всех).

Я в этой комнате все устроил, как мечталось. Над тахтой приколотил карту полушарий — большущую, напечатанную «под старину», с пузатыми парусниками и морскими чудовищами. Над столом повесил фотопортрет Высоцкого с гитарой, на полках расставил книжки Стругацких и Астрид Линдгрен, диски и старую «Библиотеку приключений» (еще из отцовского детства). Упросил маму-папу купить большущий глобус на высокой подставке (стоил он, кстати, не меньше, чем письменный стол). Сделалось в комнате как в старинном кабинете или в штурманской каюте. Особенно когда я терпеливо склеил пластмассовую модель «Катти Сарк». Настоящую-то «Катти» я ни-

когда не увижу — недавно сгорела в Гринвиче, и едва ли ее восстановят как надо, так пускай будет хотя бы вот эта, здесь...

Из широкого окна была видна крыша Исторического факультета — недавняя постройка, но, как и моя карта, «под старину», с башенками и флюгерами. Над крышей белела колокольня ближней церкви. По ночам ее подсвечивали прожекторы, красиво так! Не то что прежний вид на Крупской с гаражами и кирпичным забором...

Слава Богу, лифт сегодня работал (что случалось не всегда). Хоть немного отышусь, а то взмок на улице, будто грузчик на тропической пристани. Я въехал на пятый этаж, «персональным» ключом открыл дверь и через прихожую ввалился в свою комнату. Бряк на тахту...

Мама была дома. Она работала корректором в частном издаельстве «Пирог» и чтением авторских рукописей занималась не в офисе, а «под родным кровом». И Лерка была уже дома. На уроки в свой первый класс она уходила вместе со мной, а возвращалась одна. И на продленку не оставалась, самостоятельная, й-елки-палки. Мама столько нервов из-за этого измотала... Теперь Лерка хныкала на кухне, что не хочет есть вермишель, потому что та «как червяки», а мама спрашивала силы небесные, за что ей такое испытание в жизни...

Я полежал полминуты, скинул пиджак и брюки и засунул себя в шкаф с тряпичным имуществом. И услышал, что мама встала на пороге.

— Ты что там ишьешь? И почему явился так рано?

— Выгнали, наверно, — подала голос моя сестрица.

— Сама ты «выгнали»... Я не насовсем, а на перерыв... Мама, а где мои шмотки, в которых я в том году вернулся из лагеря?

— Ваши «шмотки», молодой человек, я еще осенью выстирала, погладила и положила в общий шкаф... А что, вас наконец освободили от обязательных фрачных пар?

Я выбрался из шкафа и поддернул трусы.

— Ну... не совсем освободили, но сделали послабление...

— Может быть, наденешь парусиновые брюки и белую водолазку?

— Не, мам... хочу тот испытанный в походах прикид. В нем лучше ощущается лето. И к тому же — ради солидарности...

— Опять эти словечки! «Прикид»... А что за солидарность? — спохватилась мама.

— Да есть у нас Чибис. Максимка Чибисов. Его тетушка гнобит...

— Клим, опять жаргон?

— Ну, правда гнобит. Додумалась... — И я коротко рассказал о невзгодах Чибиса.

— По-моему, у его тети очень правильные взгляды, — сказала мама.

— Конечно! Он и сам так считает. Но только не уютно ему одному в таком прик... костюме. А тут будет моральная поддержка.

— Поддержки не будет. У тети Чибисова есть договоренность со школьным начальством. А тебя Маргарита Дмитриевна тут же выставит с треском.

— Ну, не сразу же выставит! А ты потом тоже договорись с ней. Скажи, что я выдул целую бутылку пива!

— Болтун!.. Ты знаешь, что я никогда не вру...

— А ты и не ври! Я по правде могу! У папы есть в холодильнике!

Мама подбоченилась и глянула на меня с высоты своего роста. Большая такая, с круглыми руками, с уложенными в тяжелую прическу бронзовыми волосами.

И с глазами, в которых усмешливые искорки (ну, самая «мамистая мама», как я иногда говорил ей). Ногтем почесала подбородок.

— Смотрю на тебя и удивляюсь: почему ни разу в жизни я не дала тебе даже подзатыльника?

— Потому что я образцовый!.. А как это «ни разу не дала»?! Два раза! Один раз еще в детском саду, когда я пришел с горок в обледенелых штанах. А второй в по-запрошлом году! Когда я сказал Лерке, что она клизма навыворот...

— Значит, оба раза не без причины... Только не понимаю до сих пор: что значит «клизма навыворот»?

— А ты выверни Лерку на левую сторону, сразу поймешь... Что, пошла выворачивать?

— В самом деле болтун. За твоим «прикидом» пошла...

Я подпрыгнул и поболтался на турниковой перекладине, вделанной в дверной проем.

— Сгинь с дороги, — велела мама, возвращаясь. — Вот, облачайся...

Я прыгнул двумя ногами в короткие штаны из серозеленой легонькой плащовки. Выдернул из брюк ремешок с чеканной пряжкой, протянул в петли на шортах. Схватил рубашку, тряхнул, прежде чем сунуться в нее головой. Что-то щекотнуло меня по ноге. А мама быстро нагнулась.

— Подожди-ка... — Он держала двумя пальцами пятисотрублевую бумажку. — Клим, это что?

— Естественно, деньги...

— Сама вижу. И они выпали из кармана твоей рубашки.

— Правда?

— Не валяй дурака! Это та ассигнация, которую я потеряла осенью. С ног сбилась и не нашла. Последние деньги тогда были, за день до зарплаты... Клим...

Я помигал, обдумывая ситуацию (словечко-то какое — «ситуация»!) Впрочем, без особой растерянности.

— Ну да. Типичный случай из жизни трудного подростка. Шестиклассник Клим Ермилкин стырил у родителей полтыщи, но не успел истратить на пиво и наркотики и хитро запрятал подальше...

— Я вот тебе сейчас «стырю»!.. Ты можешь что-то объяснить?

— Сей момент... — И я гаркнул на всю квартиру: — А ну иди сюда, Холерия!

Так я называл сестрицу Валерию в минуты справедливого гнева.

Она тут же возникла на пороге (с вермишелью на щеках):

— Ма-а! Чего он опять обзывается!..

— Цыц! — велел я и взял у мамы пятисотку. — Это что? Говори!

— Ма-а, ну чего он... — и заморгала, будто кукла.

— Признавайся лучше сразу, — посоветовал я. — Осеню ты увидела эти деньги на полу и засунула в мой карман. Думала, мама найдет и мне попадет... Так?!

Малолетняя Валерия была вредна и подловата, но изворачиваться как следует еще не умела.

— Лера, зачем ты это сделала? — тихо спросила мама.

— Я не делала... Я только... А потому что он тогда... меня... Я хотела посадить моих киндеров на его корабль, а он меня вы-ыгнал... Ы-ы-ы...

— Вот это и есть клизма навыворот, — объяснил я маме.

Мама сухо сказала:

— Выдерни, пожалуйста, обратно свой ремешок. Сейчас он пригодится...

— Он тухо сидит. Лучше я поищу в шкафу папин, туристический. Он толще и крепче.

— Правильно. Поищи...

Лерка знала, что ее не тронут, но завыла в два раза громче...

— Искать? — спросил я.

— Подожди... Валерия, марш на кухню и сядь за ходильник, носом в угол. Будешь сидеть, пока не придет папа. Он с тобой разберется, как надо...

— Ы-ы-ы... — Лерка понимала, что папа вернется вечером, а у мамы слушать это «ы-ы-ы» хватит терпения на полчаса, не больше.

Когда она, подывая, удалилась, мама взяла себя за щеки.

— Ну что ты будешь делать с такой особой...

— Терпеть, — объяснил я. — Пока не женится... то есть не выйдет замуж... Но и на этом ничего не кончится.

— Почему не кончится? — Мама опустила руки.

— Потому что... вскоре она явится с розовым сверточком на руках. — Мама-папа, это ваша внучка Светочка. Мы будем жить у вас. А он оказался таким негодяем...

— Тыфу на тебя! Надеюсь, что до того момента я не доживу.

— Как это не доживешь?! А кто будет нянчить *моих* детей?

— Здрасте! А куда денется твоя жена, мать этих самых детей?

Я поскреб затылок. Потому что неясно еще, как оно повернется в жизни. Вдруг как с матерью Лерки?

Лерка была не полностью моя сестра, а, как это говорят, «сводная». Отец один, а матери разные. Потому что, когда мне было три года, в нашей семье произошла «обычная для наших дней драма» (это по маминым словам). Впрочем, вспоминать драму у нас было не принято.

Случилось вот что. Отец тогда работал на областной телестудии «Наши горизонты», в сценарном отделе, а в редакции «Актуальная тема», по соседству, появилась сотрудница Ева Сатурнадзе. Про нее говорили — «гламурная особа второй пробы», но папа почему-то втюрился в особу стремительно и по уши...

У папы совсем не героическая внешность — он щуплый и даже слегка косоплечий. С быстрыми глазами и торопливыми движениями. Когда говорит, чертит в воздухе ребром правой ладони и часто мигает. Но характер у него прямой. И папа не стал скрывать от мамы новую любовь. Так, мол, и так, вот я весь перед тобой, можешь меня клеймить и осуждать, но все равно ничего тут не поделать.

Не знаю, что тогда чувствовала мама, плакала ли по ночам. Я же совсем кроха был, ничего не понимал. Насколько помню, скандалов не было. Папа собрал чемоданчик, и мне было сказано, что он уехал в командировку. А на самом деле — в новый микрорайон Андреевский, где они с Евой сняли комнату. Мама — как всегда спокойная и деловитая — отводила меня в детский сад, хлопотала по дому, читала мне по вечерам про Буратино и Карлсона, иногда уходила на ночные дежурства в издательство, а меня оставляла у соседей. Вот соседская-то девочка Галка (на год старше меня) и сообщила мне, что «у твоего папы другая жена».

— А кто же тогда мама? — обалдело спросил я.

— Она теперь никто.

Это было настолько нелепо, что яничуточки не поверил и даже не стал расспрашивать маму. Тем более что иногда папа «возвращался из командировки», гулял со мной в Загородном саду и на Большом бульваре с каруселями и, случалось, водил в цирк. Но потом исчезал опять — «работа у меня такая»...

«Сезон командировок» длился чуть ли не два года, я привык и думал, что так будет всегда. Но однажды папа вернулся. Вернее, мама его вернула. Потому что «гламурная Ева» стремительно покинула студию и город, укатила в неизвестном направлении (потом оказалось — в Швецию, на веки вечные) и оставила в арендованной комнате папу с годовалой дочкой. Услыхав про такие дела, мама размышляла недолго. Поехала в Андреевский микрорайон, отыскала папино жилье (и его самого в этом жилье), уложила папино имущество в чемодан, а ревущую Валерию усадила в коляску. И велела отцу:

— Ступай за мной.

И привела его обратно в наш дом.

Опять же я не знаю, какие там были у родителей объяснения. При мне — совсем никаких. Просто «папа наконец-то прекратил свои служебные поездки и больше не будет исчезать надолго». А еще «он купил на Севере себе и мне дочку, а тебе сестренку».

Я в ту пору ходил (правда, недолгое время) в детский сад и там поднабрался знаний, каким образом появляются на свет сестренки и братишки. Потребовал у мамы правдивых объяснений. Она растолковала, что «появляются они по-разному». Иногда и правда в местных родильных домах, а иногда в специальных медицинских институтах, где их выращивают по заявкам родителей. Там родители их и покупают... Я в свою очередь разъяснил это соседской Галке, которая пыталась втолковать мне, «как было на самом деле». Мы крупно спорили, спор услыхала Галкина мамаша и выдрала ее веником. А вскоре соседи переехали, и стало некому смущать мой внутренний покой...

Разумеется, со временем я узнал правду. Но Лерка ее не знала. Мама оставалась для нее — настоящей ма-

мой, никак иначе и быть не могло. Характер у сестрицы оказался не сахар. Случалось, что я чуть не ревел от ее вредности. И говорил ей слова, среди которых «клизма навыворот» не самые крутые. Но ни разу в жизни мне в голову не пришло сказать этой стервозной особе, что она «сестра мне лишь наполовину, а маме — и вовсе никакая не дочь». Тем более что настоящая Леркина мамаша, Ева Сатурнадзе, видимо, напрочь забыла и о дочери, и о России...

Конечно, я не все время ссорился с Валерией, было, что мы существовали мирно (иногда несколько дней подряд). Я провожал ее в школу, помогал готовить уроки, по вечерам читал ей свои старые книжки про Братьев Львиное Сердце и приключения в Изумрудном городе...

Родители жили между собой как и до папиных «командировок». Иногда спорили и даже ссорились, но не сильно, потому что у мамы была способность на все смотреть со снисходительной усмешкой. Иногда мне казалось, что она видит в папе не столько мужа, сколько большого сына, моего старшего брата. По правде говоря, я и сам на него порой смотрел так же.

Папа писал короткие сценарии для местных телепередач и более длинные — для всяких постановок. Один раз его имя оказалось даже среди авторов сериала, который смотрела вся страна. Маму на работе поздравляли сотрудницы. Но она говорила, что эта картина — чудо-вищная дребедень, «Санта-Барбара на подмосковный лад». Папа соглашался. Однако объяснял, что порой приходится «наступать себе на горло, чтобы вырваться из финансовой блокады».

— Особенno в нынешних условиях глобального кризиса.

О кризисе говорили везде и всюду, поэтому мама не очень критиковала отца. Тем более что мы действительно «вырвались» и сумели выкупить квартиру. «И даже кое-что осталось для дальнейших планов», — напоминал иногда папа. Он собирался купить у своего приятеля-сослуживца Садовского подержанную «Мазду». Тогда мы сможем всем семейством путешествовать, где хотим. Как в давние времена, когда у нас была старенькая «Лада», развалившаяся потом «буквально посреди дороги».

Мама к идее с «Маздой» относилась осторожно. Опасалась, что папа на этой иномарке врежется в первый же столб.

— При твоей-то безалаберности... Тем более что там правый руль.

— Вот именно — правый! — воскликнул папа. — Наше дело правое, победа будет за нами!

Мама качала головой. Ее успокаивало лишь то, что в условиях кризиса деньги дешевели быстрее, чем накапливались, и пока «Мазда» оставалась мечтой. Правда, папа рассчитывал на свой сценарий телеспектакля «Тени как шпалы» (о молодых журналистах). Этот сценарий обещал продвинуть в производство папин московский знакомый, старый писатель Всеволод Глущенко. Он был наш земляк, а потом перебрался в столицу. У Глущенко отец когда-то учился на журфаке и считался «перспективным автором».

Новый сценарий маме нравился больше, чем старый сериал. Но она говорила:

— Именно поэтому его и провалят. Сейчас продюсерам нужна только всякая любовно-детективная мура...

Я сценарий тоже читал, но, как говорится, «не составил конкретного мнения». Местами казалось ин-

тересно, а чаще — так себе. И папе я высказывал это откровенно (хотя и осторожно — чтобы не гасить его вдохновение).

Я заправил рубашку под ремешок и покрутился перед мамой, как перед зеркалом.

— Нормально?

— Совершенно ненормально, — вздохнула мама. — Одни ноги да уши...

— А еще умные выразительные глаза, — напомнил я.

— Глаза голодного Маугли... Почему ты не обедаешь в школе?

— Достаточно, что там травится вчерашними омлетами Лерка.

— Не сочиняй! «Вчерашними»! У вас в школе постоянные санитарные проверки...

— А зачем обедать в двенадцать часов, если в два или три приходишь домой и здесь на плите заботливо приготовленная мамина еда?

— Подлизя... Но сейчас-то ты можешь пообедать, раз уж пришел?

— Сейчас очень даже могу! Потому что после шестого урока у нас еще экскурсия на кукольную выставку... Это «мама Рита» придумала для выполнения планов внеклассной работы. Хватило ума...

— Не ворчи. Все говорят, очень интересная выставка. Я в детстве обожала кукольный театр...

— В детстве я тоже обожал...

Мама опять скользнула по мне глазами:

— Судя по твоему «прикиду»... И по твоим разговорам, детство у тебя еще не закончилось.

— Ну и ладно. Я и не хочу, чтобы закончилось... — Я начал перекладывать из школьно-костюмных карманов в «летние» всякую мелочь: проездной билет (в общем-то почти не нужный), карандашик-брелок,

плоский старенький (но надежный!) мобильник... Потом глянул на злополучную пятисотрублевую бумажку, она лежала на тахте рядом с брошенными брюками.

— Мама... А эта «деньга»... она ведь случайная, верно?

— Ты на что намекаешь?

— Ну, она будто неожиданный клад... А те, кто находят клад, они же делятся друг с другом, да?

— Любопытное суждение. Но нашла-то клад я!

— Но в моем кармане!

— И... на какую долю претендует юный авантюрист?

— На... «пополам».

— Нахал.

— Но это же справедливо!

— Ладно, — усмехнулась мама. Вышла и почти сразу вернулась с кошельком. — Вот тебе «справедливость». — Она выложила на стол две сотенные бумажки, потом четыре десятирублевки и наконец две блестящих пятирублевые монетки. — Как в бухгалтерии... Однако скажи, зачем тебе деньги?

— Здрасте! Разве уже закрыли магазин «Книжный мир»?

— Знаю я этот «книжный». Небось отыщешь там какие-нибудь новые «стреляльные» диски.

— Мам, да когда я их искал! Это пройденный этап! От них зубы ноют... Лучше уж кино «Заоблачный остров»... А может, Лерке куплю яйцо с киндером... Ох, да отпусти уж ты ее, а то гудит, гудит...

— Пусть еще погудит, полезно... А тебя сейчас буду кормить.

— Корми, я все съем. Даже вермишель, похожую на червяков...

— Весь в папу-сочинителя... — Мама смотрела на меня и почему-то не уходила.

— Ой, чуть не забыл!.. — Я сгреб со стола деньги, открыл в шкафу ящик и вытащил из мешанины платков и носков прошлогодний треугольный галстук — косынку, сшитую из черной и синей половинок. Продернул под воротник, завязал.

— Вот... Классно, да?

— Теперь тебя точно выгонят с уроков...

— Ну, мы же договорились! Я глотну пива, а ты...

— Сейчас кому-то отвесят третий в жизни подзатыльник.

— Ну, отвешивай, — вздохнул я. — Все равно я буду тебя крепко любить. Всю жизнь...

Мама вдруг подошла сзади, взяла меня за уши, покачала туда-сюда мою голову.

— Всю жизнь... Скоро вырастешь, уедешь в какие-нибудь дальние края и найдешь, кого любить крепче мамы...

— Крепче никогда не буду. Пусть хоть кто найдется... — шепотом пообещал я. Кажется, чересчур серьезно. Вдруг даже в горле щекотнуло...

Мама отпустила мои уши:

— Повяжись полотенцем, а то закапаешь соусом свой наряд...

ФЛЕЙТИСТ

На улице я сразу окунулся в горячий день. В солнце, в запахи нагретого асфальта, бензина и клейких тополиных листиков. И понял, что ни капельки не стесняюсь своего легонького наряда. Похоже, что встречные поглядывали на меня с одобрением: вот, мол, какая летняя птаха. Я видел в магазинных стеклах, что «птаха» похожа на цаплю, ну и пусть! Не на гусака ведь и не на пингвина!

Рюкзачок был почти пуст — лишь с тетрадкой и учебником географии, почти невесомый. Хотелось прыгать.

Лето было как подарок...

Дежурные на школьном крыльце одинаково вытянули шеи:

— Эй, ты куда такой...

— Сократитесь, — нагло сказал я. — Нам разрешили... — Увернулся от протянутых лап и нырнул в знакомые запахи вестибюля (столовая, гардероб с пыльной «уличной» обувью, хлорка от швабры тети Кати...). А потом — скачками по лестнице...

Народ встретил меня со сдержанным одобрением:

— Во, еще одна тощая незагорелость...

— «Мама Рита» выпадет в осадок...

— Молоток...

— Всё, кранты. Завтра я тоже...

Мы ждали начала урока у кабинета географии, в коридоре. Чибис подошел, глянул улыбчиво. Спросил тихо, но прямо:

— Ты из-за меня так решил?

— В основном из-за лета, — уклончиво сказал я.

Чибис улыбнулся шире:

— А я думал... ты тоже пиво пил...

— Я хотел. Но чуть не заработал подзатыльник.

Чибис вдруг изогнулся, что-то вытащил из раздущего кармана перекошенных шортиков. Оказалось — красное яблоко.

— Вот... Это Белкина вдруг подошла и говорит: «Ты на меня не злись. На...»

Я сделал умное лицо:

— Наверно, решила не усиливать этот... мировой дисбаланс.

— Ага. Наверно...

Чибис поставил ногу на батарею и сильно ударил яблоком о торчащее колено (я даже ойкнул). Яблоко развалилось на аккуратные половинки.

— Держи...

— Спасибо... — И мы пошли досиживать последний урок.

«Мама Рита» ничего не сказала про мой костюм. Наверно, потому, что увидела меня уже не на уроке, а во «внеклассное время», перед экскурсией.

А Натка Белкина подошла и осторожно тронула галстук:

— Ой, Клим, это что? Есть такой отряд, да?

Я помнил про яблоко и ответил миролюбиво:

— Был. Память о прошлом лете...

— А-а... — ничего не поняла она. И никто не понимал, но и не спрашивал, даже Чибис. Он спросил на улице о другом, но это другое тоже имело отношение к прошлому лету:

— Японская книжка, о которой ты говорил... она у тебя с собой?

— Ох, балда я! Забыл!.. Завтра принесу.

Выставка «Царство кукол» располагалась на центральной улице, в небольшом музее «Торговый дом купцов Лактионовых». Я и раньше бывал в этом доме, там довольно интересно: модели речных пароходов, граммофоны, старинная печатная машина из типографии газеты «Туренськія вѣсти», проектор из кинотеатра столетней давности, географические карты девятнадцатого века. Одна комната — как настоящая купеческая лавка, даже продаются сувениры...

Куклы отношения к Лактионовым, конечно, не имели, но музею надо было как-то подрабатывать в кризисные времена, вот он и сдавал помещение для

выставок всяким организациям. На этот раз — кукольному театру.

Надо сказать, я не пожалел, что пошел. Куклы там такие, что глаза разбегались. Не только те, что «играли» в нынешнем театре, но и всякие другие — из прошлого времени, из частных коллекций. И это была не просто выставка, а небольшое представление, специально для нас. Два молодых актера — девушка и парень в черных комбинезонах — объясняли, как движутся разные куклы: на нитках, на тростях, «перчаточные» (те, что надеваются на руку). Удивительно! Вот лежит на стуле простенькая игрушка из палочек и лоскутов, раскинула ручки-ножки, совсем неподвижная, нелепая такая. И вдруг... делается как живая! Будто просыпается в ней душа...

Как не вспомнить другой кукольный театр — бумажные фигурки в песочнице и деловитую девочку Рину...

И я вспоминал — почему-то с легкой тревогой. А Чибис беспокойно дышал, стоя вплотную ко мне. И, кажется, тоже о чем-то беспокоился. Иногда прижимал к нагрудному карману левую ладошку, будто у него покалывало сердце. Потом запустил в карман пальцы и вытащил... крохотную рогатку. Из медной проволоки.

Вернее, это была не рогатка, а только «рогатулька» — то есть развилка с ручкой, но без резинки. Совсем небольшая, можно спрятать в спичечный коробок. Ручку обматывал синий проводок, а на рожках торчали отогнутые в стороны усики.

Чибис взял рогатульку так, что усики уперлись в подушечки большого и указательного пальцев. А синяя ручка закачалась, как маятник. Чибис как-то непонятно взглянул на меня.

— Что это? — шепнул я.

— Ну... вроде как рамка... или индикатор...

Я сразу понял. Видел не раз похожие штучки в телепередачах и читал про них в журналах. С помощью таких рамок умелые люди искали клады, источники, рудные залежи. Называется этот способ, кажется, «лозоискательство» или «лозоходство». Потому что рамки делались не только из проволоки, но бывало, что из тонких ивовых прутьев (даже чаще, чем из проволоки). И были они покрупнее, чем у Чибиса... Но и эта работала! Синяя ручка вдруг дернулась и замерла горизонтально. Словно показала на что-то ей одной понятное. На что именно?

На полу, посреди очерченного мелом круга (чтобы мы не совались своими кроссовками слишком близко) танцевали под магнитофон тощий кудлатый волк и румяная Красная Шапочка. Все неотрывно глядели на них, смеялись, на меня и Чибиса не обращали внимания. А рогатулька вдруг дернулась, рукоятка описала полный круг и замерла опять.

— Что-то ищешь, да? — шепнул я.

Чибис шевельнул плечом:

— Ничего... Это она сама... вдруг задергалась в кармане.

— Почему?

— Не знаю... На, попробуй...

Я так же, как Чибис, взял рогатульку в два пальца. Но у меня она повисла неподвижно. Совершенно неживая...

— Чибис, по-моему, дело не в ней, а в тебе... Наверно, она, как твой нерв...

— Да нет же, — досадливо бормотнул он. — Я ничего не хотел... Ты подожди...

Я стал послушно ждать. Рогатулька висела легкая и неподвижная, как дохлая стрекоза.

Волк и Шапочка закончили танец, и появился другой актер. Щупленький мальчик ростом в полметра.

С длинными локонами и круглыми стеклянными глазами, в матросском костюмчике, какие носили лет сто назад. С черной флейтой в ломких пальцах. Девушка тоже взяла флейту. И заиграла. Но получилось, будто играет этот кукольный мальчик... Да нет, не кукольный, настоящий! Потому что парень в комбинезоне начал шевелить хитрую конструкцию из реек, трогать разные нити, и по маленькому флейтисту прошла такая... жизненная дрожь. Он поднял голову, вскинул ресницы, и под ними оказались уже не стеклянные пуговицы, а *проснувшиеся* синие глаза. У мальчика жил теперь каждый сустав, каждый локон, каждый ресничный волос. Не знаю, как уж это делал артист, но длинные пальцы над флейтой то сжимались, то распрямлялись, перебегали по кнопкам...

Я сразу вспомнил другого мальчишку-флейтиста. Не совсем такого, но похожего. Тоже с локонами, тонкой шеей и ломкими пальцами. И понял, что и мелодия — *та самая*. Простенький вальс, под который в прошлый раз у меня сами собой, сразу, придумались слова:

Ранней весной просыпается дом,
Тихо сосульки звенят за окном.
Солнечный свет —
Маме букет...

Потому что было это в прошлогоднем марте, восьмого числа...

Да, я, наверно, «чересчур чувствительное дитя»: вдруг слегка зачесались глаза. Даже перед собой неловко...

Я ничуть не удивился, что проволочная рогатулька шевельнулась в пальцах. Потом она сделала оборот, и синяя ручка, будто компасная стрелка, замерла горизонтально. Только чуть дрожала...

— Ну, вот... — шепнул Чибис. С каким-то сердитым удовольствием.

Мелодия кончилась. Флейтист поклонился и сразу обмяк, обвис на нитках, уронив голову. И рогатулька в моих пальцах тоже «обмякла» — синяя ручка слабо повернулась вниз.

Ребята хлопали и шумели, «мама Рита» что-то говорила артистам. Я протянул рогатульку Чибису:

— Возьми... — И добавил с дурашливой ноткой: — Честно говоря, я боюсь всякой мистики.

— Честно говоря, и я боюсь, — отозвался Чибис...

От музея все сразу разбрелись кто куда.

— Осторожнее на переходах, — напомниала нам в спины «мама Рита».

Мы с Чибисом пошли вместе, до улицы Тургенева нам было по дороге. Чибис поглаживал карман с рогатулькой. Та, видимо, вела себя спокойно.

— Ты сам сделал эту штуку? — спросил я.

— Конечно... Даже не знаю, почему пришло в голову. Сидел, вертел в руках кусочек проволоки, и... подумалось: вдруг она поможет что-то найти... Иногда и правда оживает. Особенно рядом с необычными домами. Или внутри таких домов... Ну, ты сам сегодня видел...

Я поколебался: не слишком ли нахально суюсь не в свое дело? И все же спросил:

— А что ищешь?..

— Что... если бы я знал... — проговорил Чибис, глядя под ноги. И вдруг поднял голову: — Ты читал братьев Стругацких?

Я не стал обижаться. Просто сказал:

— Вот вопрос.

— У них многое всего. Но, может, помнишь, в одной повести есть выражение: «Люди, которые желают странного»?

Я помнил. Но было неясно: чего желает Чибис? А он хмыкнул:

— Тетушка Агнесса Константиновна иногда меня так и зовет: «Отрок, желающий странного».

— Она тоже читала Стругацких?!

— Она от них без ума. Даже переписывалась с Аркадием... Аркадием Наташевичем. Когда тот был жив... Он ей книжку прислал с подписью...

Образ Чибисовой тетушки изменился в моем понятии. В хорошую сторону. Но остался вопрос:

— Чибис, я все же не понимаю. Какого «странного» ты желаешь? Чего ищешь-то?

Он опять повесил голову.

— Я же говорю: не знаю... Может, что-то вроде бабочки...

— Какой?

— Ну, помнишь, говорили про бабочку на штанге?.. Найти бы способ... чтобы с помощью такой вот легонькой, но доброй мелочи обрушивать железное зло.

После выступления кукольного флейтиста у меня внутри все еще жило особое ощущение: смесь печальной ласковости и беспокойства. И сейчас беспокойство увеличилось.

— А если это железо... прямо на тебя?

Он тряхнул головой:

— Ну, почему? С какой стати... Клим, я что-то разговорчивый стал сегодня... Раньше я про такое ни с кем... Ты никому не говори, ладно?

— Чибис, да ты что! Честное слово...

Он вдруг перескочил через поребрик, ухватил из травы на обочине мятую пивную банку. С удовольствием затолкал в рюкзачок. Заулыбался. Но тут же стал прежним — наспленным и озабоченным.

— Иногда снится... маленькая разноцветная пташка, вроде колибри... Я их наяву-то никогда и не видел,

а тут порхает перед носом, переливается красками. А вокруг поле с орудиями, и среди них такая... громадная гаубица, ростом с мамонта... Птичка вдруг подлетает к гаубице, садится на конец ствола, и ствол этот сразу — дулом в землю... И у других орудий. И начинает ползти по ним ржавчина, и обрастают они длинными вьюнками. Я даже знаю название этой травы — повилика...

Я будто по правде увидел уткнувшиеся в землю гаубицы. И вспомнил, кто был отец Чибиса. И понял, что лучше помолчать.

Но молчали мы недолго. Чибис выудил из мусорной урны еще одну банку, подбросил ее, поймал, сунул в рюкзак. И вдруг сообщил:

— Иногда маленькая радость может обезвредить большое зло. Ну... так мне кажется. Вот, например, нашел я эту полезную для меня банку, а где-нибудь в далеком скоплении «Эм — девяносто один» сразу четыреста девять... или даже четыреста семнадцать галактик затормозят свой опасный разбег. Они разогнались «сверх всякой допустимой меры», как говорит «мама Рита». Не про галактики, правда...

— Но ведь галактикам и полагается разбегаться. Все так говорят...

— По-моему, полагается разбегаться скоплениям галактик. А внутри скоплений они должны держаться вместе, как детсадовцы на прогулке... Хотя кто их знает? Слетать бы да поглядеть...

Кажется, он просто дурачился, но я заспорил все-рьез:

— Ничего не получится. Ведь сигнал о твоей находке дойдет до этих галактик только через миллионы лет. Потому что ничего не бывает быстрее скорости света. Сколько ждать...

— А может, бывает быстрее! За счет самогó времени! То есть за счет его энергии, она ведь еще совсем не изучена... Были опыты, которые доказывают, что сигналы доходят вообще мгновенно. Хоть через какие космические дали!

— Что-то не слыхал про такое...

— А разве в книжке Накамуры про это не написано?

— По-моему, нет... Там больше про параллельные миры, а они вроде бы совсем рядом, только руку протяни...

— Но ведь, может быть, дальние космические пространства и параллельные миры — это одно и то же! Дальние превращаются в параллельные и сразу становятся близкими...

У меня «шарики стали буксовать в извилинах». Но тут наш спор оборвала машина-поливалка. Шофер провел ее рядом с тротуаром и обдал наши ноги хлесткими брызгами. Конечно же, нарочно! Чибис взвизгнул и подскочил. Ну да, он же отчаянно боится щекотки. Я погрозил вслед поливалке кулаком. Та нахально вильнула задом цистерны.

Чибис смеялся и махал в воздухе то одной, то другой ногой. Я тоже помахал. Влажную кожу так замечательно обдувало ветерком!

— Как ты думаешь, это было доброе или вредное дело? То, что нас обрызгали?

— Конечно, доброе! Шутка же! — решил Чибис.

— Тогда, может, астероид Юта пролетит мимо? Ну, тот, про который недавно голосили американские астрономы...

Чибис покивал:

— Да, знаю!.. Сегодня на православном занятии Бабаклара как раз про него спрашивал отца Бориса...

— Бабаклара? Он разве ходит на эти занятия?

— Иногда ходит. Говорит, ради интереса. Чтобы поспорить... Нынче спросил: «Отец Борис, эта Юта, она что? Наказание Господа или просто космический кавардак? Вляпает она в нас или пролетит?»

— А тот?

— Отец Борис говорит: «Уверен, что пролетит, Господь милостив...»

— На Бога надейся, а сам не плошай, — сказал я.

— А как тут «не плошать»? Молиться только... Не пошлешь ведь навстречу этой Юте ядерные ракеты, как в американском кино...

— Можно бы и послать! Общими стараниями! Лучше, чем воевать там и тут...

— Сейчас уже поздно. Денег не наскреби на это дело, мировой финансовый кризис... Клим, а ты почему не ходишь на уроки отца Бориса? Из принципа или времени жалко?.. Он интересно рассказывает...

Я почувствовал, что надо отвечать честно. Не такой момент, чтобы валять дурака.

— Чибис, ты вот очень боишься щекотки, да?

— Ну...

— А я очень боюсь боли и крови... Когда мне было пять лет, меня сильно покусали бродячие собаки. Накинулись почему-то... Следов не осталось, но боль запомнилась. И с-страх ос-стался... — (Это проснулось давнее заикание.) — Понимаешь, теперь я даже не для себя боли боюсь, а вообще... Когда мушкетеры в кино втыкают шпаги в гвардейцев, я зажмуриваюсь незаметно... как дурак...

— Вовсе ты не дурак, — тихо сказал Чибис. — Но при чем тут отец Борис?

— Он-то ни при чем... Но когда рассказывают, как распинали Христа... гвоздищами... Я слушать про такое не могу. И на картинах не могу это видеть... Потому что

беспомощный... У него такая боль, а я ничего не могу поделать, не могу заступиться. Будто виноват...

Чибис долго шагал молча. Чуть сутулился. Потом сказал, поддавая кроссовками снятый рюкзак:

— А ты... вот и рассказал бы про это отцу Борису.

— Нет, я про это никому... только тебе, первый раз...

Чибис покивал на ходу: понятно, мол. И встряхнулся, перескочил на другую тему:

— Книжку-то японскую не забудь завтра, ладно?

Поздно вечером собралась гроза. Я стоял у окна. Сначала пространство за раздвинутой рамой заполнилось глухой, как черная вата, мглой, в домах почему-то не горели окна, а на улице не стало автомобилей. И прожекторы не светили на колокольню — наверно, их выключили, опасаясь грозовых разрядов. Ночь пуще прежнего запахла теплой пылью, бензином и клейкой тополиной листвой.

Потом в пространстве что-то щелкнуло. Тьма сделалась прозрачной. Не было проблесков, но прозрачность стала ощутимой, как прохлада. И вдруг ее распахнул моментальный синий свет! Возникли над крышами провалы и выпуклости туч, вспыхнул зеленым костром большой тополь, колокольня засияла белизной... Все это — на миг и в полном беззвучии. Но почти сразу раздался шорох, а воздух как бы качнулся весь разом. Его качание сразу вымело с улицы запахи бензина и пыли. А запах тополей стал сильнее в десять раз. А еще — запах дождя. Дождь накатывал, шуршал каплями, струями. Зашумел наконец потоками. И ка-ак грохнуло! И снова синий свет!

— Ура... — выдохнул я. И вобрал воздух, как включенный на всю мощь пылесос. Взметнулась штора, полетели со стола взъерошенные тетрадки — от сквозняка. Это шагнула в комнату мама.

- Клим! Ты с ума сошел! Закрой окно!
- Ма-а-а! Зачем?!
- Потому что молния может влететь в комнату!
- С какой стати?
- Из-за разницы давления здесь и на улице!
- Где ты про это слышала?
- Была передача в «Мире природы»...
- Ее делали пааноики!.. У нас на доме громоотвод!
- Знаю я эти громоотводы...

В этот миг опять шарахнуло. Кажется, прямо над крышей. Вспышка была такая, будто зажглись и тут же разлетелись вдребезги тысячи синих лампочек.

— Ай! Закрой немедленно! — мама зажала уши. — Ты хочешь моей смерти? Если не от молнии, то от инфаркта!..

Я не хотел — ни от того, ни от другого. Этого еще не хватало! Двинул от себя две тяжелые створки пластмассовой («европейской!») рамы. Они чмокнули пазами и сразу отодвинули гул грозы.

— Вот... И опять духотища...

Но духотищи уже не было — влажный ветер успел просвистеть комнату.

— И не вздумай открывать снова, — с облегчением сказала мама. — Подумаешь, храбрец какой...

Я никогда не был храбрецом! Наоборот... Если составить список всего, чего я боялся в жизни, он не влез бы на тетрадный разворот. Я и грозы побаивался, но только под открытым небом. А в родной «каюте» громы и молнии казались мне безопасными — они сверкали и грохотали как бы в ином измерении...

Мама взяла меня за плечи, двинула назад, усадила на постель. Села рядом. При новом громовом ударе прижала к себе плечом. Я снисходительно сказал:

— Теперь-то уж не бойся... Шла бы лучше к Лерке. Она небось пищит от страха.

— Она благополучно дрыхнет. Допоздна скакала с подружками в «классики», еле ноги принесла...

— А папа?

— Он еще больше измотанный. Они с Глебом Яковлевичем дорабатывали последнюю серию...

— Все равно она какая-то... не такая. Почему, если парень и девушка любят друг друга, они должны выпендриваться? «Ах, значит, я тебе не нужна? Оставь меня, я все поняла!.. Я уезжаю на Сахалин!»

В ответ на мою дерзость гром снова встряхнул заоконную глубину, однако мама уже не испугалась. Только прижала меня покрепче. И посмеялась:

— Папа, кажется, учел твою критику. Они с Садовским там что-то переделывали...

— Давно бы так... — пробормотал я. — А то строят сюжет на фундаменте из кислой капусты...

— Ну, не папа же строит! Сюжет разработал Глеб Яковлевич, а папа занят лишь редактурой... Ты же помнишь, он два раза хотел отказаться от этой работы, да только... сам понимаешь.

— Понимаю. «Что тогда будем кушать...» Ну и не померли бы...

Мама запустила пальцы в мои отросшие волосы на затылке, покачала голову:

— Хорошо, что ты такой...

— Какой?

— Нетребовательный... Другие детки изводят родителей: «Хочу мобильник за двадцать тысяч, хочу горный велосипед, хочу джинсы из Калифорнии...»

— Хочу мороженку с клубникой, — хмыкнул я. — Можно, возьму в морозильнике?

— Лера слопала последнюю...

— Я же говорил: клизма...

— Клим! Она — ребенок.

— А я?

Мама посмеялась и снова потрепала мой затылок.

— Мур-р... — отозвался я. И внутри у меня вдруг будто заиграла флейта — ту мелодию, которую сегодня я слышал на выставке кукол...

Насчет нетребовательности мама сказала точно. Я и правда не мог понять, чем калифорнийские джинсы лучше наших местных, фабрики «Восход». Тем, что всяких нашлепок больше? Зато наши легче и мягче, не натирают там ничего... И старый мобильник (отцовский еще) меня устраивал. Ну и пусть без всяких наворотов! Лишь бы слышимость была отчетливая и сигналы без перебоев. А влезать в Интернет через телефон — на фиг мне надо. И копить в мобильной памяти картинки с голыми девицами я не собирался. Этого добра и так полно на всех каналах, ребята правильно сегодня говорили, когда обсуждали Чибиса...

Вот суперсовременный горный велик хорошо бы заметить! Но... чего прыгать в мечтах выше головы, он стоит, как мотоцикл. И к тому же такой велосипед накладывает определенные обязанности. Надо показывать себя на треке в цирковом сквере, где всякие трамплины, крутые въезды, серпантини. А я... ну, ведь сказано, что не храбрец. Так что пусть уж пока будет старенький «Орленок», я у него до отказа поднял седло и руль...

А вот чего мне хотелось по-настоящему, так это чтобы папа не тянул с покупкой «Мазды». Наплевать, что не новая! Лишь бы скорее в путешествие! Мы давно задумали: как появится машина — сразу в Крым! Папа так умел рассказывать про Черное море, про Севастополь! Он там жил, когда учился в начальной школе, и сейчас любил говорить, что нет лучшего города на Земле...

Я считал, что путешествия — самое замечательное дело в жизни. И я уже успел побывать с родителями

и Леркой в разных местах. Даже за границей, в Чехии (от Праги я просто обалдел). А еще мы ездили (только не на машине, а поездом) на Байкал, летали в Питер, в Москву и в Нижний Новгород, к папиным друзьям. Там тоже было здорово. Я только огорчился, что Волга шире нашей Туры. Но потом утешил себя: Волга впадает всего лишь в Каспийское море, а Тура — через разные реки — в Карское море, которое часть Ледовитого океана... Вырасту — буду ездить по всему земному шару!

Но только... Вот мама сегодня днем сказала: «Уедешь в какие-нибудь дальние края...» Конечно, уеду. И не раз. Только не навсегда. Я буду возвращаться.

Я знал, что мой город — самый хороший, несмотря на все чудеса и небоскребы в тысячах стран...

ВЕРМИШЕЛЬ ВЫСТРОГО
РЕАГИРОВАНИЯ

Ночью прогремел еще один ливень. Я осторожно встал на подоконник, приоткрыл наверху узкую форточку. Я же не нарушал маминых запретов, просто сделал щель. Чтобы опять запахло дождем и тополями. Потом свалился на тахту и заснул...

Утром улица сверкала — отмытая такая и свежая. Мои кроссовки хлопали по лужицам на асфальте — брызги кусали за ноги, а солнечные зигзаги разлетались по кюветам с одуванчиками. Впереди меня шагала тонкая темно-синяя тень.

Дежурные у входа не стали придираться и цапать за плечи. Наверно, потому что без формы оказался теперь не я один. То и дело проскакивали в школу пацаны в разноцветной одежке и с голыми ногами. И малышня, и такие, как я. В коридоре перед «математическим» кабинетом тусовался наш шестой «Б». И тоже кое-кто был

без формы. Бабаклара, например, в пятнистых бриджах и рубахе с немыслимым узором.

«Мама Рита» оказалась здесь же, беседовала с молодым математиком Геннадием Валерьевичем.

— Здрасте, мам... Маргарита Дмитриевна. Здрасте, Геннадий Валерьич! А правда, что сейчас контрольная?

— Здрасте. А вы, юноша, не знали?

— Знал, но надеялся: вдруг вы передумаете?

— Увы, это не я, а горено. Судьба неумолима, друг мой, — посочувствовал мне Валерьич. И опять повернулся к «маме Рите»: — Какие они сегодня у вас разноцветные...

— Да... Вчера я необдуманно выпустила джинна из бутылки.

— Нормальных детей выпустили. А то похожи на официантов из «Метрополя»...

— Но ведь форма дисциплинирует!

— Боже мой, какой ду... душевно тупой теоретик пустил в обиход эту фразу! Каждому свое! Солдаты должны выглядеть как солдаты, милиция — как милиция, а дети — как дети... Ох, как мы в наше время ненавидели синюю робу с оловянными пуговицами и kleen-чными нашлепками на рукавах!..

«Хороший мужик, — подумал я. — Но если не решу уравнения, двойку все равно вклепает. Он, как и мы, жертва системы...»

А Чибиса не было. Ни в коридоре, ни в кабинете. Лишь перед самым звонком он появился в дверях. С бинтом на щиколотке. Я — к нему.

— Что с тобой?

Он чуть прихрамывал.

— Симулировал растяжение связок. А то тетя Ага бдительно следит, чтобы я выполнял весь комплекс утренних упражнений. Обрыдло...

— Тяжкая у тебя жизнь...

— Да не-е! Вполне нормальная... Книжку принес?

Я вытащил из рюкзака сочинение Мичио Накамуры. Моя постоянная соседка Лелька Ермакова понимающе сказала:

— Садитесь вместе, если у вас какие-то дела. Я пересяду к Светлане Баковой, она одна...

— Хитрая! А у кого я спишу контрольную?

Я не однажды сдувал у Лельки математику, потому что был туп в расчетах и формулах, как «перезрелый кочан».

Белобрысая добродушная Лелька покачала зелеными сережками:

— Про параллельные миры читаешь, а простые правила по математике не можешь выучить.

— Ну и что? Великий Эйнштейн придумал теорию относительности, а простых формул тоже не помнил. Его в детстве звали «тупеньким»!

— Ты разве уже Эйнштейн?

— А ты не знала?!

Контрольная оказалась нетрудная. В задачке по определению вероятности я разобрался сам, а кое-что специально для меня решила Лелька (вообще-то у нее был другой вариант). Обошлось.

День — субботний, поэтому четвертым и пятым уроками была физкультура. На школьном дворе. Бег на шестьдесят метров и прыжки в длину. Чибис, покачивая ногой, объяснил про растяжение и уселся в сторонке, верхом на гимнастическом бревне. Галина Антоновна посмотрела на него и решила:

— Тогда гуляй домой. Не разлагай своим праздным видом коллектив.

Я заикнулся было про больное горло, чтобы тоже «гулять», но Галина Антоновна сказала:

— Великий Станиславский в таких случаях кричал: «Не верю!» У тебя, Ермилкин, актерского мастерства — ни на грош.

Чибис помахал мне рукой и удалился, сдержанно прихрамывая. Он-то Станиславскому, наверно, понравился бы. А мне пришлось бегать и прыгать. Но все кончается. Через час, отпущеные «так и быть, пораньше», мы похватали с травы рюкзаки и — по домам.

У Лельки был большущий рюкзак с чем-то тяжелым.

— Что там у тебя?

— Два электрических утюга, наш и соседкин. Я их на большой перемене забрала из мастерской, тут рядом...

— Давай, — сказал я.

Раньше я никогда не провожал Лельку и вообще не ходил из школы с девчонками. Не ради какого-то принципа, а просто не случалось. Но сейчас я был благодарен Лельке за контрольную.

— Возьми, — согласилась она. — А твой давай мне...

— Управлюсь с двумя.

Лелька жила недалеко, но в том квартале, где я бывал редко. За логом, в районе Большое Городище, на улице Энгельса. Мы пошли через мост на Камышинской. Я шевелил плечами под лямками и один раз покряхтел.

— Тяжело?

— Ни капельки...

— Станиславский закричал бы: «Не верю!...»

— Пусть он это своей жене кричит!

— Но он же давно умер!

— Тем более...

Скоро мы пришли к деревянным воротам с калиткой.

— Может, зайдешь? Хочешь чаю?

— Спасибо. Не хочу... — Я уронил в молодую суперку рюкзак с утюгами, сделал «под козырек» (хотя козырька не было) и облегченно зашагал обратно. Хо-

телось оглянуться, но я почему-то стеснялся. Впереди, по бугристому асфальту с проросшими подорожниками, опять шагала моя тень — теперь съеженная, короткая. К подошвам липла тополиная кожура.

Я снова вышел на мост. Подскочил, лег животом на чугунные перила. Внизу, в загустевшей зелени, урчала почти невидимая речка Туренка (или иногда говорили «Тюменка»). Вался в кустах ржавый кузов какой-то допотопной легковушки. Я вспомнил про «Мазду» (правый руль...), но прогнал боязливость.

За спиной проскачивали машины, в том числе и грузовые. Мост потряхивало. А потом кто-то тряхнул и меня. Толкнул, вернее. Легонько так, вежливо, под локоть.

Я съехал животом с перил, оглянулся.

Рядом стояли двое пацанят. Вернее, мальчик и девочка. Лет семи-восьми. Довольно потрепанного вида. Ну, девочка еще туда-сюда, хотя бы умытая. В клетчатом платьице, в простеньких колготках с дыркой на колене, с коротенькими, но толстыми косами, поверх которых курчавились завитки бронзового цвета. Круглолицая, светлоглазая... А мальчишка был в полинялом трикотажном костюме с пузырями на коленях и с перемазанными щеками. Глаза — густо-коричневые, с тенью от висков до переносицы. И... требовательные такие глаза.

Мальчишка сказал тихо и сипло:

— Послушай... ты можешь сделать доброе дело?

Вот вопросик!

— Ну... вообще-то могу, наверно. Смотря какое. Автомобиль подарить не могу...

— Не надо... — по-прежнему сипло отозвался мальчик. Он глядел на свои расхлябанные босоножки (из них торчали голые пальцы, и мальчик шевелил ими).

Уши у него были большие и остроугольные, как у эльфов из мультиков. — Можешь дать пять рублей?

Подумаешь, «добroe дело»! Сейчас даже нищим подают десятку! А билет в автобусе стоит двенадцать рублей, и обещают добавить еще! У меня же — вчерашняя добыча, двести пятьдесят!

Я достал блестящую монетку.

— На...

Он взял немытыми пальцами и тут же отдал девочке. А та вдруг заулыбалась, хорошо так.

— Спасибо... — («Спа-асибо», — получилось у нее протяжно и мягко.)

— На здоровье... — хмыкнул я. Но сразу уйти было неловко, они смотрели, будто собирались еще что-то сказать. И я спросил:

— А вам они зачем, эти деньги? Даже на жвачку не хватит... — (Хотя какое мое дело?)

Они заговорили разом (голос мальчишки сделался чище):

— Это не на жвачку, это собаке...

— Она маленькая еще, почти щенок...

— Мы ее подобрали...

— А щенкам ведь надо теплую пищу, хоть раз в сутки... У нас было всего два рубля, а надо семь...

— Мы покупаем вермишель...

— Которая для быстрой варки...

— А! — догадался я. — «Вермишель быстрого реагирования»!

Они одинаково заморгали. Непонимающе. Я хмыкнул и подробно объяснил:

— У меня есть сестра. Такая вот, вроде вас. Однажды заварила себе эту вермишель, решила стать самостоятельной. Ну, и почти сразу у нее скрутило живот. Целый час не слезала с горшка... Хотя виновата была не вермишель, а то, что сестрица перед этим стрескала че-

тыре соленых огурца и запила пол-литрой молока. Но она все равно выла до вечера: «Это из-за нее...» Вот отец и сказал: «Написано — вермишель быстрого приготовления. А на самом деле — вермишель быстрого реагирования...»

— Ага, есть такие военные части, — серьезно уточнил мальчик. А девочка добавила:

— Наш Бумсель так не реагирует. Лопает и миску вылизывает до полной медицинской чистоты...

— Я тоже, — признался я (ребятишки мне нравились). — Если дома нет готовой еды, завариваю и лопаю сразу две порции. И вылизываю...

— И мы... — сказал мальчик опять сипловато. — Если едим вместе с Бумселем. Когда ее много. Она нам нравится...

— Потому что называется так же, как мы...

— Это как? — не понял я. — Вы кто? Десантный спецбатальон?

— Да не-е... — стеснительно сказал мальчишка и пошевелил пальцами в сандалиях. — Там на пакете имена написаны...

Девочка объяснила понятнее:

— На упаковке два поваренка и подпись: «Александра и Софья». Как мы. Я — Софья, а он... ну, конечно, не Александра, а мужского рода, но все равно похоже, Александр...

Я вспомнил: действительно, все это было на пакетах с вермишелью, которые я и мама покупали иногда в магазине «Тамара».

— А у вас тут где магазин?

— Недалеко, — почему-то заторопились они (Александр — сипло, Софья — звонко). — На Библиотечной улице... Круглосуточная продажа... Там всякие продукты...

— По пути, — сказал я. — Пошли...

Было не совсем по пути, но мне почему-то не хотелось расставаться с этими ребятишками так сразу. Александр — он был непонятно какой, а Софья... В ней чудилась деловитая такая ласковость. Вроде как у Рины Ромашкиной из поселка Колёса (только Рина — большая; и где она теперь...) Мне даже подумалось: «Вот была бы наша Лерка такая».

— Пойдем! — обрадовались оба. Александр даже попытался взять меня за руку, но тут же застеснялся и отскочил.

Мы перешли по мосту в сторону Крупской, свернули вдоль лога, затем направо, в Библиотечную. И... остановились. Всю улицу, от забора до забора, заливало широченная лужа. Ночные ливни постарались!

Асфальтовые тротуарчики прятались под водой. Лишь прошлогодний репейник нахально торчал над синей поверхностью.

— Вот это да, — шумно прошептала Софья. — Тихий океан...

Александр тряхнул ногами, скинул босоножки. Одну за другой перебросил их через лужу (было метров семь). Подступил к Софье:

— Давай перетащу...

— Пуп развязется, — вздохнула та.

— Ну и ладно. Мой ведь пуп, не твой...

Я сдернул кроссовки и носки, протянул Александру:

— Возьми, перенесешь. А я — Софью.

Оба не спорили. Софья оказалась не тяжелая, вроде Лерки. И так же, как та при переправах через ручьи и лужи, ухватила меня за шею. Будто я таскал ее много раз. Глубина была по щиколотку, а кое-где и выше. Я ступал осторожно. Александр с напряженным лицом ждал «на том берегу». Посреди лужи Софья щекочуще шепнула мне в ухо:

— Тебе не тяжело?

— Вот еще... Ты как эта... колибри...

Перешли. Софья скакнула у меня с рук, я обулся. Александр насупленно сказал:

— А магазин вот он... — вытянул руку к одноэтажному кирпичному дому столетней постройки. — А... знаешь что? Ты не мог бы... раз уж пришел... купить вермишель? — он протягивал мне мою монетку и еще двухрублевую денежку.

— Ну... могу... А сами-то вы что?

Софья сказала:

— Там продавщица такая... не то что сердитая, а всегда пристает с разговорами. Саньчик один раз ей сказал «не ваше дело», а она сразу: «Давно в милиции не был, да?»

Я взял денежки и шагнул в магазин.

Наш город — удивительный. Рядом с новыми кварталами — старина. Пройдешь между вполне столичными многоэтажками, а за ними — деревенский квартал. Можно увидеть рядом стеклянный супермаркет и магазинчик, похожий на купеческую лавку. Вот этот был как раз такой, «старорежимный». Внутри пахло копченой рыбой и печеньем. Толстая продавщица ворочалась на фоне полок с банками-бутылками, как башня линкора. Пакетики с вермишелью я увидел сразу, под стеклом прилавка.

— Пожалуйста... вот это... — И вдруг добавил: — Четыре штуки.

Продавщица почему-то хмыкнула, но сразу подняла стекло. Достала что нужно. И сказала с неласковой догадливостью:

— Для Соньки-Саньки небось?

— Ну... И что? — слегка ощетинился я. — Разве нельзя?

— Дак на здоровье... А то бабка их совсем заморила... — Она заскрежетала кассовой машиной музейного вида.

— И еще кока-колу... литровую.

— Литровую так литровую... — Она полезла в холодильник, тот шатнулся. Задом выдвинулась обратно. И спросила:

— А ты им кто?

— Прохожий... — буркнул я. И почему-то не сдержался: — Вам-то зачем знать?

— Да ни за чем. Только очень ты невоспитанный. А еще пионер... или кто вы там сейчас...

— Сейчас мы там беспартийные, — сообщил я, сгребая пакетики и бутылку. — Извините за невоспитанность...

Шагнул под жаркое солнце.

— Уй... сколько накупил... — распахнул глаза Саньчик. И на лице прочитался вопрос: «Это, что ли, все нам?»

— Чтобы лишний раз не ходить к сердитой торговке, — объяснил я. — Ваш Бумсель ведь не только сегодня запросит есть.

Брикеты я отдал ребятам, а у бутылки «свернул голову». Глотнул шипучий холод. Вот благодать-то! Дал запотевшую бутылку Саньчику.

— Пейте... Осторожнее только, не наскребите на себя ангину... — Это я вспомнил, как мама говорит Лерке, когда та подывает от нетерпения, хватая холодную бутылку.

Они по очереди присосались к горлышку. Потом Софья протянула бутылку мне:

— Спасибо...

— Оставьте себе, — сказал я. — У меня дома есть в холодильнике. — И подумал: «Если Лерка еще не выдула».

— Спасибо, — опять сказала Софья. И вдруг спросила: — Хочешь посмотреть нашего Бумселя?

Я, по правде говоря, не очень хотел. Совсем не хотел.

— Не-а... Понимаете, я не люблю собак. Меня, когда я был такой, как вы, даже меньше, покусали несколько псов. Налетели на пустыре... Я даже заикался целых полгода... Какая там любовь...

Они посмотрели друг на друга. Разом вздохнули и заговорили наперебой:

- Да он совсем не кусачий!
- Он игручий... И маленький еще!
- Он каждому человеку радуется!
- И тебя всего оближет!..

Оказаться облизанным какой-то подозрительной псиной (пусть и не кусачей) — вот радость! Но... день был такой, что домой не хотелось. И оставлять этих ребятишек не хотелось. Я чувствовал: они огорчатся, если я сейчас отвалю в сторону. Хотя чего им еще нужно? Вермишель я им купил, даже с запасом... А мне чего надо от этих «мелких представителей человечества»?

Может, дело в том, что они похожи были на подшефных малышей девочки Рины?

А что мне Рина? Небось и не помнит («А был ли мальчик?») Почти год прошел...

На ходу я достал мобильник:

— Мама!.. Ты меня не теряй, я погуляю с ребятами... Нет, не с классом. Я тут познакомился на Крупской с местными жителями... Мама, никакие не хулиганы! Милые ин-тел-ли-гентные дети лет семи-восьми. Лерке бы брать с них пример! Они хотят показать мне своего щенка... Буду преодолевать свою собакофобию... Нисколько не голодный! Приду через час и съем три порции блинчиков с морковью...

Саньчик и Софья смотрели на меня с веселым удивлением. Я внушительно объяснил:

— Мама любит порядок. Такое правило: «Гуляй, где хочешь, но держи меня в курсе»...

Софья осторожно сказала:

— Ты ведь уже большой...

— Для кого? Для вас или для мамы?

Они понятливо посмеялись. Но тут же Саньчик серьезно объяснил:

— А мы с бабкой живем.

— С бабушкой... — уточнила Софья. — Потому что мама и папа на Севере, по контракту. До сентября...

— Может, заработают деньжат, купим хоть комнату в коммуналке. Заначка уже есть, — взрослым тоном сообщил Саньчик.

— Только деньги дешевеют, а квартиры дорожают, — в тон ему добавила Софья.

Внешне они были совсем не похожи друг на друга, а в интонациях угадывалось что-то общее. Понятно, что брат и сестра. Однако видно, что не близнецы. Интересно, кто старше?

— Вы учитесь? В каком классе?

— Саньчик еще ни в каком, осенью пойдет в первый. А я — во второй, — охотно разъяснил брат.

Итак, он Саньчик, а она — Саньчик. Или, наверно, Соня. В самом деле, Софья — это как-то громоздко.

— А зато я лучше Саньчика читаю, — простодушно похвасталась мне Соня. И показала брату кончик языка.

Саньчик не обиделся (видать, не впервой). Разъяснил:

— Ничуть не лучше. Просто я люблю слушать, когда читают вслух. Мне тогда лучше представляется, что в книжке...

Я проявил вежливый интерес:

— А что читаете?

— В эти дни — про Робинзона, — солидно откликнулась Соня.

Ого! Образованные детки!

Саньчик сказал:

— Хорошо, что сейчас вечером светло. Можно читать на дворе. А то в доме бабка на это ругается, говорит, что спать не даем...

Я забеспокоился:

— А на меня бабка не заругается? Скажет: появился тут неизвестно кто и откуда...

Они опять заговорили наперебой:

— Да не-е... Она с чужими вежливая...

— Да ее и дома нету...

— Она вахтером работает...

— На круглосуточном дежурстве...

— В общежитии студентов на улице Красина...

Общежитие было мне знакомо — с нашим домом совсем рядом.

— А вы что? Целыми сутками одни живете?

— Почему же одни? — удивилась Соня. — Друг с дружкой.

— И с Бумселем, — добавил Саньчик. И почему-то вздохнул.

Они шли по сторонам и часто брали меня за руки. И быстро поглядывали снизу вверх — будто опасались, что я сейчас передумаю и поспешу домой (где блинчики с морковкой). Саньчик продолжал объяснять:

— А еще у нас есть сосед. За забором. Дядя Кирилл...

— Да! Он нам воду дает из своего колодца, — подтвердила Соня.

— Когда трезвый... — уточнил Саньчик.

— Он довольно часто трезвый, — заметила Соня...

«А куда мы идем?» — подумал я.

Места были вроде бы совсем недалеко от моей улицы, но в то же время — *не мои места*. То есть я бывал в них очень редко. Просто незачем было ходить здесь. Ну, проскакивал иногда на велосипеде, так, из любопытства, может, раз в году. По правде говоря, мешало еще и опасение: часто посреди улиц гуляли крупные псы — похоже, что бездомные. Правда, вели они себя добродушно, ни разу на меня не гавкнули, но все-таки сидело во мне прежнее опасение («п-прежнее оп-пасение»)... Впрочем, сейчас псов не было. И прохожих не было. Солнечная, пересыпанная желтыми лютиками пустота. Только где-то далеко орал петух.

БУМСЕЛЬ

Свернули в Кольцовский переулок, пошли вдоль осевших в лопухи домов с тяжелой резьбой над окнами. И опять оказались на краю лога. Это было его небольшое ответвление, «аппендикс». В лог, в кленовые заросли уходила кривая деревянная лестница. А из кленов торчали две шиферные крыши, и над ними, на столбе, отражала солнце белая тарелка телеантенны.

Да, в этом месте (которое называлось «ул. Городищенский лог» — табличка на столбе у лестницы) я был и раньше, раза два. И думал: «Прямо бразильские фавелы какие-то. Кто здесь живет?» И вот оказалось, что живут мои новые знакомые. С бабкой, псом Бумселем и соседом дядей Кириллом (который иногда трезв).

Саньчик и Соня проскочили вперед, стали спускаться по шатким ступеням. Оглядывались на меня — будто готовы были подхватить, если отступлюсь. Но я старался ступать ловко — не привыкать, мол. Хотя

внутри шевелилась боязнь (вроде как у белого человека перед хижинами туземцев).

Слева, из кустов зацветающей черемухи, донесся хриплый лай. Я вздрогнул. Саньчик и Соня заговорили взахлеб:

- Не бойся!
- Это не Бумсель!
- Это Тушкан дяди Кирилла!
- Он на цепи, он не выскочит!
- Да он и не злой, только хриплый!.. Тушкан, тихо ты, тут свои!

Тушкан поверил и умолк.

Лестница привела в зеленую полутень, на заросшую лебедой площадку. Лебеда была влажная. На краю площадки оказалась калитка в изгороди из разномастных досок. Саньчик ударили ее плечом.

За калиткой был довольно просторный двор (а сверху его и не разглядеть). С облезлым домом в три окна, с грядками, с сараем. От крыльца к сараю тянулась веревка, на ней сушились пестрые половики и клетчатая юбка. Саньчик и Соня нырнули под половики, поманили меня, и мы оказались за сараем — между бревенчатой стенкой и покрытым чертополоховой чащей откосом. За стенкой послышались громкие взвизгивания. Кто-то нетерпеливо скребся в крохотную, как корабельный люк, дверцу.

— Сейчас, сейчас! — Саньчик выдернул из щеколды сучок. Дверца люка опрокинулась в траву. Из квадратной дыры вылетело что-то... вроде как пушечное ядро, обросшее черной шерстью.

Ядро лиющее верещало и ухитрялось прыгать на грудь сразу Саньчику, Соне и мне. Я был в одну секунду облизан от кроссовок до ушей и едва устоял на ногах.

— Бумсель! Фу!.. Тихо ты! Кому говорят! Смирно, балда! — вопил Саньчик, уворачиваясь. — Сидеть!

Бумсель пронесся вокруг нас по стремительной орбите и вдруг сел на задние лапы. А передними замахал перед грудью. Вот, мол, какой я послушный...

Теперь появилась возможность его разглядеть. Курчавого и косматого.

Наверно, это был пудель. Скорее всего, не чистокровный, а со всякими примесями. Виделось в нем что-то и от терьера (который живет у наших соседей и которого я вежливо обхожу стороной). Мордашка бородатая такая... А глаза, как блестящие черные маслины. Здесь была тень, но в глазах Бумселя все равно горели солнечные точки. Из-за спины его разлетался мусор — там бешено вращался похожий на мохнатую кочерыжку хвост. Два пучка шерсти, заменявшие уши, то вставали торчком, то падали на глаза.

Сразу же я понял, что в этом существе нет ни капли зла. Что никогда оно не рыкнет на меня, не оскалит зубы, не ощетинится. Что в нем только веселье, любовь и счастье от того, что рядом есть приласкавшие его люди. Что оно готово всего себя отдать этим людям, слиться с ними в порывах радости...

Я засмеялся, ухватил пуделя под мышки, как игрушку, опрокинул на спину. А он вертелся и лизал мне кисти рук. Оказалось, что у него почти голый розовый живот. Я поскреб его, и Бумсель восторженно задергал задними лапами. Затем вскочил, выписал по траве восьмерку и сел против меня с веселым ожиданием. И опять — мусор из-под хвоста.

— Где вы нашли такое чудо? — спросил я.

— Оно само нашлось, — объяснил Саньчик. — Первого мая. Мы идем, а он вдруг за нами. Из-за угла. Потому что мы жевали ватрушку. Дали ему, и он тогда сов-

сем прилип. Не отходит никак. Говорю: «Иди домой к своим хозяевам!» А хозяев, наверно, нету, потому что он тощий и в репьях... Я даже бросил в него старой туфлей, чтобы отстал, а он схватил ее, потрепал и несет мне...

— Так и пришел к нам... — вздохнула Соня. — Бабка сразу кричать начала: «Чтобы я его в доме не видела!» Еле упросили: пусть поживет в сарае, где раньше куры жили... Она говорит: «Только недолго. И кормите сами, у меня не собачий интернат...» Вот и кормим...

— Чем сумеем, — добавил Саньчик. — Сонь, давай разжигать.

Я увидел, что у них тут целое хозяйство. В лебеде была сложена из кирпичных обломков печурка. Рядом лежал фанерный ящик. Из-под него Соня достала закопченный котелок и несколько мисок. У стенки сарая, под влажной мешковиной, — мятая канистра. Соня и Саньчик нагнули ее над котелком, и забулькала вода. Оказалось, что холодная. Потом они умело загрузили печурку щепками и стеблями сухого бурьяна. Бумсель с интересом следил за этими делами. Саньчик достал из-под кирпича зажигалку, чиркнул. Огонь загудел сразу. Соня поставила котелок на жестянную конфорку.

«Натуральное хозяйство», — подумал я и спросил:

— А дома-то разве нельзя воду вскипятить? Наверно, быстрее получилось бы...

— Что ты, — насупленно отозвалась Соня. — Бабка увидит по счетчику, что плитку включали, раскричится...

— А газа нет?

— Какой здесь газ... — по-взрослому вздохнула Соня. И вдруг глянула как-то скомканно: — Клим... — (Они уже знали, как меня зовут.)

— Что?

— Клим, а можно, мы не только для Бумселя... А еще и для себя сварим?

Господи, какой же я болван! Почему не понял сразу, что они голодные не меньше, чем пес!

— Варите, конечно! А я... тоже с вами перекушу, ладно?

Мне подумалось, что если будем обедать вместе, они станут меньше стесняться. Много-то есть я не стану, так, для вида...

— Да! — обрадовался Саньчик. — У нас как раз три ложки!

Вода закипела быстро. Мы раздавили все четыре брикета и высыпали вермишель в брызгущий опасными каплями котелок. Прикрыли его миской. Я по часам мобильника посмотрел, когда пройдут три минуты (а Бумсель вставал на задние лапы и пританцовывал). Ну, вот и все...

Мисок было три. Соня сказала, что она и Саньчик будут есть из одной.

— Вот из этой, которая побольше...

Я ухватил котелок в лопуховые (большие уже) листья, разлил варево по облупленным мискам. Конечно, брызнул на колено и взвыл. Бумсель тоже подывал — от нетерпения.

— А тебе пока нельзя, — сказала ему Соня и объяснила мне: — Собакам вредно есть такое горячее, надо немного остудить.

Саньчик вытащил из-за канистры алюминиевый тазик, налил в него воду, поставил в нее миску Бумселя. Я предложил:

— Подождем пять минут, все вместе. Чтобы ему не было обидно. — И опять глянул на часы мобильника.

— Ага! А я хлеба принесу! — И Саньчик ускакал в дом.

Я сел в лопухи, прислонился к стенке сарая, вытянул ноги. Пахло прошлогодними листьями кленов, мо-

лодой травой и «вермишелью быстрого реагирования». Бумсель смотрел обиженно: «Почему не кормите?»

— Иди сюда, — позвал я. Он тут же подошел. Я ухватил песика под мышки, положил животом к себе на колени. Бумсель притих, только хвост его быстро вращался. Я взял его за уши:

— Хорошая собака...

Ну, мог ли я подумать еще полчаса назад, что вот так бесстрашно и с удовольствием буду ласкать незнакомого пса?

У Бумселя часто стучало сердечко.

Прибежал Саньчик — с горбушкой каравая и старым номером «Тюменских ведомостей». Соня расстелила газету на ящике:

— Вот. Теперь как в столовой...

— Дай нож, — сказал Саньчик.

Соня из кармашка на платьице вынула складной ножик размером с мизинец. Со шнурком на колечке. Саньчик начал кромсать им горбушку. Ножик годился для заточки карандашей, но никак не для резки кара-ваев. И все же Саньчик ухитрился разделить горбушку на три порции.

— Теперь давай... — Соня протянула к Саньчику ладонь.

— Ну чего... — бормотнул он.

— Давай, давай.

— Я в свой карман положу...

— Вот! — Соня показала ему аккуратную дулю. — Забыл, как договаривались?

Саньчик сжал губы и отдал ножик.

— Чего ты с ним так строго? — спросил я Соню.

— А потому что... он знает, почему. Из-за такого ножичка он до сих пор на учете в милиции.

Я присвистнул. И не поверил.

— Нет, правда, — насупленно сказала Соня. — Мы в прошлом году жили в Медведково у тети Анюты, это мамина сестра. Там ребята одну девочку не любили, потому что она заикалась и ни с кем не играла. Как увидят на улице, давай за ней гоняться: «Галка-заикалка, не язык, а палка!..» И в тот раз тоже. Заметили и погнались... А Санечка наш, он же всегда за всех лезет заступаться. Она упала, а он встал перед мальчишками, кулаками замахал: «Не трогайте!». А в кулаке ножик...

— Только не этот, а другой. Но похожий... — хмуро уточнил Саньчик. — Я даже и забыл, что он в руке.

— Ну да, — кивнула Соня. — Он тогда что-то из коры вырезал, так и побежал...

— Паровозик я вырезал, чего еще...

— Да!.. А тут участковый Сарайцев... Взрослые не умеют разбираться толком. Получилось, что Саньчик во всем виноват, затеял драку с ножом... Его учительница до сих пор каждую четверть на него характеристики в детскую комнату пишет: все еще он бандит или исправился?..

«Сколько же на свете идиотов», — подумал я (не первый раз в жизни). А Соня скучноватым голосом продолжала рассказ:

— Ну вот, мы и договорились, чтобы никогда никого ножика у него не было, а то вдруг опять что-нибудь... А если надо заниматься вырезанием, он берет у меня... Я же всегда сразу даю, верно, Саньчик?

Он кивнул, но лицо у него было какое-то... ну, будто замороженное. И я вдруг подумал, что он может заплакать. Чтобы не заплакал, я быстро спросил:

— А что ты вырезаешь?

— Чаще всего паровозики, — быстро ответила за Саньчика Соня. — Они у него так замечательно получаются... Сань, покажи...

Тот кивнул и полез в сарайчик. А когда вернулся, лицо было уже «размороженным», глаза блестели. На ладони Саньчик держал паровозик старинного вида, вырезанный из коричневой коры. Длиной со спичку... Такой удивительный! С крохотными колесиками и шатунами, с круглой, опоясанной обручами топкой, с будкой, на которой заметны были окошечки и дверцы. И длинная труба торчала над топкой...

— Вот это да... — выдохнул я.

Саньчик вскинул коричневые глаза. Сказал шепотом:

— Хочешь, возьми себе...

— Да, — кивнул я сразу. Не из вежливости, а потому, что правда хотел. Даже затеплел весь. Поставлю паровозик на ту же полку, где «Катти Сарк». Похоже, что они из одной эпохи... Но тут же я спохватился:

— А тебе не жалко?

Соня засмеялась:

— Да у него этих паровозов целое депо...

Саньчик застеснялся, отошел и сунул палец в миску Бумселя.

— Уже нормально... Бумсель, иди.

Тот слетел у меня с колен, как от пинка (но ухитрился при этом лизнуть мне локоть). И зачавкал, захрюкал, вращая мохнатой кочерыжкой хвоста.

Мы придвинулись к накрытому газетой ящику и взялись за ложки...

Бумсель управился первым. Вылизал миску, гоняя ее носом по траве, и глянул вопросительно. Я уделил ему немного от своей порции (и без того самой маленькой).

— Не балуй его, — сказала Соня. — Он может есть сколько угодно.

— Это на первый раз, в честь знакомства, — объяснил я.

Да, обед получился не очень-то обильный, но все же глаза у ребят повеселели. Саньчик даже погладил себя по животу, как сытый купец в караван-сарае.

Я еще поразглядывал паровозик и осторожно опустил в левый карман рубашки. А из правого опять достал мобильник.

— Валерия!.. А мама где? У соседей? Ладно, передай, что я перекусил с друзьями, пусть не волнуется... Какое тебе дело, с какими! Познакомился с людьми твоего возраста, только не с вредными, как ты, а с хорошими... Жалуйся на здоровье. — И объяснил Соне и Саньчику: — Это сестрица. Особа с характером...

— А мы тоже с характером, — сказала Соня. — Бабка то и дело говорит: «Что за упрямые характеры!» И учительница Саньчика: «Мишаткин, с твоим упрямым характером ты опять влипнешь в историю...» А он и не упрямый вовсе, только чуть-чуть...

— Мишаткин — это фамилия?

— Да, моя и Саньчика...

Мне тут же пришло в голову:

— Тогда вас можно звать одним именем: Вермишаткины. Или Вермишата. За фамилию и за любовь к вермишeli...

— Ой, правда! — возликовала Соня. — Саньчик, хорошо, да?

Саньчик тут же кивнул, но рассеянно. Он смотрел на меня напряженно — будто с просьбой, которую опасался высказать. Быстро глянул на сестренку. И наконец выговорил:

— Клим, а ты можешь еще?..

— Что?

— Ну... еще одно доброе дело...

— Не очень трудное... совсем не трудное... — добавила Соня.

— Ну, если совсем не... Ладно, говорите скорее.

— Дай нам на минутку свой телефон, — тихо попросил Саньчик.

— Да, только на минутку, — подтвердила Соня. — Мы позвоним маме и папе. — Просто узнаем, как они там. А то давно уж...

— Да пожалуйста!.. Набрать вам номер или вы сами?

— Сами! — обрадовался Саньчик. — Может, мы и не дозвонимся, но вдруг повезет...

Он умело понажимал кнопки, с полминуты сидел, замерев, с телефоном у щеки. Эльфовые уши торчали остро и напряженно. Потом Саньчик мигнул, заулыбался.

— Папа! Это я, Саня! И Соня рядом!.. Ничего не случилось, просто долго не знаем про вас... Потому что мобильник разрядился и в нем деньги закончились, а бабка... баба Лена то есть ни копейки не дает... Хорошо, заплати! А батарейку мы сами зарядим!.. А мама где? На вахте? Ты ей привет... Ага, пока... А то мы с чужого телефона... Ну, один знакомый мальчик дал!.. Ага, передам!

Саньчик выключил мобильник и протянул мне. Улыбался:

— Папа сказал: передай мальчику спасибо... Он, когда уезжал, оставил нам свой старый сотовый, но в нем деньги кончились. Теперь он перечислит...

— Хорошо... А то давайте, я положу полсотни на ваш счет. На разговор или на два хватит...

— Не надо, папа перечислит, — поспешила сказать Соня.

— Он всегда делает, что обещает, — объяснил Саньчик. — Просто они с мамой не знали...

— А тогда номер ваш продиктуйте. Я запишу. На всякий случай... Помните номер?

— Конечно! — подскочил Саньчик. И четко сказал мне цифру за цифрой. Я ввел их в мобильник. Объяснил: — Может, еще пригодимся друг другу... Вермишата.

Соня серьезно кивнула. А Саньчик... он опустил глаза, пошевелил пальцами в босоножке и вдруг спросил:

— Клим, а ты скаут, да?

— Че-во-о?

Он смущился:

— Ну... К нам в класс зимой какой-то дядька приходил, в рубашке со шнурками и погонами, с нашивками всякими. Рассказывал про скаутов. Говорил, что, когда подрастем, сможем записаться к ним, если хотим делать добрые дела... А ты вот тоже... вон сколько всего доброго...

— Чего доброго? — мне тошно стало от неловкости. — Вермишель, что ли? Вот подвиг...

— Нет, вообще... — тихо сказала Соня.

— И форма у тебя похожая на ту, на дядькину, — заметил Саньчик.

— Никакой я не скаут! А форма от лагеря осталась, от прошлогоднего. Ее нам на память отдали, потому что лагерь закрывался навсегда. Из-за кризиса...

Саньчик смущенно почесал острое ухо. Соня же (видимо, чтобы разогнать неловкость) спросила:

— А как назывался ваш лагерь?

ГРАВИТАЦИЯ

Лагерь назывался «Андромеда». Говорили, что среди начальства когда-то был любитель фантастики, вот и предложил название в честь книжки Ефремова «Туманность Андромеды». А с начальством не спорят...

Напросился я в лагерь не для радости, а наоборот. Назло себе. Дело в том, что прошлой весной и летом стали гладить меня опасения. Насчет моей личности...

Всякие страхи бывали у меня и раньше. То казалось, что у меня неизлечимая болезнь проказа (подоз-

рительные пятнышки на теле); то возникала боязнь, что отец вдруг снова «слиняет» к какой-нибудь чужой женщине (хотя не было никаких признаков); то свербило голову, что я, наверно, не родной сын у мамы и папы (ну, ведь не похож на родителей!). Позже я узнал, что такие страхи называются «подростковые фобии» и что бывают они у многих. Но тогда-то еще не знал и маялся всерьез! А фобия, загнавшая меня в лагерь, была насчет того, что я неприспособленное к жизни существо. Живу, «как растение мимоза в ботаническом саду» (вычитал в старой книжке Михалкова такие стихи).

В самом деле! Я же был «мамы-папино» дитя. Даже в детский сад ходил всего полгода, так уж получилось. Мама несколько лет занималась своей корректорской работой дома — и заодно моим воспитанием.

Я дожил до одиннадцати лет и не ведал никаких несчастий. Родительского развода почти не помнил, а других драм в жизни не случалось. Самые большие трудности — это когда не ладится с математикой или когда вредничает Валерия. Всякие ангины и гриппы не в счет. От них только польза. Слегка пострадаешь, зато недели две можно не ходить в школу...

В школе все было нормально. Ни с кем крепко не дружил, но и не ссорился, хотя бывает, что к таким, у кого «мозги вместо бицепсов», прискребаются. Ко мне никто не приставал. Наверно, потому, что еще в первом классе я однажды заставил себя сцепить зубы и начал отмахиваться от обидчиков изо всех отчаянных сил. («Вы только подумайте, ребенок из интеллигентной семьи, а повел себя, как взбесившийся гладиатор!» Никто не мог понять, что «ребенка» довели...)

В общем, в классе дела шли нормально. Однако незнакомых пацанов, у которых заметна была всякая там крутизна, я старался обходить сторонкой. И на улицах, и в школьном дворе. Такая моя боязнь посторонним

не бросалась в глаза, но сам-то я о ней знал. И вообще много чего знал про себя. Понимал, что никакой закалки внутри у меня нет. Потому что опасностей и суровых приключений в жизни не испытывал, они были только в книжках, в телевизоре и на дисках DVD (не считать же нападение собак, после которого заикался полгода!).

А что же дальше-то будет?

Как стану жить, если попаду в армию? Или в спецучилище, где готовят разведчиков для параллельных пространств? Я был уверен, что такие училища (возможно, секретные) скоро появятся. На фиг я там нужен, мамин хлюпик!.. Да и в любом взрослом деле...

Короче говоря, в начале июня я стал зудеть, что хочу в летний лагерь. Мол, надо же привыкать к самостоятельности. А то ничего не видел, кроме семейных туристических поездок! Папа сказал, что это «речь не мальчика, но мужа». И в профсоюзе работников радио и ТВ раздобыл для меня путевку. Правда, только на третью смену. Два месяца я старательно помогал родителям обустраивать новое жилье, а в конце июля отправился в «Андромеду». С довольным выражением на лице и с обмиранием внутри.

Я был уверен, что придется там несладко. Слышал не раз, какие шуточки устраивает «лагерная братва» с теми, в ком учуяет мягкотелость характера. Это тебе не привычный пятый «Б», все придется начинать сначала!

Но оказалось, что никакой «братвы» нет. Гвалтливая малышня, девчонки, у которых на уме наряды да косметика; мальчишки, у которых мысли о футболе, о купанье (чтобы подольше) и о вылазках в сады соседних дачников. Ну и большие парни и девицы — для них главная радость на вечерних дискотеках (какие там забавы, известно каждому). В общем, обычные ребята. Никто не приставал. И чего я вбивал себе в голову всякие страхи?

Я боялся еще, что стану скучать по дому и даже хлюпать носом в подушку по ночам (было однажды такое, когда после истории с собаками на несколько дней попал в детский стационар). Но и этого не случилось. Мобильник-то под рукой! Соскучился — набрал номер и... «Мама, это я! Как вы там? А «мы тут» в порядке. Загораем, гоняем мячики и питаемся четыре раза в сутки. Живот стал, как у Тараса Бульбы! — (Это было полное вранье, но надо же утешить родителей!) — А еще спортом занимаюсь, фехтованием!.. Да ничего я себе не выткну, это безопасно!»

На самом деле таких занятий в «Андромеде» не было. Просто я узнал, что Стасик Барченко (курчавый, задумчивый и смирный) в городе ходит в фехтовальную секцию. Я попросил его показать «ну, хоть пару приемчиков, чтобы знать, как это делается». Стасик был покладистый человек. Мы на берегу озера выбрали несколько прутьев орешника, нашли консервные крышки для щитков, смастерили «рапиры». Стасик научил меня, как вставать в боевую позицию, отдавать салют, делать выпады. Показал четыре основные защиты: четвертую, шестую, вторую, третью...

Занимались мы целую неделю, и Стасик говорил, что получается у меня неплохо. Победить его я, конечно, не мог, но иногда все же ухитрялся нанести укол. А один раз я Стасика удивил!

Когда старательно тренируешься, появляется такая автоматика в движениях. Рука уже сама знает, как брать защиту, как делать обманный перевод, как отвечать... Но случилось, что однажды я не стал делать *ничего*, а просто замер с опущенным оружием. Рука Стасика дернулась влево, ожидая выпада с той стороны, а я вскинул конец прута и уколол противника прямо в грудь. И даже виноватым себя почувствовал: как я легко обманул его. Стасик растерялся, округлил рот.

— Ну, ловко ты как... Хотя наш тренер сказал бы, что это некорректный прием.

— Разве незаконный?

— Нет, законный, конечно, только... ну, я сам не знаю. Конечно, судьи этот укол признали бы, но могли поморщиться...

— Почему?

— Понимаешь, такой прием хорош для настоящего боя, на войне, но не для спорта...

Я не хотел войны и дурашливо сказал, что больше не буду. Мы посмеялись. И все было хорошо, но через два дня за Стасиком приехал отец и увез его в Египет, в туристическую поездку. Я не успел даже взять у Стасика адрес...

Все сразу поскучнело. Хотя в общем-то было терпимо. А здешние вечера мне нравились по-настоящему. Ребята, которые не хотели дергаться на дискотеке под всякое рок-завыванье, уходили на берег и разжигали костер. Небольшой такой, уютный. Тихо качались черные сосны, звезды между ними плавали туда-сюда. К ним улетали искры. Кто-нибудь из вожатых брал гитару, и мы начинали вспоминать песни. Всякие.

Чаще всех пел с нами вожатый Боря Высоцкий. Сами понимаете, с такой фамилией нельзя не быть певцом! Боря настраивал гитару и начинал. А остальные подхватывали. Не очень дружно, может быть, но от души. Почему-то особенно все любили старую песню «Гренада». И я любил. Только не все в ней было понятно. Как это «отряд не заметил потери бойца»? Что за отряд такой? Хотя... Стасик вот уехал, а всем — до лампочки, тоже не заметили. «А может, мальчика и не было?» Ведь и сам я тоже денек погрустил, а дальше все пошло, как прежде. Да и грустил я даже не о Стасике Барченко, а о том, что больше не могу учиться фехтованию...

А вообще-то легкая такая, но постоянная грусть витала над «Андромедой». Потому что маленький лагерь, который существовал еще с советских времен, теперь доживал последние дни. Он стал «нерентабельный». Ну и что же, что хороший? Прибыли-то не дает, а нынче кризис, каждый рубль на счету!.. В лагерной библиотеке мы увязывали в пачки старые книги и относили в деревенскую школу — в подарок (а куда их еще девать?). Раздавали местным ребятам списанные шахматы и волейбольные мячи. «Андромедовскую» форму нам разрешили забрать с собой, на память. И галстуки. Галстуки эти были похожи на скаутские, только их расцветка ничего не означала. Так, для красоты. Просто треугольные косынки, сшитые из самых разных кусков материи. Мы в первый день их расхватали наугад — кто какой успел. Мне достался черно-синий, и я был доволен. А то у некоторых оказались яркие, как девчоночки платочки, некоторые даже в горошек...

Незаметно подобралась последняя неделя лагерной жизни, готовили уже прощальный концерт и костер. И вот в эти дни я познакомился с девочкой Риной.

То есть что значит познакомился! Вообще-то мы знали друг друга с первого дня. В одном отряде были! Но совершенно отдельно. Ничего нас друг в дружке не интересовало. Она с девчонками занималась в кружке оригами (это всякие фигурки из бумаги), а я — или с мальчишками в лесу и на озере, или в кустах с книжкой. Папа дал мне с собой свой наладошник, в котором были заряжены все повести Стругацких, Астрид Линдгрен и «Тайны гравитации» профессора Иванова...

Была Рина скуластая, с жиidenькими белобрысыми волосами и в круглых очках. И такая же тощая, как я (но это ведь еще не причина для взаимной симпатии). Почему у нее такое имя, она разъяснила на «сборе знакомств». Спокойно так разъяснила, не обращая внимания

ния на хихиканье. Сказала, что живет недалеко отсюда, в поселке Колёса (все, конечно — «ха-ха-ха, где такой?»). Потом сообщила, что Риной родители назвали ее в честь артистки Рины Зеленой.

— Ну, той, которая играла черепаху Тортилу в «Приключениях Буратино». Родители друг друга знали еще с детского сада, и это кино у них было любимое...

Кое-кто опять взялся острить, но эти хиханьки-хаханьки от Рининого спокойствия отскакивали, как бумажные шарики от закрытой двери. Пытались приkleить ей прозвище Тортила, потом сокращенно — Тора, но это не получилось. Рина Ромашкина осталась Риной Ромашкиной — тихой такой и невозмутимой. На мальчишек, по-моему, даже не смотрела. Зато к ней постоянно клеилась малышня.

Дней за пять до отъезда я болтался по лагерю, не зная, куда себя девать. Все уже наскучило. И погода была какая-то блеклая... И вдруг я услышал тонкое, недружное, но азартное такое пение:

Тренируйся, бабка, тренируйся, Любка,
Тренируйся, ты моя сизая голубка!..

Это была очень старая песня скалолазов, которой нас научил Боря Высоцкий. Мы часто голосили ее у костра. Но здесь-то — ни костра, ни Бори!

Я прорался через живую изгородь из желтой акации. За ней располагалась восьмиугольная песочница. На песке и на загородке устроились несколько малышей-семилеток с какими-то бумажками в пальцах и на коленях. Дергали локтями, рыхлили голыми пятками песок. Посреди этой компании сидела Рина, пыталась утихомирить гвалтливый народ. И утихомирила.

— Постойте! Вы не с того начинаете! Надо по порядку! Что было с самого начала?

— Посадил дед репку! — сунулся вперед стриженый мальчионка (сам круглый, как репка).

— Правильно, Игорек! Давай...

Она взяла у Игорька вырезанную из картона желтую репку с зелеными листьями. Наполовину воткнула ее в песок.

— Вот... А у кого дедка?

Похожая на ящерку девочка сунула Рине в ладонь бумажную фигурку. Так свернутую из листа, что сразу видно — дедка. Бородка клинышком. Я думал, Рина приладит дедку к картонному овощу, но та поставила его на песок в сторонке. Затем подняла над головой у дедки прямую ладошку. Все почему-то притихли. Рина шевельнула пальцами, и... Я заморгал. Дедка шевельнулся и пошел к репке. Сам! На бумажных ножках с нарисованными лапоточками.

— Ура... — выдохнул круглый Игорек.

— Ну-ка... — сказала Рина. И вся компания обрадованно заголосила:

Дедка, ты за репку
Ухватися крепко!
Тянешь-потянешь —
Вытянется репка!

И крохотный дедка прижал к репке бумажные рукавицы.

Рина опять направила на него ладошку — с полу-метровой высоты. Дедка шевельнулся, откинулся назад, шевельнулась и репка. Но, конечно, осталась в песке. Рина проблеяла старческим голоском:

Нету силы, детки,
Не видать мне репки.
Позовите бабку —
Руки ее цепки...

И грянул писклявый хор:

Приходи к нам, бабка, приходи к нам, Любка!
Приходи к нам, ты моя сизая голубка...

Бабка оказалась у девочки в красно-белом, как мухомор, сарафанчике. И повторилось то же, что и с дедкой. Бабка подковыляла, ухватилась за дедку. Подергали вдвоем.

Не хватает силы, милый мой дедочек,
Не хватает силы, сизый голубочек... —

жалобно пропела Рина.

Малыши того и ждали. Завопили:

Тренируйся, бабка, тренируйся, Любка!
Тренируйся, ты моя сизая голубка!

Бабка застонала:

Где ж тренироваться, милый мой дедочек?
Где ж тренироваться, сизый голубочек?

Хор с готовностью разъяснил:

В «Андромеде», бабка, в «Андромеде», Любка!
В «Андромеде», ты моя сизая голубка!

Бабка послушно отскочила от деда с репкой, стала «тренироваться». Приседала, разводила крохотные ручки. Она была сложена из белого листа, как письмо-треугольник, а ручки и ножки ей, видимо, приклеили. Рина водила над бабкой ладонью, шевелила пальцами.

Я забыл, что надо маскироваться. Стоял по грудь в ветках акации с засохшими стручками. Рот у меня, ви-

димо, был, как большущая буква «О». Рина вдруг оглянулась.

- Чего ты там прячешься? Иди ближе.
- Я... н-не прячусь. П-просто удивился...
- Садись с ребятами. Будет удобнее удивляться...

Я послушался. Осторожно сел на корточки за спинами ребятишек. На меня еле взглянули. А бабка снова уцепилась за дедку. Тренировка ей, конечно, не помогла, пришлось звать внучку. Внучка оказалась в мини-юбочке из фольги, с ножками из бумажных трубочек. Но модная внешность ей не помогла. Позвали Жучку, обросшую бумажными клочками. Потом кошку с растрепанным хвостом.

Поднатужься, киска, поднатужься, кошка!
Будет тебе, Мурка, со сметаной плошка!

Кошка, несмотря на обещание, не очень тужилась (только дергала хвостом). Понимала, что без мышки не обойтись. Мышка оказалась бумажным кулечком с хвостом-ниткой. Она-то, как и полагалось по сюжету, завершила дело.

Вся компания устроила вокруг упавшей набок репки хоровод. Рина помахивала над бумажными куколками ладонями, а веселый народ самозабвенно голосил:

Друг за дружку взялись,
Ухватились крепко!
На компот к обеду
Пригодится репка!

— Всё, — сказала Рина. — Забирайте дедок-бабок, и репку не забудьте, как в прошлый раз...

— Рина, а давай еще в «Колобка»... — пискнул кто-то.

Рина взглянула на часики:

— Не успеем, сейчас обед.

И правда, забренчал в отдалении сигнальный колокол.

— Продолжим после тихого часа, — пообещала Рина.

Малыши ее слушались. Сразу поднялись, пошли от песочницы, помахав Рине зажатыми в пальцах бумажными игрушками (а на меня не взглянули).

Мы остались вдвоем.

— Как это у тебя получается? — выговорил я, даже не стараясь прятать изумление.

— Что?

— Ну, такое... — Я поводил руками над песком. — У тебя это... паранормальные способности, да?

Кажется, она чуть смутилась. Колупнула песок сандалеткой.

— Какие там способности... Слегка чувствую силу притяжения, вот и все. Это многие умеют, некоторые даже стулья двигать могут... У нас в Колёсах есть мальчишка, он к себе чугунные утюги примагничивает... А я только бумажки умею шевелить...

— Т-ты... хорошо шевелишь, — сказал я. И вдруг почуял, что в этих словах какая-то излишняя многозначительность. И добавил торопливо: — А у меня книжка есть про гравитацию. Профессора Иванова.

Она не удивилась, кивнула:

— Я такую читала. Но там все какое-то очень уж упрощенное... У меня есть другая, профессора Мичио Накамуры, японца. Там не только про гравитацию, а вообще про всякие энергии. И про параллельные миры...

— Здорово, — пробормотал я, потому что не знал, что еще сказать.

Рина глянула через круглые стекла:

— А хочешь, покажу?

— Конечно, хочу! — Я вскочил.

Мы не торопились, потому что столовая работала в две смены: сперва кормили младших, а потом уже нас. Мы пошли к девчоночьей даче, я постеснялся заходить, и Рина вынесла книгу на крыльцо. Синюю, со всякими спиралями на глянцевой обложке. Не очень толстую.

Я подержал, полистал:

— А можно почитать? Пока мы в лагере?

— Читай на здоровье...

Я читал все оставшиеся дни. Многое было непонятно (неужели Рина понимала в с ё?), однако книжка затягивала. Будто гуляешь по запутанному лесу и жутковато в нем, а уходить не хочется... С Риной мы почти не встречались, только раза два немного поговорили о том, что в природе гравитации еще многое неясно... И наконец я встретил ее, чтобы вернуть книгу.

— Всю прочитал?

— Да ты что! Меньше половины...

— Тогда возьми с собой, — сказала Рина. — А мне оставь свой сотовый номер. Наши Колёса-то недалеко от города, я приеду как-нибудь, позвоню, и ты отдашь...

— Спасибо!

Она не позвонила ни разу. А ее номера у меня и не было, не догадался спросить.

Мало того! Мне все говорили, что даже и не существует такого поселка — Колёса!

— Чего ты выдумываешь? Посмотри в расписании автобусов и поездов — нет такого...

И в разных справочных службах мне говорили, что нет.

— Наверно, ты, дружище, перепутал название, — сказал папа.

Как я мог перепутать!

А может быть... В самом деле?

«А была ли девочка?»

Но ведь книжка-то — вот она! Я ее прочитал до конца и понимал сейчас больше, чем раньше, а звонка все не было.

И я тревожился теперь не столько о том, что «зажал» чужую книгу, сколько просто о Рине. Вернее, не тревожился, а хотел встретиться... Но постепенно думал о ней все реже. Навалились школьные дела. А еще я попытался найти Стасика Барченко, сунулся в юношескую секцию фехтовальщиков, но там сообщили, что Станислав Барченко уехал из города совсем. Кажется, в Петрозаводск...

Я спросил, можно ли мне сюда записаться. Дядька в тугом белом жилете поводил по мне глазами и уклончиво сказал, что будет можно после зимних каникул. Если окажутся свободные места и появится тренер для новичков.

После каникул я в секцию не пошел, как-то остыл к этому делу. А книгу о параллельных мирах время от времени перечитывал (не подряд, а разные места на выбор). И думал иногда: «А может, она все-таки позвонит?.. А может, я и правда перепутал название?»

Вот такие дела вспомнились мне, когда Вермишата спросили о форме. И стало чуть грустно. Я встряхнулся и сказал, что пора домой.

— А вам я еще позвоню. Договорились?

— Ага! — вместе обрадовались они. И пошли меня провожать.

Соня вдруг осторожно спросила:

— Клим... А ты не мог бы взять Бумселя себе? У нас ему не будет житья. Бабка все время выгнать грозит.

Саньчик добавил:

— Когда тепло, он может жить на дворе. А зимой — куда его? Он же не северная собака...

Ничего себе подарочек!

Бумсель, конечно, славный пес, поиграть с таким, подурачиться — это приятно. Однако взваливать на себя обузу... Пришлось бы гулять с ним каждый день, кормить, возиться... Не так уж сильно я изменил свое отношение к собакам, чтобы заводить четвероногого друга на всю жизнь. Да и мама с папой что скажут...

— Понимаете... — начал я. — Мы скоро всей семьей уедем в отпуск, на машине. Надолго, наверно...

Конечно, у них сделались расстроенные лица. Я решил хоть немного смягчить свой отказ:

— Знаете что? Я поспрашиваю... У знакомых... Может быть, кому-то нужен такой пес...

Соня кивнула:

— Да. Ты поспрашивай...

А я почему-то подумал о Чибисе. Вдруг он поможет? Хотя бы советом...

Вторая часть

«АРЦЕУЛОВЪ»

«ЧТО ТЫ ЗДЕСЬ ИЩЕШЬ?»

Где живет Чибис, я знал только приблизительно. И его телефонного номера у меня не было. Я решил, что про «бумсельную проблему» расскажу ему в понедельник. Оно и к лучшему! Если разыскивать сейчас, нарочно, он, чего доброго, решит, что я набиваюсь ему в друзья или слишком интересуюсь его рогаткой...

Так я размышлял часа два — пока помогал маме пылесосить полы, а папе расставлять на стеллажах (десятый уже раз) его книги и журнальные подшивки. И все это время точило меня беспокойство: «А если вредная бабка Вермишат уже сегодня начнет прогонять Бумселя?» Но это беспокойство было снаружи. А под ним пряталось желание снова увидеть Чибиса. Зачем? А кто его знает! Будто могло случиться что-то неожиданное...

Я стал смотреть в телефонной памяти: какие номера ребят из нашего класса у меня есть? Оказалось, что лишь двоих — Бабаклары и Лельки Ермаковой.

Бабаклара не отозвался. Лелька не удивилась звонку:

— А, Клим! Наверно, опять задание не записал в дневник?

— Все я записал... Слушай, у тебя нет телефона Чибиса?

Она опять не удивилась:

— У меня нет. А ты позвони Белкиной. У нее все телефоны и адреса имеются, она такая...

— Как ей звонить-то? У тебя есть номер?

— Есть, я даже наизусть помню...

Она продиктовала, я записал цифры на ладони, потом загнал их в мобильник. Облизывая ладонь, позвонил опять:

— Белкина, привет! Это Ермилкин...

— На-адо же! Не верю своему счастью!

— Дай мне телефон Чибиса... пожалуйста...

— С чего ты взял, что я его знаю?

— Натка, ну не будь занудой больше, чем ты есть!

Дай...

— Если я зануда, звони своей Ермаковой!

— У нее нет... Ну, дай! Ты же не такая вредная, как притворяешься!

— С чего ты взял? — слегка растаяла она.

— Ну... вон какое яблоко вчера ему подарила!

— Да... Потому что он не такой противный, как некоторые...

— Вот и дай его номер. А я скажу ему, какая ты добрая...

— Больно надо... А зачем тебе его номер? Какие-то общие интересы завелись?

— Да тебе-то что!

— Я же любопытная... — хихикнула она. — И говори правду. Я сразу почую, если вранье...

— Хорошо. Говорю правду. Ты читала трагедию «Фауст» немецкого писателя Гёте?

— Чего-о?..

— Эх ты! — укорил я Белкину (хотя сам «Фауста» читал в отрывках и случайно — в «Хрестоматии по западной литературе», эта книжица сохранилась у мамы с институтских времен). — Ладно, слушай. Там говорится, как однажды к доктору Фаусту на улице привязался черный пудель. Потом оказалось, что это нечистая сила...

— К тебе, что ли, тоже привязался?
— Представь себе!
— Рыбак рыбака...
— Но он-то наоборот... «чистая сила». И надо его куда-то пристроить... Слушай, а может, *тебе* нужен песик?

— Еще чего! У нас дома черепаха и два попугая!
«Понятно, почему ты такая болтливая...»
— Ладно. Дай тогда Чибиса. Посоветуюсь с ним.
— Так и быть. Ради черного пуделя...
Чибис тут же догадался, кто звонит:
— Клим! Что-то случилось?

— Ну, ничего такого... но все же... Можно сейчас встретиться?

— Да! Приходи ко мне!
Но я помнил про тетушку.
— Лучше иди в сквер на Тургеневской. Туда, где лавочки...

Я стянул с шеи свой галстук-платок, свернул его жгутом, по-пиратски повязал вокруг головы. И намылился к двери.

— Куда?! — возмутилась мама. — Ты сегодня еще не ел по-человечески!

— Я на полчасика!..

Чибис и я появились у лавочек одновременно. Он был со свежим бинтом на ноге и не в прежней рубашке с галстуком, а в красно-желтой футболке навыпуск. Наверно, по причине выходных Агнесса Константиновна сделала Чибису послабление.

— Привет... — он смотрел с ожиданием.

— Привет. Сядем давай...

Мы сели под сиренью с набухающими гроздьями. Я рассказал про ребятишек из лога и Бумселя. Чибис дернулся за хохол на затылке, лизнул нижнюю губу и встал:

— Идем...

— Куда? К ним?

— К ним-то сейчас зачем? Сначала нужно решить, куда девать собаку... Я ничего не обещаю, но... В общем, надо посоветоваться с одним человеком.

— Что за человек?

— Он... это в кафе «Арцеуловъ». Увидишь...

— А где такое кафе?

Чибис удивился, заморгал даже:

— Это у вас во дворе! Разве ты не знаешь? Там старый дом...

Я вспомнил, что в нашем большущем дворе и правда есть деревянный двухэтажный дом. Но видел его я редко. Двор делила на две части пятиэтажная вставка — будто перекладина громадной буквы «Н». В этой «перекладине» была арка — проход на другую половину двора, но я туда почти не заглядывал. Что там делать-то — среди столпившихся автомашин и штабелей стройматериалов? На велике не покатаешься, а выход на улицу Красина был с другой стороны. А старый дом торчал как раз на той территории, за пятиэтажкой. Было понятно, что его скоро снесут. Я еще и поэтому не хотел смотреть на него — мне всегда жаль обреченные дома...

— Откуда там кафе? Там трущоба...

Чибис не спорил, просто сказал:

— Идем...

Наш семиэтажный дом (с зелеными кровлями и острыми башенками) состоял из двух корпусов — их-то и соединяла перемычка во дворе. На улице Красина между корпусами был разбит сквер с клумбами и фигурными камнями. Привычное для меня место. Но мы сюда не пошли, а выбрались к дому с тыла, в Газетный проезд. Оба корпуса смотрели сюда плоскими торцами без

окон. Между ними и располагалась та, неуютная, часть двора.

Двухэтажное строение кособокко возвышалось над машинами и штабелями ящиков. И сразу было видно: лет сто ему, не меньше.

Мне вообще-то нравятся старинные дома. Те, что с резьбой, фигурными балконами, всякими надстройками, жестяным кружевом и хитрыми крылечками. Но в этом здании не было ничего привлекательного. Ржавая крыша, квадратные окна с плоскими карнизами, щелястая обшивка из досок. Доски были когда-то покрыты серо-зеленой краской, теперь она облезла. Не дом, а большой сарай. Только одно слегка украшало его — полукруглое окно с переплетом, похожим на тележные спицы. Некоторые стекла между «спицами» были разноцветные (наверно, еще со старинных времен). А некоторых не было вовсе... Окно располагалось над крыльцом с кривым навесом и двустворчатой дверью. К двери вела среди машин и мусора мощенная кирпичом дорожка.

Мы пошли по этой дорожке.

Над навесом торчала приколоченная к столбам широкая доска. Желтая, с черными буквами:

**Кафе
«АРЦЕУЛОВЪ»**

Буквы были с завитушками, как в старинном журнале «Нива».

Я не очень удивился названию. У нас в городе хватает всяких таких вывесок. Есть пивной ресторан «Ермолаевъ», есть чайная «В гостях у Раневской», есть таверна «Господинъ Протасовъ» (был знаменитый купец когда-то). Но все же странно, что кафе открыли в этой вот развалюхе.

— Я и не знал, что здесь такое заведение. Не обращал внимания...

— Оно тут давно. Просто его мало знают...

— На улице даже вывески с указателем нет...

— Да... Но, кому надо, тот найдет... — отозвался Чибис чуть горделиво.

— Понятно. Ты вот нашел... — заметил я. И слегка забоялся: — А нас оттуда не попрут?

— Нет. Меня там знают...

Подошли к дверям. Чибис потянул витую медную ручку, правая створка отошла. По ногам дохнуло мягкой прохладой, а по лицу — запахом чего-то жареного (вкусно так). Мы спустились по нескольким ступенькам, прошагали через полутемные сени с окном пустого гардероба. Чибис раздвинул занавесь из пробковых висюлок, и... я увидел самолет.

Это первое, что я увидел. И у меня натурально отвисла челюсть.

Конечно, это была модель. Но такая громадная, что в первый миг самолет показался настоящим. Размах крыльев — метра три. И все в немказалось настоящим. Мотор с торчащими во все стороны ребристыми цилиндрами, блестящий красный пропеллер, колесики с резиновым узором на пухлых шинах, выгнутое ветровое стекло. За стеклом сумел бы, пожалуй, поместиться паненок вроде Саньчика...

Под серебристой обшивкой проступали гнутые рейки каркаса — как у старинного аэроплана. Да и весь он был старинной конструкции — как те летательные аппараты, на которых отчаянные авиаторы сто лет назад выписывали первые «бочки» и «мертвые петли»...

«Вот почему «Арцеуловъ»!» — сразу догадался я. Это была фамилия летчика, которого в давние времена знала вся Россия. Кажется, это он первым в мире выполнил смертельную фигуру «штопор»...

Чибис потянул меня за локоть:

— Клим, идем...

Ну да, ему-то все здесь было знакомо...

Мы двинулись через обширное помещение (ничего себе «кафе», целый вокзал!). Всюду стояли длинные некрашеные столы. За столами сидели широкоплечие дядьки в клетчатых рубахах или полосатых майках под распахнутыми безрукавками. Мне они все почему-то показались похожими на водителей-дальнобойщиков. Правда, водителям не положено спиртное, а на столах там и тут торчали квадратные бутыли с красной жидкостью. Явно не с томатным соком. Дядьки с бульканием наливали жидкость в объемные кружки, не спеша глотали, вытирали обшлагами губы. Между бутылями стояли блюда с чем-то мясным и ароматным. Гости, сделав глоток, ухватывали пальцами жареный кусок и неторопливо жевали, запрокинув щетинистые подбородки.

«Как в пиратской таверне...» — подумалось мне.

Посетителей было немало, но помещение казалось полупустым — такое вот просторное... Слышны были разговоры, но негромкие, как бы вполголоса. И доносились откуда-то еле слышная музыка. Похоже, что мелодия из кино «Звездные войны»...

Я шел рядом с Чибисом, глядя то вокруг, то снова на самолет. Он висел у серого бугристого потолка. Я запоздало удивился: «Почему такой высокий потолок? Снаружи-то первый этаж выглядел совсем низким... Ну да, спустились в зал по нескольким ступенькам, но ведь совсем не намного... И ширина вокруг какая...»

Мы подошли к буфетной стойке. Сооружение со стеклянным прилавком, с разноцветными бутылками на боковых этажерках, с никелированными бачками и холодильниками. Позади прилавка громоздились могу-

чие, сложенные друг на дружку бочки. На днищах чернели иностранные буквы.

За прилавком колдовал с фужерами рослый круглолицый дяденька в желтой косынке. Похожий на китайца.

— Здрасте, Липун, — почтительно сказал Чибис. (Или он сказал «Ли-Пун»? Наверно, так.) — Ян Яныч здесь?

Ли-Пун подбросил сразу три фужера, подхватил и осторожно поставил на стекло. И улыбнулся, как масляный блин. Заговорил тонко и весело:

— Здравствуй, залетный Чибис. Ян Яныч, конечно, здесь. Как он может быть не здесь, когда такой посетитель? — Обернулся к бочкам и закричал еще тоньше: — Ян, к тебе пришли!

Между бочками был узкий промежуток, из него выдвинулся к стойке человек по имени Ян.

Это был высокий и очень худой человек (наверно, я буду таким же, когда вырасту). Молодой еще. В сизой обвисшей футболке с крупной штопкой на животе. Из разношенного ворота торчала тонкая шея с кадыком. Впалые щеки были песочного цвета, глаза — с янтарным отсветом, клочастые брови — с латунным блеском. И короткая стрижка была похожа на медную щетку. А на крупном носу сидело желтое родимое пятно размером с боб.

Широкие губы Яна Яныча насмешливо разъехались:

— Какой гость! Давно не виделись. Целых два дня...

— Здрасте, Ян Яныч, — спешно сказал Чибис.

— Привет и тебе, птица Чибис. Что скажешь?

Чибис взял меня за локоть:

— Это Клим...

Ян Яныч скользнул по мне желтым взглядом:

— Привет и тебе, Клим... — Потом он опять уткнулся глазами в Чибиса: — А ты, друг мой, сегодня выглядишь непривычно...

Чибис переступил незагорелыми ногами:

— Даc лето же...

— Я не про наряд, — усмехнулся Ян Яныч. — Я просто, что нынче ты первый раз тут без сумки с добычей. Значит, по другому делу? Или просто в гости?

— По делу, — вздохнул Чибис и взял меня за локоть покрепче. — Вот, у Клима дело... И у меня... Можно посоветоваться?

— А чего ж! — сразу отозвался Ян Яныч. — Пошли...

Он выбрался из-за стойки, как-то незаметно оказался между нами, обнял нас за плечи растопыренными пальцами и повел между столами. К дальней стене, где была неширокая арка.

За аркой оказался еще один зал, поменьше. Всего четыре стола, и посетителей немного — только трое мужчин в лиловых рубашках с погончиками (непонятно, что за форма). Один из них — грузный и седоватый — оглянулся:

— Яныч, мы у тебя застрянем до ночи. Векторы не совпадают, сопровождающий вельбот обмер на втором витке, ни туда и ни сюда. Холера его знает, почему...

— Застревайте, — на ходу согласился Ян Яныч (видимо, он был хозяин кафе). Потом оглянулся: — А может, поискать для вельбота стимулятор?

— Кабы знать, какой... — сказал в стол другой дядька с погончиками. — Сейчас вот как раз терзаем извилины...

— Ладно, удачи... — Ян Яныч шагнул дальше, подталкивая нас.

Мы оказались у крайнего стола, самого маленького из всех, но все равно обширного. С досок слетела и усвистала под потолок зеленая муха.

— С-скотина, — шепнул ей вслед Ян Яныч, а мне сказал: — Не бойся, эта тварь не заразная...

Муха была противная, но слова хозяина кафе меня успокоили. Потому что в «Арцеулове» мне нравилось. Необычно все так, загадочно даже. Будто попал в приключенческую книжку. Самолет этот, странный разговор про застрявший вельбот, бочки с буквами, непонятно как разъехавшееся вширь пространство... Надо будет про все расспросить Чибиса...

Но сейчас не до расспросов. Ян Яныч усадил нас на шершавую скамью, нагнулся над столом и с ходу спросил:

— Есть хотите?

Я понял, что хочу! Дома-то не успел заправиться, весь мой обед сегодня был — порция «вермишели быстрого реагирования» (причем уменьшенная в пользу малышей и Бумселя). А здесь так чудесно пахло. Я переглотнул. Чибис, однако, пробормотал:

— Да ну... У нас денег нет... У меня, по крайней мере.

Ян Яныч выпрямился — будто сильно вырос над столом. И спросил с высоты:

— Максим Чибисов, когда тебе последний раз драли уши?

— Никогда! — возмутился Чибис. — Ни уши, ни... вообще... — И хмыкнул: — Агнесса Константиновна против физических наказаний. У нее другие изdevательские методы...

— Надо разъяснить ей, как она заблуждается... Ты что, всерьез думаешь, что мое заведение разорится, если накормлю двух отощавших отроков? И кризис пойдет на новый виток развития?

Чибис порозовел ушами и зацарапал кроссовкой под скамейкой. Ян Яныч громко сказал через плечо:

— Ли-Пун, кликни нам Шарнирчика!

Ли-Пун жалобно отозвался через арку:

— Ай, он капризничает! Спрятался за ящиками с пивом и не вылезает...

— Дай пинка!

Послышались возня и побрякивание. Через минуту перед нами появился... появилось тощее металлическое существо с меня ростом. Что-то вроде гигантского муравья в красных футбольных трусах и белом передничке. На круглой вороненой голове блестели два длинных «марсианских» глаза, а вместо рта белел маленький овальный динамик. На ступнях болтались большущие растоптанные кеды. На сгибах тоненьких рук и ног (из дюралевых трубок!) блестели шары титановых суставов.

Видимо, это и был Шарнирчик.

Из динамика вылетел вполне живой детский голос — обиженный и тонкий:

— Ну, чё надо?

— Не груби, — сказал Ян Яныч. — Все и так устали от твоих фокусов...

— А потому что... обещали послать ко второму кольцу, а заставляют вкалывать в этой обжорке...

— Еще два слова — и отправлю жить на свалку...

— Два слова, два слова, два слова! — обрадованно выдал металлический мальчишка.

— Трепло!.. Принеси две порции куриных тефтелей. И мороженое. Тоже для двоих...

— А где «пожалуйста»? — ехидно напомнил Шарнирчик.

— Пож-жалуйста... И брысь!

Шарнирчик удалился независимой походкой.

Я, конечно, то моргал, то вытаращивал глаза. А когда Шарнирчик исчез, я пробормотал:

— Он кто? Робот?

Спросил я это у Чибиса, но ответил Ян Яныч:

— Вроде того. Неликвидный образец японской фирмы «Феррум-сакура». Списали за вредный характер... Токийская конвенция теперь запрещает разбивать обратно всяких железных оболтусов, их поэтому и распродают без контрактов. Ли-Пун раздобыл этого по дешевке...

Шарнирчик появился опять. С подносом на вытянутых руках. Брякнул поднос на доски, снял с него и выставил перед нами тарелки с мясными шариками и вазочки с мороженым. Со стуком разложил пластмассовые вилки и ложки. Поставил корзинку с хлебом. Буркнул динамиком:

— Приятного аппетита... — И сообщил хозяину: — Ян, тебя Ли-Пун зовет. Какие-то типы из пожарной инспекции пришли.

— Господи, дай мне терпения... — простонал Ян Яныч. — Люди, вы пока жуйте и глотайте, я скоро...

Мы остались одни. То есть были еще мужчины за дальним столом, но они не смотрели ни в нашу сторону, ни на удивительного Шарнирчика. Видать, по-прежнему не сходились у них какие-то векторы...

«С ума сойти! Куда я попал?..» Но шарики из куриного фарша, с перышками укропа и тонкими кружочками редиски пахли так, что я решил оставить удивление на потом. Ухватил вилку.

С минуту мы чавкали и облизывали губы молча. Наконец я все-таки высказался:

— Да, не получаются из нас вегетарианцы. Вон как трескаем куриное блюдо.

Чибис проглотил очередной шарик, заел редиской и невозмутимо объяснил:

— А это не курица. Здесь вообще нет настоящего мяса.

Я чуть не уронил вилку:

— Это как? А что мы едим?

Чибис ответил со сдержанным удовольствием (и опять облизнулся):

— Соевый продукт. Из китайских полуфабрикатов. Китайцы научились делать из сои такие мясные блюда, что никто не отличит от настоящих...

— Вот это да...

— Да, — подтвердил Чибис. — Ли-Пун — посредник между «Арцеуловым» и китайскими фирмами. Он мне сам однажды сказал: «Видишь, мальчик, как хорошо — кушаешь на здоровье, и не надо резать курочек и овечек... Только не говори это нашим гостям. Они-то думают, что все настоящее...»

— Чудеса! — обрадовался я. — А пельмени можно делать из соевого мяса?

— Сколько хочешь, — самодовольно отозвался Чибис. Будто он сам был владельцем кафе.

Вернулся Ян Яныч. Малость насупленный. (Мы уже покончили с «куриными» тефтельками и долизывали мороженое.) Чибис эту насупленность не заметил. Он, слегка размякший от сытости, признался:

— Ян Яныч, я рассказал Климу, какое здесь мясо. А то он всегда страдает, когда ест натуральные пельмени и котлеты. Вы не бойтесь, он никому не выдаст этот секрет...

Хозяин «Арцеурова» поскреб на носу желтое пятно.

— Только Ли-Пун делает вид, что это — секрет. А на самом деле наша специфика известна всем, от любого бомжа до депутата гордумы. За нами шпионит столько всяких ведомств, что я уже бросил считать...

— А почему шпионят? — спросил я. Из вежливости.

— Этих «почему» тоже столько, что не сочтешь... Многие, например, мечтают наш дом срыть. Такое место для автостоянки открылось бы!.. Сейчас приходили два вертлявых субъекта, якобы пожарники. «Ваше строение попадает под разряд ветхого жилья, оно по-

жароопасно»... Если они всерьез пойдут туда, куда я их послал, путь будет как до вершины Эвереста...

Ян Яныч говорил с нами всерьез, озабоченно так. Видать, достали его всякие проблемы. Вдруг он встряхнулся:

- Еще мороженого?
- Не, я лопну! — испугался Чибис.
- И я...

Тогда Ян Яныч крикнул через плечо:

- Шарнир! Убери посуду!

Появился Шарнирчик. Поддернул трусы, составил на поднос пустые тарелки и вазочки. Пошел прочь, показывая спиной недовольство.

- Спасибо, Шарнирчик, — сказал я вслед.

Он посмотрел через плечо. Кажется, с любопытством. Отозвался скрипуче:

- Наконец-то хоть один вежливый человек...

— Спасибо, Шарнирчик! — спохватился Чибис. Но маленький робот больше не оглянулся. Ушел независимой походкой.

— Обижается, — неловко объяснил Ян Яныч. — Месяц назад услыхал беседу ребят из лаборатории «Радиус-Цэ»... ну, в общем, из одного института. Про то, что намечается запуск поисковой капсулы к кольцам Сатурна. И пристал к людям: «Возьмите меня, надоело тарелки мыть». Те, по легкомыслию своему, похихикали и обещали. А он, дурья голова, поверил. Сколько потом ни объясняли ему, что запуск-то пока виртуальный, типа «Прокол», он ни в какую слушать не хочет. «Трепачи, — говорит, — без всякой совести...»

Я какими-то инстинктами ощущал, что сильно удивляться и задавать лишние вопросы здесь не надо. Только незаметно глянул на Чибиса. Он так же незаметно пожал плечами. А Ян Яныч вдруг сел напротив нас, подпер кулаком подбородок и спросил:

— Ну а что за дело у вас... К несчастному, затюканному заботами Яну?

— Да! — наконец вспомнил я. — Это про собаку. Она беспрizорная. В общем, такая история... — И я поспешил изложить историю про Вермишат и Бумселя. — Непонятно, куда девать зверя. Вот я и спросил Чибиса: может, посоветует что-то. А он привел к вам...

Ян Яныч меланхолично кивнул (от чего подбородок съехал с кулака):

— Чибис рассудил здраво: у несчастного Яна столько проблем, что одной больше или меньше — никакой разницы...

Чибис засмущался:

— Ну, я... так, на всякий случай... Подумал, вдруг вам нужен сторожевой пес...

— Нет, он не сторожевой, — честно уточнил я. — Маленький и дурашливый. Пользы не будет никакой, одна забава...

— Забава — тоже польза, — насупленно высказался Ян Яныч, и мысль его показалась мне правильной.

— Он такой веселый... И, кажется, любит всех людей на свете...

— Редкое качество в наши дни, — прежним тоном отозвался Ян Яныч. — Ладно, поглядим...

— Ян Яныч, спасибо! — возликовал Чибис. И я возликовал, только внутри.

— Подожди со «спасибо». Ничего еще не решили, масса вопросов... Например, санитарный надзор сразу закатит истерику, когда увидит здесь собачонку. Источник заразы... Эти деятели даже к Шарнирчику пробовали придраться: у него, мол, нет справки о медосмотре...

— Но ведь живут в разных кафе животные! — вспомнил я. — Кошки, например. Я сам видел...

— Живут... — со вздохом согласился владелец «Арцеулова». — В одном кафе живет даже пятиметроваяアナconda. Хозяин треть дохода тратит на взятки всякому начальству, чтобы сохранить у себя это существо... Я столько тратить не смогу. Ради бродячего пуделя...

— А может, надзор его не заметит? — осторожно сказал Чибис.

— Ага, не заметит! — Ян Яныч почему-то возвел глаза к потолку (мы тоже). — Видите вон то зеленое насекомое? Думаете, это муха?

— А кто она? — опасливо спросил Чибис.

— Это «Микса». «Микрокамера специального анализа обстановки». Разработка всяких там спецслужб. Дорогая фиговина, однако же вот кто-то не пожалел ее для нас. И ладно, если только саннадзор...

— А кто еще? — спросил я (с холодком под рубашкой).

— Ни слова более... — Ян Яныч дурашливо поднял палец с желтым ногтем. — Впрочем, звукозапись у этих игрушек отвратительная. И это *есть хорошо*. Иначе цокотуха наслушалась бы здесь такого, что последствия... финансовый кризис по сравнению с ними показался бы детским утренником...

Понятно было, что он шутил. Но... мне казалось, что *не совсем шутил*.

— А никак нельзя ее... это... обезвредить? — спросил я. — Ну, поймать и — в банку. В непрозрачную...

— Да я бы с удовольствием просто прихлопнул эту тварь! Подошвой! Но ведь не доберешься... Я пытался даже стрелять по ней иголкой из трубки... Видели кино «Индеец в Париже»? — (Мы дружно закивали.) — Помните, там амазонский мальчишка нанизывал мух на стрелку с иглой? Вот и я... как дурень... А она летала и хихикала...

Чибис вкрадчиво спросил:

— Значит, если ее подстрелить, у вас не будет неприятностей?

— Будет незамутненная радость, — угрюмо сообщил Ян Яныч. — Но как ее...

Чибис взгромоздил пяткой на скамью левую ногу (на колене засиял блик от лампы). Бинт на щиколотке был обтянут паутинчатой медицинской сеткой. Чибис, деловито покряхтывая, выдернул из сетки резинку, положил перед собой, подумал. Решил, видимо, что мало, выдернул еще одну. Связал кончиками.

Ян Яныч и я следили молча. Я начал что-то понимать.

Чибис, изогнувшись, полез в кармашек под подолом футболки, вытащил медную рогатульку. Взял ее, как вчера — двумя пальцами за торчащие усики. Синяя рукоятка дернулась, рогатулька поднялась горизонтально.

— Ого... — Ян Яныч возвел медную бровь. — Индикатор типа «Хоббит». Да?

— Не знаю... — бормотнул Чибис. И стал умело привязывать резинку к рогатульке. Потом глянул исподлобья:

— Бумажку бы...

Я вспомнил, что у меня в нагрудном кармане — чек от вчерашних покупок. Выдернул на свет бумажную ленточку. Прошелся по ней языком. Скрутил из чека тугую трубочку толщиной в вермишелинку.

— Чибис, так?

— Ага... Только перегни.

Я согнул из трубочки скобку. Чибис ухватил ее, зарядил рогатку.

Я понимал заранее (снова — те самые «инстинкты»), что он не промажет. Он, видимо, тоже это понимал. Но все же бормотнул что-то вроде «заклинашки»:

Раз-два-три-четыре-пять,
Будем в муху попадать...

И выстрелил, почти не целясь.

Бумажная пулька отлетела от потолка непонятно куда. А муха упала прямо к нам на стол. Стукнулась тяжело, как металлическая. Ян Яныч накрыл ее ладонью. Потом выдернул из стакана бумажную салфетку, завернул подбитую «Миксус», убрал в брючный карман.

— Покажу знающим людям. Которые понимают во всяких там нанотехнологиях... Чибис, откуда у тебя это искусство Вильгельма Телля?

Тот сказал со скромным удовольствием:

- Сам не понимаю. Это первый раз...
- Покажи-ка твое оружие...

Чибис протянул ему рогатку. Она повисла в пальцах Яна Яныча на резинке. Дернулась, завертелась. Потянулась к арке, за которой был большой зал.

— П-понятно, — сказал Ян Яныч, хотя, кажется, было ему не очень понятно. — Ладно, возьми...

Чибис опять задрал футболку и спрятал рогатку в кармашек у пояса. Потом сел в прежней позе — с пяткой на скамейке. Уткнулся в колено подбородком. И замер, будто прислушался...

Мужчины за дальним столом (те, что в форменных рубашках) теперь смотрели в нашу сторону.

— Яныч, спасибо, — вдруг сказал самый старший, седоватый.

— За что, пилоты? — усмехнулся Ян Яныч.
— Векторы сошлись... Тебе спасибо и ребятам. Вовремя это они...

— Просто совпадение... — сказал Ян Яныч.
— Да здравствуют совпадения! — азартно воскликнул один из пилотов. Они зазвякали горлышком бутыли о стеклянные кружки, потекла в них пунцовая

жидкость. Пилоты вытянули руки с кружками в нашу сторону и негромко, но дружно спели:

...Если муха — муху бе-е-ей!
Взять ее на мушку!

Чокнулись, выпили и без лишних слов прошагали к выходу.

Мне показалось, что кончается какое-то непонятное, но интересное кино.

— Что это было? — шепотом спросил я Чибиса. — «Бабочка на штанге»?

— Понятия не имею, — шепнул он в ответ.

Ян Яныч выбрался из-за стола, встал над нами и начал смотреть на Чибиса с непонятным интересом. Наконец спросил:

— Скажи мне, загадочный отрок Чибис: зачем ты несколько месяцев подряд ходишь в это заведение? Что ты здесь ишьешь?

ПРО УЛЫВКИ

Чибис быстро убрал под стол ногу с бинтом и съежил плечи. Глянул снизу вверх:

— Вы же сами знаете...

— Что знаю? Про банки? Кто поверит, что ты регулярно появляешься здесь ради копеечного дохода?

— Ну... Я же иногда здесь обедаю на этот доход...

— Чибис, не плети мне из мозгов косички, — ласково сказал Ян Яныч. — Мы знаем друг друга уже достаточно долго, и пора открыть карты... Что тебя тянет сюда?

Чибис опустил голову (а хохол встал торчком). Мне показалось, что Чибис уронит слезинки. Но он опять

вытащил рогатку и положил на ладонь. Рогатка подпрыгнула и присмирела.

— Это не я... это ее тянет...

— Почему?

— Откуда же я знаю? — Чибис вскинул лицо. — Я ее однажды сделал... просто так... А она давай показывать на разные места. Тянуть меня к ним... К старым домам, к фонтану с медным журавлем... А сюда — сильнее всего. Когда проходил неподалеку, она прямо как живая... Мне стало интересно, я зашел раз, другой. А потом стал собирать банки, чтобы всегда была причина...

Он снова стал смотреть в стол и шепотом признался:

— Здесь хорошо...

— Какая-то особая аура, — дернуло мой язык. Оба посмотрели на меня, и я примолк.

Ян Яныч мизинцем потрогал рогатку на ладони Чибиса.

— В общем-то понятно. Эти штучки обычно реагируют на всякие аномалии. Особенно когда владелец такой вещи тоже... реагирует... Но знать бы, на что именно? Ведь не просто же на то, что «здесь хорошо»...

Чибис в ответ лишь пошевелил плечами. Я решил помочь ему. Глянул назад и спросил:

— Может, рогатка тянется к нему? Здесь это самая удивительная вещь... — Через арку был виден самолет, подвешенный на лесках в большом зале.

Самолет чуть покачивался.

С полминуты мы втроем смотрели на него, потом Ян Яныч пожал плечами:

— Едва ли... Это просто модель. Какая в ней аномалия?.. Хотя...

Я решил высказать догадку:

— Наверно, как раз на такой машине летал Арцеулов, да? Это ведь в его честь называется кафе?

— Ну... да... Но не совсем... — отозвался Ян Яныч. Он, кажется, раздумывал: объяснять ли что-то мальчишкам или не стоит. Потом сказал: — Знаменитый Арцеулов летал не на таком аппарате. Таких в общем-то и не было на свете. Эта модель — фантазия мастера. Так сказать, стилизация под старину. А мастера этого, то есть моделиста, звали тоже Арцеулов. Только не Константин Иванович, а Леонид Васильевич. Он тоже одно время был летчиком, только не знаменитым. Но хороши... И название здешнее — в память о нем. Он был мой друг...

Мы молчали. «Был» — этим ведь много сказано.

Ян Яныч опять сел против нас и медленно объяснил:

— Такое вот дело... Я его спрашивал: «Может, вы родственники?» А он отмахивался: «Да что ты! Просто однофамильцы, хотя немножко знакомые, несколько раз обменивались письмами... Константин Иванович-то долго жил, до восемьдесят шестого года...» А Леонид Васильевич умер два года назад. Он обитал в этом доме, на втором этаже... Он был сыном летчика, пилота местных линий, и сам летал одно время, но потом случились нелады со здоровьем, и он стал авиатехником. У него было много всяких талантов, и среди них — способность к стремительным вычислениям. Словно калькулятор в голове. Это помогало ему моментально расчитывать чертежи моделей. Он много лет руководил кружком авиамоделистов во Дворце пионеров..

— Вы, наверно, там и познакомились? — догадливо сказал Чибис.

— Там... Когда я был совсем пацаном. Только моделист из меня был фиговый. Как говорится, руки росли не из того места. Но Леонид Васильич меня все равно привечал. Потому что я любил книжки и повадился забегать к нему домой: взять то Стругацких, то «Капитана Блада»... Ну, и когда сделался таким вот длинным,

армию оттрубил да факультет, все равно мы остались друзьями. Было о чем поговорить... И эту вот модель, самую свою любимую, он завещал мне. А заодно и квартиру на втором этаже... А нижнее помещение, для кафе, я выкупил сам, подвернулись деньжата... Стоило это недорого, потому что дом был назначен к сносу. Только снос у чиновников не выгорел...

— Потому что памятник старины? — догадался я.

— Потому что... всякий памятник, сразу не разберешься. Недаром рогатка Чибиса прыгает, как заведенная... Вы слышали байку про острие иглы?

— Не... — вдвоем сказали Чибис и я.

— У богословов с давних пор ведется спор: сколько ангелов может поместиться на таком острие? Мол, ангелы — они, во-первых, существа бестелесные, а во-вторых, умеющие творить чудеса. Места им на игле не надо и к тому же, если захотят, могут превратить острие в целый космодром... Но дело, видимо, не только в ангелах, а еще и в свойствах самого острия. Площадь его — никакая. То есть сводится к бесконечно малой величине. А бесконечно малые величины, по некоторым данным, запросто смыкаются с бесконечно большими. По каким-то там законам физики, математики и космических пространств... Я в этом деле ни бум-бум, хотя и кончал философский факультет... Знаю только, что на Земле аномальных точек со свойствами игольного острия немало. Там-то и происходят всякие фокусы вроде встреч с пришельцами и попаданий в параллельные пространства...

— Я читал про такое! — вспомнил я. — В книжке Мичио Накамуры!

Ян Яныч глянул на меня с любопытством, кивнул:

— Я тоже ее одолел когда-то... Значит, возможно взаимопонимание... Я к чему это говорю? К тому, что Леонид Васильевич утверждал, будто это ветхое строение

тоже находится на острие иглы. Или, как выражался наш профессор Евграфов, на стыке силовых, энергетических и темпоральных векторов с неопределенными характеристиками...

— А в чем это заметно? — осторожно спросил я. — Ну... кроме дерганья рогатки?

— У-у, дорогой мой... — тонко протянул Ян Яныч. — Сразу не скажешь. Заглядывайте почаше, может, проникнитесь...

Надо было бы сказать: «Спасибо за приглашение». Ведь здесь явно пахло фантастикой и загадками иных пространств. Но меня зацарапало беспокойство:

— Ян Яныч... но ведь, если это правда... оно ведь, наверно, не подлежит разглашению. С посторонними про такое не говорят. А вы с нами...

Он посмотрел на меня, на Чибиса. Погладил опять пятнышко на носу:

— Да вроде бы такое ощущение, что вы уже не посторонние... Подумалось вдруг: вот висит модель, мне ее подарил хороший человек, ну а потом куда ее... если мало ли что... Дочка есть, но маленькая еще и совсем с другими интересами, в маму...

Чибис кулаками уперся в скамейку, проговорил насупленно:

— Вы что? Помирать собрались?

— Да господь с тобой! Просто так рассуждаю, теоретически. Показалось, что вы понимающие люди...

Я, чтобы замять неловкость, сказал:

— Я понимающий, только все же не могу понять: эта модель действующая или так, для красоты?

— Конечно, действующая! У Леонида Васильевича все модели были летающие... А эта тем более... Он, когда почуял, что сердце совсем тормозит, распорядился: «Вот отдаю концы, и пусть меня сожгут, пепел —

в кулек, а кулек — в «Эвклида». Там в днище есть люк, как в старинном бомбовозе. Запустите аппарат над озером, нажмите кнопку сброса на пульте, чтобы пепел — на ветер...» Так и сделали... Интересно, что «Эвклид» после этого перестал слушаться пульта и ушел в дальние дали. Я думал — всё, кранты. А он через два часа вернулся сам, сел прямо здесь на дворе, среди машин. Тогда я и повесил его под потолком. И зарегистрировал новое имя для этого заведения... История в духе Грина, не так ли?

Я подумал, что да, «в духе»... Но спросил о другом:

— «Эвклид», значит, марка самолета?

— Не марка, а название. Был у Леонида Васильича когда-то любимый попугай с таким именем... А кроме того, смотрите, сколько в модели всякой геометрии. И впрямь как у Эвклида...

Мы помолчали, и Чибис вдруг вспомнил:

— Ян Янович, а как насчет Бумселя-то? Найдется ему место... на острие иглы?

— А чего же! Приводите, конечно! И этих ребятишек прихватите. Пусть знают, где будет жить их питомец...

— А санитарный надзор теперь не придерется? — как бы очнулся от своих мыслей Чибис.

— Посмотрим... В крайнем случае поселю пса на верху, туда никаким комиссиям хода нет... Лишь бы не заскучал один по ночам...

— А разве вы сами не там живете?

— Не там. У меня с женой и дочкой квартира на Кировской. А здесь... ну, вроде как память о Леониде Васильиче. Иногда работаю в его комнатах, иногда ночью. Бывает, что друзья собираются... А жена туда и заглядывать не хочет, говорит, что там «пахнет привидениями»...

— Правда, пахнет?! — очень оживился Чибис.

— Не знаю... Это, наверно, кому что кажется...

— Вот бы... понюхать, — сказал Чибис. То ли в шутку, то ли по правде.

Ян Яныч встал с неожиданной готовностью:

— А чего ж! Можно, если хотите! Идем?..

Странно: с какой стати у него вдруг такое внимание к двум мальчишкам с улицы? Даже шевельнулось опасение: заведет куда-нибудь и... мало ли всяких рассказов о пропавших детях!

Но Чибис вскочил, как на пружинах:

— Конечно, хотим!

Я давно заметил, что у старых домов свои запахи. Особенно на лестницах и в коридорах. То сырой штукатуркой там пахнет и гнилым деревом, то облупленной краской, то жареным луком из-за обшарпанных кухонных дверей, то еловой мазью от выставленных в коридор лыж... А на этой лестнице пахло так, словно здесь долгое время сушились какие-то южные травы. Я не знал названий этих трав, но сразу представилась ковыльная степь (хотя я никогда ее не видел).

Лестница была крутая, с точеными перилами, с шаткими ступенями. Они музикально скрипели на разные голоса. Мы поднялись на второй этаж, на площадку падал свет из полукруглого окна со «спицами». Здесь окно оказалось широченным — не таким, как виделось со двора. От двух стекол — желтого и рубинового — горели на горбатом полу разноцветные пятна.

В оштукатуренной стене желтели две обшитые новой фанерой двери. Ян Яныч извлек из-под штопаной футболки увесистый ключ, поскрежетал им в скважине. Широко отвел дверь:

— Входите, люди...

Мы шагнули в полумрак. Здесь пахло уже не травами, а так, как пахнет в тесных библиотеках. Ян Яныч

позади нас щелкнул выключателем. И я увидел при желтом свете, что в прихожей действительно всюду книги и стопки журналов — от пола до потолка. И рулоны — то ли свернутые карты, то ли чертежи. Над головами висело небольшое колесо с пухлой шиной — похоже, что от мотоцикла. Или... от маленького самолета?

Ян Яныч обошел нас и толкнул еще одну дверь. На встречу ударили солнечные лучи с золотыми пылинками. Мы оказались в обширной комнате. Здесь тоже пахло старыми книгами, и они тоже здесь были повсюду. А еще — фотографии. Большие, в рамках. На против двери, прямо на стеллаже, висел застекленный фотопортрет: большеглазый мальчишка с темной косой челкой и приоткрытым пухлым ртом. Лет мальчишке было примерно как Саньчику. На черной матроске — пятиконечная звездочка (видно, что самодельная, смятыми уголками).

Ян Яныч сказал у меня за спиной:

— Это и есть Леонид Васильевич Арцеулов. А точней говоря — Лёнчик. В возрасте восьми с половиною лет... Вечность назад. Сталин еще был жив... А это вот опять же Леонид Васильевич, но уже в недавние времена...

Слева от портрета Лёнчика висела еще одна застекленная фотография, поменьше. На ней — старый человек с гладкой седой прической, с худыми лицом и какими-то нетерпеливыми глазами. Словно задал вопрос и недоволен молчанием собеседника...

«Видать, с характером был дяденька», — подумалось мне.

Кругом висело немало еще фотоснимков, разных карт и чертежей, пришпиленных к полкам. Я вертел головой. Чибис тихонько дышал рядом. И прижимал к поясу ладонь — наверно, удерживал в кармашке беспокойную рогатку. В солнечной тишине раздавалось отчетливое тиканье. Я пошарил глазами по книжному

пространству и наконец увидел часы. Они стояли на тумбочке из красного дерева в простенке между стеллажами.

Наверно, старинные и редкие часы. «Ан-тик-ва-риат...» Бронзовые. Два тонконогих, тонкошеих журавля держали в клювах кольца, на которых висел шар с фаянсовым циферблатом. Размером с крупное яблоко. От этого «яблока», от узорчатых медных стрелок и черных римских цифр и разлеталось негромкое щелканье.

Головы журавлей были с длинными хохолками (как у Чибиса), крылья с растопыренными перьями, а ноги с коленными шариками-суставами.

— Подождите-ка... — вдруг весело сказал Ян Яныч. — Возьмите-ка... — Он дернул с подставки большущий желтый глобус (тоже антиквариат?) и заставил нас ухватить его за бока. — Держите, вот так... Ну, просто чудо!

— Что? — опасливо сказал я.

Впалые щеки Яна Яныча золотились, как персиковая кожура.

— Вы — в точности, как эти две птахи с часами! Будто отражение! — Он отступил на два шага, выхватил мобильник, надавил кнопку фотоспуска. — Сделаю вам на память карточки...

Я не мог видеть нас обоих со стороны. Поэтому взглянул на Чибиса: правда ли «птица Чибис» похожа на журавля? Я был уверен, что он посмотрит на меня. Но он смотрел не на меня и не на Яна Яныча, а на часы. И вдруг улыбнулся журавлям и циферблату. Хорошо так, обрадованно (я еще не видел раньше, чтобы Чибис улыбался с такой открытостью).

Часы вздрогнули и тихонько заиграли. Не должны они были играть, не время! Стрелки показывали девятнадцать минут шестого. Но в часах ожили колокольчики. А мелодия... Ну, хотите верьте, хотите нет, а это

была музыка того простенького вальса, которую играл на вчерашней выставке кукольный флейтист!

Ранней весной просыпается дом,
Тихо сосульки звенят за окном.
Солнечный свет —
Маме букет...

Я снова глянул на Чибиса. Он уже не улыбался. Он, видимо, был изумлен не меньше, чем я. Не удивился только Ян Яныч. Обрадовался:

— Смотрите-ка, отозвались!.. Они всегда отзываются на хорошую улыбку. Это их Леонид Васильич так настроил!.. Клим, а улыбнись теперь ты. Посмотрим, как они...

Но меня тормознула неловкость. И опасение.

— Нет... не получится, наверно. Они ведь почуют, что это по заказу... Лучше потом...

— Ну, потом так потом, — не теряя веселости, согласился Ян Яныч. Забрал у нас глобус, водрузил его на подставку с латунным обручем, сел верхом на резной шаткий стул. Глянул на нас как-то по-ребячьи.

— Значит, все правильно, да?

— Что «все правильно»? — сказал я с прежней неловкостью.

— Похоже, что вы не случайные люди. Недаром пришли сюда, а?.. Не жалеете?

Я не жалел. Неловкость растаяла. В самом деле, было так здорово! Словно дышали рядышком сказки Андерсена. И словно шевельнулось у меня внутри что-то вроде Чибисовой рогатки. Я даже хотел сказать об этом. Но Чибис успел раньше, сказал за себя и за меня:

— Мы не жалеем. Наоборот. Здесь столько *всего...* Сразу и не разгадаешь.

Ян Янович живо закивал:

— В том-то и дело. Даже я не могу разгадать *всего*, хотя это теперь мой дом... Думаю, что и сам Леонид Васильич не разбирался во всем полностью. Просто чуял. Так сказать, интуитивно... Сказал однажды: «На острие иглы может скопиться столько тайн, что не разместилось бы и на летном поле...» Это когда мы как-то ночью рассуждали за бутылочкой «Ланселота» о непознаваемости мира...

Меня царапал вопрос. Он-то, возможно, был «познаваемым»:

— Ян Янович, а как он... Леонид Васильевич... сумел настроить часы? Чтобы отзывались на улыбку...

— Ну, он многое что умел. Всякие вещи чувствовал, как живые... А что касается улыбок, то у него была целая философия... Если хотите, расскажу...

— Хотим! — сразу сказал Чибис. Опять за себя и за меня. Ну, а я, само собой, тоже хотел.

— Ладно. Думаю, полчаса у нас есть, Ли-Пун пока управится без меня... Усаживайтесь где-нибудь... «птицы-журавли»... Хотя бы вон в то кресло. Оно было любимое у Леонида Васильича... Впрочем, должен честно предупредить: он в нем и умер. Так что, если вы люди суеверные...

Я был изрядно суеверным, но кресла не испугался. У нас дома тоже было старое кресло, и мой дедушка тоже умер в нем, но я не думал ни о чем загробном, когда забирался в него с ногами. Наоборот, казалось даже, что я вступаю в «душевный контакт» с дедом, которого никогда не видел, но о котором слышал много рассказов...

Чибис тоже не боялся. Мы сбросили кроссовки и с двух сторон прыгнули в глубокое кресло, обитое зеленым велюром. Привалились к высокой спинке и друг к другу и перебросили через подлокотники, наружу, по одной ноге — я левую, Чибис правую. Постукали по креслу пятками. Оно располагало «чувствовать себя как

дома». Потертая обшивка пахла старым ковром и щекотала ноги. Уютно так... Но это мне уютно, а Чибис-то жутко боится щекотки, вспомнил я! Но Чибис вел себя спокойно, улыбчиво жмурился. Значит, он боялся лишь человечьих пальцев, а не мебельного ворса...

Ян Яныч сказал со своего стула:

— Сперва об Арцеулове... О нашем, о Леониде Васильиче. Есть такое выражение — «человек нелегкой судьбы». Для него — самое подходящее. Какие только фокусы с ним жизнь не выкидывала! Но об этом как-нибудь потом. Главное, что интереса к этой жизни он все равно не терял. С ребятами возился, модели конструировал, получал за них множество всяких призов... Вон, дипломы повсюду развешаны... Пацанам, которые подрастали, а определиться в жизни не могли, помогал, чем мог... Кстати, дважды был женат, у него дочь в Америке и сын в Петербурге. И внуки. А на похоронах никто не появился. Дочь вообще не собралась («Это же такие деньги!»), а сын прилетел, но уже позднее... Наследство его никто требовать не стал. Кому нужна эта развалюха, которую со дня на день собирались снести. А другого добра не осталось, только книги и архивы. Книги он собирал всю жизнь, да кому они интересны теперь?.. Андрей, сын Арцеулова, сказал: «Ян, отец правильно завещал все это тебе. Ты был его друг, а из меня вышел непутевой сын...» Я говорю: «Что ты, Андрюша, он про тебя столько вспоминал, гордился, что ты штурман...» Андрей заплакал даже. Да сколько ни плачь, ничего уже не поправишь...

— А он морской штурман или авиационный? — спросил я, чтобы дать Яну Янычу передышку. Потому что мне почудилось, будто голос его стал каким-то шершавым.

— Морской, — сказал Ян Янович и кашлянул. — Ну ладно. Это так, вступление... А философия у нашего Ар-

цеурова была такая, что, мол, со времен создания мира борются на свете добро и зло, а толку никакого нет...

«Что нового в такой философии?» — мелькнуло у меня.

— Потому что иногда трудно разобраться: где что? — вмешался Чибис. — Добро иногда оборачивается злом и наоборот... Нам про это отец Борис на занятиях говорил. Надо, мол, учиться отличать одно от другого, разбираться правильно...

— А поди разберись, — хмыкнул Ян Яныч. — Палестинцы ракетами раздолбают в Израиле какой-нибудь кибуц и считают, что это добро. Израильтяне же полагают, что добро, когда пожгут палестинские кварталы. Каждый считает, что он прав, и в этой самой правоте видит торжество добра... Или вот пример! Леонид Васильевич незадолго до смерти мне рассказывал.

«Смотрю, — говорит, — недавно передачу про каких-то иностранных охотников. Они похваляются, что охота у них теперь гуманная. Стреляют не из ружей, а из луков, как в старину. Мол, в таком случае у зверя больше шансов спастись... И показывают свое оружие. А это уже не обычный лук, а по виду что-то вроде небольшого велосипеда. Колеса там для натягивания тетивы, приспособления всякие. И меткость такая, что за сотню метров можно попасть стрелой в их английский пенни или там австрийский шиллинг... А потом сцена охоты. Все по закону, разрешение получено в государственной конторе... Стрела — точнехонько в бок пятнистого оленя. И все это показывают в натуре. Как лежит он, бедняга, вздрагивает, глаза уже под пленкой... С точки зрения лучника, это — добро. А с точки зрения оленя?..

— Сволочи... — тихонько сказал Чибис.

— Это ты, Чибис, так считаешь, — с шумным вздохом отозвался Ян Яныч. — А они не так... Они рассуж-

дают, что олень — существо низшего порядка и человек ради собственного удовольствия имеет право убить его... И смотрите: ведь не ради спасения от голода, а только ради охотничьего азарта! Ну, допустим на один момент, что олень действительно второсортное создание природы. Которое можно вырвать из жизни, как репку из грядки... А как быть с ребятишками, которые смотрят эту передачу? Которые недавно видели кино про олененка Бемби или читали про него книжку? Они что будут думать про эту охоту? А может, захотят для себя лук с колесиками? Подумаешь, Бемби! Зато как заманчиво: натянул, прицелился — и р-раз... Будто в игровом автомате... И пошли пить пиво.

Я подумал и сказал... Не хотелось про это говорить, но раз уж речь зашла о философии, куда денешься. Это ведь такая наука, которая докапывается до истины. Вот я и выдал:

— Убивают не только оленей. Гораздо больше убивают людей. Каждый день слышишь: то бизнесмена какого-нибудь, то депутата, то директора банка... И это уже не бандитизм даже, а просто политика. Приличные люди в очках и галстуках устраниют конкурентов. Как бумажных солдатиков... Мама ежедневно говорит, что мир сошел с ума...

Ян Яныч не удивился моим словам:

— Похоже на то... Леонид Васильевич рассуждал примерно так же. И объяснял жестокости мира тем, что люди не понимают природу добра...

— А что за природа? — насупленно сказал Чибис.

— Всякие представители ученого мира, социологи, психологи и тому подобные академики любят рассуждать о диалектике человеческих отношений. О том, что разные люди добро понимают по-разному... И не учитывают эти мудрецы простую вещь. Что само по себе добро — абстрактная философская категория... ну, то

есть вроде математической формулы, которую можно засовывать в разные уравнения. От того, как засунешь, получается результат, нужный тому, кто решает задачку... Это холодное добро, без чувства... А у настоящего человеческого добра должно быть одно необходимое свойство...

— Какое? — сказали мы с Чибисом.

— Самое простое. Доброта. *Добро* должно быть с *добротой*. Не с *кулаками*, как талдычат нам иногда, а именно с *добротой*... Так говорил мой друг Леонид Васильевич Арцеулов...

(«Так говорил Заратустра», — толкнулось у меня в голове название умной книжки. Я ее, конечно, не читал, однако эти слова иногда многозначительно произносил папа. Не знаю уж, к месту или нет. Я чуть-чуть не брякнул их сейчас, но прикусил язык.)

— Я непонятно рассуждаю, да? — спохватился Ян Яныч.

— Чего непонятного... — сказал я.

В самом деле: если в человеке *доброта с добротой*, он не станет стрелять в оленя. И в человека не станет... То есть бывают случаи, когда надо защищаться или выручать друзей, но убивать кого-то ради своей выгоды тот, в ком есть доброта, не будет. Это же как «дважды два». Не станет молотить дубинкой беззащитных студенток на митинге, не будет похищать ребятишек, чтобы продавать за границу «на запчасти» (недавно в соседнем городе раскрыли такую банду), не затеет снос детских площадок, чтобы устроить там автостоянки...

Чибис перебил мои мысли:

— Отец Борис на занятиях говорил: «Не делайте другим людям того, чего не желаете себе»...

Меня вдруг царапнула досада:

— До чего просто!.. А как добиться, чтобы люди «не делали того»?

Чибис уловил мое раздражение. Слегка отодвинулся, сказал в сторону:

— Я не знаю... Он говорил: начинать надо с себя...

— Так всегда говорят, когда не знают ответа... — буркнул я. — «Чтобы укрепить дисциплину в классе, начинайте с себя...»

Ян Яныч резко скрипнул стулом:

— Стоп! Братцы, я чувствую, что у вас вдруг просели колючки. Для того ли мы затеяли разговор? В этом доме не принятоссориться...

— Ничего у меня не проросло, — быстро сказал Чибис и придвинулся.

— И у меня... — сказал я.

— Просто Клим не любит отца Бориса, — объяснил Чибис.

— Вовсе я не «не люблю»! Просто не хочу ходить на эти занятия. Времени жалко...

— С отцом Борисом... то есть Боренькой Затонским мы вместе учились на философском, — живо сообщил Ян Яныч. — Хороший парень. Только в вопросах истории религии был тогда великий путаник... Потом он пошел наращивать свои знания и жизненный опыт в Петербургской семинарии, а я... В других местах, куда попал, желая познать многие истины на своей шкуре. И познал... увидевши изнанку человеческих душ. И получивши горсть осколков в правую часть грудной клетки... Тоже опыт немалый, скажу я вам... Однако мы отвлеклись. Начали-то совсем про другое. Про улыбки...

— Ага, — быстро сказал Чибис. Кажется, ему не хотелось говорить про осколки. Мне тоже.

Ян Яныч спросил:

— Вы слышали про писателя Сент-Экзюпери?

— Это у которого «Маленький принц»? — опередил меня Чибис.

— Да... Но у него есть и другие книги... Я читал в его воспоминаниях про один случай. Это было во время гражданской войны в Испании. Взяли его в плен, по подозрению в шпионаже. Я уже не помню, кто: республиканцы или фашисты... Те и другие считали, что творят добро, изничтожая себе подобных по другую сторону окопов... Посадили его среди часовых в блиндаже и стали совещаться: расстрелять или не надо... А он ждал. И вдруг встретился взглядом с одним из охранников. И... улыбнулся. Без заискивания, без боязни, а просто как человек человеку. И охранник... улыбнулся в ответ. И эти две улыбки спасли пленного... А то ведь не было бы на свете Маленького принца...

— Если бы это всегда помогало, — не удержался я. — Так просто... Улыбнулись узники концлагеря пулеметчикам на вышках, и те попрыгали вниз, открыли ворота...

— Это не просто... И не всегда... — согласился Ян Яныч без обиды. — Но *в тот раз* помогло... Может быть, зависит еще и от того, *какая* у человека улыбка... Кстати, вы, наверно, знаете, что всю Вселенную пронизывают и заполняют разные энергетические поля? Электромагнитные, гравитационные и всякие другие...

Это было вовсе не «кстати», но я быстро сказал:

— Ага! — потому что вспомнил книжку Мичио Накамуры. — Есть еще гипотеза, что существует энергетическое поле времени. Темпоральное поле. Будто с его помощью можно превысить скорость света... И вообще всякую скорость. От одной галактики до другой — за тысячную долю секунды... И тогда легко попасть в параллельные миры.

Ян Яныч ответил вполне серьезно:

— Оно так... На «острие иглы» скапливается много такой информации, устаешь удивляться... И с Леонидом Васильичем мы не раз обсуждали все эти премуд-

ности. Но сейчас речь не о том. Гораздо чаще он говорил про энергию улыбок...

— Это как? — спросил Чибис (почему-то с оттенком ревности).

— А вот так... Ты же сам слышал, как откликнулись часы... Он всерьез утверждал, что существует поле доброты. Оно тоже пронизывает все мироздание. И каждый добрый поступок влияет как-то на развитие мира. В лучшую сторону... А признаком этого поля... он говорил — «индикатором»... служит человеческая улыбка... Леонид Васильич собирал эти улыбки...

— Это как? — сказал Чибис прежним тоном. Изогнувшись, он дергал на ноге бинт и смотрел исподлобья.

— Кол-лек-ци-о-нировал, — увесисто произнес Ян Яныч. — Собирал фотографии и копии портретов с улыбками разных людей. От Моны Лизы и рембрандтовских старух до Гагарина и юного певца Сережи Парамонова... Сохранились во-от такие толстые альбомы. Если хотите, потом покажу... Но дело в том, что не всякая улыбка — индикатор доброты. Леонид Васильич их чувствовал удивительно точно. А на всякий случай проверял еще и часами. Заиграют или нет? На солиста Сережу они отзывались охотно, а при виде Джоконды молчали. Мол, какая-то не та у нее улыбка, себе на уме... И вообще, надо сказать, по-настоящему добрых улыбок было немного. Может, одна из десятка... Но зато есть портрет... его даже пришлось повесить подальше, за шкаф, потому что вблизи от него часы играли не переставая... Показать?

Мы теперь вместе сказали «ага» и спустили на пол ноги.

Недалеко от двери стоял повернутый боком шкаф. Он отгораживал в комнате просторный угол. Ян Яныч поднялся со стула (почему-то поморщился при этом), шагнул за шкаф, в тень, и сразу вернулся с желтой де-

ревянной рамой. Длиной она была в полметра, а шириной — с большую книгу. То есть не шириной, а высотой. Потому что в раме, под стеклом, располагались рядышком три портрета. Легкие черные штрихи на сероватых листах. Ян Яныч приблизил портреты к нам. Солнце высветило рисунки.

Часы заиграли...

На портретах был один и тот же мальчишка. Только с разными выражениями лица. На левом он задумчиво слушал морскую раковину, на правом смотрел вдаль, слегка приоткрыв пухлогубый рот (вроде как Лёнчик Арцеулов на снимке). А на среднем — он улыбался. Не просто улыбался, а сиял! Сиял радостью, словно перед всеми распахивал душу: «Мне хорошо, и пусть вам будет так же хорошо!»

Он был *живой*! Живой на всех трех рисунках, а на среднем — особенно. Я и Чибис засмеялись ему на встречу. Похоже, что в нас отозвался такой же механизм, как в часах...

— Это кто? — весело выдохнул Чибис.

Ян Яныч утвердил раму на столе, прислонил к тяжелой подставке глобуса. И тогда сказал, обернувшись:

— Это Агейка Полянов. Он жил в нашем городе давным-давно, в середине девятнадцатого века... Славный парнишка, да?

ДЕРЕВЯННАЯ РЕЗЬБА

Да, он был удивительно славный... Курносый, с расстрапанными волосами, с большими конопушками на переносице и щеках, с дыркой на месте выпавшего зуба, с длинными «растопыренными» ресницами. А главное — эта его улыбка. Вот-вот рассыплется по комнате Агейкин смех... Но... ведь в самом-то деле давно нет Агейки на свете.

Эта мысль придавила мою радость, как холодная ладонь. Вдруг показалось, что здесь какой-то обман. Я не подал вида и, кажется, даже улыбаться не перестал. Но голос мой прозвучал ненатурально:

— А кем он был потом? Ну, когда вырос... этот Агейка...

Ян Яныч пальцами с желтыми ногтями прошелся по верхней планке рамы. Сказал, глядя на часы (а они все играли — тихонько так, не назойливо):

— Никем... Он умер от простуды, когда не было ему девяти лет. Вот и остался таким на веки вечные...

— Жалко... — вздохнул Чибис. Но будто не всерьез, а так, из вежливости. А всерьез он думал, наверно, о другом (так же, как я): о том, как обидно, что все люди когда-нибудь умирают...

Ян Яныч резко повернулся к нам:

— Я знаю, почему вы затужили... Да не спорьте, я вижу. Жаль Агейку, жаль себя, жаль всех людей... Но подумайте: ведь он *жил!* Он так хорошо улыбался. И оставил свою улыбку на радость многим людям. Это как звезда. Вспыхнула за миллион световых лет отсюда и сгорела. А свет от нее идет к разным мирам. Значит, для них она есть... И этот пацаненок есть для нас...

Где-то я уже слышал похожие рассуждения, и слова Яна Яныча не очень-то меня утешили. Чибиса, видимо, тоже.

Чибис проговорил с заметной хмуростью:

— А разве рисунки эти сделаны в ту пору, когда он жил? Или сохранились фотографии?

Ян Яныч сказал недовольно:

— Какие в то время фотографии? То есть были уже аппараты-сундуки, но кто стал бы снимать мальчишку с окраины, сына церковного сторожа... И рисунки эти — современная работа...

— Но тогда, — дотошливо спросил Чибис, — откуда художник знает, каким этот Агейка был по правде?

Ян Яныч, похоже, слегка рассердился. По крайней мере, свел брови. Сказал, глядя мимо нас:

— Есть такое свойство: интуиция мастера. Она не подводит настоящего художника. И кроме того... мы же говорили, существуют в мире разные энергетические поля. Может, есть и такое, которое передает подсказки о прошлом...

Я готов был согласиться. Очень хотелось думать, что маленький Агейка был *вот такой*. И Чибису, наверно, тоже. Потому что он примирительно кивнул:

— Тогда конечно...

Ян Яныч снова устроился на стуле и повернулся к нам (а часы продолжали позванивать колокольчиками).

Уже другим тоном, оживленно, Ян Яныч разъяснил:

— Есть два доказательства, что Агейка Полянов был именно таким. Во-первых, часы. Они не отзываются на самый хороший рисунок, если он не повторяет облик живого человека. А еще — была деревянная маска. Леонид Васильевич, когда увидел эти рисунки, сказал сразу: «Батюшки, да это же в точности она»...

Конечно же, мы потребовали объяснений: что за маска? И вообще: кто такой Агейка, как о нем стало известно и кто рисовал портреты?

— Ага, зацепило, — с удовольствием сказал Ян Яныч. — Это Арцеулов так говорил, «ага, зацепило», когда обещал интересную историю. И про маску рассказал, конечно, тоже он.

Вот эта история.

Несколько лет назад в соседних кварталах жили несколько мальчишек и девчонок, дружная такая компания. То есть и сейчас это друзья, только подросли, учатся кто в колледже, кто в каком-то хитром училище,

кто в университете. А когда были такие, как мы, учились все в одной школе. Один приехал из Москвы на каникулы и упросил деда и бабку не отправлять его обратно, не разлучать с друзьями...

И было у этих друзей немало приключений. Например, в День летнего солнцестояния они давали салют из самодельной пушки. Говорили, что это старый корабельный обычай... Потом, правда, взрослые этот обычай запретили и пушку конфисковали, но ребята следующим летом установили на крыше сарая, над логом, могучий динамик. Устроили «трансляцию полуденного выстрела». Грохоту было не меньше, чем от пушки...

Стреляют и сейчас. Правда, непонятно, кто. Может быть, в наши дни это происходит само собой, как явление природы. И мало кто на выстрел обращает внимание, в городе и без того много шума...

Эти ребята раскапывали приключенческую историю о дальнем плавании брига «Артемида», и один из ребят (тот, кто приехал из Москвы) даже сочинил про это очерк. Его напечатали в газете «Туренский вестник»...

Однажды, чтобы узнать какие-то подробности о людях с «Артемиды», ребята отправились на заброшенное кладбище, за Сетевязальную фабрику. Вернее, на остатки кладбища (сейчас их уже срыли). И там в зарослях наткнулись на маленькую чугунную плиту с надписью. Что, мол, здесь похоронен Агей Полынов восьми лет отроду. «Господь да пригреет его добрую душу». И еще: «Агейка, мы тебя помним»... Ребята были не из тех, кому «всё до лампочки» (иначе и не склепалась бы такая крепкая компания). Жаль стало мальчишке, хоть и жил он в иные времена. Привели могилу в порядок, принесли в подарок ему морскую раковину. И вроде как бы записали Агейку в свои друзья — чтобы не исчезла о нем память. А одна девочка, Лика Сазонова (она

сейчас в художественном лицее), нарисовала тогда эти портреты.

Рисунки оказались на ежегодной выставке в Областной галерее. Потом их выпросил себе учитель девочки, художник Сукинцев. У Сукинцева увидел эти рисунки его давний знакомый, Леонид Васильевич Арцеулов. И просто обмер. «Сделай, — говорит, — мне копии! Потому что средний портрет — ну в точности та самая маска с дома на улице Урицкого...»

— Да что за маска-то?! — взвинтился Чибис.

— А это, голубчики, еще одна история, — сообщил Ян Яныч со вкусом завзятого рассказчика. — Только подождите, я позвоню Ли-Пуну, чтобы хозяйничал без меня еще полчаса...

Новая история — вот такая.

Когда Леонид Васильевич был Лёнчиком (как вон на том детском фотоснимке), он дружил с двумя ребятами — Лодькой и Юриком. То, что Лёнчик на четыре года моложе их, дружбе не мешало. В пятьдесят третьем году Лодька и Юрик окончили девятый класс. Наступило «последнее лето детства». После десятого класса никакие каникулы им не светили, сплошные экзамены — сначала выпускные в школе, потом вступительные в вузе. Зубрежка и нервотрепка. А пока еще было время, чтобы «подышать воздухом свободы». И ребята решили отремонтировать плоскодонку — ее раздобыл для них отец Юрика, фотограф Лев Семенович Гольденштерн... Отремонтировали, мачту соорудили, парус из старой палатки. Собирались путешествовать по реке, по ее старицам и ближнему озеру...

Но хотелось, конечно, не просто катания по воде, а морской романтики. Поэтому решили украсить «ко-

рабль» как-нибудь по традициям старых парусников. Стали ломать голову: как именно?

Нос у лодки был с тупым срезом — этакая треугольная доска, которая называется «форшпигель». Название красивое, но сама доска радостей у владельцев судна не вызывала: не поймешь, нос или корма. И вот Лёнчик (а он был, конечно, неразлучен с друзьями) предложил укрепить на форшпигеле деревянную фигуру.

— Какую? — насупленно сказал Лодька. — Давай вместо фигуры приkleим там тебя. Сделаем тебе корону, дадим в руки вилы и назовем лодку «Нептун»...

Лёнчик не обиделся. Он произвел в голове молниеносные расчеты и сообщил, что у лодки случится «дифферент на нос». Потому что он, Лёнчик, хотя и легонький, но не совсем же невесомый, и лодка станет зарываться форшпигелем во встречную волну.

— Надо что-то не больше двух кило весом. Вроде плюшевого мишки...

— И название «Детский сад»... — отозвался Лодька.

— Я придумал! — воскликнул Юрик. — Надо отыскать на бабкином сеновале деревянную маску.

Друзья потребовали объяснений: что за маска.

Юрик сказал, что, когда он был первоклассником, жил на улице Урицкого.

— Мы с тобой там и познакомились, — напомнил он Лодьке. — И лазали тогда по сеновалу. Но ты там не очень смотрел вокруг, потому что надо было спасаться от хозяйки. А я-то бывал на сеновале множество раз и знал, что по углам немало интересного барахла...

Однажды, еще до знакомства с Лодькой, Юрик производил на сеновале «раскопки». И вот среди рассохшихся бочонков, сундуков без крышек и сломанных стульев обнаружил он вырезанную из дерева маску. Дерево было темным, с трещинками, но сквозь эти тре-

щинки, занозы и пыль — как сквозь мутное стекло старого зеркала — светилась улыбка.

— Понимаете, живая такая, — смущенно объяснил Юрик. — Ребячья. Вроде... ну вот как у Лёнчика, когда ты, Лодик, привел его ко мне первый раз, чтобы познакомиться... Но только тогда, когда я нашел маску, я еще не знал Лёнчика... Но все равно показалось, будто маска — лицо знакомого мальчика...

Там, на сеновале, Юрик долго рассматривал смеющийся деревянный портрет, потом спрятал его в один из сундуков. Прихватить с собой не решился. Хозяйка дома, у которой они с мамой снимали комнату, была старуха с характером, вполне могла заскандалить: как посмел взять без спросу чужую вещь! Но и жить вот так, зная, что в темном сундуке томится улыбчивый мальчишка — пусть и деревянный, но все равно живой! — он не мог. И стал подъезжать к хозяйке с вопросами: что это за удивительная маска, которую он, Юрик, совершенно случайно (когда полез на сеновал за улетевшим туда бумажным самолетиком) увидел среди хлама.

В тот раз бабка пребывала в благодушном настроении (мама Юрика только что вручила ей квартплату) и разговорилась. Поведала вот что.

Длинному деревянному дому, что по окна врос в землю, тогда уже было чуть ли не сто лет. И до войны в нем располагался (представьте себе!) кукольный театр. Теперь-то многие уже позабыли об этом, а если кому скажешь, то и не поверят. А в тридцатые годы сюда приходили ребятишки с учительницами, с мамами-папами, располагались на разнокалиберных стульях в тесном зальчике и смотрели, как под музыку пианино играют пьесы про Красную Шапочку, про Петрушку и ловкого Иванушку-дурачка куклы ростом с годовалых

ребятишек. Их водили за нитки артисты, которые прятались от зрителей на специальном балкончике...

А директором был хромой нескладный мужчина по имени Станислав Иваныч.

— Говорили, что ссыльный, — с оглядкой сообщила хозяйка Юрику и его маме.

Театр существовал до конца сорок первого года. Потом закрылся, а Станислав Иваныч исчез неизвестно куда... («Знаем куда», — хмуро подумал Лодька, у которого отец сидел в лагере под Салехардом.)

Дом внутри разгородили на комнатки и стали там селить приезжих — тех, кто был эвакуирован подальше от войны. Потом этих людей распределили по другим домам, в комнатах стали устраиваться местные жители, оказалась там и бабка, нынешняя хозяйка. Сразу после войны она затягивала тяжбу с властями, потому что ее прежний дом сгорел по вине квартирников-офицеров стоявшей тогда в Тюмени военной части. Как ни удивительно, а бабке удалось отстоять свои права (наверно, по причине своей вредности). И она сделалась то ли владелицей, то ли пожизненной арендаторшей половины бывшего кукольного театра. Стала сама сдавать комнаты приезжим (так в начале сорок пятого попали в этот дом и Юрик с мамой).

Оказавшись почти полной хозяйкой, старуха сразу взялась приводить дом «в нужный вид» (соседи не смели спорить). Она ободрала с дома резьбу. Оставила только верхние карнизы на окнах и ставни, а боковые наличники, хитрый орнамент между окнами и вставленные в него маски пообрывала без жалости.

— Зачем? — горько удивился Юрик.

— А потому как одна нечистая сила там: всякие кикиморы, шуты гороховые и другие образины... Говорят, делал их еще в том веке какой-то деревянный мастер,

нехристь окаянная... Все и пожгла от греха. Лишь на того мальчишку рука не поднялась, больно симпатишный показался, не из ихней компании. Только упрятала подальше...

Юрик не посмел сразу попросить себе маску. Чуял, что бабка может упереться. Решил сперва втереться в доверие и улучить момент. Это было за два дня до знакомства с будущим другом Лодькой. Знакомство отвлекло от мыслей о маске, а еще через два дня вдруг появился отец и стремительно увез их с мамой в Ленинград... Потом было в жизни всякое. И в результате этого «всякого» мать с другим, новым, мужем осталась в Ленинграде, а отец с Юриком оказались опять в Турени (или в Тюмени — вечная путаница с этими названиями!). Лишь тогда, после седьмого класса, Юрик снова увиделся с Лодькой. И стали они друзьями навсегда...

А о маске Юрик почти не вспоминал. Она осталась где-то в прошлой жизни...

Но вот сейчас эта жизнь приблизилась снова, вырезанный рукой неизвестного мастера мальчик опять улыбнулся сквозь полумрак... И как будет замечательно, если улыбаться он отныне будет не в заброшенном сундуке, а на носу маленького, но настоящего парусника! Станет членом экипажа!

Лодька и Лёнчик идею шумно одобрили (хотя и поругали Юрика за то, что раньше ничего им про маску не рассказывал). И отправились на разведку.

Дом на улице Урицкого еще больше осел в землю, лопухи закрывали окна до половины. Щелястый сарай с сеновалом по-прежнему кособочился в глубине двора.

Наверняка и маска была на прежнем месте. А куда ей деваться?

И... сама бабка тоже была здесь. Во дворе! Прощедшие восемь лет заметно согнули ее, но походка оставалась твердой. Бабка шагала по двору, созывая

квохчущих пеструшек, и широкими взмахами сеятеля раскидывала перед ними просо.

Друзья переглянулись. И все трое пришли к выводу, что «дело дохлое». Мол, фигу, а не маску даст им эта ведьма. Даже и на сеновал не пустит. «Хулиганство одно на уме! Сожгите там все на свете!»

— Здесь неподалеку живет Рита Семухина, — сказал Лодька. — Знаете ведь ее...

Друзья хихикинули: как не знать рыжую Ритку, по которой уже два года сохнет Лодькино сердце.

— Я в том смысле, что знаете ее дипломатический дар, — сдержанно объяснил Лодька. — Наверняка она знакома с бабкой. Думаю, сумеет навести справки и уговорить старуху...

— Я против, — заявил Лёнчик. — Если в дело вмешается Семухина, она не отвяжется. Придется брать ее на лодку.

— Лёничка, — ласково сказал Юрик. — Ты думаешь, без этого брать ее не придется? Спроси Лодика... Ай... Ну, зачем ты, Всеволод, сразу подошвой?! Хотя бы снял башмак...

Пошли к Семухиной, но выяснилось, что накануне она уехала к тетушке в Червишево. На целых десять дней. «И не сказала даже», — горько вздохнул Лодька.

Ждать полторы недели было немыслимо. И тут же спланировали операцию «Деревянная маска» — вроде как «Железная маска», известный трофеиный фильм.

Началась операция успешно. Только Лёнчик в своих «маломерных» штанах шипел, будто засорившийся примус, потому что с тыльной стороны саая разрослась крапива высотой по пояс. Подобрались к сааю, разумеется, в полночь. Вообще-то летом в это время совсем не темно, однако помогли сгустившиеся тучи.

Крапива заставила Лёнчика стремительно взлететь на спину друзьям, а оттуда на стенку саая, где чернели

широкие щели. Лёнчик подергал доски. Одна оторвалась и повисла. Лёнчик ухнул во мрак, Лодька и Юрик рванулись за ним.

Темнота пахла сенной трухой, куриным пометом и сухими досками. Включили фонарик. Юрик помнил, где тут что, полазал среди сундуков, старых граммофонов, рваных абажуров и сломанных вешалок. И нашел нужный сундучок.

Маска оказалась там.

Ее вынесли под свет фонарика.

Мальчик улыбался.

Мальчику было все равно, сколько прошло лет. Времени для мальчика просто не существовало. Он был рад друзьям, которые его нашли. «Здравствуйте...»

Ребята посмотрели на мальчика, помолчали. Посмотрели друг на друга.

— Не... — сказал наконец Лодька. — Так нельзя...

— Что нельзя? — грустно отозвался Юрик. Видимо, уже понял.

— Нельзя его красть, — угрюмо объяснил Лодька.

— Почему? — сказал Юрик, хотя знал, почему.

— Потому что это неправильно, — сказал маленький отважный Лёнчик, потирая изжаленные икры. — Будто сами не понимаете... Здесь все должно быть честно. Иначе улыбка... она пропадет...

Они спрятали деревянный портрет мальчишки на прежнее место, выбрались наружу (Лёнчика поймали в охапку). И потом три дня думали: что делать? И поняли, что все-таки остается одно: идти к бабке.

И пошли. Лёнчика — по виду самого приличного, в отглаженной рубашечке, белых гольфах, новой тюбетеечке — пустили вперед. «Здравствуйте, Анна Тимофеевна. Можно поговорить с вами на одну важную тему?»

Бабка встретила друзей приветливо. Лёнчика погладила по тюбетеечке. Вспомнила Юрика («Ох какой ты высоченный вымахал...»), пригласила в дом. Но там, в доме, выяснилось, что «да, были среди старья всякие деревяшки», но только вчера она, Анна Тимофеевна, продала этот хлам представителям Областного драматического театра. Представители скупали у жителей всякую старину для оформления какого-то спектакля...

— Значит, не судьба... — сумрачно подвел итог Юрик, когда оказались за кривыми бабкиными воротами.

— Не судьба, — согласился Лодька.

Лёнчик с удовольствием разулся и шагал впереди, стегая снятыми гольфами по распушившимся одуванчикам. Потом оглянулся.

— А все-таки жалко...

— Да, — сказал Юрик. — С этой маской лодка смотрелась бы не в пример веселее...

— Даже не в маске дело, — уточнил Лёнчик. — Просто жалко, что больше не увидим эту улыбку...

На форшпигель приколотили жестянную табличку с черепом и надписью «Не влезай, убьет!» Лодка все лето верно служила друзьям. Про маску ребята вспоминали все реже. Но Лёнчик, видимо, запомнил эту улыбку навсегда, раз узнал ее больше чем через полвека на рисунке Лики Сазоновой...

— Интересно, что за мастер ее вырезал, — спросил Чибис. — Теперь и не узнать.

— Лика говорила Сукинцеву, что, наверно, это был знаменитый в позапрошлом веке резчик Григорьев, — объяснил Ян Яныч. — Будто бы во времена Крымской войны его привезли, маленького, в Турень из каких-то южных краев. Возможно, в детстве он знал Агейку и за-

помнил. Или... опять же «интуиция мастера». Так же, как у девочки Лики...

Во мне сидела уверенность:

— В любом случае это портрет настоящего Агейки. Иначе часы не отзывались бы...

— А маску в наше время уже никак не отыскать, — заметил Чибис. — Наверно, сгинула где-нибудь в театральных кладовках...

— Да и сами кладовки сгинули, — заметил Ян Яныч. — Вы же знаете: недавно открыли новый театр, а старое здание на улице Герцена срыли... Хорошо, что остались рисунки...

— Одно непонятно, — сказал я. — Вот эти ребята... ну, москвич, который написал про бриг, девочка, которая нарисовала Агейку. Они же лишь чуть-чуть старше нас и жили в этих же кварталах. А мы ничего про них не слышали. Даже про обычай с выстрелом...

— Возможно, что не совсем *в этих же кварталах*, — как-то раздумчиво отозвался Ян Яныч. — Похоже, что они жили больше в Турени, а вы больше в Тюмени...

— Но ведь это одно и то же! Все равно, что «Петербург» и «Питер»!

— М-м... Как правило, да. Но не каждый раз... В Турени, например, не стали бы сносить старый театр...

Я не стал уточнять и расспрашивать.

Ян Яныч повесил раму с рисунками на прежнее место, за шкаф. Часы притихли. Мы договорились, что завтра приведем к Яну Янычу Бумселя.

— И те ребятишки пусть приходят, — сказал Ян Яныч. — Пусть знают, где станет жить их питомец. Будут навещать...

Когда шли домой, Чибис потрогал под футболкой, в кармашке, рогатку и сказал:

— Клим, я, кажется, знаю...

— Что?

— Почему меня туда тянуло, как магнитом... И рогатку... Яныч тогда спросил: «Что ты здесь ишьешь?» Теперь ясно, что...

Я не стал притворяться, будто не понимаю:

— Маску?

— Да...

— А зачем? — спросил я.

Он вздернул под футболкой колючие плечи.

— Не знаю... Тянет... Может, если ее найти, это избавит из жизни что-то плохое... Помнишь, говорили, что иногда маленький случай спасает от большого зла...

Что я знал о Чибисе? Ничего. От какого зла он хочет спасти себя?.. Или не себя, а весь мир?

Я не удержался:

— Галактики в скоплении «Эм-девяносто один» замедлят разбег, да?

Он глянул на меня искоса, колюче так.

— Чибис, я не шучу, — быстро сказал я.

Тогда он чуть улыбнулся:

— Не знаю... Может, галактики... Может, астероид пролетит мимо... Или где-то охотник промахнется по оленю... Клим, ну правда, не знаю я...

Мне стало почему-то жаль его. И подумалось, что жизнь-то у Чибиса неприкаянная: без родителей, с какой-то ненормальной теткой. Чего хочет, кого любит, о чем думает вечерами перед сном?.. Может, давит в себе слезы?.. И может, эта маска для него — что-то вроде смысла жизни?

— Ты не обижайся... — сказал я.

— Да что ты... Я ничуть... нисколько...

Мы разошлись на углу улицы Тургенева. Договорились, что завтра утром я позвоню Вермишатам и мы вместе поведем Бумселя в кафе «Арцеуловъ».

СКАНДАЛ И ФИЛОСОФИЯ

Но все закрутилось быстрее, чем я ждал.

Дома я скинул кроссовки и бухнулся на тахту. Почему-то очень устал. Даже в ушах — этакий журчащий шум. А потом в нагрудном кармане зажурчал, как электромоторчик, мобильник. Ну не дают человеку отключиться!..

Это звонили Саньчик и Соня (кто именно, я не разобрал):

— Клим, это мы! С которыми ты варил вермишель! Помнишь?

— Ну?.. Да... — сказал я, стряхивая дремоту. Понял, что получилось неласково, и добавил: — Как дела?

— Клим, плохо дела! Бабка велела сегодня к вечеру убрать собаку с глаз. Она придет в восемь часов, и тогда... Клим, ты ничего не придумал?

— Придумал... А до завтра нельзя подождать?

— Клим, наверно, нельзя... Разве что спрятать где-нибудь до завтра...

Елки-палки! Назвался груздем...

— Вот что. Потерпите час-полтора. Я позвоню и скажу, что делать...

— Ура... — они выдохнули, кажется, вдвоем. А я («мальчик, совершающий добрые поступки, черт бы тебя подрал») наладился звонить Чибису.

И в этот момент вошла мама:

— Ты где-то носишься, с кем-то говоришь, решаешь какие-то вопросы и забываешь об одном: ребенку твоего возраста необходимо регулярное питание...

— Мама, я питался! Честное слово! Меня и Чибиса угостили обедом в кафе!

— Какого Чибиса? В каком кафе? Что за новости!..

— Максима Чибисова, из нашего класса! Ну, я тебе вчера про него говорил! Которого гнобит тетушка! Мы

пошли устраивать мою знакомую собаку в кафе «Арце-уловъ», куда Чибис сдавал банки, у него там знакомый хозяин, он нас накормил соевым мясом, а потом мы пошли на второй этаж, и он рассказал про своего друга и деревянную маску. Прямо приключенческий роман... А есть я не хочу...

Я вдруг увидел, что у мамы круглые глаза. Они бывали такими в самые драматические моменты жизни. Например, когда меня покусали собаки или когда при переезде на эту квартиру у нас укради швейную машину...

— Мама, подожди, я все объясню! Я...

Мама сказала тихо и с придаханием, как донна Маринелла в сериале «Второй ребенок»:

— Ты... ты знаешь, какое это заведение — «Арце-уловъ»? Говорят, что там *притон*... Милиция не спускает с него глаз...

— Мама, да не милиция, а санитарный надзор! Но Чибис угробил муху, и теперь все в порядке...

Потом-то я сообразил, какую ахинею нес, но в тот момент казалось, что объясняю очень убедительно. Видимо, от усталости и с недосыпу.

— Там заведующий, Ян Яныч, знаешь какой интересный человек! У него в зале вот такая модель арце-уловского самолета... И он говорит, что...

— Сейчас ты увидишь модель! — И я был удостоен третьего в жизни подзатыльника. — Ты знаешь, что делают эти «интересные люди» с мальчишками? Сначала снимают во всяких порнофильмах, а потом отвозят в лес, и концы в воду!.. Ты никогда не слышал про такое?

— Мама, я слышал! Я вначале сам боялся, но потом оказалось, что...

— Помолчи!

Я примолк. Бывают минуты, когда с самой доброй на свете мамой лучше не спорить. Краем глаза я видел, как

прячется за косяком и подслушивает Лерка. А краем уха услышал, как звякнула в прихожей дверь: пришел папа. И мама услышала. И кинулась к нему. И они минут пять (а может, и больше!) бурно говорили в прихожей. Ясно было — о чем. Ясно было — о ком. Потом они — плечом к плечу — появились в моей комнате.

Папа заговорил так, словно меня здесь не было. Он обращался к маме:

— Ничего страшного. Это закономерный процесс. Переходный возраст. Мы просто чересчур доверяли *ему* и ослабили бдительность. С этого момента все встанет на свои места... — Папа, маленький и взъерошенный, сейчас выглядел очень решительным.

Я взвыл:

— Да послушайте же меня, в конце концов! Ну, дайте объяснить!..

Папа сказал, что для объяснений у меня будет много времени. Потому что с нынешнего дня и до конца учебного года (а это еще две недели!) я буду сидеть дома и покидать квартиру, только отправляясь на уроки. И ни разу не сунусь к компьютеру! И ни с кем не стану болтать по телефону!

— Дай сюда твой мобильник! — приказала мама.

Я пожал плечами (а что оставалось делать?):

— Пожалуйста... Только минуту! Должен же я сообщить о своем заточении, чтобы меня не искали...

— Сообщи с домашнего телефона!

— Я не помню номер Чибиса, он записан в мобильнике... — И нажал кнопку вызова: — Чибис, я выбыл из игры! За «посещение подозрительного притона с опасным типом по имени Ян Яныч»... — Я увернулся от мамы, захотевшей выхватить у меня мобильник. — Завтра в школе все расскажу, здесь цунами. И не звони мне, телефон сейчас отберут. А позвони тем ребятишкам с собакой! Чибис, надо забрать собаку поскорее,

ребята сказали, что бабка лютует!.. Запиши их номер, я помню наизусть...

Я продиктовал Чибису цифры (он, казалось, вовсе не удивился моему звонку). Потом вручил маме телефон — жестом, каким отдает свой кортик гвардейский мичман, которого подвергли несправедливому аресту.

— Не кривляйся, — сказала мама.

— И не думаю... — Я лег на тахту и стал смотреть в потолок. Мама — неприступная и холодная, как айсберг, — удалилась. Папа на секунду задержался в дверях. Я сказал ему в спину:

— Вообще-то это нарушение прав человека. Никого нельзя подвергать заточению без решения суда.

— Демагог, — не оборачиваясь, сообщил папа. — Вздуть бы тебя по всем правилам...

Я подскочил:

— Па!.. Идея! Это лучше, чем держать человека взаперти!.. Пока будешь «вздувать», остынешь и сможешь выслушать меня с пониманием!

— Я обдумаю это предложение, — сказал папа (кажется, излишне серьезно; ой-ей...) И тоже удалился. Я снова вдавился затылком в подушку.

Ясно было, что долгий арест мне вовсе не грозит. Часа через два «циунации» откатится, начнутся более спокойные объяснения, будут фразы о моем легкомыслии, о том, что я совершенно не щажу родительские нервы, что безответственно отношусь к своим поступкам, что у меня младшая сестра, которой следует подавать пример, а я сам, как детсадовское дитя... И что в наше чудовищное время, когда то и дело говорят о трагедиях с детьми, надо трезво смотреть на обстановку и не лезть в друзья к сомнительным типам...

И кончится вся история, в крайнем случае, требованием: «Дай честное слово, что близко не подойдешь к этому наркотическому притону! И Чибису своему по-

советуешь туда не соваться!» А со временем строгость запрета смягчится и все как-нибудь уладится...

За косяком пыхтела от любопытства Лерка. Наверно, ждала, что папа и в самом деле исполнит свое обещание, можно будет посмотреть...

— Брысь от двери! — велел я.

На родителей я не обижался. Если поставить себя на место мамы с папой, то в самом деле — жуть! Сын таскается с приятелем в злачное место, где неизвестно кто занимается неизвестно чем...

Они ведь не видели Яна Яныча, которому почему-то начинаешь верить с первой минуты. Не видели самолета по имени «Эвклид», капризно-добродушного Шарнирчика, «пилотов», у которых случилась неувязка с какими-то векторами. Ничего не знают про старого Арцеулова, который когда-то был Лёнчиком. Понятия не имеют о таинственной маске и о часах, которые отзываются на улыбки... А может, все это и правда лишь приманка для доверчивых пацанов?

Беспокойство снова колючками шевельнулось под рубашкой. Но я вспомнил Агейкину улыбку... И в этот момент из прихожей долетела птичья трель входного сигнала.

— Катюша, я открою! — В напряженные моменты папа был особенно предупредителен с мамой. Я догадался, что он мягко шагнул к двери.

— Слушаю вас... Что? Кого? Драматурга Ермилкина?.. Ну, я не совсем драматург... однако входите... — Лязгнули замок и цепочка. Папа сказал «Прошу...» А вошедший произнес:

— Извините за непрошеный визит. Его причина — неожиданные обстоятельства, о которых мне позвонили несколько минут назад. К счастью, мое заведение рядом с вашим домом...

«Ян Яныч!» — ахнул я про себя. Бесшумно слетел с тахты и замер у косяка.

— Э-э... С кем имею честь? — сказал папа (по-моему, как-то взъерошенно).

— Ян Янович Коженёвский... Не удивляйтесь польскому звучанию, деды-прадеды по отцу были поляками, политическими ссыльными. Красный костел неподалеку — их детище... А один из прадедов, кстати, — родственник знаменитого английского писателя Джозефа Конрада, появившегося на свет, как известно, в Бердичеве.

— В Таганроге, — сказала мама.

— Извините, но все-таки в Бердичеве, — осторожно сказал Ян Яныч.

— В Таганроге. Я работник издательства и кое-что понимаю в литературе.

Я высунул голову и через две открытых двери увидел, как Ян Яныч наклонил голову.

— Из уважения к вам, Екатерина Максимовна, я готов сделать поправку в биографии предка. Но... все-таки в Бердичеве. А в Таганроге он просто жил одно время...

— Мама, правда, в Бердичеве, — сказал я, потому что в пятом классе писал сочинение про книжку Конрада «Зеркало морей».

— Не смей подслушивать! — излишне горячо возмутилась мама.

А папа отозвался непонятным тоном:

— Бердичев — известный город. Там родился, кстати, Глеб Яковлевич Садовский, мой соавтор...

— Да. Фильм «Вороньи перья»...

— О! — папа будто стал повыше ростом. — Вы смотрели?

— Естественно. И читал рецензию в «Новом экране»...

— Для владельца кафе вы весьма эрудированы, — с ехидцей заметила мама. Видимо, в отместку за Бердичев. — Кстати, откуда вы знаете, как меня зовут? Это наш отпрыск выложил семейные данные?

Ян Яныч улыбнулся опять:

— Мое кафе раньше называлось «На острие иглы». А острие иглы — место, обладающее удивительными свойствами. Там скапливается масса всякой информации. Узнать, как зовут людей, к которым собрался в гости, — дело двух секунд. А отпрыск ваш ни при чем... Хотя именно из-за него я обеспокоил вас визитом.

— В таком случае проходите, — вдруг решила мама. — Гостей не держат на пороге... Нет-нет, не разувайтесь, у нас это не принято...

Все прошли в большую комнату (Лерка скользнула туда же). Я с досадой вытянул шею — теперь ничего не было видно.

— Клим, иди сюда! — велела мама. — Нечего прятаться, если речь идет о твоих прегрешениях.

Я заправил рубашку, поддернул носки, пригладил волосы. И... опять растрепал себя. Чтобы видели во мне пострадавшего узника. Встал у косяка в большой комнате, скрестил руки. Родители и Ян Яныч теперь сидели на стульях. Кружком. (Лерка притихла за маминym стулом.)

Ян Яныч коротко глянул на меня:

— У Клима нет прегрешений. Скорее уж у меня... Мое заведение — в соседнем дворе. «Подозрительное» кафе «Арцеуловъ». С твердым знаком после «вэ».

— Влияние современной моды, не так ли? — заметила мама.

А папа помолчал и сказал (опять со взъерошенностью, но потише):

— Ну и... что из этого следует?

— Из твердого знака? — Ян Яныч снова улыбнулся.

— Из всей ситуации...

— Объясняю... Сегодня совершенно случайно, вместе со своим приятелем, которого я знаю давно — он иногда помогает мне по хозяйству, ваш сын заглянул ко мне в «Арцеуловъ»...

— С «твёрдым знаком»... — заметил папа.

— Именно!.. Это ведь не просто заведение общепита, а своего рода клуб. В основном для водителей нестандартных маршрутов, летчиков местных линий, речников и... всяких творческих личностей...

Я побоялся, что папа скажет «Представляю себе...», но он молчал.

— Для пущей экзотичности там под потолком висит самолёт старинного вида, а среди столов бродит обиженный на жизнь мальчишка-робот японского происхождения... Кстати, он сейчас просился со мной, но я решил, что это было бы слишком экстравагантно... В общем, там есть на что посмотреть, и естественно, что Клим проявил некоторое любопытство. Тем более что нашлись и общие темы для разговора. Например, история старого кукольного театра, о котором в Тюмени уже не помнят... Я показал ребятам комнату моего старого друга на втором этаже, фотографии, рисунки, антикварные часы. И... не думал, что это может быть расценено, как криминал. Хотя сейчас отдаю себе отчет, что у вас могли возникнуть опасения. В самом деле: что за «Арцеуловъ», кто такой Коженёвский?.. Поручителей за мою порядочность так сразу не найдешь. Может быть, общие знакомые по университету? Но вы, Аркадий Григорьевич, кончали филфак, а я философский...

— Вот как! — сказала мама. — А не будет ли нескромным... Ян Янович... мой вопрос? Почему вы, обладая вузовским дипломом, выбрали... совсем иную специальность?

— Вопрос логичный... — Ян Яныч светски наклонил голову и опять мельком взглянул на меня. — Но я,

по правде говоря, не выбирал. Выбрала судьба. У меня был хороший товарищ, с которым я одно время набирался... философского опыта на Кавказе. Так получилось. Вернулись мы сюда вдвоем, но он, к сожалению, скоро уехал из страны. В теплые края, лечиться. Понимаете, на Кавказе мы были не в курортных зонах... И товарищ уступил мне за бесценок это самое кафе. А ему оно досталось от дядюшки. В общем, запутанный сюжет. Я решил следовать этому сюжету. Тем более что на втором этаже обитал мой давний учитель, Леонид Васильевич... Я понимал уже, что философией можно заниматься где угодно: за прилавком бара, в кабине самосвала, в бочке Диогена, в стрелковой ячейке... Даже в камере, куда должны принести чашу с цикутой...

— Последний вариант особенно экзотичен, — серьезно сказал папа.

— Да... И убедился, что все эти варианты дают запас материала для диссертаций не меньше, чем аспирантура. При желании, конечно...

— Прямо скажем, тема для сценария, — заметил папа.

— Да... — опять кивнул Ян Яныч. — Кстати о сценариях... И о тех, кто мог бы засвидетельствовать мою лояльность к законам и нравственности... Мое кафе названо не в честь знаменитого летчика, а в память о моем старом друге Леониде Васильевиче Арцеулове, старожиле Турени, известном авиамоделисте. Вам, Аркадий Григорьевич, ничего не говорит это имя?

— Увы...

— Но вы учились у Всеволода Сергеевича Глущенко, автора известных книг. Он никогда не рассказывал вам и другим студентам истории из своего детства? Знаю, что многие писатели склонны к этому...

— М-м... Кое-что рассказывал. Например, о своих

первых стихотворных опытах, о путешествиях с друзьями на хлипкой плоскодонке с парусом...

— Во-от! Экипаж плоскодонки состоял из трех мальчишек и девочки. Кстати, моей будущей двоюродной тетушки. А младший из трех мальчишек — Леонид Васильевич Арцеулов, по-тогдашнему — Лёнчик... Был самый молодой, а вот случилось, что друзья живы, а его уже нет...

Я сунулся к собеседникам:

— Значит, Всеволод Глущенко — это Лодька?

— Он самый, Клим... И если бы Леонид Васильич был жив, он позвонил бы своему другу Лодьке и попросил: поручись за добропорядочность Яна Коженёвского перед папой и мамой Клима Ермилкина...

Папа выпрямился на стуле. Сказал с некоторой важностью:

— Это было бы излишне. Сказано и без того достаточно... Однако, Ян Янович, вы понимаете, что до сей поры у нас были основания для некоторых опасений...

— В наш кошмарный век... — добавила мама.

— Еще бы не понимать, — выдохнул Ян Яныч и потер впалые щеки. — Ну... Я рад, что мы поняли друг друга. А за сим... — он поднялся, — я позволю себе попрощаться. Надо спешить, сейчас приятели Клима приведут бесприютного пса. На мою долю выпало обеспечить этому четвероногому достойное существование. — Он подмигнул мне.

— Ма-а! — взвыл я. — Па-а!..

— Иди, — сказала мама. — Но только до девяти, не позднее.

— Да, — согласился папа. — Хотя вздуть тебя все же следовало...

— В другой раз! — Я показал Лерке язык и кинулся надевать кроссовки. Потом спохватился: — Мама, а мобильник!..

ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Бумсель был восхитительный пес! Увидев знакомых, он буквально выворачивался наружу от радости и любви. Прыгал, кувыркался. Лизал руки и колени, взвизгивал. Показывал, что отдаст за своих друзей голову, хвост и душу... Ну да, за друзей. А если чуял, что этим друзьям кто-то хочет навредить, он превращался в снаряд с начинкой из ярости. И недаром баба Ника, бабушка Вермишат, срочно потребовала «убрать с глаз долой эту окаянную скотину!» Дело в том, что утром того дня Саньчик и Соня пошли в магазин за хлебом, а Бумселя взяли с собой и ему, Бумселью, вдруг показалось, что некий Тюня Дым (бестолковый соседский парень допризывного возраста) проявил к ребятишкам недружелюбие. «Чё ходите тут у моих ворот, валите на другую сторону!..» И замахнулся...

Хрипящий от справедливой злости ком черной шерсти повис сзади на Тюниных штанах. Чтобы спастись, Тюня Дым выскочил из штанов и укрылся за калиткой. А потом Тюнина мамаша пришла с претензиями к бабе Нике...

И кто бы мог поверить, что это лижущее тебя, изывающее от ласковости существо способно на подвиги?

Но свои способности Бумсель подтвердил вскоре, как поселился в «Арцеулове». Ночью он «обезвредил» поджигателей.

Поджигатели наведывались к «Арцеулову» регулярно. Очень уж много было желающих спалить древнее строение и на его месте (которое надеялись купить по дешевке) устроить комфортабельную автостоянку.

— Идиоты, — говорил Ян Яныч. — Здесь же камеры слежения и двойная блокировка эм-полем. Нет, все равно прут... И никакого соображения, что место это никто им не уступит, пусть все горит ясным пламенем...

В тот раз, прежде чем сработали камеры и эм-поле (мы с Чибисом не знали, что это такое), из дома вылетел Бумсель. Первому поджигателю он с лету прокусил задницу, а у второго повис на куртке, как мохнатая бомба. Тут же появился Ли-Пун, который дежурил в «Арцеулове» по ночам. Он сгреб обоих злоумышленников (ему помогал Шарнирчик). Их сдали подкавившей милицейской бригаде. Командир бригады лейтенант Палочкин (знакомый Яна Яныча) сказал Бумселью:

— Тебе полагается медаль...

Бумсель не возражал. Он стоял перед милиционерами на задних лапах и демонстрировал готовность нести службу с прежним рвением.

Днем Бумсель обитал в комнатах нижнего этажа, где угощались посетители. Вел себя с ними по-приятельски, танцевал иногда, кувыркался и охотно принимал угощения. Ночевал он на втором этаже — или в комнате Леонида Васильевича, или на подстилке у лестницы. Одиночества Бумсель не боялся. Видимо, своим собачьим инстинктом он ощущал, что совсем неподалеку спят (или будильно дежурят) его друзья. Стоит только гавкнуть... Впрочем, иногда вместе с Бумселем ночевал наверху Шарнирчик.

Саньчик и Соня навещали Бумселя каждый день. Говорили, что скучают без него. И Бумсель скакал вокруг них, изнывая от восторга. Когда он слегка успокаивался, Ян Яныч сгребал ребятишек за плечи и вел в закуток для «особых гостей». Через плечо говорил своей помощнице, официантке Алине:

— Лина-свет, подкорми народ...

Первые разы Саньчик и Соня стеснительно отказывались. Соня даже сказала однажды:

— Мало того, что привели вам лохматого обжору. Теперь еще и сами...

— Цыц! — картишно вознегодовал Ян Яныч. — Я не могу допустить, чтобы гости «Арцеулова» выглядели тощими и голодными. Это дискредитирует мое заведение. Знаете, что такое «дискредитация»?

— Не-е... — опасливо отозвались брат и сестра.

— В таком случае не пикайте, — велел хозяин кафе. Мало того. Чтобы «мелочь» не дискредитировала кафе своим обшарпанным видом, Ян Янович послал Алину в магазин «У Карлсона». Алина принесла оттуда Вермишатам обновки: одинаковые желтые футболки с разноцветными гномами на пузе и джинсовые бриджи с блестящими пряжками на широких лямках. «Мелочь» обрадованно вздыхала. Но потом Соня забеспокоилась:

— Бабка спросит: откуда?

— А мы соврем, что мама с папой прислали! — осенило Саньчика. — С дядей Колей, который приезжал недавно!

То, что говорить бабе Нике о дружбе с Яном Янычем не следует, оба понимали четко. Бабка сразу усомрит здесь что-нибудь непотребное...

В ответ на заботы Яна Яныча и Алины ребятишки принялись каждый день помогать им в уборке посуды со столов и в наведении порядка: мусор вынести, прилавок протереть, разложить салфетки...

Мы с Чибисом тоже часто появлялись в «Арцеулове» и тоже старались помочь. Учебный год кончался, уроков задавали мало, свободного времени хватало. Нам здесь, у Яна Яныча, было всегда интересно. Даже непонятно почему. Интересно просто так. Ходить, смотреть, слушать. Следить, не появилась ли новая муха-наблюдательница (Чибис подбил еще двух). Видеть, как суетится в пальцах Чибиса рогатулька, тыкаясь рукояткой в разные стороны. Слушать непонятные разговоры крепких мужчин о «непредвиденном расслоении трасс», «неадекватных векторах» и «грузах

для неучтенного сектора в сфере «бэ». Я был почти уверен, что среди этих дядек в кожаных жилетках и рубашках с непонятными знаками на погончиках есть люди с межпланетных крейсеров или НЛО. И удивлялся тому, что мне это *не казалось удивительным*. Чибис, по-моему, чувствовал что-то похожее. Но мы с ним редко говорили о странностях кафе «Арцеуловъ». Будто оба опасались, что лишние разговоры спугнут эти странности и все станет обычным.

Один раз я, правда, спросил Яна Яныча: что за значки на рубашках гостей-пилотов и о каких это сферах они рассуждают. Ян Яныч отмахнулся:

— Я и сам не разбираюсь... Столько всего тут... Впрочем, как-нибудь побеседуем подробнее...

Он был постоянно занят. Обсуждал дела с Ли-Пуном и Алиной, ругался с Шарнирчиком, что-то разъяснял посетителям, кому-то звонил то по мобильнику, то по большущему телефону старинного вида. Подписывал бумаги и принимал привезенный в фургонах товар... Но он ни разу не сказал нам, чтобы не путались под ногами и не надоедали...

Иногда Ян Яныч давал нам ключ от верхних комнат:

— Погостите у Леонида Васильича...

И мы шли на второй этаж. Разглядывали старые географические атласы, журналы со схемами старинных самолетов, альбомы с «улыбочными» портретами. Не все улыбки нам нравились. Но были и правда очень славные. Например, кадр с веселым Буратино из фильма о золотом ключике или портрет художника Рибера «Хромоножка». На нем мальчишка, у которого, сразу видно, несладкая жизнь, а улыбка — всем людям навстречу...

Но больше всего нам, конечно, нравился «Агейкин триптих», где три его портрета. И особенно — средний рисунок, с улыбкой. Чибис однажды догадался его сфо-

тографировать. Навел свой мобильник, нажал кнопу, сверкнула вспышка. И... вот уж чего мы не ждали! Телефон отозвался сигналом. Но это была не обычная мелодия вызова, а мотив того самого вальса! Как в часах...

Ранней весной просыпается дом,
Тихо сосульки звенят за окном...

— Вот это подарочек... — выдохнул Чибис.

А я пожалел, что в моем стареньком мобильнике испортилась фотокамера. А впрочем... я, наверно, не решился бы навести объектив на смеющегося Агейку. Сам не знаю почему. Так же, как не решался улыбнуться часам с журавлятами. Вдруг не будет ответной мелодии? И тогда — что? Значит, я в чем-то виноват? Перед Агейкой, перед всеми на свете... Я сам не знал, в чем моя вина, и все же опасение не пропадало...

Иногда с нами приходили в эту комнату Саньчик и Соня. И сразу притихали — как в гостях у строгих хозяев. Забирались в кресло и разговаривали шепотом. Даже Бумсель, если появлялся с ними, не ревился, а тихо ложился у порога.

Историю про Агейку Вермишата выслушали внимательно, Агейкины портреты поразглядывали с почтительным интересом, но сами ни о чем не спрашивали...

Зато внизу, в кафе, братец и сестрица скоро освоились лучше нас. Уходили в какие-то неведомые нам помещения, исчезали надолго.

— Где это вы шастаете? — сказал я однажды. — Ян Яныч узнает, что вы суетесь, куда не следует, покажет вам, где ежики загорают...

— А он знает, — беспечно отозвался Саньчик. — Чего такого? Говорит: «Гуляйте, где хотите. Если заблудитесь, Шарнирчик отыщет...» И вы можете гулять, если интересно...

В голосе Саньчика даже скользнула нотка превосходства.

Я рассказал про этот разговор Чибису. Он согласился:

— В самом деле, надо бы побродить по кладовым и подвалам. Вдруг найдем что-то интересное...

— Да что там может быть?

— Кто знает... Снаружи дом небольшой, а внизу вон сколько всяких помещений. Похоже, что раньше на этом месте была то ли фабрика, то ли рынок какой-то...

— Да ничего тут не было! Я старую карту Тюмени смотрел! Раньше здесь напрямую проходила Полицейская улица...

— А еще раньше, до всяких улиц? Говорят, была старая крепость... А еще...

— Что еще-то? — недовольно сказал я. Потому что рассуждения Чибиса были правильнее моих.

— А еще всегда, наверно, было «острие иглы»...

На следующий день мы покрутились в большом зале, помогли Шарнирчику убрать со столов и незаметно просочились в одну из узких дверей позади стойки. В ту, за которой еще не бывали.

Ну и что? Да ничего. Здесь было еще одно помещение с дощатыми столами — без окон, с лампами под бетонным потолком. За длинным столом, задрав на спинки стульев ноги, сидела косматая студенческая компания. Тощий парень в драной безрукавке бренчал на гитаре, а остальные голосили:

В гареме нежится султан,
Эх, султан!
Ему счастливый жребий дан,
Жребий дан!
Он может девушек любить —
Хотел бы я султаном быть!..

На нас «любители гарема» не обратили внимания. Мы проникли к следующей двери, она пряталась за высоким никелированным баком... И за этой дверью оказалось помещение для гостей. Только гости — не похожие на студентов. Какие-то слишком «ученого» вида — очкастые, в пиджаках и перекошенных галстуках. О чем-то спорили. Один из них стоял над остальными и возбужденно доказывал:

— Следует осознать в конце концов, что природа нулевого портала не зависит от эмоций проникающих в него особей, и...

Маленький курчавый дядька в старомодном пенсне вдруг вскочил:

— Нет, зависит! И непонимание этого фактора чревато многими срывами в программе...

Потом они оба посмотрели на нас. Высокий сказал:

— Привет, племя младое... Интересуетесь природой многомерных конфигураций?

— Ага! — находчиво отозвался Чибис. И потянул меня дальше.

Мы попали в коридор с уходящим вниз полом. По сторонам видны были в слабом свете лампочек приоткрытые двери. Мы наугад сунулись в левую. Там оказалась пустая комната с круглым люком посреди кирпичного пола. В люке видны были ступеньки винтовой лестницы.

— Спускаемся? — шепнул Чибис.

— Что-то боязно... — сказал я.

— Ага, — согласился он. — Зато интересно.

И мы стали спускаться. А чтобы приглушить боязнь, я заметил на ходу:

— Сколько у Яныча посетителей, да? А сразу и не заметно...

— Много... Потому он и не страдает от бедности. Несмотря на кризис... Но у него в бизнесе нет ничего такого... нечестного.

— Почему ты так уверен?

— Ну, ты же сам видишь, *какой он!*.. И однажды он сказал: «Всякие сделки с совестью сводят на нет чистоту экспериментов...»

— Чибис, каких экспериментов?

— Понятия не имею, — признался Чибис. И вдруг хихикнул: — Может, связанных с «нулевым порталом»?

— А это что?

Чибис опять сказал, что не имеет понятия. И добавил:

— Но ты же понимаешь, наверно, что Яныч — не простой владелец кафе.

Это я понимал. И не раз ломал голову: какие дела скрываются за обычным «кафешным» бизнесом Яныча? Что за люди собираются за дощатыми столами (и похоже, что порой засиживаются до утра)? Хотя вроде бы секретов в «Арцеулове» нет. Вон, даже двери нигде не запираются... Но с Чибисом про это мы до сих пор не говорили — будто оба стеснялись чего-то. Да и сейчас разговор оборвался. Потому что закончилась лестница.

Мы пришли в круглое помещение, посреди которого стоял большущий аквариум. В нем неподвижно висела среди водорослей метровая рыба с человечьими глазами на выпуклом лбу. Я как глянул в эти глаза, так отвернулся и больше не смотрел.

У круглой стены стояли на железных треногах квадратные рамы с натянутой фольгой. Фольга тихонько п позванивала, хотя мы на нее даже не дышали.

— Что это? — сказал я.

— Не знаю... Похоже, что какие-то фильтры...

— А что они фильтруют?

Чибис глянул на меня сбоку и сказал то ли всерьез, то ли слегка дурачясь:

— Может, человеческие желания. Вредные отбрасывают, хорошие пропускают...

— Это чтобы птичка-колибри не забыла сесть на гаубицу?

— Ну да, — согласился Чибис уже вполне серьезно.

— А рогатка дергается? — вдруг вспомнил я.

— Чуть-чуть... — Чибис приподнял край футболки и потрогал кармашек с большой желтой пуговицей у пояса. Хотел вынуть рогатку, но та зацепилась за пуговицу. Чибис шепотом ругнулся: «Вот зараза...»

— Отрезал бы ты это украшение, — сказал я. — Оно ведь ни за чем не нужно... Или тетушка заругает?

— Лень возиться. А она нисколько не заругает. Ей-то что? Сказала недавно: «Можешь ходить, в чем хочешь...» А я в ответ: «Я в этом как раз и хочу, мне нравится...» Она только рукой махнула. Видать, решила, что я неисправим...

Вышли в новый коридор. Там были разные двери, а между ними стояли ящики с китайскими наклейками.

Мы не стали больше соваться ни в одну дверь, а зашагали по коридору, и он привел нас к широкому выходу. И... вот ведь удивительное дело! За распахнутыми створками сиял солнцем знакомый двор! Казалось бы, должно открыться подземелье. Ведь мы недавно шли вниз по наклонному полу, потом спускались по вьющейся лестнице. И вдруг — снова на обычном уровне!..

— У меня, кажется, сдвиг по фазе, — сказал я.

— Вон Ли-Пун, — сказал Чибис. — Как бы не сделал нам «сдвиг» за то, что лазали куда не надо...

Ли-Пун приветливо помахал нам растопыренными пальцами. Он распоряжался у раскрытоого фургона. Незнакомые грузчики укладывали на ручные тележки пестрые коробки и везли к дому. Мы подошли — не прятаться же теперь.

— Как погуляли любопытные мальчики? — сияя улыбкой, спросил Ли-Пун. — Что видели интересного?

Небось думали, что там сокровища Монте-Кристо и оружейные склады? А?

— Ничего мы такого не думали, — сумрачно сказал Чибис.

Ли-Пун продолжал улыбаться.

— Одна просьба, господа разведчики. Если вдруг увидите дверь с надписью «Компьютерная», ни при каких обстоятельствах не суйтесь туда... А если вы все-таки... хе-хе... «ни при каких обстоятельствах не сунетесь», не приближайтесь к сундуку и монитору. И Саньке-Соньке скажите, чтобы не приближались. И уж ни в коем случае ничего там не нажимайте. А то подымется такой трам-тарарам, что будет слышно в моем родном Шанхае...

Я понял, что с этой минуты буду жить с постоянным желанием «сунуться и нажать». И хмуро спросил:

— А почему там не заперто, если нельзя входить?

— Ба! — воскликнул Ли-Пун не с китайским, а с каким-то кавказским акцентом. — Какие запоры помогут от любопытных мальчиков!

Разговор оборвался, потому что подлетели к нам Саньчик и Соня. Ликующий Бумсель выписывал вокруг них эллипсы и восьмерки. Никелированные пряжки на джинсовых лямках разбрасывали сияющие вспышки. Сами братец и сестрица тоже сияли:

— Клим, Чибис! Вас дядя Ян зовет! Говорит, что сейчас куда-то поедем!

ПОДАРОК ШЕВАЛЬЕ АРАМИСА

Ян Яныч сидел в своей комнатушке, которую гордо называл кабинетом (а мы с Чибисом — «конторкой»). Крутнулся к нам на вертящемся стуле. Лицо его было серьезным. Даже слегка смущенным.

— Есть предложение, господа компании... Надо съездить на Андреевское озеро... Нынче дата смерти Леонида Васильича. По обычай полагается запустить над озером его самолет. Такое вот ритуальное действие... В прошлом году мы запускали с Ли-Пуном, а нынче он занят, говорит: возьми ребят... Как вы смотрите на это?

Мы смотрели... нехорошо говорить, что с радостью, потому что дата печальная, но... проехаться до озера, увидеть в полете громадную модель!

Мы сдержанно сказали, что готовы катить хоть к Черному морю.

Машина у Яна Яныча была, прямо скажем, не как у крутого бизнесмена. Старенькая «пятерка», вроде той, что когда-то возила наше семейство. Но у нас она давно развалилась от ветхости и перегрузок, а эта выглядела еще бодрой. «Эвклид» был закреплен на багажной решетке крыши — крылья сняты и примотаны вдоль фюзеляжа. У машины топтался Шарнирчик и канючил, что его опять «никуда не берут».

— Как в моторе копаться, так Шарнирчик. А как ехать — сразу фиг на солидоле...

— А кто работать будет у столов? — сказал Ян Яныч.

— Ди арбайт ист нихт вольф унд ин вальд нихт ферляуфен... — дерзким жестяным голосом сообщил Шарнирчик.

— Чего это он? — спросил я.

— Ругается на ломаном немецком, — разъяснил Ян Яныч. — Работа, мол, не волк. Нахватался у студентов с романо-германского факультета... Шут с тобой, садись, зануда ржавая...

— Сам такой... — Шарнирчик, хлюпая великанскими кедами, полез на заднее сиденье. За ним влетел Бумсель. Цепляясь друг за дружку локтями и коленками, полезли Соня и Санчик. Мне и Чибису Ян Яныч сказал:

— В соответствии с незыблемыми постулатами автоинспекции на переднем сиденье могут ехать дети не моложе двенадцати лет. Дети, кто из вас не моложе?

Мы с Чибисом были оба «на тринадцатом году» и дернули жребий (травинки из кулака) — кому ехать впереди? Выпало мне.

Чибис, кажется, надулся.

— Если хочешь, садись вперед ты, — быстро предложил я.

— Еще чего... — Он, сопя, забрался в левую заднюю дверь. — Шарнир, убери свой шарнирный сустав, он мне прямо под ребро...

— Мы возьмем Бумселя на колени, будет просторнее, — примирительно сказала Соня. Бумсель взвыл от радости.

Поехали. Наша главная улица — длиннющая, но в конце концов она превратилась в загородное шоссе. На обочинах облетала черемуха и набухала сирень. Я подумал, что на обратном пути надо наломать букет...

Длинный фюзеляж модели торчал носом впереди кабины. Я видел, как от встречного воздуха вертится красный пропеллер. Мне это нравилось — будто мы на самолете!

Свернули на заросший проселок, пересекли узкую рельсовую колею. Я понял, что это детская железная дорога, которая огибала озеро, она давно уже не работала. Ян Яныч вывел машину прямо к ярко-синей воде, на твердый песчаный пляжик. Никого кругом не было, только в ближних камышах копошилась птичья живность — не разглядеть какая...

Озеро было широченное, другой берег — далеко в дымке. Висели желтые кучевые облака. Пахло осокой и мокрым песком.

Сняли с багажника модель, отвязали крылья. Их толкнул ветерок. Ян Яныч начал прилаживать крылья

к фюзеляжу, Шарнирчик умело помогал ему — видеть, был у роботёнка опыт. Мы с Чибисом давно уже не удивлялись, что механический пацан ведет себя, как живой. Будто обыкновенный наш приятель...

Скоро белый полупрозрачный «Эвклид», готовый к полету, стоял на песке и подрагивал в набегающих с озера струйках воздуха.

Из ближних кустов пришла маленькая тонконогая птица с хохолком, встала рядом, смотрела на модель и на нас, наклонив голову. Я в птицах совсем не разбираюсь и подумал, что это, может быть, чибис. Пришел посмотреть на родственника. Но я ничего не сказал: вдруг Чибис опять надуется...

Ян Яныч попросил:

— Сонь-Саньчики, сбегайте до ближней лужайки, там должны быть одуванчики. Принесите букетик.

Те ускакали, сверкая пряжками, Бумсель рванул за ними. Промчался мимо птицы, но та не шелохнулась. Ян Яныч достал похожий на мобильник пульт, понажимал кнопки, у самолета подвигались закрылки...

— То-то же... — хмыкнул Ян Яныч.

Старинные самолеты принято сравнивать с этажерками. Ну да, наша модель тоже казалась улегшейся набок этажеркой. Но в то же время в нем была легкость, как в подготовленном к запуску коробчатом змее (однажды мы такой смастерили в лагере «Андромеда»).

Наперегонки с Бумселем примчались Вермишата. С пышным желтым букетиком. Ян Яныч сказал «молодцы», погладил себя одуванчиками по впалой щеке, открыл на боку фюзеляжа дверцу. Один за другим уложил в самолет стебли с желтыми головками, опустил крышку. Взялся за стабилизатор и повернул самолет носом к дальнему берегу. Потом выпрямился.

Мы тоже выпрямились.

Ян Яныч не стал говорить никаких слов. Просто нажал кнопку. Красный пропеллер шевельнулся, завертелся, превратился в размытый круг. Самолет задрожал «каждой жилкой». Побежал к воде, оставляя на твердом песке узорчатый след от маленьких шин. Птица-чибис (если это был чибис) отошла в сторону, но не улетела. «Эвклид» подкатил к самой кромке песка. «Ой! — толкнулось во мне. — А если в воду?!» Но у самой воды самолет приподнялся и стал набирать высоту.

Само собой получилось, что мы встали по стойке «смирно». А Шарнирчик даже отдал честь растопыренными пальцами из черного каучука. Или тоже случайно это вышло, или так полагалось...

Через полминуты самолет был уже высоко и далеко, выглядел игрушкой. Вдруг из него в воду один за другим стали падать цветы-одуванчики. Медленно летели к воде и ложились на ее синеву солнечным пунктиром.

— Вот и все, братцы, — негромко выговорил Ян Яныч. Понажимал кнопки, но самолет продолжал улетать. — Обычное дело. Вредничает, как Шарнирчик с недосыпом...

— А чё я сделал! — сразу возмутился тот.

— Ничего. Просто он не слушается пульта так же, как ты.

— А я тебе кто?! Кукла для выставки?!

— Не кукла, не кукла, — утешил его Ян Яныч. — Ладно, ребята, пошли в машину.

— А как же самолет? — сильно затревожился я.

— Да как обычно. Полетает и вернется...

Мы опять расселись в машине.

На обратном пути я вспомнил про букет.

— Ян Яныч, можно остановиться на минутку? Мама о сирени обмирает всей душой.

— И тетя Ага! — подскочил позади меня Чибис. — Она будет таять от радости двое суток...

— Хорошая идея... — согласился Ян Яныч и тормознул на обочине. — Только у меня к вам просьба, люди: не зовите меня больше по имени-отчеству. И обращайтесь на «ты». Мы сегодня вместе запустили самолет, это своего рода общее дело... Как-то объединяет души. Значит, уже не чужие люди. А?

— Ладно! — сразу и охотно отозвался Чибис. А я смутился, но тоже бормотнул:

— Да. Ладно...

Соня рассудительно решила:

— Мы тоже будем говорить «ты», но не «Ян», а «дядя Ян», как раньше. Мы же еще не такие большие, как Чибис и Клим...

— Годится, — сказал Ян Яныч. То есть Ян...

Мы с Чибисом наломали два букета. Я положил пахучую охапку себе на колени. Тяжелые гроздья прохладно защекотали кожу. Большинство цветков были еще бутончиками, но некоторые уже распустились. И я увидел цветок с пятью лепестками. Если не четыре, как обычно, а пять, это, говорят, к счастью. Надо сорвать и съесть.

Цветки сирени похожи на рупоры старинных граммофонов, только малюсенькие. Стебельки у них трубчатые. Возьмешь такой губами, втянешь воздух — и язык защекочет холодная тонюсенькая струйка. Я долго всасывал эту струйку, прежде чем проглотил счастье с пятью лепестками...

Чибис озабоченно сказал, что ему пора домой. Он жил в обшарпанной хрущевке в проулке за Тургеневской улицей. И Ян доставил его к самому подъезду. Потом он отвез на край лога Саньчика и Соню (Бумсель поскулил им вслед, но не сильно). И мы поехали на

улицу Красина. Меня не оставляла мысль об улетевшей модели. Казалось, что Ян слишком беспечен.

— Ян, ты точно знаешь, что «Эвклид» вернется?

Он быстро глянул на меня:

— Ты чересчур тревожная личность, Клим... Я не знаю *точно*. Однако надеюсь. Говорят, в крепкой надежде залог успеха... Раньше он всегда прилетал.

— А почему он не стал слушаться пульта?

— Наверно, управление перехватил Футурум. Это мой главный компьютер, подарок ребят из лаборатории «Прорва»...

— Какая прорва? — удивился я.

Ян хихикнул:

— Это шутливое название. Означает «Пространство и Разум Вселенского Антивакуума». Люди там занимаются проблемами искусственного интеллекта, который способен проникать в любую точку Вселенной, не считаясь со временем. Ну, ты же сам как-то упоминал о темпоральном поле...

— В книжке Накамуры про него кое-что написано. Только Накамура сомневается...

— Зря. Вот ребята из «Прорвы» не сомневаются. А *прорва* она еще и потому, что для проведения опытов жрет массу денег. Я один раз, в критический момент, подкинул им кое-какую сумму, и они возлюбили меня всем сердцем. И подарили одно свое детище — первую модель Футурума...

— «Футурум» означает «Будущее», да?

— Примерно так... У меня подозрение, что это «Будущее» они мне сплавили не столько в знак благодарности, сколько из желания избавиться от такой капризной штуки. Она, конечно, мудра, как тысяча Сократов до принятия цикуты, но порой выкидывает непредсказуемые вещи. И своюенравна... Шарнирчик

по сравнению с этим «символом будущего» — образец дисциплины...

Шарнирчик сказал, что он всегда образец.

— Вот почему Ли-Пун предупреждал, чтобы не совались в компьютерную! — догадался я.

— А! Предупреждал уже!.. А вы правда не совались?

— Мы не видели дверь. А то, наверно, не удержались бы...

— А хочешь, я покажу эту штуку сейчас?

Я хотел. Но...

— Ян, как-то нехорошо, если я один. Ребятам обидно будет. Особенно Чибису...

— Клим, не усложняй жизнь. Я покажу тебе, ты потом покажешь ребятам...

— Тогда ладно!

Мы пошли вдвоем. Узкая дверь хитро пряталась между штабелями фанерных ящиков. На ней — жестяная табличка с черепом и надписью: «Не влезай — убьет!» (Я сразу вспомнил рассказ про лодку трех друзей.)

— Никого Футурум, конечно, не убьет, — снисходительно разъяснил Ян. — Он понимает, что создан для человеческой пользы. Но выкинуть шуточку, от которой волосы дыбом, — это он способен...

Ян толкнул дверь, и она отъехала.

— А почему не заперто? — спросил я.

— Бесполезно. Шарнирчик повадился сюда, они с Футурумом любят философские беседы. А отпирать замки этот ржавый философ не умеет, постоянно ломает их. Ну, я и плонул...

Мы шагнули в низкую комнатку без окон, с неярким плафоном на потолке. Футурум оказался сундуком старинного вида, с горбатой крышкой, окованной жестяными полосками. Впрочем, возможно, это был настоящий сундук, который приспособили под компью-

терный кожух. Рядом блестел матовый стеклянный шар на высокой треноге. Диаметром чуть меньше метра. От сундука к шару тянулся кабель толщиной в мою руку. В серебристой оплётке. Я сразу понял, что шар — это дисплей, хотя на обычный экран он был вовсе не похож. В нем, даже в невключенном, ощущалось внутреннее пространство.

Я заробел. Спросил шепотом:

— А как включается?

— Без всяких кнопок. Голосом... — ответил Ян. Тоже шепотом. — Надо сказать: «Футурум-Футурум-Альфа»...

— А что такое «Альфа»?

— Да ничего. Просто часть пароля... Попробуй. Только не шепчи, говори отчетливо.

Я откашлялся, вздохнул. Застеснялся, но выговорил:

— Футурум-Футурум-Альфа...

В шаре засветился огонек. Вроде солнечного зайчика. Матовость исчезла, внутренность шара стала зеленовато-прозрачной. Зайчик погас, но в зелени вдруг... не то чтобы выступили отчетливо, но как-то ощущались два глаза (и я вспомнил большую рыбку в аквариуме). Над сундуком качнулся воздух, это «качание» сказало недовольным голосом проснувшегося сторожа:

— Ну, чего...

— Привет... Это Клим, — сообщил Ян почтительным тоном.

— Знаю, что Клим... — проворчал Футурум.

— Откуда? — не удержался я.

— Шарнир рассказывал. Говорил: белобрысый и тощий, как торшер на бамбуковых ножках.

«Ну, я ему, обормоту...»

— Футурум, старина, ты бы поделикатнее в сравнениях... — осторожно заметил Ян.

Голос Футурума стал чище, тоньше, в нем прорезалась усмешка:

— Точность — лучшая деликатность...

— Это ты увел «Эвклида»? — спросил Ян.

— А чего... Пусть полетает. А то болтается под потолком в табачном дыму...

— Не сочиняй, там не курят, — сказал Ян. — Для курильщиков есть специальная комната.

— Я в переносном смысле... А зачем пожаловали? Есть новости?

— Все новости ты знаешь лучше меня. И здешние, и во Вселенной... Кстати, как там, в «эм-девяносто один»? По-прежнему разбегаются?

— А чего им... — сказал Футурум.

— А «того», что растет дисбаланс. Боюсь, он ускоряет всеобщее потепление климата...

— Да ни фига... — сказал Футурум.

У Яна в нагрудном кармане засигналил мобильник.

— Да, — морщась, произнес Ян. — Что?.. О, Великие Миры! Вы что, не можете решить это дело без меня?.. Ну и что же, что старший инспектор! Ладно, сейчас...

Он повернулся ко мне:

— Пожарников опять принесло... Погости у Футурума, я скоро вернусь... Футурум, поиграй как-нибудь с Клином...

И Ян исчез. Я решил было, что Футурум заартачится: с какой стати он должен развлекать свалившегося на его голову мальчишку? Но тот сказал вполне приветливо:

— Ладно, давай. Какую игрушку тебе запустить?

Я растерялся. В компьютерных играх я был не силен, всегда застревал на самых нижних уровнях. Да и терпения хватало не надолго. А выглядеть полным беспесом перед многомудрым детищем «Прорвы» я не хотел. Отказаться?

Но Футурум вдруг предложил:

— Давай в «Репку»! Помнишь, была такая игра в «Андромеде»?

Он что, все знал про меня? Или читал мысли? Но я не успел ни удивиться, ни испугаться по-настоящему. Стеклянный шар вырос, его границы размылись в воздухе, внутри открылось пространство, посреди которого отчетливо виднелась заросшая грядка. В зелени желтела макушка великанской репки с метровыми листьями ботвы. Перед листьями топтался дедка — вроде бы и бумажный, и в то же время настоящий...

Я обмер. То ли от радости, то ли от непонятной печали. Показалось даже, что сейчас появится Рина...

В комнатке стояли несколько фанерных стульев. Я быстро положил на одно сиденье сирень, на другое сел верхом — подбородком на спинку, лицом к Футурому. Вернее, к дедке. Рина не появилась, но все равно чудилось, что она рядом. И пацанята из младшего отряда, которые держат в ладошках бумажных бабку-внучку-Жучку...

— Ну, давай... — снисходительно сказал Футурум.

Я понятия не имел, что «давать». Но спрашивать не стал, меня будто подтолкнули.

— Посадил дед репку... — сипловато выговорил я. (Дедка обрадованно закивал.) — Выросла репка большая-пребольшая... Стал дед тянуть репку...

Дед снова покивал и ухватился за ботву. Напряг руки, ноги, спину, вздернул острую бородку. Похожая на ведерко шапка слетела в межу.

— Тянет-потянет, вытянуть не может, — сообщил сгусток воздуха над сундуком. И добавил назидательно: — Вообще-то дед может вытянуть репку в одиночку. Но для этого надо правильно рассчитать коэффициент разности между локальным гравитационным полем и усилиями мобильного индивидуума. Тогда случится скачок на другой уровень...

— Не-е... — сказал я. Не хотел другого уровня. Хотел, чтобы появилась бабка — как *тогда*... И где-то укрывшиеся малыши обрадованно завопили:

Появляйся, бабка, появляйся, Любка!
Появляйся, ты моя сизая голубка!

Бабка появилась (тоже бумажно-настоящая), и я за-смеялся.

Футурум опять спросил про коэффициент и про новый уровень. Я замотал головой...

И под азартные вопли «артемидовских» малышей появились внучка, потом Жучка, за ней кошка...

И вдруг все замерло. Сделалось неподвижным, как цветная фотография. А Футурум официальным тоном сообщил:

— Когда репка будет выдернута, произойдет переход на уровень, где разыгрывается сказка про марсианский колобок с решением задач трехмерных шахмат нового поколения и построением темпоральных конфигураций в гипотетическом пространстве «бэта»...

Я заморгал. Осторожно спросил:

— А чего-нибудь попроще нельзя? — И напомнил: — Еще ведь и мышка не появлялась...

— Попроще — можно. Это как раз касается мышки. В данной игре мышка — не простая. Она та самая мышка, в которую превратился людоед из сказки про Кота в сапогах. Ее следует спасти от Кота, чтобы не сожрал. Иначе возникнет дисбаланс в пространстве «гамма». Ведь людоед не злодей, а сказочный персонаж. Если он будет проглочен, множество сказок прекратит свое существование. И репку не вытянут...

— А как ее спасти, мышку-то?

Заслонив огород с грядкой и всю «трудовую бригаду», возник в шаровом пространстве многобашенный замок.

— Игроку следует проникнуть в левую башню, найти в ней Кота и отвлечь его внимание искусственной мышью с электронным управлением...

Пространство еще больше расширилось, охватило меня, дожнуло запахом замшелого леса. От замка через лес протянулась мощенная булыжником дорога. Совершенно настоящая! И вообще все было такое настоящее, что я опрокинул стул и шагнул, чтобы ступить на булыжники. «Только где взять электронную мышь?» — мелькнуло у меня.

Но эту мысль перебила новая неожиданность. Заслонив замок, возникла на переднем плане смутная, плохо различимая фигура. Она сидела на валуне. Впрочем, валун и фигуру почти сразу отгородила от меня кирпичная стена с окошком старинного вида. Фигура теперь маячила за окном. Через подоконный выступ ко мне протянулась длинная нога в башмаке с пряжкой и рыжем, заштопанном крупными стежками чулке. С потрепанным бантом под коленом. Потом — вторая. За бантами показались бархатные штаны с медными пуговицами и с заплатами на коленях. Я отскочил.

Следом за штанами возник малиновый камзол с поズументами (и тоже с заплатами), широченные обшлага с кружевами, замшевые перчатки. И наконец появился весь хозяин потрепанного дворянского наряда. Вылез из компьютерного пространства прямо сюда, к опрокинутому стулу.

Я отскочил еще дальше. Внутри у меня перепуганно ухало. И все же настоящего страха не было. Было любопытство: что дальше?

У дворянина была длинная шпага на перевязи, широкая шляпа с перьями, круглое лицо с торчащими усами и зеленые глаза. Дворянин сдернул шляпу, широким взмахом перьев подмел передо мной пол, вы-

прямился и вновь водрузил шляпу на растрепанные локоны.

— Сударь! — возгласил он высоким голосом. — Позвольте представиться. Мое имя — шевалье Арамис!

— О... — только и сказал я.

— Да... Но не следует полагать, что я — один из персонажей Дюма. Это просто совпадение. Если же смотреть глубже, то я... — на секунду он замялся. — Я, правду сказать, по натуре своей Кот в сапогах...

Кот не кот, но дядька был совершенно настоящий. От его камзола пахло пыльным бархатом, как от потертого кресла. Что это? Галлюцинация, гипноз, еще один трюк искусственного разума, рожденного в лаборатории «Прорва»?

Как бы то ни было, а игру полагалось продолжать. Потому что чудилось: где-то неподалеку, в соседнем пространстве, ждет ее окончания девочка Рина со своими малышами.

Я прошелся глазами по шевалье Арамису, по его заштопанным чулкам и пробормотал:

— А вы... если вы Кот, где ваши сапоги?

— Увы! — горестно возгласил шевалье. — Увы и увы! Пришлось продать. Кризис, он везде кризис, безденежье. Загнал своих красавцев с отворотами и шпорами за полцены...

— Жалко...

— Да... Но от своей роли никуда не сбежишь. И посему я должен предупредить вас, месье Клим, что именно со мной вы должны решить вопрос о злополучной мышке. Обмануть меня не удастся: коты нынешней формации не реагируют на электронных мышей. Если хотите проникнуть в замок и добыть живую мышь для решения огородной проблемы, вам следует вступить со мной в поединок... — И он выволок из ножен длинношее плоское лезвие. — Угодно вам начать бой?

Я понял, что мне совсем не угодно. Шпага кота Арамиса была — почти что меч. И от нее вполне натурально пахло холодным железом — как от автомобильной рессоры на свалке. Самое правильное было сказать: «Извините, шевалье, но доиграем после. Мне пора домой...»

Тут меня осенило:

— Но, сударь! Я же не могу драться, у меня нет оружия!

— Оглянитесь, месье...

Я оглянулся (хотя очень не хотелось).

На сиденье одного из стульев, поодаль от нас, лежала тонкая рапира с узорной рукоятью. На блестящем клинке горел блик от плафона. Клинок был острый. У Кота, кстати, тоже.

«Что за нечистая сила сунула меня к этому Футурому? А может, здесь заговор? Может, пропорет меня шпагой, а потом — на запчасти, в подпольную клинику... Мамочка, не видать тебе букета...»

Но пришлось взять рапиру (она оказалась легкая, удобная). И пришлось встать в исходное положение — левая рука назад, оружие наклонно вниз. Арамис (мерзавец!) обрадованно встал так же. Сказал, шевеля кошачьими усами:

— Должен честно предупредить, месье Клим. Я владею шпагой не хуже, чем Арамис из мушкетерского романа. Впрочем, и вы, кажется, имеете навык?

Он что, знал о наших со Стасиком Барченко боях на ореховых прутьях? Издевается, скотина... Руки и ноги ослабли. Арамис же учиво продолжал:

— Должен заметить, что нам вовсе не обязательно убивать или сильно ранить друг друга. Достаточно, если после небольшой царапины противник признает себя побежденным. Если я — мышка ваша. Если вы... ну, вы понимаете...

Конечно, я признаю! После самой легкой цар-пинки! Или даже вовсе без нее. Главное — не показать себя полным трусом, соблюсти дуэльный этикет (так это называется, да?). Мышку, разумеется, жаль (хотя она и людоед), но себя все-таки жаль не в пример больше.

Арамис отдал салют и принял боевую стойку. Я обмороочно вздохнул — и тоже...

— Еще секунду! — сказал Арамис. — Оговорим условия. Для большего интереса. Мышка мышкой, но давайте условимся и о залоге...

— О каком? — слабо выговорил я. (Скорей бы все это кончилось! Или появился бы наконец Ян! Если он не сообщник Кота...)

— Если бой выиграю я, вы отдаете мне ваш букет. В нашем пространстве почему-то вовсе не растет сирень...

Я кивнул. Конечно, и сирень жалко, ну да ладно, быть бы живу. И все же я слабым голоском спросил:

— А если я?..

— О! Тогда я вручу вам удивительную вещь...

— Какую?

— Не пожалеете, если получите ее... А если не получите, зачем вам знать? Лишнее разочарование... Ну-с, вы готовы?

Я был совсем даже не готов, но он сделал выпад! И пришлось отбить. Это у меня (наверно, с перепугу) получилось довольно ловко.

— О! — сказал Арамис. — Недурно! — И атаковал снова. И я отбил его атаку опять — наружу, шестой защитой.

Он сделал перевод, а я (совершенно машинально!) батман и ответный выпад.

— Ого... — сказал Арамис. Даже с некоторой опаской. И эта опаска меня подбодрила.

В общем-то бой получался похожим на учебное занятие, вроде как у нас со Стасиком. Самые простые движения. И я вдруг подумал, что этот Кот Без Сапог — он все-таки не живая особа, а компьютерный персонаж, хотя и вылезший сюда, в наше пространство! Наверняка он был запрограммирован лишь на примитивные фехтовальные приемы. На стандартные!..

Я отступил, сделал вид, что сейчас атакую противника в третий сектор (так оно и полагалось по самым простым правилам). А на самом деле замер с опущенным клинком, выждал мгновенье, а потом чиркнул Арамиса кончиком рапиры по ноге. Легонько так, снизу вверх. Чулок разъехался.

— Ай... — сказал Арамис. Уронил шпагу, присел, прижал к прорехе ладони. — Это совершенно неожиданный прием... Я введу его в свою память. Но он сможет пригодиться мне только в будущем. А сейчас... увы...

Он расправился. На чулке вместо прорехи была свежая штопка.

— Увы, — повторил шевалье Арамис. — Я вынужден признать, что переоценил свои силы. Вы оказались достойным противником и одержали законную победу.

У меня затеплилась внутри скромная горделивость.

— А вы... тоже достойный... Подождите! Вот... — Я выдернул из охапки сирени большую ветвь, протянул Арамису. — На память...

— О-о... Я не смел и мечтать! У вас благородная душа, месье Клим!

Я, кажется, порозовел и осторожно напомнил:

— А как теперь с мышкой-то?

— О, не беспокойтесь! Подобные ситуации решаются автоматически. Мышка уже на грядке, репка выдернута, зрители и персонажи ликуют...

Я облегченно передохнул. Хотя жаль было, конечно, что не увидел, как выдернули репку (тогда и голос Рины мог бы, наверно, услышать).

— Пора прощаться, — сообщил Арамис и опять подмел перьями пол. — Я был искренне рад познакомиться с вами, месье Клим.

— И я, шевалье. Только... еще вопрос...

— Я весь внимание!

Может, было это слишком нахально, однако я не удержался, напомнил:

— Вы говорили, что, если я победю... тьфу, выиграю бой, вы что-то подарите мне...

— О! — Шевалье ударил себя перчаткой по лбу так, что шляпа съехала на затылок. — Прошу прошенья! У котов тоже случается склероз... Минуту!

Он сунул руку за отворот камзола и вытащил на свет ключик на цепочке. Серебристый, странной формы, с узорным колечком. Длинной он был со спичку.

— Вот! Этот ключ открывает любую дверь, если только в мыслях у открывающего нет ничего дурного... Это в память о вашем выигрыше и моей к вам симпатии... Кстати, Яну можете не говорить о своем трофее. Ключик — моя собственность, и дело касается лишь нас двоих... Прощайте.

Шевалье сделал шаг назад и упал спиной в глубину шара. Шар затянулся полупрозрачной оболочкой, обрел твердую форму, а у меня из руки исчезла рапира...

Третья часть

КОЛЁСА

КЛЮЧИК И ДРУГИЕ ТАЙНЫ

Да, рапира исчезла. Но ключик не исчез. Он лежал у меня на ладони, серебристо отражал свет плафона. И он был достаточно увесистым для своих маленьких размеров. То есть он был *настоящим*.

Странная была у него форма. Неровное овальное колечко, стерженек с утолщением, массивная бородка. Из стерженька торчала короткая проволочка, будто жало. Я подумал, что в карман ключик следует класть осторожно, чтобы не уколол сквозь подкладку...

Конечно, я показал ключик Яну сразу, как тот вернулся (а это случилось через пять минут).

— Вот... Это мне дал Арамис...

— Что за Арамис?

— Вы... то есть ты не знаешь?

И я рассказал про все, что тут выдал Футурум.

— Дела... — сказал Ян. Почти без удивления. Хотя и почесал в затылке.

Я покачал ключик на цепочке.

— Что теперь с ним делать?

— Как что? Оставь себе. Будет сувенир... или даже талисман. Может, пригодится когда-нибудь...

— Ян, а разве бывает так... ну, чтобы из виртуального пространства возникла настоящая вещь. Такая вот... материальная...

Ян поднял опрокинутый стул, сел на него, взял меня за локти теплыми пальцами, поставил перед собой. Мне показалось, что глаза его смеются.

— Клим, ты ясная и наивная душа... Все бывает во Вселенной, а особенно на *остриях иглы*. Большинству людей некогда вникать в загадки мироздания. Они на эти загадки смотрят как на фантастику. Давно уже установлены контакты с экипажами НЛО, прилетающими из сопредельных секторов пространства. Давно доказано, что многие атомы, подобно солнечным системам, хранят в себе целые цивилизации. Давно известно, что Время — это отдельный многогранный мир, который касается нашего мира лишь одной из своих граней... Есть люди, которые все это пытаются засекретить...

— Зачем?

— Затем, что они *чиновники*. У чиновников одно из неистребимых свойств — страх перед *необычным*. И страх, что это *необычное* станет понятным большинству людей. Когда люди осознают, как многогранен и бесконечен мир... не только мир космоса, но и мир внутри нас... они увидят, что нынешние ценности — деньги, все эти виллы, «мерседесы», миллиардные акции, власть над массами, предвыборные марафоны, владение нефтяными залежами — мыльная пена. Что главное — резонанс человеческих душ...

Он замолчал и как-то поскучнел. Я тоже молчал. Но потом одолел неловкость:

— Ян, я иногда... думал про такое... Только не умел сказать так четко.

Он опять оживился:

— Я знаю! И ты думал, и Чибис, и многие тысячи... Потому что среди тех, кто «не думает», не так уж редко появляются мальчики и девочки с тревогой за нашу планету и за Вселенную... Правда, потом они вырастают, и повседневная жизнь заглушает *этую* тревогу... Но не у всех...

«У тебя не заглушила», — подумал я. И решил еще на один вопрос:

— Ян... здесь ведь не простое кафе, да?

Он хмыкнул, отпустил мои локти, протянулся на застонавшем стуле.

— Скажем так. Это кафе «не для всех». То есть открыто оно для каждого... но главным образом собираются те, в ком не потерялась та самая тревога...

Я вспомнил мужчин в кожаных безрукавках и форменных рубашках, шумных студентов, всклокоченных очкастых спорщиков... Сказал осторожно:

— Разные они...

— Разные, конечно! Но умеют найти дорогу в этот притон. Будто в каждом шевелится рогатка Чибиса... Тут и доценты со всякими сумасшедшими гипотезами, и авторы формул для межпространственных порталов, и непризнанные поэты, и штурманы межпланетных челноков... (Будем считать, что это шутка...) И сторонники идей Бернара д'Эспаньята...

— Думаешь, я знаю, кто это такой? — слегка обиделся я.

— Это знаменитый французский физик, открывший немало премудростей квантового мира. Он создал концепцию Гиперкосмического Бога. Это, по его словам, незримое царство. Оно нематериально, но все-таки может быть осознано человеческим понятием. Правда, не до конца. Осознать полностью сущность Творца не может, конечно, никто...

— Кроме Него самого, — мудро вставил я. Мне понравилось, что вот мы с Яном ведем такую серьезную философскую беседу.

— Ты прав, дитя мое... — усмехнулся Ян. — А о концепции д'Эспаньята я недавно дискутировал с одним твоим знакомым...

— Это с кем? — удивился я.

— С отцом Борисом...

— Да какой он знакомый... А что он говорил?

— Поздно вечером он появился у меня с компанией вольнодумно настроенных тобольских семинаристов, мы завели разговор о тайнах мироздания, и Боря заявил, что философские идеи «этого квантового гения» — сплошная ересь. И что корни абсолютной истины можно искать лишь в глубинах православия...

— А ты?

— Я сказал, что при всем уважении к православной конфессии не могу понять одного: почему ее ортодоксы...

— Кто?

— Неколебимые сторонники... Почему они впадают в грех гордыни и заявляют, будто высшие истины известны им одним? Ведь Творец знал, что делает, когда вкладывал в человеческие головы множество религий. Видимо, Он считал, что у разных племен — разные пути познания...

— А он? То есть отец Борис...

— Он сказал, что я самоуверенный невежда, если пытаюсь по-своему излагать непостижимые планы Создателя... А я... Ну, ладно. Нас быстренько расташили, мы помирились... Кстати, в споре святой отец упомянул твою персону...

— Мою?.. Меня? С чего это он?

— Сказал: теперь понятно, у кого черпают подобные взгляды некие школьяры, вроде Клима Ермилкина...

— Да откуда он знает, что я здесь бываю?

— Думаю, от Шарнирчика. Они часто беседуют, уединившись в какой-нибудь кладовке... Борис пытается выяснить, есть ли у Шарнирчика живая душа, и, если есть, приобщить его к человеческим духовным понятиям...

— Не выяснил еще?

— Не знаю... А вот Бернар д'Эспаньят наверняка сказал бы, что душа у Шарнира есть. Недаром эта ржавая шпана так любит общаться с Футурумом.

— А Футурум-то здесь при чем?

— При том... Д'Эспаньят открыл так называемое «нелокальное квантовое спутывание» и...

— Подожди. Какое спутывание? Я сам спутался-запутался...

— Клим, — устало сказал Ян. — Ты не требуй от меня больше, чем я знаю. Я же полный чайник в этих вопросах. Я повторяю то, что запомнил в разговорах с ребятами из «Прорвы»... «Нелокальное квантовое спутывание», такое вот физическое понятие. Послужило основой всяких идей, на которых строятся квантовые компьютеры. Футурум — детище одной из таких идей, наиболее свежих. Похоже, что одушевленное...

— Куда я попал! — сказал я с веселым испугом. — Мама, я хочу домой...

Ян спохватился:

— Правильно, тащи маме сирень. Надо ее поскорее в воду...

— Конечно, сирень, а не маму, — уточнил я. И заспешил домой в обнимку с тяжелым букетом...

Мама обрадовалась ужасно! Разобрала сиреневый сноп на несколько частей, начала расставлять банки с зацветающими ветками по столам и подоконникам. Но при этом все время беспокойно оглядывалась. Я понял наконец — почему. В прихожую и кухню доносилось попискивание и хныканье. Из-за двери туалета. Понятно, что за дверью сидела Лерка.

— Что с ней? Живот схватило?

— Ничего у нее не схватило! Просто дурь в голове! Ушла туда, защелкнула замок, а открыть не может.

Замок в нашем туалете был дурацкий. Иногда его заедало так, что приходилось поворачивать защелку плоскогубцами — они там специально лежали на полочке. Но Лерка орудовать плоскогубцами не умела, это ведь не то, что ябедничать на меня родителям.

— Мама, да отопри ты ее!

— Я не знаю, где ключик! Сунула в кухонный ящик, а сейчас его там нет! Есть еще один, у папы в связке, надо ждать...

Ждать папу можно было до полуночи. И я подумал о ключике Арамиса. Может, попробовать?

Я не верил, что этот ключик и вправду может открыть любую дверь. Сказка компьютерного Кота в сапогах, да и только. И к тому же волшебство таких ключей надо испытывать где-нибудь в заколдованных замках или в каморке папы Карло. А тут — дверь обычного туалета! Ключик может обидеться, чего доброго... Но что делать-то? Лерка, хотя и вредина, но все-таки сестра...

Я покачал плоский ключик на цепочке, примерил к щелке-скважине. Он влез в нее лишь наполовину. Фиг он что откроет... Однако я попытался повернуть. И ключик повернулся! И дверь отошла!

Лерка, не надеясь на скорое освобождение, продолжала сидеть на унитазе. Видимо, решила, что, если уж нельзя выйти, надо «продолжить удовольствие». Она взвизгнула, натянула на колени подол.

— Балда, — сказал я. — Будто не видал я тебя без штанов... — И пошел в свою комнату.

Мама шагнула следом.

— Чем ты ее отпер?

Я помахал ключиком:

— Подарили сувенирчик. Он случайно подошел к замку...

Вроде бы и правда, и... никаких драматических подробностей. В самом деле, не рассказывать же маме о

поединке с Арамисом. Она или решит, что я свихнулся, или (что еще хуже) поверит и ударится в панику: «Ты опять хочешь для меня инфаркта?!»

А я не хотел. Поэтому второе испытание ключика провел незаметно. Осторожно вышел в коридор, мягко затворил за собой входную дверь, подергал — заперлась ли? Потом попытался вставить ключик в скважину. Казалось бы, это глупо: ключик плоский, а скважина — для круглого ключа. Пластиначатый кончик с проволочным волоском вошел в нее лишь чуть-чуть. Но все же я повернул ключик. Без всякой надежды повернул. Но услышал, как язычок замка втянулся в гнездо. Я надавил дверь плечом. Ура, открыто!..

— Что это ты гуляешь туда-сюда? — беспокойно спросила мама.

Я сказал, что выбросил в мусоропровод черновики своего сочинения. Врать, конечно, нехорошо, но...

На самом деле черновиков я не писал. Сочинения всегда катал сразу начисто, потому что «язык у мальчика подвешен» (по словам «мамы Риты»).

На этот раз надо было к понедельнику (который завтра!) написать что-то вроде рассказа — «Как я собираюсь провести лето». Конечно, это издевательство: задавать домашние сочинения, если до каникул несколько дней! Бабаклара так и выразился, когда «мама Рита» преподнесла нам такое задание.

— В чем ты, Лопаткин, усмотрел издевательство? — спросила Маргарита Дмитриевна официальным тоном. — Я полагала, что мое задание не выходит за рамки программы.

Бабаклара сказал, что выходит. За рамки. Принято задавать тему не «Как я проведу...», а «Как я провел лето». В начале учебного года.

— Не следует быть пленниками традиций, — сообщила «мама Рита». — Нужно уметь смотреть в будущее.

— А если я еще не знаю, как проведу лето? — сумрачно вопросил Гаврила Гречихин, то есть Крупа.

— Можешь дать волю фантазии...

— Можно написать, что полечу на Марс? — сказал Крупа с глупой подначкой.

— Счастливого пути. Только не допускай такого количества ошибок, как в прошлом сочинении. Это сможет снизить твой годовой балл. А снижать его, по правде говоря, уже некуда...

Бабаклара, однако, продолжил дискуссию:

— Писать о своих планах в таких сочинениях опасно. Можно сглазить задуманное...

— Ты в плену предрассудков, Лопаткин... Впрочем, если угодно, можешь выбрать иную тему. На свое усмотрение...

Думаете, Бабаклара испугался? Он сказал, что напишет про свое восприятие образа Пилата в романе Булгакова «Мастер и Маргарита». «Мама Рита» сначала поморгала, потом покивала. А я подумал, что надо как-нибудь побеседовать с Бабакларой о Пилате...

Остальные менять тему не стали. Я тоже. Подумаешь, набросать пару страничек о будущей поездке в Крым!.. Но с этим «подумаешь» я проволынил несколько дней, и вдруг оказалось, что сдавать сочинение — завтра! Ой-ей... Вот схвачу «пару», и будет полновесный трояк по русскому за год. А мне хватает трояка по математике...

Поэтому я заставил себя не думать больше о ключике и сел к столу. Сочинил несколько абзацев о том, как шуршат по асфальту шины, как летит назад зелень на обочинах, как мелькают поселки и придорожные таверны. И каким синим окажется впереди море, и как здорово будет гулять по замечательному белому городу Севастополю, о котором я столько слышал от родившегося там отца...

Через час я сунулся к маме на кухню.

— Вот, почитай...

Мама прочитала внимательно (корректор же!). Сказала, что написано стилистически грамотно, в меру эмоционально, и вставила две пропущенные запятые...

— Уф, гора с плеч... Мама, я сбегаю к Чибису. Надо обсудить кое-что...

— Обсуди... И помоги Максиму с сочинением, если он затянул это дело так же, как ты...

— Уж он-то не затянул! Тетушка постоянно у него над душой. Бдит...

С тетушкой Чибиса, Агнессой Константиновной, я был уже знаком. Она оказалась вовсе не такая, какой я представлял ее со слов Чибиса. Не сухопарая английская дама с поджатыми губами, а рыхлая веселая тетка с косматой прической латунного цвета, мясистым носом и толстыми веснушчатыми руками. В ее общении с Чибисом (а заодно и со мной) был постоянный жизнерадостный напор.

— Судари мои! Если вы думаете, что чистить ковер будет старая тетя Ага, то это глубокое заблуждение. А истина здесь та, что ненаглядный Максимчик не высунет носа из дома, пока ковер не станет образцом первозданной чистоты... А у Клима альтернатива — помочь несчастному ребенку или наблюдать со стороны, как он отделяет ковер выбивалкой, представляя, что поступает так со своей вредной теткой...

И мы тащили на двор тяжеленный ковер, а тетушка Агнесса усаживалась в кресло и читала в подлиннике «Посмертные записки Пиквикского клуба».

Или:

— Другие дети могут бездельничать сколько угодно, а Максим сейчас отправится на рынок, потому что в доме нет ни капусты, ни свеклы для борща и винег-

рета... (Кстати, ты не забыл, как пишется слово «вингрет»? Если забыл, спроси Клима, у него мама корректор...) На рынке Максим не будет высматривать столики с недопитыми пивными банками, а поспешит вернуться домой. А дома наш ненаглядный Максим возьмется за учебник истории (по которой у него две тройки). В учебнике этом полная чушь, однако знать его необходимо, чтобы не огорчить приезжающую маму третьей «исторической» оценкой. И лишь исполнив эти непомерные для детского организма труды, он может свистать из дома, чтобы кормить беспородного пуделя и заниматься всякой эзотерикой в подозрительном заведении с твердым знаком на вывеске...

Она все знала! А энергия, с которой она «давила» на Чибиса (и на меня заодно), была не обидная, однако несокрушимая. Она, энергия эта, была похожа на большущий толстый матрац, которым тебя прижимают к стенке — и не больно, и никуда не денешься, не поспоришь.

Чибис и не спорил. Он был убежден, что тетя Ага всегда права...

— А еще, радость моя, ты собственоручно заштопаешь свою футболку, если не хочешь снова облачиться в рубашку с пуговицами для крепления полюбившихся тебе штанишек. Ревматические пальцы старой Агнессы теперь плохо держат иглу... Клим, а ты сам зашиваешь свои прорехи или взваливаешь эту обязанность на маму?

Я честно отвечал, что мамины пальцы еще «вполне», а мне она штопку и не доверила бы.

— Я там такого нашью!..

— А я научился, — с печальным самодовольствием говорил Чибис. — Жизнь заставила...

«Жизнь» хмыкала и усаживалась в кресло с Хемингуэем или Стивенсоном (разумеется, на английском языке).

Благодаря Агнессе Константиновне Чибис довольно сносно изъяснялся по-английски и был любимцем у нашей учительницы Елены Михайловны. «Светлым пятном в этом классе». Кстати, моя мама тоже хорошо знала английский, но мне («лентяю» и «безответственному субъекту») до Чибиса было далеко...

Наконец Чибис получал свободу, и мы спешили в «Арцеуловъ».

Про Футурум и про Арамиса я рассказал Чибису сразу, как только встретились. И ключик показал, конечно. Чибис не очень удивился. Повертел ключик на цепочке, посоветовал:

— Носи всегда с собой. Может, пригодится однажды...

— А может, и не однажды! — сказал я, слегка обидевшись на сдержанность Чибиса. — Можно открывать всякие таинственные двери.

— Какие, например?

Я напомнил, что в обрыве над рекой есть нора, про нее знают все ребята. От норы ведет под землю ход, который упирается в сбитую из могучих плах дверь. Ее никому никогда не удавалось даже приоткрыть.

— А если с ключиком...

Чибис не спорил. После уроков мы отправились на берег, спустились, хватаясь за отросшие уже (и кусачие!) сорняки к норе. Из черноты пахло сырой глиной и неприятностями. Но не отступать же! Включили фонарики. Сгибаясь, полезли по проходу, сквозь торчащие из земли голые корни. Под ладони и колени попадал всякий мусор — пивные пробки, сигаретные упаковки, автобусные билеты. Любопытного народу бывало здесь немало. Хорошо, что сейчас — никого...

Очень скоро мы оказались перед гнилыми плахами. Это и в самом деле была дверь. Потому что на крайней

плахе виднелась ржавая пластина с клепками по краям и замочной скважиной. Скважина была размером с мой мизинец.

— Давай, — выдохнул Чибис.

Я сунул в пустоту скважины ключик. Поскреб «жалом» ключика по ржавым краям. Повернул несколько раз. Ключик не зацепился. Дверь не шевельнулась.

— Наверно, потому, что она вросла в землю... — виновато пробормотал я.

— Наверно, не поэтому, — отозвался Чибис. — Надо было сразу понять...

— Что?

— Говорил ведь тебе этот... Кот Без Сапог: ключик работает, если нет плохих желаний.

— А у нас разве плохое?

— Говорят, что за дверью склепы с похороненными монахами. Наверху раньше был собор... Чего хорошего — тревожить покойников?

Мне сразу захотелось на солнышко.

— Пошли... — выдохнул Чибис. Мы задом выбрались на уступ перед норой. Глянули друг на дружку. Ой-ей-ей... Пообмахивали себя вениками из буряна, забрали в зарослях спрятанные там рюкзаки и по травянистым уступам спустились к воде — чтобы отмыть от пыли и глины перемазанные руки и ноги.

Вдоль городского берега строители тянули бетонную набережную, но сюда пока не добрались. Под откосом желтела песчаная полоска. Вода рядом с ней была синяя, как в озере. Я вспомнил озеро, и опять зацарапалось опасение:

— Чибис, как ты думаешь: вернулся «Эвклид»?

— Надо проверить!

Мы, повизгивая от холода, обмыли икры и колени и вдоль воды побежали к лестнице у моста...

Оказалось, что модель на месте. Висит над столами, будто и не было вчерашнего полета. Чуть покачивает полупрозрачными крыльями...

Ян сказал, что прилетел «Эвклид» утром. Ловко сел у крыльца на свободном от машин пространстве. Целый, невредимый...

— Видать, Футурум хороший пилот, — заметил я.

— Еще бы! — согласился Ян. — Что ему арцеуловская модель! Недавно он сажал членок с телескопом на астероид «Сережка» и даже там не сделал ни одной промашки...

Конечно, Ян просто ревился (у него было хорошее настроение — разобрался с приставами торговой инспекции). Но у меня все же холодок прошел по спине.

— Ян, можно мы навестим Футурума? Спросим кое о чем. И Вермишатам покажем... — (Те, разумеется, были здесь, и Бумсель тоже.)

— Валяйте... Чибис, поговори с ним по-английски, у него ведь основная-то база англоязычная...

В компьютерной все было по-прежнему, в стеклянном шаре отражался плафон. И шар, и сундук притворялись неодушевленными предметами. Стояла тишина, только осторожно и в лад шмыгали носами Саньчик и Соня, да Бумсель почесал себя за ухом. Но он тут же смутился и тихо сел у Сониных ног.

Чибис выжидательно смотрел на меня. Я преисполнился важности момента. Выпятил живот, сунул руки в карманы на бедрах, покачался с носков на пятки.

— Футурум-Футурум-Альфа!..

И опять засветился в стеклянном шаре огонек. И туманно проявились в глубине шара два глаза, а над сундуком загустел воздух.

— Что скажем? — осведомился этот сгусток без особой приветливости. И я сразу оробел.

— Привет, Футурум... А это Чибис, Санчик и Соня. И Бумсель... — (Бумсель встал на задние лапы и завертел хвостом.)

— Наслышен... — буркнул Футурум.

— Ты здорово посадил самолет на дворе, — подхалимски сказал я.

— Делов-то... — буркнул Футурум.

Чибис вдруг заговорил по-английски. И сразу перевел мне и Вермишатам:

— Я спросил, правда ли он сажал телескоп на астероид.

Футурум ответил тоже по-английски. Я понял: «С чего вы взяли?» И объяснил:

— Ян рассказывал...

Футурум разразился длинной английской фразой.

Чибис объяснил:

— Говорит: «Меньше слушайте, что болтает Ян». Говорит: «Когда-нибудь его притянут куда следует за... что такое «дайвулдженс?»

— Тебе лучше знать.

— Кажется, «разглашение»...

— Вот именно, — подтвердил Футурум.

— Ну, Ян ведь знает, что можно разглашать, а что нельзя, — осторожно застуился я.

Футурум скрипуче сказал по-русски:

— Если бы знал, не пускал бы ко мне гостей по понедельникам. У меня в этот день выходной...

— Но... может быть, вы запустите нам какую-нибудь игру? — осторожно попросил я.

Футурум опять выдал английское предложение. На полминуты.

— Говорит, что нынче у него только стандартный набор со стрельбой, монстрами, звездолетами и голыми красавицами. Спрашивает: «Вам это надо?»

— Не надо, — быстро сказал я, оглянувшись на ребятишек. — А «Репку» нельзя? Хотелось бы снова повидать кота Арамиса...

— Детсадовской «Репкой» можно заниматься в «Андромеде», — назидательно сообщил Футурум. — Или в поселке Колёса. А кота нынче нет в пространстве, ушел на побочные заработки. Хочет выкупить сапоги...

Я чуть не заспорил: мол, «Репка» не такая уж детсадовская, если в ней есть место поединкам... И вдруг меня осенило: он сказал «Колёса»!

— Футурум! А ты... А вы не знаете, где этот поселок Колёса?! Как туда попасть?! Это последний вопрос на сегодня, честное слово!

Футурум хмыкнул совершенно по-человечески.

— Вот они знают... — из шара высунулся большущий волосатый палец. Прямо к Саньчику и Соне. Те отскочили. Бумсель взвизгнул и зарычал. Футурум натурально зевнул появившимся на месте пальца ртом:

— Спать хочу. Вечером у меня разборки в секторе «Гамма». Что-нибудь слышали о шарообразных пирамидах класса «Юм»?.. Ваше счастье, что не слышали... Пока... Шар тут же стал непрозрачным, воздушный сгусток над сундуком растаял.

— Что за бред — шарообразные пирамиды? — выговорил Чибис. Но меня эти пирамиды не интересовали ни капельки. Я ухватил за плечи Саньчика и Соню:

— Это правда? Вы знаете, где поселок Колёса?

Они знали, где Колёса. И не было в этом для них ничего удивительного.

— Там папин знакомый, дядя Миша, живет. Папа в прошлом году ходил к нему в гости два раза. И мы ходили. И рыбачили там...

— Ходили? Значит, это недалеко?

Соня ответила рассудительно:

— Это как посмотреть. Километров двенадцать. Вперед легко, а обратно устаешь...

— Но папа нас нес на плечах. По очереди, — добавил Саньчик.

— Да, один раз. А второй раз мы вернулись на автобусе.

— А почему не поехали на автобусе *туда*??!

Соня развела руками:

— Понимаешь, Клим, с дорогой какая-то неразбериха. То отменяют рейсы, то название «Колёса» вдруг пропадает из расписания.

— То какой-то карантин там... — вставил Саньчик.

— Да, — кивнула Соня. — Странное место. Будто кто-то прячет его от людей...

«Да, это мы проходили», — подумал я, вспомнив свои напрасные поиски.

— А вы можете объяснить, как туда идти пешком?

Саньчик поскреб макушку:

— Вы, наверно, без нас не найдете дорогу. Она такая...

— «Через-пень-колодная»... — вставила Соня.

— А вы сможете пойти с нами? — не отставал я. — Мы вас, если надо, весь путь протащим на плечах! Да, Чибис? — И вдруг спохватился: что ему какая-то «Репка» и девочка Рина? С какой стати Чибис должен переться в неизвестный поселок да еще тащить на плечах семилетнего ребятенка? Тем более что и опыта у него нет. Я-то немало таскал сестрицу Лерку, а он... И ростом он мне всего до уха... Но Чибис ответил сразу:

— О чём разговор! Только надо двинуться с утра, чтобы впереди был весь день...

ТРОПИНКИ И РЕЛЬСЫ

И мы двинулись с утра.

На мамин вопрос, куда это я «намылил пятки ни свет ни заря», я ответил неопределенно. Мол, погуляем с Чибисом. А что такого? Разве не могут люди погулять, не заботясь ни о чем, в первый день каникул? О походе в Колёса я решил сообщить с пути или когда окажемся в поселке (и то, если мама начнет звонить, спрашивать). Врать я не хотел, но раскрывать заранее свои планы было опасно. Сразу начались бы охи-ахи, а то и запреты...

Я спросил Чибиса, как ему удалось обмануть бдительность Агнессы Константиновны. Он удивился:

— А я не обманывал! Сказал, что иду с ребятами в поселок Колёса искать твоих знакомых, вот и все...

— И она отпустила?!

— А чего такого? Это ведь не пиво пить... Клим, она же в общем-то понимающая тетка.

Саньчик и Соня вообще ни у кого не отпрашивались: бабке они были «до фонаря».

Мы встретились в «Арцеулове». Яна не было, но Липун покормил нас котлетами из соевой говядины и дал на дорогу пакет с провизией: два батона, ломтики искусственной буженины и бутыль с водой «Серебряный ключ». Потом скосил глаза на Шарнирчика — тот раскладывал на столах бумажные салфетки.

— Не проболтайтесь при нем, куда собирались. Запросится с вами и не отвяжется...

Мы незаметно выбрались из кафе. Так же незаметно, понимающие, выскоились за нами Бумсель.

Саньчик и Соня уверенно зашагали впереди. Повели нас через мост на Камышинской, потом по переулкам Большого Городища — вдоль заборов, над кото-

рыми набухали гроздья сирени. Я подпрыгнул, сорвал кисть, опять зажал губами трубчатый стебелек крохотного цветка (правда, уже не с пятью лепестками, а обычного, с четырьмя). Объяснил ребятам, как надо втягивать тонкую холодную струйку. Им понравилось. Саньчик сказал, что это «увеличивает прохладу организма».

А прохлады хотелось! С утра солнце жарило с полным летним накалом.

Увесистый пакет с едой несли по очереди Чибис и я. Саньчик тоже сунулся было, но я показал ему фигу. Саньчик не обиделся.

По улице Чернышевского мы вышли к Товарной станции и мимо облезлых цистерн, щелястых вагонов и будок двинулись на запад. По заброшенному рельсовому пути. Пахло молодой полынью, просмоленными шпалами и железом. Поржавевшие рельсы с одуванчиками между шпал постепенно отошли от главных путей и вдруг, среди густых коряевых кленов, оборвались перед полосатым бревном на покосившихся столбиках.

— Господа пассажиры, просьба покинуть вагоны. Дальше поезд не пойдет, — сообщил Чибис. У него сегодня было веселое настроение. Впрочем, и у всех у нас неплохое. Объявление Чибиса почему-то очень обрадовало Бумселя. Он звзизгнул и стал носиться среди зарослей. Потом вернулся — с прилипшими к носу травинками — сел и глянул выжидательно: «Вы собираетесь идти дальше?»

От тупика вела заросшая тропинка. Мы вереницей (Саньчик и Соня впереди) двинулись по тропинке, пугаясь кроссовками в плетях мышиного гороха. Кленовые лапы гладили наши макушки.

Похоже, что здесь давно никто не ходил.

— Братцы, а вы хорошо помните дорогу? — спросил я у наших проводников.

Саньчик независимо дернул плечами под джинсовые лямками:

— А чего ее не помнить?

Соня добавила:

— Она одна такая...

Впрочем, путь, по которому брат и сестра вели нас, трудно было назвать дорогой. Тропинка скоро затерялась в рябиновых джунглях. «Приехали», — подумал я. Но Саньчик и Соня прорвались сквозь чащу, и все мы оказались на краю луга.

Трава была уже высокая, в ней пестрели ранние цветы. Много ромашек, причем не только белых, но и желтых.

— Вон туда! — Саньчик рубанул ладонью воздух. — На ветряк.

Далеко, почти у горизонта, маячила вышка ветродвигателя.

— Да, это наш первый ор-ти-ен-тир, — подтвердила Соня.

— О-ри-ен-тир, балда, — поправил сестру грамотный первоклассник (то есть уже второклассник) Саньчик.

— Сам балда, — не осталась в долгу Соня.

В первый день знакомства мне показалось, что они очень дружные. Но потом я стал замечать, что дружные — не всегда. Порой переругивались по пустякам. Впрочем, не сильно. Если начинали ссориться всерьез, подбегал Бумсель, садился на задние лапы, смотрел по очереди на спорщиков и начинал скулить. Тогда его принимали гладить и успокаивать с двух сторон.

«Ортиентир» казался маленьким и недостижимым, но мы храбро шагали к нему сквозь щекочущую траву. Цепочкой. Саньчик, Соня, Чибис (с «продуктовым» пакетом на плече) и я. Только Бумсель нарушал порядок — носился в луговой зелени кругами, то обгонял

нас, то отставал, гавкал на бабочек и чихал среди ромашек.

Стоявший в дальних далях ветряк вдруг начал быстро приближаться, вырос перед нами до неба, и мы остановились у его ржавого решетчатого подножия.

— Давай пакет, — сказал я Чибису. — Моя очередь нести...

— Тебе будет легче, — сказал Чибис. — Потому что сейчас мы слопаем половину еды. Кто как, а я помираю от голода.

Оказалось, остальные тоже помирают. И прямо здесь, у пахнувшей старым железом опоры, мы съели разломанный батон и всю соевую буженину. Бумсель получил свою долю (и немалую). Потом Соня напоила его из ладоней. Мы вылакали успевшую нагреться воду из горлышка. Я пинком отправил в траву опустевшую пластиковую бутылку.

— Не замусоривай планету, — сказал Чибис.

Я раскаялся и пошел искать бутылку в зарослях. Планета отомстила мне прошлогодними травяными колючками. Бумсель, который шел следом, тут же слипал с моей ноги крохотные красные капельки.

— Спасибо, ты верный друг, — сказал я. Бумсель радостно кувыркнулся.

Я принес бутылку к ветряку. Из опоры, метрах в двух от земли, торчал короткий штырь.

— Подсади, — попросил я Чибиса. Он ухватил меня поперек живота, приподнял рывком. Я точнехонько надел бутылку горлышком на штырь. И мы с Чибисом упали в траву. Глядя вверх, Чибис проговорил:

— Как большая лампа для маячных сигналов.

Чибис был помятый и взъерошенный, тонкошней, с острым лицом и потрескавшимися губами. Но в синезеленых глазах его светилось какое-то особое... ну, не

знаю, как сказать. «Понимание сказки», что ли. Я снова посмотрел на бутылку.

— Правда, похожа на лампу. Только жаль, что не будет гореть, — сказал я.

— Кто ее знает, — отозвался Чибис. — Здесь *такие* места. Рогатка в кармане опять шебуршит, как пленная стрекоза...

Места в самом деле были необычные. То есть все вроде бы обыкновенное, только ощущалась какая-то... *нездешность*. Звенела тонкая тишина. В этой тишине чудилось, что даже слышен шелест бабочек, они во множестве летали вокруг — желтые, белые, коричневые. А старый ветряк мне казался сооружением, которое здесь оставили марсианские гости...

Грело солнце, пахла трава, и не хотелось вставать и куда-то еще идти. Я понял, что опасно поддаваться такому расслаблению. Толчком поднял себя:

— Люди, надо шагать... — И помахал мобильником с часиками на дисплее. — Мы прошли около часа, значит, впереди еще больше чем полпути.

— Впереди будет интереснее, — пообещал Саньчик. — Там много всяких *штук*...

— Каких? — оживился Чибис.

— Разных, — сказал Саньчик.

— Будет рельс, — непонятно объяснила Соня.

— Рельсы? — уточнил я.

— Рельс. Один, — сказал Саньчик. — По нему легко идти...

В самом деле, луг за ветряком кончился, и среди обступивших нас рябин мы увидели ржавый одинокий рельс. Он, слегка вихляя, убегал неизвестно куда.

— Это дело рук... то есть щупалец инопланетян, — сказал я. — Они ездили по монорельсу в своей обтекаемой капсуле и вели эту... геодезическую разведку.

— Они похищали заблудившихся детей, — сообщил Чибис. — Увозили на планету Раппа-Нуппа и продавали там, как домашних животных.

— Не хочу, — по-детсадовски хныкнул я.

— Тебя не спросят, — объяснил Чибис. — Что писал Корней Чуковский? «Не ходите, дети, в Африку гулять...»

— В Африке акулы!.. — подхватил Саньчик.

Но Соня вернула нас в реальность:

— Здесь не Африка. И мы не заблудившиеся...

Она впереди всех скакнула на рельс и пошла по нему, как по канату. Саньчик — за ней. Бумсель пошел с ним рядом. Саньчик сказал:

— Бумсель никому не даст нас в обиду... Да, Бумсель?

Тот тявкнул в знак благодарности за доверие. Умчался вперед и у пенька рядом с рельсом поднял лапу. Я вдруг понял, что у меня похожее желание. Сказался утренний чай плюс выпитая недавно вода.

— Эй, народ! Я немножко отстану и догоню через минуту...

— Зачем отстанешь? — встревожилась Соня.

— Тебе объяснить подробно? — вмешался Саньчик. — Совсем неграмотная...

Соня, кажется, порозовела.

— Бумсель, иди с Клином, — велел Чибис. — Чтобы его там не съели инопланетяне.

Бумсель послушался. Я замечал уже не раз, что Чибиса Бумсель слушается больше, чем меня (и даже ревновал малость).

Мы с Бумселем отстали и отошли в сторонку сквозь рябиновые джунгли. Там на крохотной лужайке стояла низкая будка с оборванными проводами, с остатками штукатурки на кирпичах. Я первым делом «пообщался

с инопланетянами», потом шагнул к будке. На щелястой двери висел замок размером со свернувшегося котенка. Я покачал его (наверно, два кило весом). Потом закричал:

— Эй! Идите сюда! Обнаружена база астронавтов с Раппы-Нуппы! — И услышал, как все ломята сквозь кусты.

Они вывалились из чащи — с прошлогодними листьями в волосах.

— А где астронавты? — требовательно спросил Саньчик.

— Наверно, внутри, — сказал я.

— Ой-я... — шепнула Соня.

— Надо посмотреть, — рассудил Чибис.

— Замок же... — сказал я.

Чибис напомнил:

— А твой ключик?

Ключик кота Арамиса был со мной! Лежал в кармане (завернутый в платок, чтобы не колол сквозь подкладку своим жалом). Я достал, развернул. Посмотрел на скважину в замке, потом на Чибиса:

— Но... так нельзя, наверно. Будка-то не наша...

— Если нельзя, он не сработает... Но мы же ничего плохого не хотим. Просто посмотрим...

— А если инопланетяне? — почти всерьез сказал Саньчик (а Соня опять шепнула «Ой-я...»).

— Ну и что? — рассудил Чибис. — В крайнем случае отдадим на обед им Бумселя...

Бумсель с негодующим визгом отлетел на три метра. Сел, обиженно блестя черными глазами. Шуточки, мол, у вас...

Я примерился ключиком к замку. Скважина была большущая, но стальной волосок за что-то зацепился внутри. Туловище замка упало (конечно, мне на крос-

совку — ой-ёй-ёй!!), а скоба, похожая на перевернутую букву U, осталась висеть в кольцах засова. Я заплясал, потом выдернул скобу и надавил плечом на дверь.

Из темноты дохнуло плесенью и влажными кирпичами. Я надавил сильнее, дверь отошла.

— Эй... — сказал я в сумрак на всякий случай. Пришельцы не отозвались, и я шагнул в будку. У меня на поясе был фонарик. В его свете стало видно, что никакой романтики здесь нет. И что никто здесь не был тыщу лет. Пыль и паутина. Валялись по углам помятые канистры. Стояли у стены несколько лопат. Рядом с дверью лежала маленькая одноколесная тачка.

Мы пошарили вокруг фонариками — моим и Чибиса. Потом Чибис крутнул колесо тачки. Оно было с желобом на ободе.

— Смотрите-ка, нормально вертится, — удивился Чибис. — Наверно, сохранилась старая смазка.

— Похоже, что на этой штуке возили инструменты и всякий груз для ремонта рельсов, — догадался я.

— Рельса, — сказал Чибис. — Инопланетного... Наверно, у него особые свойства.

— Какие?! — подскочил Саньчик.

— Ну, вы же чувствовали, как легко по нему идти. Не то что по земле. Будто слабеет гравитация.

«Это он правду сказал», — вспомнил я. А Чибис предложил:

— Давайте возьмем тачку. Она легонькая. Посадим в нее Вермишат, по очереди, и покатим! Чтобы не уставали.

— Мы не устали, — заявила Соня.

— Но разве вам не хочется прокатиться по инопланетному пути?

— Ага, мы хотим! — обрадовался Саньчик.

— Хотим, — сказала Соня. — Кто из нас неграмотный?

— Цепляла-прилипала...

— Будете спорить — пойдете по рельсу пешком. Причем в обратную сторону, — пригрозил я.

— А вы без нас не найдете дорогу, — сообщила Соня.

— Рельс выведет, — сказал Чибис.

— А вот и не выведет! — подпрыгнул Саньчик. — Он кончается задолго до Колёс.

— До чего неорганизованные дети, — проговорил я голосом «мамы Риты». Педагогическая нотка сразу утихомирила Вермишат. Они дружно потащили к двери тачку...

— Все-таки нехорошо как-то, — засомневался я. — Все-таки чужая телега...

— Да она давно уже ничья! — рассудил Чибис. — И к тому же... мы ее вернем на обратном пути.

Дальнейший путь был интересным, легким и недлинным. Рябиновые заросли скоро кончились, рельс потянулся по пустырям с развалившимися салями. Потом — через травянистые бугры, канавы и буераки. Саньчик и Соня по очереди ехали в тачке и от удовольствия болтали задранными ногами. Везти их было совсем нетрудно. Похоже, что в рельсе и правда гнездилась какая-то антигравитация, потому что тачка ехала как по воздуху. Мы с Чибисом катили ее, сменяя друг друга. Иногда нарочно качали тележку, чтобы усилить «ощущение полета».

Бывало, что рельс проскачивал через овражки, и мы по нему тоже проскачивали над пустотой. Балансировали, но ни разу не сорвались и не уронили тачку. Если в ней была Соня, она перепуганно визжала. Если Саньчик — он храбро орал «ура»!

Иногда на буграх громоздились непонятные железные сооружения. Решетчатые фермы, ребристые баки на хромых треногах, громадные зубчатые колеса и ка-

кие-то механизмы, похожие на нефтяные насосы-качалки. А одна конструкция (великанская!) напоминала скелет динозавра с задранными лапами. Я, передавая Чибису рукояти тачки, заметил, что здесь, наверно, было поле битвы между пришельцами с Раппы-Нуппы и одной из четырехсот семнадцати галактик (тех, что разбегаются, вместо того чтобы съезжаться). Но Чибис возразил:

— Нет, скорее всего, рельс цепляет по краешку Безлюдные пространства...

— А это что такое? — удивился я.

— Ну... Ян как-то про них рассказывал. Такие малолюдные зоны, где отдыхает Земля. Будто бы они находятся в параллельных мирах...

Я подумал: нырнуть в загадочные пространства для разведки или лучше миновать их сторонкой? И решил, что нырять пока не надо. Потому что больше всяких параллельных миров меня интересовал мир, где поселок Колёса. Тот, в котором девочка Рина Ромашкина.

«А была ли девочка?.. А если была, то *что* ей до меня? Особенно сейчас, почти через год после того, как расстались? Ну а мне что до нее?» Я и сам не знал.

Чтобы задавить в себе беспокойство, я опять перехватил у Чибиса управление тачкой, в которой восседал Саньчик. Зашагал по рельсу и замурлыкал:

Тренируйся, бабка, тренируйся, Любка...

— Это что за песня? — спросил Чибис.

— Старая... Про пенсионеров-туристов. Мы ее в лагере голосили...

— Спой, — сказал Чибис.

— П-жалста! — Я решил не стесняться и запел во всю мочь. Про бабку, про деда — сизого голубочка. Песня всем понравилась. Может, потому, что была она

под ритм ходьбы. И слова простые — их быстро запомнили и Чибис, и Соньки-Саньки. А где не помнили — угадывали с ходу. И через три минуты мы уже вместе горланили от души:

Где тренироваться, милый мой дедочек,
Где тренироваться, сизый голубочек?

Тревоги меня отпустили, и, чтобы не привязались вновь, я придумывал новые слова:

Где ж куплю я шорты, милый мой дедочек?
Где куплю кроссовки, сизый голубочек?

В «Спорттоварах», бабка, в «Спорттоварах»,
Любка!
В «Спорттоварах», ты моя сизая голубка! —

находчиво орали за дедочка мои попутчики.

Где возьму я деньги, милой мой дедочек?
Ведь повсюду кризис, сизый голубочек!

Нарисуешь, бабка, нарисуешь, Любка,
Нарисуешь, ты моя сизая голубка!..

На этом песня кончилась, потому что рельс вывел нас из-за бугра в открытое поле.

Саньчик сказал правильно: рельс обрывался задолго до поселка. Но и заблудиться было нельзя, потому что Колёса уже виднелись на краю поля. Где-то в километре от нас. То, что это именно Колёса, я понял сразу. Вернее, почувствовал. Как-то странно толкнулось сердце. И прежняя тревога тихонько заныла снова.

— Значит, почти пришли... — сказал я небрежным тоном.

— Ага! — вместе откликнулись Вермишата.

Впереди среди высоких тополей виднелись дома — в основном одноэтажные, но были и большие, городского типа. А из-за крыш поднимались, как громадные белые свечи, три или четыре колокольни. Горели на крестах солнечные блики.

От конца рельса потянулась через густые лутики стежка и оборвалась у речки с пологими берегами. Здесь, под бревенчатым мостиком, спрятали мы тачку. Саньчик объяснил:

— Если явимся с ней в поселок, у нас будет глупый вид...

От мостика повела к поселку дорога с еле различимыми в траве колеями. Бумсель запрыгал по ней впереди всех. Вермишата тоже запрыгали. Бодрые и неутомимые. А чего им! Чуть не полпути проехали в тачке...

У края поселка мы увидели асфальтовое шоссе и кирпичный павильончик с навесом. На павильончике — белая доска с черными буквами:

КОЛЁСА
Автостанция

И фыркал мотором пыльный «Икарус».

— Ну вот. Значит, ходят все же сюда автобусы, — с сердитой ноткой заметил Чибис.

— Наверно, он из Ново-Камышина, — сказала Соня. — Видели церковные башни за домами? Это Ново-Камышин, там старинный заповедник и монастырь. Монахи карпов разводят в прудах.

Я подумал: зачем автобус, если монастырь в двух шагах? Но сказать ничего не успел, нас окликнули. Рядом с навесом стояли два стеклянных киоска — один с

газетами, другой с банками и бутылками, и вот из «баночно-бутылочной» стекляшки высунулась круглоголовая тетенька:

— Путешественники! Хотите мороженого?

Мы хотели. Но Саньчик озабоченно спросил:

— А сколько стоит? У нас денег мало...

— Для вас за полцены, — пообещала тетенька.

И дала нам льдисто-молочные брикеты в мокрых обертах. Саньчик (он хотел быть самостоятельным), натягивая на плече лямку, полез в карман. Тетушка засмеялась: «Не надо» — и хлопнула его толстым пальцем по носу. Мы сказали спасибо и потопали по кирпичной дорожке среди тополей.

В общем, селение Колёса встречало нас дружелюбно. Солнце прорыкало листву золотыми шпагами, одуванчики цвели в канавах целыми грудами. Во дворах покрикивали петухи. Но кусать мороженое на ходу было неудобно. Мы присели на лавочку у палисадника с сиренью. Бумсель сел перед нами, прижав к груди передние лапы. Взгляд его был красноречив: «Люди, у вас есть совесть?» Мы спохватились. Вермишата сорвали лопух, и каждый из нас положил на него порцию для Бумселя. Тот мигом забыл обиду, завертел хвостом.

Мороженое быстро таяло, мы торопились. Саньчик звякнул: холодный сгусток упал ему на колено.

— Не глотай такие куски, опять схвачешь ангину, — тоном взрослой сестры сказала Соня.

— Не учи ученого... — облизнулся братец.

— До чего упрямый!

— А ты вредная воспитательша...

— Не скандальте, — предупредил Чибис. — А то мы с Клином сделаем из круглых Вермишелей плоскую лапшу. Путем хлопанья по мягкому месту...

Саньчик с независимым видом доел мороженое и вытер пальцы о штаны. Мы поступили так же. Потом

снова зашагали по улице (которая называлась Луговая). Ну, улица как улица, уютная такая. Безлюдная. Только прокатил навстречу на велосипеде растрепанный дед в очках. С бочонком на багажнике. Взглянул на нас, но скорости не сбавил...

Через минуту мы обратили внимание, что Луговая — все же не совсем обычная улица. Здесь виднелось много колес. В основном — деревянных, от старых телег. Они были прибиты к заборам, к створкам ворот, а одно даже к телеграфному столбу. Два колеса висели на нижних сучьях тополей. Обычай, что ли, такой? Может, связанный с названием поселка?

Были и автомобильные колеса. Одно (от легковушки) — приколоченное между окнами бревенчатого дома, другое (похоже, что от автофургона) — прислоненное к водонапорной колонке. А у края дороги мы увидели старый железный плуг, какие цепляют к тракторам. Он лежал вверх лемехом и большущими колесами. Видимо, заброшенный. На одном колесе резвились воробы, скакали по широкому ободу и спицам. И колесо медленно вертелось! Неужели от невесомых птах? Ну и ну!

— Как не вспомнить бабочку на штанге... — сказал я Чибису. Тот кивнул. А Вермишата, кажется, не удивились...

Послышалась ребячья разноголосица. Из-за поворота вытянулась пестрая детсадовская вереница. Малышня лет пяти. С ними — молодая и улыбчивая воспитательница в большущих очках — тоже похожих на колеса (совпадение или так нарочно?). Весь этот народ приблизился и начал тормозить сандалетками, разглядывая нас и (главным образом) Бумселя.

— Ребятки, что надо сказать? — напомнила воспитательница.

— Здра-асте! — раздался жизнерадостный вопль.

— Здрасте! — обрадовались мы, а Соня спохватилась: — Бумсель!..

Бумсель кувыркнулся, встал на задние лапы, а правой передней заболтал в воздухе. Малыши захлопали. И мы разошлись, помахав друг другу...

Улица вывела на травянистую площадь. На ней кое-где тоже росли тополя, а по краям стояли белые двухэтажные дома с башенками и балконами. И по-прежнему виднелись над крышами колокольни Ново-Камышина.

Через площадь, в одуванчиках и подорожниках, вела натоптанная дорожка, и мы пошли — по ней и рядом с ней, по траве. И скоро оказались у памятника.

Это был могучий пень. От дуба или от тополя, не поймешь. Ростом до моих плеч, а диаметром по верхнему срезу — метра полтора. Внизу же — такой разлапистый, что сразу не разберешься: где земля, а где уходящие в нее корни. Видно было, что спилили великана давно. Кора облезла, темная от старости древесина казалась отполированной.

Пень сам по себе был замечательный. Однако он служил только подставкой. То есть, выражаясь грамотно, пьедесталом. Для ржавого трехколесного велосипеда.

Наверно, велосипедик был такой же древний, как спиленное дерево. Совсем простой по конструкции — с плоскими, без резиновых шин ободьями колес, с толстыми, как у тележки, спицами. Рама — из железной гнутой полосы, педали — два торчащих стержня. Седло — ржавый треугольник с закругленными уголками. И руль такой же ржавый, дуга без привычных рубчатых рукояток. Правда, на руле блестел, будто назло ржавчине и старости, новенький велосипедный звонок...

Мы сразу поняли, что пень и велосипедик — это памятник. Потому что к пню была прикручена большими винтами гладкая доска с выжженной надписью:

Девчонкам и мальчишкам планеты Земля

Вот это да! Ни мало ни много!

— Это здешние ребята смастерили, давно еще, — сообщил с довольным видом Саньчик. Словно имелась тут и его заслуга.

Конечно, не было сомнения, что поставили памятник именно девчонки и мальчишки. Как бы в знак союза со всеми ребятами, которые есть на разных материалах. Есть и были в разные времена.

Чибис азартно задышал у моего уха. Выговорил почему-то шепотом:

— Здорово придумали, да? За такую идею полагается Нобелевская премия...

— Да... — кивнул я.

Была в памятнике какая-то... ласковость, что ли.

Чибис шепнул опять:

— Мне знаешь что показалось?

— Что?

— Клим, не смейся только...

— Чибис...

— Будто по ночам сюда незаметно приходят разные ребяташки. Отовсюду. Которые есть сейчас и которые были раньше... Садятся на этот велосипед и... едут кататься по Млечному Пути...

— И Агейка... — сказал я. Эта мысль возникла в один миг. Почему-то я застеснялся и не сразу решился взглянуть на Чибиса. А когда решился, весь мир пропал у меня из глаз. Потому что на глаза легли твердые теплые ладошки.

Я не удивился. Помолчал секунды две и вздохнул:

— Ринка...

ПУППЕЛЬХАУС

Она была в перемазанных краской обрезанных джинсах, коротенькой, вроде лифчика, пестрой кофточке, в желтой косынке на волосах и, конечно же, в своих круглых очках (вроде как у встреченной недавно воспитательницы). Стекла искрились. Рина улыбалась.

- Я тебя сразу узнала...
- Как? — пробормотал я.
- Ну, как! По форме!

Я ведь и правда был в «андромедовской» одежке. Только галстук не на шее, а вокруг головы, как бандана.

- Ты совсем такой же, — сказала она.

— И ты... Рина, это мои друзья, мы вместе пришли, — торопливо заговорил я, чтобы не поддаваться смущению. — Это Максим Чибисов, который отзыается только на пароль «Чибис». А это Саньчик и Соня, коллективный позывной «Вермишата»...

— Я вас помню, — сообщила Вермишатам Рина. — Вы прошлым летом приезжали к дяде Мише Лебядкину, рыбачили с ним.

— Мы тебя тоже помним... маленько, — сказал Саньчик. — А это Бумсель...

Бумсель встал на задние лапы, изъявил полную готовность к знакомству и дружбе с девочкой Риной. Рина потрепала пуделя по ушам, и он описал вокруг нее черную косматую орбиту.

Потихоньку подтягивались к нам с разных сторон ребята — в основном «вермишельного» возраста. Смотрели с вежливым интересом. Бумсель подскакивал к ним, позволяя гладить и лохматить себя...

— Чего мы стоим на солнцепеке? Пошли в наш Пуппельхаус, — предложила Рина.

- Куда? — вместе удивились Саньчик и Соня.

Рина объяснила всем нам сразу:

— Это по-немецки значит «кукольный дом». Один здешний мальчик придумал такое название. Он знает язык, у него бабушка из поволжских немцев...

— А почему «кукольный»? — спросил Чибис.

— Ну... мы хотим там устроить что-то вроде клуба. С кукольным театром...

— Веселое название. Как из сказки, — одобрил Чибис.

Рина быстро взглянула на меня: «Помнишь?»

— Театр, как в «Андромеде»? — сразу сказал я. — «Дедка за репку»?

— Ну... да. Только чтобы все, как в настоящем театре: крыша, сцена...

Я осторожно спросил:

— Рин, ты, значит, по-прежнему умеешь вот так... — Я повел в воздухе ладонями, будто командовал бумажными куклами.

— Ой, да у нас это многие умеют! Некоторые даже большими куклами командуют, из деревяшек и тростника...

Меня потянуло за язык:

— И, наверно, лучше всех тот, кто примагничивает утюги?

Рина не учゅяла моей слабенькой ревнивой подначки:

— Нет, он-то вот и не умеет. Он только с железом хорошо обращается. Этот велосипед как раз он и отыскал три года назад. Мы гуляли в поле, а Костик вдруг замер и говорит: «Подождите...» И вытянул руки, будто навстречу кому-то. И мы смотрим: по траве едет к нам трехколесный малыш... Мы тогда сразу же придумали, что будет такой памятник. Пень раньше просто так торчал на площади, а тут пригодился...

— Здорово придумали, — сказал Чибис. — Посмотришь, и что-то... даже внутри щекотится.

«Чибис ужасно боится щекотки», — чуть не выпалил

я. Но хватило ума сдержаться. К тому же ведь и у меня что-то «щекотало», когда смотрел на велосипедик...

Мы пошли через площадь.

— А зачем здесь везде колеса? — спросил я. Потому что увидел еще одно колесо, оно валялось прямо в одуванчиках.

— Обычай такой, — охотно разъяснила Рина. — В прошлые времена здесь жили мастера, которые строили телеги для обозов. С той поры и осталось много колес. Говорят, что в них добрая сила. Ну, вроде как особая энергия... Но у нас тут не только тележные колеса. Есть такое, что ахнешь! Памятник деревенской старины... Вот перейдем площадь, и увидите.

Но площадь была широкая, мы шли и шли под солнцем (а колокольни Ново-Камышина словно плыли, не отставая от нас, — неподалеку, но будто в ином пространстве). Здешние ребята шагали с нами, но чуть в сторонке, не мешали разговору. Смиренные такие и улыбчивые...

Наконец я решился сказать про главное:

— Рин... я, конечно, свинья. Не позвонил, не появился ни разу за целый год... Но у меня же не было твоего номера. А как сюда добираться, никто не мог объяснить. Только вот Вермишата сегодня показали дорогу...

— Нет, это я свинья, — решительно заявила Рина. — Я два раза была в городе, хотела отыскать тебя. Даже нашла нашу старшую вожатую, у нее сохранились лагерные списки с адресами. Но в твоей квартире оказались другие люди.

— Да, мы переехали...

— А второй раз хотела зайти в твою школу, но она была закрыта, потому что каникулы...

— Рин, а почему до вас так трудно добираться? Ну, прямо как секретная база какая-то...

— Никакая не секретная. Просто несколько лет назад развелось много охотников скупить здесь участки

и понастроить всякие дачи и коттеджи. Богатые бездельники. А у нас тут производство: консервные фабрики, пасеки, молочные фермы... Наши жители заволновались, мэр созвал собрание, и на нем решили: поставить блокаду. Обратились в эсвэгэ...

— Это что такое?

— Союз вольных городов, есть такие. Инск, Реттерберг, Льчевск, Малые Репейники, Ново-Туринск, Овражки... Это те, где самоуправление. Правда, у нас не город, а поселок, но они все же помогли...

— Как помогли? — спросил я и почему-то вспомнил про Яна и лабораторию «Прорва». — Колдовство, что ли, какое-то или особая энергетика?

— Энергетика... И колдовство, наверно, тоже... Но я в этом ничего не понимаю. Понимает только мэр, Валентин Валентиныч, да Совет городов...

Мы с Риной шли рядышком, а Вермишата и Чибис — чуть в сторонке. Говорили о чем-то своем. Видно, не хотели мешать нам...

— Сворачиваем, ребята! — сказала Рина.

Мы оказались в широком переулке с бревенчатыми домами, с деревянными петухами на крышах. Здесь, на потемневших от преклонного возраста воротах, тоже виднелись колеса — большие и маленькие. Но самое главное колесо не поместилось бы ни на каких воротных створках! Если его прислонить к дому, оно оказалось бы ростом от завалинки до трубы!

Черное от старости колесо вертикально держалось на врытых в землю столбах. Его окованная ось одним концом уходила под маленькую двускатную крышу. Я догадался, что это навес над колодцем. Сруб колодца был сверху закрыт деревянным щитом, на нем красовался могучий замок (такой же, как был на будке, где мы прихватили тачку). Вместо спиц в колесе перекрешивались двойные балки. На них виднелась узорчатая

резьба. А в обод снаружи были врезаны поперечные рукояти — чтобы вертеть колесо. Видимо, когда-то к оси прикреплялась цепь с бадьей...

— Ух ты... — сказал я (и Чибис, кажется, тоже).

— Памятник старины, — объяснила Рина. — Ему двести лет. Раньше в колодце брали воду, но потом он обмелел, оттого что рядом проложили водопровод. И мэр велел запереть крышку, чтобы никто туда не совался. А то здешний народ такой — сперва лезут на колесо, а потом свешивают головы в колодец... — И она глянула на ребятишек, что шагали сбоку от нас.

«Народ» будто ждал команды. С индейскими криками десяток пацанят и девчонок бросились к ободу, заподскакивали, повисли на рукоятках. А некоторые запрыгнули внутрь обода, закувыркались на спицах-балках. Колесо скрипуче завертелось. А я подошел к срубу, лег животом на теплую дощатую крышку. Рядом с замком чернело квадратное отверстие — размером с почтовую открытку.

Я глянул в эту дыру. В ней было темно, несло из нее холодом и влагой.

Чибис и Рина по бокам от меня стукнули о крышку коленками. Рина сказала:

— Раньше самые отчаянные мальчишки лазали по колодцу вниз, там внутри, в стенках, скобы. Спустятся до воды, черпнут ладошками и пьют. Считалось, что вода прибавляет сил и заживляет ссадины. В общем, живая вода...

— Разве нельзя просто зачерпнуть кружкой и поднять через отдушину? — спросил Чибис.

— Можно. Только считается, что, если спустишься сам, волшебство сильнее...

Я сел на доски, раскинув ноги. Мне вниз не хотелось. Здесь, у колодца, было солнечно и весело. Лихой «народ» на колесе шумел все громче, колесо вертелось

все быстрее. Подошли Соня и Саньчик. Соня спросила голосом «воспитательши»:

— Рина, ты не боишься, что дети свихнут себе шеи?

— Не свихнут, — успокоила Рина. — Колесо не позволит. Оно за двести лет ни разу не обидело ребят... А вертеть его время от времени очень даже полезно. Потому что оно — гироскоп...

— Что? — быстро перепросил Чибис.

— Гироскоп — такое устройство, которое помогает поддерживать во всем мире устойчивость. Их много на Земле, хотя не все люди про них знают. Папа говорит, что и это колесо из их семьи...

Ребяташки галдели, как воробьята. Мне вспомнился перевернутый плуг на обочине — там тяжелое колесо тоже вертелось от скачущих воробьев... Может, и правда гироскопы?

Стасик Барченко в «Артемиде» однажды рассказал мне, что в городе Уральске, где живет его бабушка, в подвале сгоревшей табачной фабрики, есть большущее стеклянное колесо, внутри которого скачут шахматные лошадки и рыжий кот, и оно вертится постоянно. И тоже сказал слово «гироскоп». Он будто бы сам бывал в этом подвале и знаком со сторожем колеса, инвалидом по имени Лихо Тихонович... Я тогда решил, что это фантазия. А теперь вспомнил уже по-другому...

А Чибис почему вздрогнул. Тоже слышал про такие гироскопы?

Соня рассудительно сказала:

— Поскольку нет опасности, мы с Саньчиком тоже покатаемся на колесе. Да, Саньчик?

Тот нетерпеливо запрятанцовывал.

— Катайтесь, — разрешила Рина. — А потом приходите вон туда, где башня.

Неподалеку стояло деревянное строение — вроде сарай с широкими окнами. К торцу сарай примыкала

общитая досками квадратная башня под острой крышей. Высотой, наверно, с четырехэтажный дом. В ней было несколько мелких окошек, а под самой крышей белели круглые часы. Снизу они казались маленькими. Однако я прикинул, что диаметр не меньше чем полметра...

— Рин, это и есть Пуппельхаус? — весело спросил я. Мне нравилось название.

— Да. Идем...

Мы пошли, шеренгой. Рина посередке, я слева, Чибис справа.

— Раньше там была столярная мастерская, — объясняла Рина. — А в башне водокачка. А потом все это мы выпросили у начальства для нас, для ребят. Для театра и для всяких дел...

— Доброе у вас начальство, — заметил я.

— Да... — сдержанно согласилась Рина. — Хотя иногда упрямится...

— А часы откуда? — поинтересовался Чибис. — Они всегда были на водокачке?

— Нет! Часы много лет висели на дворе у бабушки Таракановой. А к ней попали со старой усадьбы, от которой уже и следа нет. Бабушка нам их подарила, когда узнала про театр...

— И они исправно тикают? — удивился Чибис.

— Да! Все долгие годы! Только музыкальный механизм не работает...

— А как вы их затащили на верхотуру? — спросил я.

— Ох, это была работа! Специально приезжала машина с лестницей. Из Ново-Камышина. Монастырская. У них там всегда много работ на колокольнях...

— Точно идут? — спросил Чибис.

— Немножко спешат. На пять минут за четыре недели... Раз в месяц наш пожарник, дядя Игорь, забирается по скобам и отводит стрелки... Вон видите, скобы

в доски вкоточены. Ребятам по ним лазать не велят, строго-настрого...

— Ну и правильно, — сказал Чибис.

И я подумал, что правильно, потому что всегда боялся высоты.

Мы подошли к широкому входу с распахнутыми, как у гаража, створками. У входа лежала вверх днищем обшарпанная шлюпка с пробоиной.

— Мальчишки ее починят, и будет у нас парусный корабль, — объяснила Рина. — Здесь рядом Ново-Камышинское озеро...

Внутри Пуппельхауса было светло от квадратных солнечных лучей. Пахло краской и стружками. Между окон, конечно же, были прибиты колеса. Некоторые — с оплетенными золотой соломой спицами. Лежали вдоль стен доски. Там и тут стояли (и валялись) старые стулья, скамейки и табуреты разной величины и формы. Несколько бочек с крепкими днищами возвышались посреди сарая — видимо, служили столами.

Над окнами тянулись антресоли. Такие узкие балкончики с точеными столбиками перил.

А в дальнем конце Пуппельхауса колотили молотками по доскам трое мальчишек.

— Эй, работники! — окликнула их Рина. — У нас гости!

Мальчишки выпрямились, уронили молотки и пошли нам навстречу.

Я внутренне напружиинился. Незнакомые ребята — это всегда неизвестность. Какие они, как отнесутся к тебе? Другие люди умеют знакомиться без опаски, а я всегда поначалу настораживался.

Но ребята улыбались по-хорошему.

— Привет, — сказал самый маленький и шуплый. Протянул руку с ободранной на пальцах кожей. И два

других сказали «привет», и каждый тоже протянул руку...

Они были непохожи друг на друга. Щуплый — он словно в гости собрался: в отглаженных светлых брюках, белой рубашечке. Но весь этот костюм был в опилках, стружках и каплях краски. А в синих глазах прыгали искры (тоже синие). Другой мальчишка — плотный, круглощекий, с деловитым выражением на лице (у меня даже мелькнуло в голове прозвище — Прораб). Его камуфляжный наряд тоже был в мусоре. Третий — худой, вроде меня, высокий и курчавый, как Пушкин в лицее. В разноцветных трусах до колен и обвившой джинсовой безрукавке. Глянешь со стороны — пугало с грядки. А глянешь в глаза — и обязательно улыбнешься в ответ.

Щуплый сказал, что он — Костик. А Рина добавила:

— Это он умеет примагничивать утюги. И нашел в поле велосипедик...

Надо же! Мне казалось, что живой магнит должен быть крупным парнем с грудью, как у молотобойца, а этот... ну, кузнец, да и только. Костик стеснительно опустил ресницы.

«Прораба» звали Яковом, и оказалось, что именно он придумал название «Пуппельхаус». Яков скромно объяснил:

— Бабушка говорит, что правильнее было бы «Пуппенхаус». Но, по-моему, «пуппель...» звучит лучше.

— Да. По-театральному, — добавил «Пушкин» в разноцветных трусах. Звали его Серый. В смысле Сергей.

Рина сказала, что Серый у них главный сценарист. Иначе говоря, «придумыватель сказок», которые будут показывать в Пуппельхаусе. Сейчас он сочиняет пьесу под названием «Шумный бал со всех сторон». Пьеса — очень подходящая для открытия театра. Потому что в ней могут участвовать любые куклы — персонажи из

всяких других пьес. Они будут плясать, петь, устраивать друг другу шуточки и читать стихи.

Я недоверчиво спросил:

— Рин... И всех этих кукол будешь водить ты?

— Нет, конечно! У нас это многие умеют! Я же тебе говорила...

— А я не умею, — забавно вздохнул Костик. — То есть умею, но не бумажных и тряпичных, а только жестяных...

— Да, у Железкина есть собственный персонаж, — подтвердил Серый. — Петух Ерофей из консервных крышек. Пришлось придумывать для него специальную роль...

— А можно посмотреть кукол? — спросил Чибис.

Ребята вытащили из-под недостроенной сцены картонный ящик. В нем обитало многочисленное кукольное население. Кудлатые ребятишки с ногами и руками из тростинок, с волосами из пакли. Картонные бабки и дедки в одежде из ситцевых тряпец. Встрепанные курицы из лучинок и пуха. Тощий рыже-полосатый кот из обрывков шерсти. Бумажные поросыта и волк, петрушки, Баба-яга и колдун в звездном колпаке и еще много всяких персонажей.

Костик повел над ящиком ладонью, и, растолкав бумажно-тряпичное собрание, наверх выбрался золотистый жестяной петух задиристого вида. Ростом со скворца. Он вскочил на кромку ящика, растопырил звякнувшие крылья и разразился пронзительным металлическим кукареканьем.

То есть это Костик закукарекал! Но так неожиданно, что показалось, будто кричит дребезжащий задира.

Все расхохотались.

Потом Рина объяснила:

— Куклы будут выступать внизу, прямо среди зрителей. А кукловоды будут командовать ими сверху, вон

с тех балконов. Когда куклы и зрители вместе, получится, что все участвуют в представлении. Так ведь веселее, верно?

Я подумал, что и правда — так веселее. Но спросил:

— А тогда зачем сцена?

— Ну... она тоже может пригодиться, — отозвался Серый. — Хотя бы для того, чтобы писать в афишах: «Сегодня на сцене Пуппельхауса премьера...»

Все опять посмеялись, а Рина вдруг слегка огорчилась:

— Но у этого «пуппельного хауса» непонятный характер. Он не терпит, когда в нем начинаешь наводить порядок. Ему надо, чтобы все вот так было раскидано, расставлено по-бестолковому, и чтобы доски валялись у стен.

— Да, в такой обстановке он создает настроение, — подтвердил «прораб» Яков. — А без настроения куклы слушаются плохо.

— Ну и пусть будет беспорядок, — рассудил Чибис. — В нем, наверно, этот... творческий антураж. Для театрального вдохновения.

— Мы так и решили: пусть, — сказал Костик по прозвищу Железкин. — Вот доколотим сцену, а остальное пусть будет... как на чердаке у Бабы-яги. Меньше работы...

— А зрители пусть сидят на кривых табуретках и чурбаках, — добавил Серый. — Скоро все привыкнут и решат, что в этом особый кайф...

— Главное, чтобы куклы не спотыкались, — заметил Костик.

Я спросил:

— А когда первый спектакль?

Рина затуманилась:

— Не раньше августа. Надо музыку сочинить и записать на диски. Роли выучить, репетиции провести...

А еще ведь куча других дел. Шлюпку нужно починить, чтобы спустить в этом году...

— Дядя Миша парус раздобыл у каких-то знакомых, — сообщил Яков. — Почти целый, только с одной дырой...

— Надо сходить, посмотреть, — решил Серый и поддернул трусы (похоже на Шарнирчика). — Пошли все вместе!

— Идите втроем, — сказала Рина. — Зачем такой толпой...

Чибис понятливо посмотрел на меня. Попросил:

— Можно, я тоже схожу? Никогда не видел настоящего паруса...

Конечно, все сказали, что можно.

Все, кроме Рины и меня, ушли из Пуппельхауса. Мы сели на лавку недалеко от распахнутых дверей.

— Ну вот... — сказала Рина, будто мы встретились только сию минуту. Положила поцарапанные пальцы себе на колени и стала смотреть перед собой. Волосы ее золотились на виске. На оправе очков горела искра.

— Да... — сказал я.

— Что «да»? — спросила она.

— Что «ну вот», — сказал я. — То есть что все-таки встретились. И...

— Что?

— Ну... будто «Андромеда» была только вчера... А на самом деле прошел год.

— Десять месяцев, — сказала она.

— Какая разница, — сказал я. Потому что надо ведь было что-то сказать. Потом я добавил: — Конечно, я дурак и лентяй. Нужно было искать изо всех сил, а я так... через пень-колоду. Потому что...

— Почему?

— Ну... Я думал... может, ты уже и не помнишь про меня. Может, думаешь...

— Что?

— Ну... — бормотнул я. — «Может, мальчика-то и не было...»

— Дурень... — сказала она.

— Ага, — согласился я.

— А ты...

— Что?

— Наверно, думал: «Может, никакой девочки не было...»

— Нет... Я так не думал. Я...

— Ну, чего «я»? Говори, раз начал...

— Я... даже стихи про тебя однажды сочинил...

— Правда?!

Я не решался взглянуть на Рину, но почувствовал, что она заулыбалась.

— Прочитай...

— Да ну... Они неуклюжие.

Я бессовестно врал. Стихи я сочинил не «однажды», а только что. То есть они сложились сами собой, и я удивился, потому что сроду не занимался стихотворчеством (только вот так же появились однажды строчки для вальса).

— Все равно прочитай.

— Ты разозлишься...

— Ни капельки!

— Но они же... ни складу ни ладу...

— Клим! — строго сказала она, будто малышу в песочнице. — Раз начал, говори до конца...

— Ну... только отодвинься.

Она сначала чуточку отодвинулась, потом спросила:

— А зачем?

— Чтобы не вспыхнуть от меня... Я сейчас буду сгрызть от стыда... — Это я говорил с дурашливостью, а под ней прятал настоящий великий стыд. Но сильнее стыда

было желание — прочитать. И пусть потом обхихикает или поколотит... Я зажмурился и предупредил:

— Это вроде считалки...

— Говори.

Я зажмурился сильнее и выговорил:

Ринка, кринка, мандаринка,
Будто ты в глазу соринка.
Очень грустная слеза
Набегает на глаза.
Я искал тебя по свету,
Я боялся ждать ответа.
Потому что вдруг ответ:
«А меня на свете нет...»

Я замолчал, уши раскалились, и я собрался провалиться куда-нибудь совсем глубоко. Глубже колодца под большим колесом. Но она придвинулась опять и шепотом сказала у моей щеки:

— Эх ты... Клим Самгин...

Пришлось задержать падение.

— Почему... Самгин?

— Потому что я иногда тоже думала: «А был ли мальчик?»

Она вдруг коснулась сухими губами мочки моего горячего уха. Запустила пальцы в космы у меня на затылке, потрепала мою голову (ну, совсем как мама) и быстро вышла из Пуппельхауса.

Я посидел, тая и обмирая. Вот, значит, как... Потом я напружиинил мышцы, расправил плечи и, щурясь от солнца, шагнул на улицу.

«Хорошо, что она не обиделась на «Ринку». Теперь всегда буду звать ее так...»

Поодаль ревилась малышня, звенела смехом и голосами. Некоторые опять висели на колесе. Среди них — конечно же! — наши ненаглядные Саньки-

Соньки. Под ними прыгал Бумсель, повизгивая от беспокойства и азарта.

Ринки нигде не было.

Сзади, неслышно, подошел Чибис. Положил мне на плечи ладони, спросил вполголоса:

— Ну, что? Объяснились?

Нахал! Идиот! Какое ему дело?! Я напряг плечи, чтобы сбросить его ладони. И... не сбросил. Пробормотал:

— Кажется, да...

— Вот и хорошо. Значит, ты нашел, что искал...

Я все же ощетинился:

— А чего такого я искал?..

Он ласково сказал:

— Втяни колючки... тебе хорошо. А я вот не знаю, найду ли...

Я сделал вид, что продолжаю дуться:

— А чего ты ищешь-то?..

Он удивился, сказал сзади, через мое плечо:

— Будто ты не знаешь! Конечно, маску... Дурацкое слово! Не маску, а портрет Агейки. Его Улыбку...

У меня хватило ума не сказать: «Зачем?» Я снял его ладони с плеч, протянул его руки себе под мышки и соединил пальцы Чибиса у себя на груди. И все же спросил:

— Найдешь... И что будет дальше? В ней же энергия...

— Ну да... Есть идея... Надо только с Ринкой посоветоваться... — (Меня слегка царапнуло, что он сказал «с Ринкой», а не «с Риной», однако я не подал вида. И ладонью накрыл его пальцы.)

— О чем посоветоваться, Чибис?

Он не ответил. Ну и ладно. Потом все равно скажет...

Я расцепил на груди пальцы Чибиса, ухватил его за кисти рук. Подбросил его спиной, и он повис на мне. Я потащил его от Пуппельхауса к колесу.

— Битый небитого везет, — сообщил он, царапая кроссовками подорожники.

— Почему это я битый?

— А разве Ринка не надавала тебе плюх за то, что не звонил, не писал?

— Всё! — решил я. — Сейчас открою ключиком крышку колодца, и один языкастый тип отправится к центру Земли.

— Ключик не сработает! У тебя зловредная идея!

— Тогда приземлю тебя в крапиву!

— Ай! — Чибис задергался, но я крепко держал его щуплые запястья. И потащил к кусачим зарослям у изгороди. Пусть побоится немного. За свою вредность...

— Рик, это и есть твои гости? — послышалось откуда-то сбоку. Я стряхнул Чибиса и оглянулся.

На дощатом мостике через канаву стояли Ринка и толстый, заросший светлой курчавой бородкой дядька с удивительно синими глазами. Это он веселым голосом спрашивал про нас Ринку и называл ее именем «Рик».

— Да, это они, — официальным тоном подтвердила Ринка. — А еще двое болтаются на колесе. Вон те, в желтых футболках. — Затем она взяла дядьку за руку и повернулась к нам:

— А это Валентин Валентинович, мэр нашего поселка Колёса. И заодно мой пapa...

— О-о... — сказали мы с Чибисом. Не ожидали, что Ринкин пapa — главное здешнее начальство. Потом мы спохватились, встали прямо и наклонили головы: — Здрасте...

Валентин Валентинович тоже наклонил голову — так же, как мы. И глянул на дочь.

— Душа моя, ты, конечно, развлекала гостей «пуппельными» делами и не подумала, что их надо покорить обедом.

Ринка сказала, что как раз об этом она думает. И что, пожалуй, гостей лучше рассовать по одному к разным ребятам.

— У нас в доме, господин мэр, шаром покати, а мама привезет продукты лишь через два часа, потому что она встретила тетю Зину и они вместе отправились на Ново-Калошинский рынок.

Ринкин папа поскреб бородку.

— Там, где возникает тетя Зина, ждать скорого обеда бессмысленно... Однако у нас были где-то брикеты яичной вермишели. Называется «Александра и Софья».

— Фи... — картинно сморщилась Рина. — Кормить гостей этим продуктом для бомжей...

Мы с Чибисом радостно закричали, что этот продукт — наша любимая еда.

— А особенно вон у тех, кто на колесе, — добавил я. — и у Бумселя... Сейчас позову Вермишат!

Семейство Ромашкиных жило на втором этаже двухэтажного кирпичного дома — красивого такого, с узорчатым балконом и полукруглыми окнами. Пообедали мы весело. Кроме вермишели нашлись в холодильнике остатки капустного пирога, две банки с рыбными фрикадельками и кусок сыра. И бутылка молока, и кофе в пакетиках.

— Будьте как дома, — сказала Ринка, и мы «стали быть как дома». Хохотали, слушая рассказы Ринкиного папы, как он беседовал недавно с комиссией какого-то Управления. Комиссия пыталась доказать мэру Ромашкину, что левая окраина Колёс является территорией, отдельной от поселка. И что некий бизнесмен Лисеноров имеет полное право построить там особняк, тем более что он уже сделал первый взнос в бюджет муниципальной Строительной компании. Валентин Валентинович подробно объяснил комиссии, как он уважает

этого торговца импортной мебелью и в какие места должен ехать господин Лисьеноров, чтобы именно там строить особняк без всяких препятствий...

— Не понимаю, как они сумели проникнуть сюда на своем джипе? — недоумевал мэр. — Видимо, придется думать о дополнительном заслоне...

— Колесо у колодца не вертелось, пока они не уехали, — сердито вспомнила Ринка.

Где-то в соседней комнате пробили часы — четыре раза.

— Ох, нам пора топать домой, — спохватился Чибис. — Шагать-то больше двух часов...

— Папа, а может, сегодня есть автобусный рейс до города? А? — Ринка требовательно уперлась в отца круглыми очками.

— Сегодня нет... Но что-нибудь придумаем. — Он взял лежавший среди тарелок мобильник. — Еремей... Еремей! Ты что, опять отключился и загораешь, да?.. Что значит «выходной»? Кто тебе вчера дал сверх лимита банку японской смазки?.. Ну ладно, выходной, только сделай маленькое добреое дело, это для тебя десять минут. Доставь на станцию Пристань моих гостей... Ладно, дам нержавейку. Почему, скажи на милость, все личности вашей породы такие взяточники?..

Железкин, Яков, Серый и несколько ребят помогли — новых приятелей Вермишат — проводили нас вдоль улицы. Потом Валентин Валентинович открыл незаметную калитку среди кустов сирени, и мы проникли в огород с помидорной рассадой. Гуськом прошли между грядок. Через другую калитку вышли к низкому кирпичному строению. Здесь на кривой дощатой двери поблескивал электронный замок современной конструкции. Валентин Валентинович нажал несколько кнопок, дверь уехала внутрь. Из-за нее дохнуло запахом

столичного метро. Мы шагнули в сумрак, и сразу же загорелись несколько плафонов.

Было похоже на маленькую станцию подземки. К бетонному перрону прижимался почти игрушечный поезд из трех желтых вагончиков. Валентин Валентинович провел нас мимо головного вагончика и зачем-то погрозил пальцем лобовому стеклу. Зашипела дверца второго вагона, мы встали перед ней.

— Приедете на станцию, вас встретит дежурный, — сказал Ринкин папа. — Я ему сейчас позвоню... И вот что, братцы. Эта линия — для спецрейсов. Не то чтобы секретная, но лишним людям знать про нее ни к чему. Так что... ну, вы понимаете.

— Ни одной живой душе, — пообещал Чибис.

— Никому на свете, — сказал я. — И вы, Вермишата, тоже...

— Мы что, глупее других? — сказал Саньчик.

Дверь зашипела опять, мы оказались внутри вагончика, Ринка с отцом — за дверью с выпуклым стеклом. Помахали нам...

Поезд взял с места мягко, но скорость набрал решительно. За окошками сначала понеслась темнота, а потом куски зелени и неба. Толком не разобрать.

Чибис вдруг сказал:

— Кажется, в первом вагоне, на водительском месте, сидит кто-то вроде Шарнирчика...

КНАВС-ЛЕЙТЕНАНТЫ

Ехали мы совсем не долго. Да и не ехали даже, а со свистом летели сквозь непонятное пространство (может, *параллельное*?). Один раз показалось, что мчимся мы вдоль Андреевского озера, по заброшенным рельсам детской дороги. По лицам Вермишат и Чибиса про-

летали пятна зеленого и лилового света. А иногда будто наступала ночь, и в ней вспыхивали лучистые огни.

«Может, все это снится?» — подумал я и хотел спросить про это Чибиса. Но мы въехали в туннель, и за окнами побежали желтые лампочки — все тише и тише. Поезд снова зашипел. И встал. Разъехались двери. Мы переглянулись, посмотрели наружу и вышли. Помещение было вроде той станции, что в Колёсах. Сбоку подошел вразвалку парень в клетчатой рубахе навыпуск и в красной пилотке. С широким добродушным лицом.

— Здорово, орлы. Я дежурный по станции. А вы, значит, пассажиры от Валентиныча?

— Ага, это мы! — жизнерадостно отзвались Вермишата.

— Тогда пошли. Выведу на поверхность и покажу дорогу к центру славного города Турени...

— Какого города? — насупленно спросил Чибис. Кажется, ему не нравилась излишняя бодрость начальника в неформенной рубахе.

— Турени... А что? — сказал тот.

— Я думал, что официально наш город называется Тюмень, — заметил я.

— А! Ну, это когда как! Название Турень вы небось тоже слышали?

— Но оно в разных легендах и песнях... — сказал Чибис. — А не в расписаниях поездов.

— Не только, орлы, не только... Это зависит от того, к какому ведомству приписана станция.

— А ваша — к какому? — спросил я. Не то чтобы я тревожился, но хотелось побольше ясности.

— Наша... Это вы спросите Валентина Валентиныча, — уклончиво отзвался дежурный. Он шлепал по кафельным плиткам пола kleenчатыми плетенками, надетыми на босу ногу.

Мы шли коридорами, на стенах которых висели плакаты всяких транспортных агентств — с разноцветными самолетами, вагонами, теплоходами и даже дирижаблями. И виднелись окошечки с табличками: «Касса М-поездов», «Администратор параллельных линий», «Возврат билетов» (а ниже бумажка с рукописным объявлением: *«Купленные в Тюменских агентствах билеты возврату не подлежат»*). Из одного окошечка веселый девичий голос окликнул дежурного:

— Данилыч, ты где выловил этот молодняк?

— Спецрейс из Колёс, — не сбавляя шага, отозвался дежурный Данилыч.

— О-о... — сказала девица. — А я думала, зайцев поймал...

— Сама ты, — буркнул Данилыч и после этого почему-то стал мне симпатичнее. А Бумсель, тот вообще сразу признал Данилыча за своего. Приплясывал перед ним и дружески путался под ногами.

По винтовому дребезжащему трапу мы поднялись в помещение со столами и запахами жареных блюд. Было как в кафе «Арцеуловъ» — ароматы похожие, посетители похожие. Только не было самолета под потолком. Зато переливалась цветными огоньками многоярусная люстра. Похоже, что ее основу сделали из гребного колеса старинного парохода. Впрочем, разглядывать было некогда. Данилыч вел нас без остановки, мы снова поднялись по ступеням и оказались в круглом кассовом зале. Окошек здесь было больше, чем в коридорах. И народу хватало. Но мы не задержались и здесь.

— Топаем, топаем, орлы, — поторопил Данилыч.

Мы вышли на широкий балкон. Оказалось, что он по дуге опоясывает строение, похожее на многоэтажную пароходную корму. Совсем рядом блестела Тура с разноцветными многоэтажками Заречья на том бе-

регу. А справа мы увидели дебаркадер для пассажирских теплоходов, грузовую пристань и портовые краны. Картина оказалась знакомая, хотя бывал я здесь не часто. Незнакомым было только здание, на балконе которого мы стояли. Я оглянулся. Над широкой дверью, из которой мы вышли, висела белая доска с черными буквами:

**Ст. ПРИСТАНЬ-И
Туренских речных путей
Частное предприятие КНАБСА**

Я спросил Данилыча:

— А кто такой Кнабс?

— Кнабс? А-а... — похоже, что дежурный по станции растерялся. — Вы спросите про это Валентинича. А мне пора, я на службе... — Он сгреб нас за плечи и провел на другую сторону балкона. Отсюда открывались городские улицы. Вдали, между новостроек, белела башня Спасской церкви.

— Вот смотрите, орлы. Пойдете прямо, прошагаете через сквер, где фонтан «Дельфины», а за ним — улица Осипенко с автобусной остановкой. Можно доехать до центра... Только не заблудитесь.

— Где здесь блудить, — сказал Чибис. — Знакомые улицы...

— Ну, это как посмотреть, — озабоченно возразил Данилыч. — Стойт сместиться туренско-tüменскому вектору, и начинается чехарда... А вам вообще-то в какой район города надо?

— Нам вообще-то на улицу Красина. Там есть кафе «Арцеуловъ», — неожиданно для себя выдал я. — Может, слышали?

— О-о... *Мы-то* слышали! А вы откуда про него знаете? — Мне почудилось, что Данилыч слегка испугался.

— Потому что дядя Ян — наш друг, — гордо сообщил Саньчик.

Данилыч сдернул пилотку и хлопнул ей себя по клетчатому животу.

— Великий Вип! Чего же сразу-то не сказали? Тогда пошли!.. — Он опять сгреб нас растопыренными рукающими, и мы второй раз оказались в кассовом зале. Между двух окошек была дверца с надписью «Служебный вход». Данилыч втолкнул нас туда и шагнул следом. От двери тянулся коридор с покрашенными зеленой эмалью стенами. В стенах — ни окошечка, ни дверей, только редкие лампочки в проволочных клетках. Свет от них был дохлый, конец коридора терялся в сумраке. Над полом, по ногам, неуютно потянуло сквозняком. Я зябко переступил.

Но Данилыч успокоил:

— Здесь недалеко. Пройдете двадцать шагов до первого поворота налево. По нему еще столько же. И окажетесь на дворе у Яна... Бывайте. Рад был познакомиться...

Данилыч шагнул назад и закрыл за нашими спинами дверь.

— Сейчас приDEM в какую-нибудь Тымутаракань, — предсказал Чибис. Но Бумсель бесстрашно бросился вперед. Мы бегом двинулись за ним и почти сразу увидели в стене проход налево. Свернули, и дальше — никаких приключений. Короткий коридор кончился у дощатой лесенки. Мы попрыгали по ней наверх и выскочили на привычный (просто родной!) «арцеуловский» двор! Ура!..

Мы обогнули грузовые фургоны и пошли к черному входу. У дверей сидел верхом на колоде Шарнирчик. Колотил молотком, превращал в блин консервную жестянку. Покосился на нас глазами-подфарниками.

— Привет, — сказал Чибис. — Что мастеришь?

Шарнирчик был в хорошем настроении, ответил охотно:

— Крышку для кармана на задн... — он глянул на Вермишат и закончил: — На кормовой части.

Встал, сунул железный блин сзади в трусы, поглопал по ним.

— Теперь не надо таскаться с сумкой через плечо... А вы откуда? С Пристани?

— Оттуда, — сказал я. — А ты как догадался?

— По запаху. Там особый воздух: речной и пароходный...

— Ты разве умеешь различать запахи? — удивился я. И уж потом спохватился, что Шарнирчик может обидеться. Но он только хмыкнул (вполне по-человечески):

— А ты думал! У меня нос получше, чем у вас. Наверно, такой же, как у Бумселя... Да, Бумсель?

Бумсель запрыгал и облизал Шарнирчику колено — шаровой титановый сустав. А Шарнирчик вдруг пригорюнился, опять сел на колоду, подтянул ногу, уперся подбородком в облизанный шар. Проговорил монотонно:

— Рецепторы для обоняния — это фигня. Дело техники. Вот решить бы главный вопрос...

— Какой? — спросил Чибис.

— Все тот же... Есть у меня человеческая душа или нет?

— Разве отец Борис не решил еще? — дернуло меня за язык.

— Не решил... Он говорит, что такая проблема за пределами этой... как ее... богословской компетенции.

— Мало ли чего он говорит. А ты слушаешь и морально страдаешь, — разозлился я.

— А ты бы не страдал? — ощетинился Шарнирчик.

Чибис быстро глянул на меня, а Шарнирчику сказал:

— Не переживай. Душа, конечно, есть. Разве может морально страдать существо, если у него нет души?

Меня царапнула совесть. И, чтобы замять разговор о душе, я спросил:

— Шарнирчик, а Ян у себя?

— Не у себя. Его вызвали в военкомат...

Мы с Чибисом присвистнули:

— Зачем это его?

— Понятия не имею... — в голосе робота скользнула привычная вредность. — Шарнирчику разве кто-нибудь что-нибудь говорит? Только одно: «Шарнир, прибери, принеси, шевелись... Шарнир, не путайся под ногами...»

— А еще «Шарнир, не ной и не ябедничай», — раздался голос Яна. Вполне жизнерадостный. Саньчик и Соня весело завопили и повисли у него на плечах.

— Тебя что, в армию забирают? — сразу спросил Чибис.

— С какой стати? Я же уволенный подчистую.

— А тогда зачем вызывали? — спросил я.

— Шарнир уже раззвонил на весь свет... — догадался Ян.

— А чего опять «Шарнир»? Они спросили, я сказал...

— Вызывали насчет добавки к пособию. Поддержать ветеранов и участников в условиях инфляции и кризиса. Благородный почин. Только добавка курам на смех...

— Дай тридцать рублей на новый штекер для подзарядки чихательного блока, — сказал Шарнирчик.

— Возьми, вымогатель... А вы, люди, откуда? Появление, что издалека...

— Из Колёс! — радостно известили Вермишата.

— Пошли наверх, расскажете... Шарнирчик, друг мой, ты сердитый снаружи, но ласковый внутри. Поэтому принеси нам что-нибудь пожевать. Появление, что мы все помираем от голода...

Шарнирчик, получивший тридцать рублей, не спорил. Мы поднялись в квартиру Леонида Васильевича и устроились там на кухне. Вскоре появился и Шарнирчик. Он крутил на каучуковом пальце поднос — ну, прямо цирковой жонглер. С подноса грозили упасть, но не падали чашки, чайник, тарелки с котлетами и бутербродами. Шарнирчик лихо расставил их на покрытом kleенкой столе, воткнул штепсель чайника в розетку и устроился на табурете между дверью и раковиной. Дал понять, что уходить не намерен.

Вермишата мигом проглотили свой обед и умчались гулять с Бумселем. А Чибис и я жевали не торопясь и рассказывали Яну про наши приключения. Всё подряд. От дороги по буеракам до обратного пути на игрушечном поезде и по коридорам.

Оказалось, что Ян давно знаком с Валентином Валентиновичем Ромашкиным.

— Почему же ты молчал?! — взвыл я.

— А ты разве спрашивал? Я понятия не имел, что тебе зачем-то надо в Колёса... Ты вообще скуп на информацию о своей личной жизни, дитя мое...

— При чём тут личная жизнь! — взвыл я еще громче и, кажется, покраснел. А негодный Чибис хихикнул. Я хотел лягнуть его, но он спросил у Яна про важное дело:

— Если нам снова надо будет в Колёса, мы сможем поехать с Пристани?

— А чего ж! — откликнулся Ян. — Попрошу их начальника, вам дадут постоянные проездные талоны... Только их мотовоз ходит туда, по-моему, всего раз в сутки...

— Нам хватит! — обрадовался Чибис.

А у меня в мозгах застряла загадка. Вернее, этакое непонимание:

— Ян, а как это получается? Отсюда до Пристани километра два, не меньше, а по коридору вышло всего полсотни шагов.

— Ну, братцы мои, пора бы уж перестать удивляться... — начал Ян с некоторой важностью.

А Шарнирчик сказал из своего угла:

— Чего тут хитрого? Архивированное пространство...

Мы с Чибисом крутнулись на стульях к нему:

— Как это?

— Ну, как! Так же, как тексты в компьютере. Когда их много, загоняют в архив. Содержание остается прежнее, а объем — в сто раз меньше. Так же и с расстояниями.

Ян покивал:

— Шарнир бывает порой лаконичен и мудр.

Тот уточнил:

— Не порой, а всегда... Кстати, я забыл. Мне еще нужен вестибулярный стабилизатор Е-двадцать два. А то я скоро начну спотыкаться и ронять подносы.

— Еще не легче... Сколько? — спросил Ян.

— В валюте или в рублях?

— Сколько?! — прорычал Ян.

— Сто сорок условных единиц...

— Рехнуться можно! Почему такая сумма?

— Штучная продукция...

— Лучше уж роняй подносы.

— Хорошо, — ласково сказал Шарнирчик. И стало ясно, что сумму на стабилизатор он получит очень скоро.

Я спросил опять:

— Ян, а это вот... архивирование пространства... Оно связано с темпоральным полем, да? С его помощью можно будет добраться и до звезд? Когда-нибудь...

— Когда-нибудь, — усмехнулся Ян. — Вот отработает «Прорва» свою идею о межпространственных порталах, и тогда — хоть на край Вселенной...

— Она же бескрайна, — заметил Чибис. — Вселенная-то...

— Крайность и бескрайность — понятия легко совместимые, — опять подал голос Шарнирчик.

— Вот! — поднял палец Ян. — И не пытайте меня больше про *это*, сколько раз просил...

— А можно про другое? — вкрадчиво сказал я.

— Ну?

— Кто такой Кнабс? Владелец транспортных систем?

— Великий Вип... — простонал Ян (и я вспомнил Данилыча). — Это не *кто*, а *что*! Это система...

— Что за система-то? — встремял Чибис.

— Вы тут вертитесь уже столько времени, могли бы разобраться кое в чем...

— *Кое в чем* мы разобрались. Но не в системе, — въедливо сказал Чибис. — Или она секретная?

— Ужас до чего секретная! Потому и на вывеске... Ведь я рассказывал: есть клуб любителей аномальных явлений. Это люди, которые стараются устраниить всякие нарушения во Всеобщем информационном поле. Так называемые дисбалансы. Вон, Чибис любит это слово.

— Не-а, не люблю...

— Любишь его произносить... В мире есть разные гадости, которые развиваются по законам природы, против них не попрешь. А есть такие, которые возникают случайно. С ними есть возможность бороться. Иногда, если вовремя ликвидируешь такую пакостную случайность, можно избежать беды в крупных масштабах. Вот наши люди и стараются делать это. В меру своих сил...

— Ян, какая ты зануда, — сказал Шарнирчик. — Дай я объясню. Кнабс — это название. Вот такое... — Он пальцем написал в воздухе несколько букв, и они целую секунду светились, как неоновые трубы: КНабС. — Клуб Наблюдателей за Стабильностью...

— За стабильностью Всеобщего Информационного Поля, — вмешался Ян. — Которое сокращенно именуется ВИП.

«Великий Вип!» — вспомнил я опять и посмотрел на Чибиса. А он на меня. Потом — оба на Яна. Чибис выговорил:

— Ничего себе... клуб...

А я спросил:

— Ян, у тебя какое звание?

— Звание? Ты военкомат, что ли, вспомнил? Это все позади...

Я упрямо сказал:

— Нет, я про звание в КНабСе. Есть же, наверно, разные должности. Ну, и чины... Вот мы сегодня прочитали, что система связана с речными путями... Наверно, и звания должны быть флотскими...

Ян хмыкнул и помотал головой:

— Ну, фантазеры... У нас абсолютно гражданская организация. И все там на одном уровне... Ну, если сравнивать с флотом, то все мы... *кнабс-капитаны...* По-моему, звучит, а?

Чибис повозился на стуле:

— Как-то это... несолидно...

— Почему? — слегка обиделся Ян.

— «Кнабэ» — по-немецки «мальчик». Получается, будто детская организация.

Ян обрадовался:

— А так оно и есть! Потому что с точки зрения взрослых здравомыслящих людей, мы заняты детскими играми! Какое-то торможение галактик, межпро-

странственные порталы, ликвидация локальных возмущений в системе темпоральных полей, изменение направленности событийных векторов... Клуб любителей фантастики. Кстати, по этому ведомству он и числится у властей...

Чибис поскреб в затылке и серьезно сказал:

— Годится...

А я спросил, пугаясь собственного нахальства:

— Ян, а можно мы тогда... будем считаться кнабс-юнгами?

Ян потер щетинку на впалых щеках и ответил с неожиданной серьезностью:

— Кнабс-юнгами пусть будут Соня и Саньчик. А вы будьте кнабс-лейтенантами. Идет?

Все это было похоже на игру, но я смутился всерьез:

— Но мы же... еще ничего на сделали для КНабСа...

— Как не сделали? Шарнирчик, что они говорят!

Чибис перебил стаю шпионских мух! А Клим... У него, по-моему, зреют в голове какие-то масштабные планы!

Никакие планы у меня не зреали. Но я не стал спорить, потому что очень хотелось считать себя кнабс-лейтенантом, а не гостем в кафе «Арцеуловъ».

У щуплого Костика, который славился умением примагничивать железо и чугун (даже утюги!), было подходящее прозвище — Железкин. И дело не только в его магнетизме. Он был еще прирожденный механик. Умел мастерить крохотные двигатели и бывало, что вживлял их в кукол. В картонных и тростниковых петрушках, зайцах и пиратах тикали пружинные сердечки.

Саньчик не оставлял любимого занятия — то и дело вырезал из коры паровозики. Железкин вставлял в них свои микромоторы, и паровозики бегали по кирпичным дорожкам и половицам. Саньчик дарил их всем, кто просил. А были и беспризорные паровозики. Скоро

их развелось столько, что они шебуршали по углам, как мышата. Толстый серо-полосатый кот Пуппелькатор вначале гонялся за ними, но скоро понял, что это не мыши, а сплошная подделка, и только фыркал от возмущения.

Железкин предлагал починить часы, которые висели на башне. Чтобы в них снова заработала музыка!

— Почему их не дали мне перед тем, как тащить на верхотуру?

Но местный пожарник дядя Игорь (он ездил по поселку на красном мотоцикле с огнетушителями) сказал, что в часах вообще нет никакого музыкального механизма.

— Мне ли это не знать? Сам приколачивал под крышей...

Кстати, он повесил там не только часы. Ниже часов он прибил деревянное солнышко. Вездесущие малыши нашли где-то круглую крышку от кадки с квашеной капустой, отскребли ее добела и покрыли лаком. А потом выпросили у старших ребят несколько желтых реек для лучей.

— Дядя Игорь, прибейте, пожалуйста!

Дядя Игорь, ворча в усы, полез наверх по скобам и приколотил деревянный круг с торчащими в стороны палками. Солнышко получилось что надо! Сочинитель Серый даже сказал:

— Почти как на театре Образцова...

Может быть, и правда, как на том театре (я там не бывал).

Жизнь «пуппельхаусной» компании была шумной и на первый взгляд бестолковой. Малышня бегала и галдела, девчонки таскали по всему помещению куски цветной материи, Ринка о чем-то спорила с Серым, мальчишки стучали молотками... Но потом оказывалось, что они не просто стучат, а вгоняют конопатку в

старую шлюпку; что Ринка и Серый горячо обсуждают сценарий; что девчонки кроят и шивают пестрый занавес, что «мелкое население» репетирует песни для спектакля...

Те, кто умел командовать куклами, то и дело забирались на антресоли и тоже устраивали «репетиции». Куклы принимались скакать по всему помещению.

Иногда «население» Пуппельхауса — и мелкое, и постарше — срывалось с места и бежало на край поселка. Там, на лугу, стояли футбольные ворота, и народ «устраивал себе разрядку». Играли все, даже пятилетние мальчишки. С большими криками, но без больших обид. Потом девочка Даша — Ринкина подружка с медицинской сумкой на боку — мазала народу йодом ссадины. А иногда и не йодом, а водой, которую набирали в колодце через дырку в люке. Говорили, что помогает, хотя и не так сильно, как при спускании в глубь колодца...

До открытия театра, до премьеры «Шумного бала со всех сторон» было еще далеко. Но и такая вот жизнь — с репетициями, ремонтом, хохотом, чаепитиями среди раскиданных ящиков и колес — была замечательной. «Вертящей голову», как выразился однажды Чибис. Я согласился с ним. И однажды высказал Ринке, что, может быть, «вся эта свистопляска» даже интереснее, чем будущие чинные спектакли. Ринка возразила, что спектакли будут не чинными, а тоже со свистопляской. Но потом вдруг сказала:

— А может, ты и прав...

С ней бывало такое: сначала заспорит, а потом замолчит на секунду и согласится. Особенно если мы беседовали один на один, в сторонке от других ребят. Да, так случалось: мы вдруг оказывались рядом, ближе друг к дружке, чем к остальным. Все варятся «в общей пох-

лебке», а мы как бы сами по себе. И я при этом каждый раз вспоминал, как однажды Ринка коснулась губами мочки моего уха. Больше такого не случилось ни разу, но и вспоминать это было так... «дущешекотательно».

А Чибис чаще был рядом не со мной, а с «мореходами». Его интересовали шлюпочные дела. Ну и ладно! Нам и в городе хватало друг друга...

Дорога до Колёс была теперь простой и быстрой. Мы проникали в коридор под «Арцеуловым», за полминуты пробегали архивированное пространство и оказывались в кассовом зале станции Пристань-І. Оттуда через неприметную дверцу и коридор с плакатами — на подземный перрон. От него ровно в десять утра отходил крохотный поезд из трех вагончиков. Его все называли — «мотовоз». Хотя что значит «все»! Пассажиров там бывало один-два, не больше. Молчаливые и нелюбопытные... Скоро такие поездки стали для нас привычным делом.

Обратно, из Колёс в город, мотовоз уходил в шесть вечера. Надо было исхитряться, чтобы не опоздать (ведь не будешь каждый раз просить мэра о спецрейсе для наших персон!). Иногда мы все же опаздывали, тогда Ринка вела нас на автостанцию и устраивала на какой-нибудь автобус до Тюмени. Да, такие все-таки ходили в город, только угадать, как попасть на них без помощи местных, знающих жителей, было немыслимо...

А один раз мы с Чибисом отправились в обратный путь пешком — ради любопытства. Дорога эта снова показалась нам загадочной, почти приключенческой. Мы шли и рассуждали о хитростях энергетических полей, заполняющих Вселенную. Чибис опять упомянул о разбегании четырехсот девяти (или даже четырехсот семнадцати) галактик. Я спросил, почему они так его волнуют. Чибис пожал плечами:

— Кто их знает? Засели в голове... Я н не раз упоминал... Говорил, будто бы это разбегание как-то влияет на потепление земного климата.

— Да каким образом?

— Вот и я думаю: каким? По-моему, все это болтовня кнабс-капитанов. Под ней они прячут более серьезные вопросы...

— Астероид Юта-М?

— Да при чем тут астероид? Главное-то — как влияют мелкие возмущения ВИПа... ну, то есть дисбалансы... на повороты крупных событий...

Чибис разбирался в этих вопросах больше меня. Но я не досадовал. Мне было хорошо оттого, что Чибис вот он, рядом. И что недалеко, в Колёсах, есть Ринка. И что вообще жизнь такая вот — азартная и беззаботная...

Под мостом через речку Покатушку мы отыскали спрятанную в прошлый раз тачку. По очереди покатали в ней друг друга по рельсу. До старой будки. Будку опять открыли нашим ключиком и спрятали тележку на прежнем месте. И вздохнули с облегчением. Ведь как никак мы тогда, на пути в Колёса, ее украли (хотя она, скорее всего, была никому не нужна). А теперь вернули! И тем самым уничтожили в мире еще один маленький дисбаланс. Он едва ли на что-то влиял во Вселенной, но... кто его знает...

Вермишат с нами в этот раз не было. Им не повезло — их заставили ходить в летний лагерь при школе. К бабке Вермишат в начале каникул заявилась какая-то завуч или инспекторша и сообщила, что Саньчик требует особого наблюдения. Потому что он на учете в милиции (за тот «кriminalный случай с ножом»). Будет лучше, если он станет проводить время на глазах у опытных педагогов. Саньчик заупрямился, но инспекторша и бабка на него цыкнули. Бабке было во всех отношениях выгодно, чтобы за мальчишку отвечала

школа. Однако бабка заявила, что одного Саньчика, без сестры, она в лагерь не отпустит. Мол, сестра тоже имеет право, потому что будущая первоклассница и уже записана в эту самую школу. Инспекторша позвонила начальству и утрясла вопрос. Бабка была счастлива: и забот меньше, и расходов — путевки-то оказались бесплатные, для «малоимущих детей».

Поэтому Саньчик и Соня теперь бывали в Колёсах только по выходным.

Однажды я взял с собой Лерку. Мама и папа уже смирились, что я каждый день исчезаю до вечера. Я слышал, как мама объяснила папе: «Он же не один, а со своим другом Максимом, который очень воспитанный мальчик. А в Колёсах у них детский коллектив, им руководит школьница, с которой Клим был в лагере...» Папа не возражал. Только заметил, что я мог бы взять с собой сестренку, которая нигде не устроена и болтается по помойкам... Ну, что делать, я взял. Мотовоз Лерке понравился. Понравилось и большое колесо в поселке. Но ребята почему-то не понравились. И куклы тоже. Она заскучала, села в сторонке и так провела время одна до самого отъезда. Правда, не скандалила...

В общем-то, понятно, у нее была своя компания — в нашем дворе. Две одноклассницы-близняшки и стриженый второклассник Борька, которым три девчонки помыкали, как хотели (а он почему-то терпел). Они целыми днями прыгали на асфальте по расчерченным классикам, строили за мусорными контейнерами какие-то пирамиды или болтались на качелях среди жидких кустов акаций.

Больше ехать со мной Лерка не захотела. Я утешил себя и родителей:

— Вот поедем в Крым, и она хлебнет летнего отдыха на всю катушку...

В Крым собирались мы в конце июля. Именно к тому времени папа должен был решить дела со сценарием, получить деньги и выкупить у своего соавтора Садовского машину.

Когда я сказал Чибису, что уеду, наверно, на три недели, он не огорчился (меня это даже царапнуло). Наоборот, он даже обрадовался:

— Вот и хорошо! Накупаешься, будешь загорелый, как мулат! И столько всего повидаешь!..

Правда, потом он вздохнул как-то странно и заметил:

— Ну, что ж... Буду искать маску один, время еще есть...

Маску мы искали постоянно. Хотя это трудно было назвать поисками. Вечером, вернувшись из Колёс, мы вскакивали на свои велосипеды (у Чибиса был такой же старый драндуплет, как у меня) и мотались по разным улицам. Без намеченного плана. Чибис доставал рогатку, смотрел, куда она показывает своей ручкой, и мы катили в том направлении.

Рогатка показывала, куда ей вздумается. То на древнюю водонапорную башню, то на новый магазин «Книжная столица», то на памятник Ленину, оставшийся на площади с советских времен. Владимир Ильич протягивал в пространство руку, словно советовал: ищите вон там. Но где это «там»?

По-моему, рогатка просто дурачила нас. Я однажды так и сказал Чибису. Он грустно кивнул. Потом вскинул сине-зеленые глаза:

— Но Клим... где-то же эта маска должна быть.

— Если не сгорела... — брякнул я. Сам не знал, с чего у меня поднялась досада. Я, конечно, эту досаду скрутил, но Чибис успел ее заметить. Я быстро сказал:

— Ну, чего уж так горевать. Ведь есть портреты...

Да, портреты были — в квартире Арцеулова. И был снимок в мобильнике Чибиса. Улыбка появлялась на дисплее всякий раз, когда включался телефон. Включался — словно выговаривал слова:

Ветер запутался в мокрой листве,
Капли дождя загорелись в траве...
Радуги свет —
Летний букет...

Чибис думал о маске больше, чем я. Мне тоже хотелось отыскать Агейкин портрет, но нельзя сказать, чтобы это желание было неотступным. И на поиски я ездил скорее потому, что мне было хорошо с Чибисом. А маска... ну здорово будет, если найдем! Но если и не найдем (что скорее всего!), беды не случится. А Чибиса, видимо, грызло постоянное беспокойство. Иногда он делался чересчур задумчивым. Даже Ян сказал однажды:

— Чибис, ты чего крыльшки опускаешь?
— Ничего я не опускаю! Просто... С тетушкой поспорил.
— Врешь ты, по-моему, кнабс-лейтенант, — заметил Ян. — Ну, ладно, в душу к тебе мы не полезем... Давайте, я развлеку вас новой песенкой. Знаете, кто ее сочинил?

Мы, конечно, не знали. Ян сказал, что споет, а потом назовет автора. Мы были в главном помещении кафе, Ян взял у одного из гостей гитару, присел на лавке у окна. Стал подкручивать колки на грифе. Его трехлетняя дочка Майка сидела у него на плечах. Она часто ездила так на отце, когда он занимался своими делами, и сейчас тоже не слезла. Сообщила:

— А я знаю, кто сочинил...
— Но будешь молчать, не так ли? — сказал Ян.

— Ага...

Ян взял несколько аккордов и запел несильным дребезжащим голосом:

В небе лиловом летят дирижабли —
Будто во сне, но совсем наяву.
А по земле ходят толстые жабли,
Пузами гладят сырую траву.

Там, в небесах, тучки будто из ваты,
Жаблям до них никогда не достать.
Только они вовсе не ви-но-ва-ты,
Что им судьба не велела летать.

Что в результате природных процессов
Сфера их жизни — болотистый луг.
Но не забудьте: средь них есть принцесса —
Та, что однажды поймает стрелу...

Ян прихлопнул струны. За столами поапплодировали. Мы тоже. Ян поклонился, не вставая и не ссаживая Майку.

— Чувствительная песня, — сказал я. — Вечная и несбыточная мечта о полете...

— Почему несбыточная? Может, принцессе удастся полетать, — заметил Чибис. — На сказочном ковре-самолете...

— Или на драконе, — добавил я. — Который будет охотиться за упитанными жаблями...

— Ты мрачно смотришь на вещи, Клим, — сказал Ян.

— Я пошутил...

— «Жабли» — неправильное слово, — заявила костлявая большеглазая Майка. — Их не бывает.

— Это поэтический образ, — объяснил Ян. — Понятно?

— Ага...

— А кто автор? — спросил Чибис.

— Неужели не догадались? Шарнирчик!

— Вот это да! — изумился я. — А почему он сам не поет?

— Стесняется, — объяснил Ян. — Видите, и сейчас носу не кажет. Скромен, как настоящий юный талант...

— Мне велел молчать про Шарнирчика, а сам... — обиделась Майка.

— Сейчас уже можно... Слушай, ты слезешь наконец с меня, четырехрукий примат?

— Зачем?

— Почему ты не осталась дома помогать маме?

— На маме нельзя ездить.

— Это верно, — согласился Ян. — Ни в прямом, ни в переносном смысле. А меня ты укатаешь окончательно, когда она уедет в командировку... И чем я тебя буду кормить? Мама же не позволяет тебе питаться соевыми продуктами...

— Купим вермишель быстрого рега... ре-а-гирования, — заявила Майка. Видать, она немало общалась с Вермишатами.

Пришел Бумсель, завертел хвостом и напомнил, что его пора кормить.

— Я назвал бы тебя Прорвой, — сообщил Ян, — однако боюсь обидеть ученых коллег из одноименной лаборатории. И потому назову тебя просто Обжорой...

Бумсель пританцовывал и преданно блестел глазками.

— Шарнир, покорми зверя! — крикнул через зал Ян.

Пришел Шарнирчик, насупленный, ни на кого не глядящий.

— Ладно смущаться, будто красна девица, — сказал Ян. — Душевная песня. Вот и ребята подтверждают.

— Ага, — подтвердили в три голоса Майка, Чибис и я.

— Еще и дразнятся, — буркнул Шарнирчик. Подтянул трусы, подхватил Бумселя под мышку и пошел между столов, не оглядываясь. Но видно было, что он доволен.

Бумселя кормили четыре раза в день. Днем и вечером — без особого расписания, а тогда, когда он сам напомнит. Но завтрак ему давали строго в половине девятого. Это было что-то вроде ритуала. Бумсель приходил сверху, шел в комнатку позади стойки, и там Ли-Пун, Шарнирчик или сам Ян выкладывали ему в плошку фирменный собачий корм «Трезор» из натурального мяса. Дело в том, что соевые заменители избалованный пудель сразу распознавал тонким собачьим нюхом и ел их неохотно, особенно по утрам.

Пакеты с «Трезором» Ли-Пун с вечера оставлял за тумбочкой со станинным помятым самоваром, который здесь стоял просто так, на память о прежних временах. Бывало, что к половине девятого в кафе забегали Санчик и Соня. Тогда именно они кормили ненаглядного Бумселя, целовали его в нос и спешили в свой лагерь. Похоже, что им там нравилось...

Четвертая часть

ЖИВАЯ ВОДА

КТО-ТО ПОЕТ В САРАЕ...

Все было хорошо. Тёплое лето, ожидание путешествия, постоянные поездки в Колёса... Правда, в Колёсах для меня важнее всего была Ринка, а не театральные дела. Куклы меня, по правде говоря, почти не интересовали. Я даже не очень-то их различал. Мельтешил под ногами всякая тростниково-бумажная мелочь с волосами из пакли... Ну да, в общем-то забавно (а главное — Ринке это нравится; и я делаю вид, что мне тоже). Однако я все чаще вспоминал другую куклу — флейтиста с выставки в музее купцов Лактионовых. Конечно, он двигался с помощью ниток, а не силой фантастической гравитации, но зато как двигался! Как бегали по клапанам флейты его тонкие пальцы, как он вскидывал ресницы над совершенно живыми глазами!..

Я не стал говорить о флейтисте Ринке — обидится еще за своих самодельных актеров! А обижать ее мне совершенно не хотелось. Наоборот, хотелось, чтобы ей всегда со мной было хорошо... И я сказал про маленького музыканта Чибису. Помнишь, мол, как он играл, как был *совершенно живым*? Гораздо живее, чем здешние самоделки, хотя им шевелил на глазах у всех длинный парень в комбинезоне.

Чибис кивнул: помню. Но тут же сказал непонятно:
— Только неизвестно, кто кем там шевелил...

Я хотел спросить: что он имеет в виду. Потому что проснулось странное ощущение — будто кукольный

флейтист как-то связан со мной. Но Чибис тряхнул отросшими лохмами и убежал к ребятам, которые разворачивали на траве пятнистый шлюпочный парус...

Он убежал слишком быстро. Последнее время он часто вел себя так: оборвет фразу, не ответит на вопрос, встряхнется — и в сторону. Словно пытался спрятать какие-то свои заботы. Может быть, мне это просто казалось. Но все же один раз я спросил:

— Ты какой-то напруженный. Случилось что-то, да?

Он быстро сказал:

— Ничего не случилось. С чего ты взял... Так, семейные вопросы...

— С тетушкой опять поцапался?

— Ну...

Не хотелось ему говорить. А я... какое я имел право лезть в не свои дела? Может, для Чибиса такое любопытство хуже горькой редьки...

И вообще — что я знал про Чибиса? Мы и знакомы-то были всего два месяца (то, что раньше сидели в одном классе, это ведь не в счет). Ну да, вместе окунались в загадочную жизнь КНабСа. Но *друг в друга-то* не так уж и окунались...

Я понятия не имел, как он относится к матери. Есть у нее где-нибудь муж или нет. Хватает ли Чибису и тетке денег на житье-бытие. Не знал даже, кем он хочет стать, когда вырастет. (Впрочем, и про себя не знал...)

И теперь, проводив Чибиса глазами, я задумался. Но... И не только о Чибисе. Почему-то и о флейтисте. Не о кукле, а о том, живом. Казалось бы, с какой стати? Что мне до него? Но вот... Будто предчувствовал что-то...

Старый учитель отца, Всеволод Сергеевич Глущенко, «оказал влияние» в столичных кругах — папин сценарий (то есть папин и Глеба Яковлевича Садовского) рассмотр-

рели быстрее обычного и приняли в производство. А почему бы не принять? По-моему, сценарий был интереснее многих (хотя я иногда критиковал его). Без всякой стрельбы и голых теток, зато «про жизнь». Про большой спор молодых газетчиков со всякими сволочами...

Папе и его соавтору перечислили гонорар. Теперь оставалось оформить покупку «Мазды» у Садовского. И тогда — на юг!..

Во мне все сильнее дрожали «путь-дорожные» струнки. Было, конечно, жаль расставаться с ребятами, но это же всего на три недели! Лишь бы Ринка и Чибис не загрустили. Но Ринке никогда грустить, она по уши в делах. А Чибис...

Зачем нам расставаться?

Мысль эта — когда Чибис убежал чинить парус — вспыхнула, как фонарик, и сразу стала четкой и убедительной.

В самом деле! Почему не позвать Чибиса с собой? Места в машине хватит. Деньги на пропитание? Да много ли надо птахе-Чибису? А может, и тетушка подкинет на дорогу...

Друг с дружкой было бы гораздо веселее. И мне, и ему... Главное, что *ему!* Пусть забудет о своих печалях...

Я хотел сразу же кинуться с этой идеей к Чибису! Но в последний момент удержался. Надо все же посоветоваться с мамой и папой. Конечно, они согласятся (хотя и посомневаются сначала), но лучше их подготовить заранее...

Хорошо, что я удержался...

В тот день, когда мы приехали в город на мотовозе, я сразу помчался домой. И увидел, что мама и папа *не такие*.

То есть они держались так, как это бывало при серьезных неприятностях. Подчеркнуто делали вид, что

все в порядке. Все нормально, не о чем беспокоиться. Очень спокойно смотрели перед собой, очень сдержанно говорили друг с другом и со мной. И ходили как деревянные, хотя думали, наверно, что выглядят ничуть не встревоженными.

Первым делом я подумал: неужели опять решили разводиться? Нашли время!..

— Будешь обедать? — спросила мама с безразличным лицом.

Я сразу сказал:

— Что случилось?

— Ничего не случилось... Где ты извозил так штаны и рубашку?

— Что случилось?! — заорал я. Лерка даже присела.

Папа тоже был здесь, в прихожей. Он не любил женских выкрутасов в разговорах. Объяснил прямо:

— Нехорошие новости. Не у нас, у Глеба Яковлевича, но все равно. Мы же товарищи...

— Какие новости?!

— Не кричи, — сказала мама. — Такие новости, что он просит немедленно выкупить машину...

— Ну и что? — с облегчением выдохнул я. — Ну и выкупим. Деньги-то пришли...

— Да... — сказал папа и зачем-то сел на круглый табурет у вешалки. — Но, как говорит Заратустра, есть в жизни множество причин... Дело в том, *зачем* ему понадобились деньги так срочно...

— Рэкетиры прижали? — боязливо спросил я.

— Не говори глупости! — вскинулась мама. — У Глеба Яковлевича заболела жена. — Неожиданно и очень тяжело. Лечение возможно только в Германии. Деньги нужны немалые...

Я даже разозлился:

— Ну и в чем дело-то? Получит за машину, отдаст на лечение...

— Мудрое суждение, — сказал папа. — Только это не выход. Сумма получается в два раза меньше той, что нужна...

«Ну, а мы-то что можем сделать?» — чуть не сказал я. В самом деле — что? Но я не сказал, потому что вдруг вспомнил:

— Но папа! Ты же говорил, что Садовский давно в разводе!

Родители вдвоем посмотрели на меня, будто на маленького. И молчали с полминуты. Папа выговорил:

— В разводе или нет, а она все равно живой человек. И не совсем чужой для него...

— И кроме того, — услышал я будто со стороны мамин голос, — она ведь мама его сына. Глеб в нем не чает души... Помнишь мальчика Яшу... то есть Ясика, который Восьмого марта играл на флейте?

Конечно, это все было не случайно! Это какое-то сплетение энергетических (или антиэнергетических!) полей. Или разных судеб! Или кармы (или как это называется?).

Я даже не удивился. Будто чуял заранее: должно случиться *что-то такое*.

Еще бы я не помнил мальчика Ясика! В этот миг я будто сам превратился в него. И не просто в него, а в того Ясика, который услышал, будто у него не стало мамы. В жизни что может быть страшнее?

Ясик уронил флейту и стоял, опустив руки...

Если бы не было на свете никакого Ясика, я, конечно, все равно сказал бы то, что сказал в тот раз. Это я знаю твердо. Но стоявший перед глазами Ясик сделал решение скорым и единственным. Все, конечно, летело к чертям, но зачем пудрить друг дружке мозги?

— Так в чем дело-то? — спросил я.

— Не понимаю... — сказал пapa.

— Прекрасно понимаешь. Не покупай машину, вот и все...

— Да, но...

— Деньги отдай Садовскому, а машину пусть он продаст кому-нибудь еще. Вот и будет нужная сумма...

— Люблю четкость формулировок, — сказал пapa. Опустил голову и стал шевелить носками домашних туфель.

— Клим, ты это всерьез? — негромко спросила мама.

— Господи, а что еще можно сделать? — сказал я.

Пapa исподлобья взглянул на маму. С какой-то невысказанной фразой. Мама — на него.

— Ну вот... — выдохнул пapa. Сел прямо, расправил плечи. Я понял: они с мамой уже обговорили этот вопрос. Им нужно было только мое мнение.

Мама вдруг шагнула ко мне, повернула спиной, прижала к себе. Я макушкой коснулся ее подбородка. Мама кашлянула и проговорила:

— Все-таки у нас неплохой сын. Да, Аркаша?

— Временами... — сказал пapa. Тоже кашлянул и отвернулся.

Мне вдруг стало тошно. От стыда. Они что, считают меня благородным, самоотверженным, великодушным? Тьфу... Я же просто боюсь! Боюсь за флейтиста Ясика, за его маму... За *свою маму*: вдруг и с ней однажды случится что-нибудь такое же страшное?..

Ну, нельзя же уступать *страшному*, если есть хоть какой-то способ защиты!

Я хотел тут же высказать это, но вдруг почувствовал, что в горле будто деревянная затычка. С занозами. А мама неожиданно сказала:

— Но есть одна опасность...

— Какая? — спросил пapa с непонятно веселым любопытством.

— Все знакомые... И незнакомые... объявят нас сумашедшими. Если узнают...

Я проглотил занозистую затычку:

— Не все... — Потому что подумал: Глеб Яковлевич Садовский не объявит. Ясик не объявит. И мама его тоже... И еще вспомнил разных людей из кафе «Арцеуловъ» — плечистых пилотов, очкастых авторов космических идей, водителей с дальних трасс...

И Ринка не объявит, и Чибис, и все люди из поселка Колёса...

Папа встал:

— Позвоню Глебу. А то ведь бывает... теряя минуту, теряешь судьбу...

— Так говорит Заратустра, — ляпнул я.

Папа нагнулся, сдернул туфлю, делая вид, что хочет запустить ею в меня. Я хохотнул и присел. Папа уронил туфлю, сгорбился и ушел из комнаты.

Мы с мамой молчали. А Лерка вдруг капризно спросила:

— Мы, что ли, значит, никуда не поедем, да? — Она, конечно же, крутилась рядом.

— Ну, почему же, — осторожно утешила мама. — Придумаем что-нибудь. Можно поехать на поезде, только чуть позже, во второй половине августа... Наскребем на билеты.

— А на машине, значит, нельзя?

Мама хотела погладить ее по голове.

— Лера, но ты же слышала, что случилось... У дяди Глеба такая беда...

— Но не у нас же, — заявила рассудительная сестрица.

Я почувствовал, что взорвусь, как петарда.

— Валерия, — очень сдержанно сказал я. — Да, не у нас... Вот представь, купили мы машину. Съездили в Крым, катаемся на ней по городу. Иногда берем по-

кататься Глеба Яковлевича. Вместе с сыном. Едем по зеленым окраинам... Справа — цветущие луга, слева — благоустроенное Парамоновское кладбище...

— Клим... — предупредила мама.

— Мама, подожди... Глеб Яковлевич Садовский просит папу: «Останови ненадолго, мы с Ясиком навестим могилку его мамы...» И они идут, а мы ждем в машине. В той самой, которая могла бы спасти маму Ясика, но мы не захотели...

Я думал, она дрогнет. Может, заморгает или хотя бы шмыгнет носом. Но Лерка сказала прежним тоном:

— Ну и что?

Я потер уши (они почему-то захолодели). Я попросил:

— Мама, ты иди, пожалуйста, в комнату... Ну, пожалуйста. На минутку...

И... мама послушалась.

Я в правую руку взял оброненную папой туфлю. Левой рукой развернул Валерию, ухватил ее за куцый подол адидасовского платьица и вляпал подошвой по малиновым колготкам!

Лучше бы я вляпал по фугасу!

Лерка взорвалась яростным ревом! Ее сроду пальчиком не трогали, а тут... Она рванулась из комнаты, вылетела из квартиры, вернулась, сунула ноги в сандалетки и, хлопая подошвами, умчалась вниз по лестнице.

Я сразу обмяк. Ушел к себе, сел на тахту, привалился к спинке — будто театральная кукла, у которой обрезали нитки.

Мама и папа возникли в комнате.

— Что ты с ней сделал?! — отчаянно сказала мама.

— Треснул ниже поясницы.

— Всего-то... — хмыкнул пapa.

Но mama по нему и по мне прошлась гневными глазами:

— Она такая впечатлительная девочка!

— И стервозная, — уточнил я. Потому что слегка пришел в себя.

— Вы оба изверги, — сообщила mama. — Где теперь ее искать? Надо позвонить ей вслед...

Но Lerkin мобильник валялся на подоконнике.

— Нигде не надо искать, — решил пapa. — Побегает и придет. Первый раз, что ли? Постоянно шастает со своими дружками.

В самом деле, сестрица не раз гуляла допоздна с приятелями — близняшками Катей и Наташкой и со стриженым смирным Борькой. Скорее всего, и сейчас пошла к ним: искать утешения и прятаться от нас. Назло...

Так мы сначала и решили. И делали вид, что ничего не случилось. Было около семи вечера, на улице еще яркий солнечный свет. Чего тут беспокоиться? Я сидел в своей комнате и притворялся, что читаю Mичио Накамуру (Ринка отдала мне и Чибису эту книгу насовсем). И каждым нервом прислушивался: не возвращается ли сестренка?

Злости не осталось ни капельки. Наоборот... Ну, какая же я сволочь! Поднял руку на такую кроху!.. Ну, правда, не совсем кроха, девятый год уже, вроде Вермишат, но ведь на них-то я даже не сердился никогда, хотя случалось, что они тоже вредничали. А на собственную сестру... Больше не замахнусь ни разу! Даже голос никогда не повышу! Лишь бы вернулась скорее... Великий ВИП, сделай так, чтобы ничего с ней не случилось!

Мама заглянула ко мне:

— Что-то долго она гуляет, ужинать пора... Может быть, есть смысл пойти поискать?

Я с облегчением выскочил на улицу. Ходить, ис-
кать — это лучше, чем томиться в неподвижности.
Когда ишешь, есть надежда, что вот сейчас, в этом за-
коулке, за этим углом...

Не было Лерки ни за углами, ни в закоулках, ни в
ближних дворах. Борька и близняшки мотались в скве-
рике на качелях. Они сказали, что сегодня после сере-
дины дня Лерку не видели...

Господи Боже мой, куда ее унесло? А если решила
уйти насовсем, куда глаза глядят?.. Знать бы, в какую
сторону...

Я обошел соседние кварталы — и старые, деревян-
ные, и с новыми домами. Заглянул даже под мост на
Камышинской — там иногда местные малыши ловили
в Туренке головастиков. Но сейчас никто не ловил, ни-
кого не было. Только беспризорный пятнистый кот вы-
шел из камышей, глянул на меня с укором...

Запилякал в нагрудном кармане мобильник. Я вы-
хватил его с отчаянным ожиданием: сейчас мама ска-
жет, что Лерка вернулась! Но мама спрашивала (на-
рочно спокойным голосом): какие у меня результаты?
Я таким же голосом ответил, что пока никаких, но ду-
маю, что скоро найду. И нажал кнопку отбоя, потому
что понял: вот-вот разревусь.

Мелькнула мысль: пойти к Вермишатам, попро-
сить их включиться в поиски. Они лучше меня знают
здесь укромные места. И вообще, если не один, не
так тошно. И я поспешил к спуску в Городищенский
лог.

И увидел, что Соня и Саньчик топают мне на-
встречу.

Саньчик сразу спросил:

- Клим, что делать, если нашлась еще одна собака?
- Какая собака? — сказал я машинально.

Соня деловито объяснила:

— Мы не видели, какая. Только слышали. Она скучит в сарае так жалобно. Похоже, что щенок...

— Мы посвистели, она помолчала, а потом опять... — добавил Саньчик.

Не хватало мне еще забот со щенками!

— У нас Лерка пропала. Ушла и не возвращается. Вы ее не видели?

— Не-а... Давно пропала? — спросил Саньчик.

— Часа два назад.

— Всего-то? Погуляет и придет, — сказала Соня.

— Каникулы ведь, — добавил Саньчик.

Вермишата вовсе не были бесчувственными. Просто они не видели причины для тревоги. А вот скучающий щенок...

— Может, он голодный... — прошептала Соня.

— Ну, так вытащите из сарая и покормите! В чем вопрос?

Соня и Саньчик наперебой объяснили, что вопрос в замке. Сарайчик стоит на дворе их соседа, дяди Кирилла. Сосед хранит в нем дрова. Стаскивает туда всякий деревянный мусор, который находит в логу на свалках. Сегодня он отыскал несколько сосновых поленьев с толстой корой. Саньчик увидел их и спросил: не даст ли дядя Кирилл ему один такой кусок? Из коры так хорошо вырезаются паровозики. Но сосед в ту минуту был с похмелья и потому смотрел на жизнь сумрачно. Он показал Саньчику увесистую дулю. И в подтверждение своей неуступчивости навесил на дверь сарая во-от такой замок. «Вроде тех, что на будке и на колодце...»

— Ну а я-то что сделаю?

— У тебя же есть ключик... — напомнила Соня.

— Он у Чибиса.

— Можно же попросить у него, — сказал Саньчик. Все было можно! Если бы не отчаянный страх за Лерку. И я сказал:

— Мало тебе истории с ножом? Попадешь теперь в милицию за кражу со взломом... Все попадем.

— Да дядька Кирилл уже спит! — запрятанцевывал Саньчик. — Выпил четвертинку и слег! Ничего не увидит...

Мне в общем-то было все равно, куда идти. Лерку можно искать в любом месте (и одинаково бесполезно).

— Как он там оказался, этот ваш щенок?

— Мы не знаем...

— Мы подошли, а он скулит. Пойдем, сам услышишь, как жалобно...

Мне впору было самому заскулить. Но я пошел. Потому что... ну, мало того, что обидел Лерку, не хватало еще обидеть Вермишат. Да и замок надо было посмотреть, прежде чем тормошить Чибиса.

Мы прошли между неполотых грядок. Знакомый Тушкан у забора помахал нам хвостом, дружелюбно так. Но без дружелюбия цапнул меня за ногу татарник (с-скотина...) Дверь была кривая и щелястая. А замок — и правда близнец тех, что на будке и на крышке колодца. И не понадобился никакой ключ. Я качнул замок, и костыль с кольцом охотно вылез из гнилого дерева. Я потянул дверь. Навстречу запахло деревянной трухой. Было сумрачно и тихо.

Было совершенно тихо. Только кто-то еле слышно вздохнул в дальнем углу. И это едва различимое дыхание я узнал моментально.

Я собрал в себе остатки прежней твердости. Сказал стальным голосом:

— Валерия, ступай сюда.

Что-то застучало, обрушилось, и Валерия пошла к двери. Ее лицо и платье быстро пересекали падавшие из щелей вечерние лучи. А потом она возникла на пороге во всей красе. С мусором в волосах и с дырами на колготках.

— Красавица, — сказал я. — Прямо хоть на витрину «Детского мира»...

Она постояла против меня, шагнула и тихонько ткнулась лицом в мою рубашку.

Я задержал дыхание. Господи, до чего хорошо жить на свете... И спросил сурово:

— Чего тебя сюда понесло? В эту халупу?

Она прошептала в рубашку:

— Мы здесь часто прячемся, когда играем в пряталки...

— Пошли домой, ужин стынет...

— Пошли... — она взяла меня за руку сырьими пальцами.

— Лера, это, значит, ты скулила за дверью? — деловым тоном спросила Соня.

— Я ни чуточки не скулила. Я пела... — полушепотом возмутилась сестра.

Саньчик виновато объяснил:

— Мы не догадались. Слов было не разобрать.

— Потому что я без слов. Просто один мотив...

— Она часто поет, когда одна, — объяснил я. — Мы чит какую-нибудь музыку...

— И не мычала я вовсе, а вот так... — Лерка гордо вскинула лицо (вот характер!) и не то простонала, не то провыла несколько нот.

— А что это за песня? — дотошно спросила Соня. Она как бы загораживала Лерку от нас, от мальчишек, и помогала избавиться от виноватости.

— Я не знаю. Где-то слышала...

Она не знала, а я знал! Леркины скомканные нотки сложились в мелодию флейтиста:

...Радуги свет,
Лета букет...

В этом была непонятная, но, конечно же, добрая примета!

Я выхватил телефон:

— Мама, все в порядке! Мы идем!

Когда пришли, мама только вздохнула:

— Нагулялась, чудо природы? Где ты так изодрала колготки? Иди умывайся.

После ужина я понял, что отчаянно хочу спать, и свалился на тахту, не раздеваясь. Это называлось: «Мама я полежу немножко вот так, а потом улягусь по правилам...» Иногда «по правилам» наступало под утро...

Я не успел уснуть. Тихонько отъехала дверь, и на пороге возникла Лерка. В отражении закатного солнца, которое бросало лучи от застекленной полки на потолок. В длинной ночной рубашке, с расчесанными волосами.

Тоже мне вечерняя фея...

— Чего тебе?

Лерка на цыпочках подошла к тахте и улеглась рядом со мной. Облапила меня за шею. Так бывало раньше, когда я звал ее (не часто, правда), чтобы почитать перед сном сказку. Сейчас она уткнулась носом в мое плечо и тепло подышала в него. От ее волос пахло сосновой корой.

— До чего бестолковая, — сказал я. — Умчалась куда-то... Я тебя хлопнул шутя, а ты...

— Ага, шутя... До сих пор чешется...

— Не ври давай... А зачем ты полезла в тот сарай?

Конечно, она сама не знала — зачем? От обиды, вот и все... Она опять подышала мне в плечо. Я погладил ее по волосам:

— И долго ты собиралась там сидеть?

— Пока не отопрут дверь... Я ведь не знала, что дядька запрет за мной щеколду...

— Решила, что он это *тебя* запер?

— Ничего я не решила, сидела, вот и все...

— А если бы пришлось всю ночь?

— Ну и что? — у нее проросли прежние колючки.

— Померла бы от страха.

— И нисколечко не померла бы. Там не страшно, потому что мальчик...

— Какой мальчик? Где?

— Там... Смотришь на него, и с ним хорошо.

— Значит, он остался в сарае? Мы его заперли?

— До чего ты непонятливый, — вздохнула она. — Он и был там запертый. Он же не настоящий мальчик, а портрет. Из дерева. На него солнце падало из дыры. А он улыбался...

Каких сил мне стоило не рвануться с тахты в тот же миг!

Я проводил Лерку до ее постели.

— Мама, я сбегаю к Чибису. По срочному делу...

— Что за дела на ночь?!

— Вновь открывшиеся обстоятельства... — я записывал в карман на шортах фонарик.

Мама сказала, что уж сегодня-то все эти обстоятельства точно отправят ее в палату реанимации.

— Аркадий, обуздай его!

— Клим, в самом деле...

— Мама-папа, я скоро!..

ОН НАШЕЛСЯ!

Я не стал сразу звонить Чибису. Решил разведать сначала: где там этот портрет? (А был ли мальчик?) На ходу обругал себя: вот балда, забыл расспросить Лерку как следует: где именно мальчик, в каком углу? Но теперь было поздно возвращаться — я опять, шипя от укусов, пробирался между грядок. Звякнул цепью и снова помахал хвостом Тушкан. Будто подтверждал, что хозяин дрыхнет и бояться нечего. Вот и дверь. Я снова дернул замок, потянул на себя скрипучие доски.

В сарае было темнее, чем раньше. Солнце уже не лезло в щели, оно спряталось за крыши и заборы Городища. Я включил фонарик. Повел широким лучом по углам. Рухлядь всякая, дрова, ящики... Где тут сидела Лерка? (Сидела и «пела»...) Наверно, вон там, на щелястой бочке, под пробитой в стене отдушиной. Скорее всего, именно в эту дыру падали вечерние лучи и высвечивали маску... Я пробрался к бочке. Сел на нее. Уперся светом фонарика в стену напротив... Охнул, испугался немного и радостно обмер.

Мальчишечье лицо выступило из сумрака. Темное, будто загорелое. Со знакомой улыбкой.

Я не сразу схватился за маску. Посидел, привыкая к счастью находки. Потом подошел. Дерево было шероховатое, с мелкими щелками, но улыбка — живая. *Та самая...*

И у меня внутри была улыбка. Ответная.

— Агейка, привет...

Маска не была прибита или подвешена. Просто застягала среди всякого барахла — между сваленными у стены поленьями, палками, кривым фанерным ящиком, прислоненной к дровам доской, дырявым чемоданом. На уровне моего лица. Видимо, ее бросили сюда,

не рассмотрев. Я нагнулся, уперся в доску локтем. Доска шевельнулась, локоть сорвался, фонарик выскользнул из пальцев. Упал, стукнулся и погас.

Вот нечистая сила! Ищи теперь!

Я вытащил мобильник, включил дисплей. И, прежде чем окунуться в поиски, снова высветил Агейкин портрет. Свет был жиденъкий, не то что у фонарика, но улыбка была прежняя. Агейкино лицо словно светилось само по себе... Вдруг мобильник шевельнулся в ладони и заиграл. В первый миг я подумал — это мама: «Куда ты пропал?» Но ведь это был не привычный дребезжащий вызов! Это...

Ветер запутался в мокрой листве,
Капли дождя загорелись в траве.
Солнечный свет...

Мобильник проиграл куплет дважды и притих.

Я не очень удивился такому подарку. Много уже было удивительного и без того. Я сказал:

— Спасибо, Агейка...

Нагнулся, нащупал у ног фонарик. Он не захотел включаться. «Ну и фиг с тобой». При свете экранчика я расстегнул рубашку, осторожно взял маску (совсем не тяжелую) и спрятал за пазуху. Обратной стороной к груди. Мaska прильнула к телу — будто примагнитилась. Можно было даже не придерживать. Выбрался из сарая, с огорода, из лога. И бегом пустился на улицу Тургенева, в скверик. Позвонил:

— Чибис, выйди. Я на скамейке...
— Тетя Ага подымет крик...
— Чибис, очень важно!

Чибис не любил задавать лишние вопросы. Примчался через две минуты. Встал рядом, часто дыша. На улице было еще светло — лето ведь! К тому же рядом

горел на столбе фонарь. Я откинулся к спинке скамьи, достал маску, повернул к Чибису:

— Вот...

Чибис ничего не сказал. Сел на корточки, взял маску в две руки, всмотрелся в нее, как смотрятся в зеркало. И лишь тогда выговорил слова — те же, что я:

— Агейка, привет...

В его нагрудном кармане проснулась переливчатая музыка.

— Ну, вот... — процедил Чибис. — Тетушка...

— Чибис, это не тетушка. Это Агейка...

— Ой, правда...

Мы сели рядом. Чибис положил маску себе на колени, лицом вверх. Агейка улыбался. Нам и всему миру...

— Возьми его пока к себе, — сказал я. — Потом решим, как быть дальше. Спросим у Яна...

— А почему... я — себе?

— Ну, это же твоя находка...

Он даже привстал (маска, однако, не упала):

— С какой стати моя?!

— А чья же? Твоя была идея — найти! Ты метался, искал всюду, тормошил других. Без тебя ничего не случилось бы...

— Не мели ерунду! — Он, кажется, хотел переложить маску на колени мне, но замешкался. — Смотрика... она будто прилипает. Как утюги к Железкину.

— Я заметил. Ко мне тоже... Наверно, какой-то особый магнетизм...

Чибис «отклеил» маску от колен, положил между нами на дощатое сиденье. Я попробовал приподнять ее и оторвал от доски лишь с изрядным усилием. Положил опять.

— Вот это да... Дерево — к дереву.

— Опять хитрости гравитации — сказал Чибис. — Я уже слегка устал от всякой фантастики.

— Терпи, кнабс-лейтенант Чибисов...

Чибис промолчал. Тогда я заметил:

— Можно будет не заботиться, как подвешивать. Хлопнул к любой деревянной стенке — и готово...

— Вот и хлопни у себя дома. У тебя там шкаф деревянный, широкий...

— Чибис, это *твоя* находка!

— Да перестань! Это же *ты* ее нашел!

— И не я вовсе, а Лерка...

Чибис растерялся:

— Как это?

Он только тут понял, что даже не спросил: где нашлась маска?

— Лерка распиховалась, убежала куда глаза глядят. И два часа пряталась в сарае, недалеко от дома Вермишат... А потом говорит: «Там мальчик...» Ну, я пошел, посветил...

— Как он там оказался?

— Я думаю, знаешь что? Хозяин сарай, дядька Кирилл, собирает дрова на свалках, вот он и подобрал Агейку. Сейчас ломают здание старого драмтеатра, вывозят мусор, скидывают в лог. Даже в газете писали, что это безобразие. Наверно, маска с давних пор валялась у них в какой-нибудь кладовке с этим... С реквизитом. Ее сгребли, не глядя, и — с обрыва...

— Может быть, и так, — задумчиво согласился Чибис. Поднатужился, снова взял маску и положил на колени. И вдруг спросил: — А почему Лерка-то убежала?

— Ну... Я ей вляпал туфлей по корме, вот она и...

— А за что вляпал?

— Вредная стала до невозможности...

Говорить про машину и деньги я не хотел. Лишним людям знать про такое ни к чему. То есть Чибис не лишний, конечно, однако зачем ему это...

Чибис, глядя в сторону, проговорил:

— Клим, это свинство. Она же твоя сестра...

— Да мы уже помирились!

— Все равно ты балда.

— Ага, — с облегчением сказал я.

А Чибис погладил деревянные Агейкины локоны и раздумчиво добавил:

— Хотя... похоже, в этом какая-то закономерность...

— В том, что я балда?

— Это само собой... Но, если бы ей не попало, она бы не убежала. И не забралась бы в сарай. И мы не нашли бы Агейку...

Наконец-то он сказал не «ты», а «мы»! И чтобы закрепить его в этом понимании, я радостно воскликнул:

— Да!

Но потом все же решил уточнить:

— А какая тут закономерность?

— Ян рассказывал недавно историю... Ты где-то задержался, а мы пошли прибираться в кладовке с блоками от всякой электроники... Ян, Шарнирчик и я... А в двери заело замок. Шарнирчик и говорит: «Надо Климу позвонить, чтобы принес ключик». А ключик-то у меня. Я достал его, дверь мы открыли, а потом я верчу его в руках, и вдруг стукнуло в голову: «Отчего у него такая странная форма? Неровный какой-то, колючка эта на конце...» Спросил Шарнирчика: «Как ты думаешь, почему он *такой*?» А тому не до ключика, возится с какими-то платами. Зато Ян оглянулся на меня и говорит:

«Сейчас таких ключиков на свете с полдесятка. Размножаются непонятным путем. А раньше был один. У него интересное происхождение...»

Я говорю: «Какое?»

Вот он и рассказал... Это он от Лики Сазоновой слышал, которая нарисовала Агейку... Будто несколько лет назад знаменитый профессор Евграфов огрел ракеткой своего внука, который приехал к нему из Москвы. Внук разозлился, выскочил из дома, решил не возвращаться. А на улице встретил своего врага. Из «крутых»... Тот уволок профессорского внука к себе на сеновал, в заложники, стал думать, что с ним делать. А потом они разговорились, слово за слово, и оказалось, что этот «крутой» никакой не злодей. И что у него прпрадедушка был резчиком по дереву, украшал дома. И похоже, что именно он вырезал Агейкин портрет...

— Елки-палки! И ты ничего мне про это не сказал!

— Клим, я думал, ты знаешь! Думал, что Шарнирчик сразу выложил тебе эту историю! У него же язык... как на шарнирах.

— Ну а при чем здесь ключ?

— Этот профессорский внук и этот парень подружились. И другие ребята... Получилась хорошая компания. Стали раскручивать — что к чему. Оказалось, что прпрадедушка, который резчик, родом с острова Гваделупа...

— С ума сойти!

— Да... И вот они смастерили из серебряной монеты — тоже гваделупской — ключ-талисман. Чтобы открывать тайны прошлого... И всякие хитрые замки. И заводить старинные механизмы... Стальной волосок на конце — как раз для этого...

— Для чего «для этого»?

— Ян сказал, что в каждом замке и механизме есть тайная пружинка. Ну, как бы душа этого устройства. Надо зацепить ее волоском, и она срабатывает. Потому и открываются замки... Видишь, все началось, как у тебя с Леркой...

— Ты мне зубы не заговаривай! Почему ты мне про это не рассказал?

— Ну, я же правда думал, что ты знаешь... Клим, не обижайся...

— Буду, — сказал я. — Буду обижаться всю ночь, до самого утра...

— Лучше вляпай мне своей кроссовкой. Как Лерке...

— Какой хитрый! Ты сразу побежишь куда-нибудь и сделаешь еще одно открытие...

Опять заиграла музыка.

На этот раз звонила мама. Она хотела знать, где я болтаюсь в ночное время. Хотя какое «ночное», когда верхушки тополей еще золотятся от заката.

— Мама, мы тут, недалеко! С Чибисом! Обсуждаем важный вопрос!

Мама велела закончить обсуждение и немедленно идти домой, где я получу очередной подзатыльник.

— А кроме того, я позвоню Агнессе Константиновне, чтобы она сделала то же самое с ненаглядным Максимом!

— Мам, она не сделает! Она противница таких методов! Давай лучше мы сами друг дружке отвесим по затрещине! И крепче будет, и вам забот меньше!

Мама сказала, что я невыносимый болтун и что через две минуты должен быть дома.

— А то я пошлю за тобой папу!

Через две минуты, конечно, не получилось. Мы поболтали еще минут десять. Потом я заставил Чибиса взять маску с собой, проводил его до подъезда и лишь тогда помчался к себе. Проскользнул мимо мамы — и в постель.

— Ты куда с немытыми ногами!

Я демонстративно захрапел. Мама что-то опять сказала про реанимацию...

Несмотря на храп, я заснул не сразу. Агейкина улыбка висела у меня перед глазами. И все было хорошо. Лишь одно слегка царапало меня — то, что я оказался таким бестолковым. Надо было не хватать маску сразу, а привести в сарайчик Чибиса, тогда получилось бы, что мы отыскали Агейкин портрет вдвоем. А теперь, конечно, Чибису досадно... Хотя какая разница, кто нашел! Главное, что Агейкина улыбка снова родилась на белый свет! Лёнчик Арцеулов и его друзья были бы счастливы не меньше нас...

СПОР

Рано утром Чибис прибежал ко мне. С маской в синем пакете, украшенном надписью «Газпром». И мы — бегом в кафе «Арцеуловъ». Там как раз оказались Вермишата — кормили завтраком Бумселя. Они обрадовались Агейкиному портрету, поулыбались ему. Но видно было, что у Саньчика и Сони радость не такая, как у нас, — более *обыкновенная*. Ведь история с маской, с туренскими мальчишками прежних времен, с энергетическим полем улыбок не касалась их так сильно, как Чибиса и меня. Они потрепали Бумселя по ушам и помчались в свой лагерь. Там у Вермишат были важные дела. Вместе с другими ребятами и вожатой Надей они готовили цирковое представление. Саньчик надеялся, что его возьмут на роль клоуна (хотя, по-моему, никаких таких способностей у него не было).

А мы дождались, когда появится Ян, и показали маску.

Ян обрадовался по-настоящему. Ну, совсем по-мальчишечки. Словно был он такой же, как мы. Расцвел.

Он отвел нас в свой кабинет-конторку, усадил на липкий kleенчатый диван и заставил подробно рассказать, как нашли Агейку. Вытащил из ящика стола тяжелый аппарат и отснял маску со всех сторон.

— Будут стереоснимки. А по ним специальная машина сформирует пластиковые копии. Есть такие технологии... Правда, это будут всего лишь копии, но очень точные... А теперь пошли...

— Куда?

— Ну, должен же Леонид Васильич порадоваться находке!

Ян повел нас наверх, в комнату Арцеулова. И едва мы вошли, как часы с журавлями включили свою музыку! Они словно выговаривали слова (хотя на самом деле слова складывались у меня в голове):

Тронет пружинку стальной волосок,
Снова проснется старинный вальсок...
Улыбка звенит,
Эхо — в зенит...

Нескладные, конечно, слова, но ведь не я их сочинял, они сами!..

Часы играли не переставая. Мы поворачивали маску к фотоснимкам на стене (пусть маленький Лёнчик и взрослый Арцеулов познакомятся с Агейкой!). Показывали Агейке комнату: книги, глобус, чертежи, старое кресло — а часы звенели, звенели...

— Пора уносить Агейку отсюда, — решил Ян. — Иначе они не замолчат.

— А мы думали, что Агейка всегда будет здесь... — огорчился я.

— Видимо, здесь хватает рисунков. А маска... она излучает слишком сильное поле, здесь ей тесно. Возникает перегрузка...

Я впервые слегка подосадовал на Агейку: подумашь какой! Тесно ему... Но тот не ответил на мою досаду: улыбался и улыбался.

— Давайте повесим его в главном зале, — сказал я. — Там пространство. Пусть висит напротив «Эвклида» и улыбается всем...

— Идея на первый взгляд неплохая... — отозвался Ян.

— А на второй? — слегка обиделся я.

— Там бывают хорошие люди, да... но все-таки питейное заведение. А мальчишке нужна ребячья компания...

— К тому же там кирпичные стены, — насупленно заметил Чибис. — А маска примагничивается только к людям или к дереву... Лучше всего к дереву...

До меня наконец-то дошло. Я посмотрел на Чибиса. Он отвел глаза, но тут же взглянул прямо. И я сказал:

— Солнышко, да?

— Конечно! Там и компания, и простор. И Агейка... будет, как общий друг...

— Люди, о чем разговор? — спросил Ян.

Конечно, Ян знал про дела в Колёсах, про Пуппельхаус и будущий театральный праздник. Идея Чибиса пришлась ему очень даже по душе. В самом деле, это же здорово, если Агейка будет улыбаться всем людям с высоты — с башни, из-под часов, из середины деревянного солнышка! Уж к этому-то солнышку, к надраенному наждаком дереву, он примагнитится на-крепко!

Лишь об одном я пожалел: что такая мысль пришла в голову не мне. Но в конце концов, какая разница!..

Ян спросил:

— Чибис, а не жаль будет? Искали, искали, а потом...

— Но это же для всех! Значит, и для нас!.. А у Ринки в Пуппельхаусе сразу все пойдет на лад. И беспоря-

док уляжется, и куклы перестанут капризничать... И шлюпка починится...

— Беспорядок пусть останется. Без него нельзя, — сказал я.

— Ну да! Останется творческий беспорядок! А кавардак исчезнет...

Мы вернулись в конторку Яна и продолжали обсуждать наши планы. Агейка улыбался нам — мы прикрепили его портрет к двери, временно.

— Можно приурочить его новоселье на Пуппельхause ко дню рождения, — сказал Ян.

— К чьему? — удивились я и Чибис.

— К его, к Агейкину... Помните, я рассказывал, что ребята несколько лет назад нашли его чугунную плиту? На ней написано было, что Аггей Полынов восьми лет от роду умер восемнадцатого июня пятьдесят четвертого года, в позапрошлом веке. А когда родился — не сказано. Однако Лика Сазонова с помощью художника Сукионцева проникла в музейный архив, где сохранились книги с метриками. Там нашлась запись. Младенец Аггей, сын сторожа Михаило-Архангельской церкви, появился на свет девятнадцатого июля, а крещен был через неделю, двадцать шестого... девятнадцатого июля по старому стилю — это первого августа по новому. Российский календарь отставал от европейского в ту пору на двенадцать дней... Кстати, было Агейке, значит, уже не восемь, а почти что девять лет...

Мы посмотрели на Агейкину улыбку. Кажется, Агейка был счастлив, что ему всегда девять лет. Может быть, он и таил в себе печаль, но не показывал ее. Главная цель Агейки была теперь — всегда радовать людей. «Энергия добра, — вспомнил я. — Добра с добротой...» А я, дубина такая, чуть не рассердился на него недавно!

Мы рассказали Ринке и всем ребятам про Агейку сразу, когда снова появились в Колёсах. И, конечно же, народ возликовал! Все решили, что это будет для Пуппельхауса добрый знак, добрая примета, «добрый дух и вдохновитель» (по словам сочинителя сценариев Серого).

Всем хотелось поскорее взглянуть на Агейку, но мы с Чибисом решили, что доставим его в Колёса первого августа. Пусть это будет как праздник.

Серый сказал:

— Надо укрепить его на солнце ровно в полдень!

Все стали спрашивать: почему?

— Непонятно разве? Мы же не знаем, в какой час родился этот пацан. А полдень — макушка дня. Если же позднее — время пойдет под уклон, может получиться, что печальная примета...

Мы с Чибисом глянули друг на друга. Похоже, что Серый был в чем-то прав.

— Мы успеем до полудня, — сказал Чибис. И вдруг встревожился: — Клим, а ты не уедешь до первого числа? Вы же собирались...

Я сказал, что не уеду. Потому что сорвалась покупка машины, всякие там сложности с документами. Если и поедем куда-нибудь, то во второй половине августа... Чибис посмотрел как-то странно. Непонятно: доволен он или, наоборот, чем-то огорчен...

Дома я и Чибис, конечно же, похвастались Агейкиным портретом. Чибис — перед тетушкой, я — перед родителями и Леркой:

— Вот с каким мальчиком ты сидела в сарае.

— Хороший мальчик, — сказала Лерка. — Не то что некоторые...

— Сейчас кто-то опять получит туфлей...

— Бе-е...

Ян предложил спрятать до августа маску в укромном месте.

— Это же произведение искусства. Если с ним что-то случится, не утешат нас никакие копии.

— Что с ним может случиться? — сказал я.

— Клим, наивная душа! Мало ли что?.. Такие вещи притягивают к себе не только добрых людей, но и тех, у кого жадные лапы...

Он повел нас в один из коридоров, там, недалеко от компьютерной, отворил незаметную дверцу кладовки. В кладовке было квадратное оконце, высоко под потолком. Оно смотрело на юг, и солнце светило в него очень ярко. Это хорошо, Агейка не загрустит из-за темноты. Напротив оконца были прибиты несколько пустых полов, на одну мы и поставили маску.

— Не скучай, мы будем тебя навещать.

Когда вышли и прикрыли дверь, я спохватился:

— А замка нет? Ян, ты же сам говорил: вдруг кто-нибудь...

— Есть внутренний замок...

— А ключ?

— А ваш ключик... — сказал Ян.

Все летние дни Чибис ходил в костюмчике, который в мае заставила его надеть тетушка. Только иногда вместо рубашки натягивал футболку. И заменил на штанах пояс. Надевал не прежний узкий ремешок, а другой, пошире. Этот ремень прихватывал сверху клапан кармана. В кармане Чибис носил два предмета: завернутый в обрывок замши ключик и рогатку-индикатор.

Ключику вообще-то полагалось быть у меня. Ведь это я отвоевал его у компьютерного кота Арамиса! Но Чибису нравилось носить волшебную вещицу при себе, я и не спорил.

А рогатку Чибис поломал и выбросил! Через пару дней после того, как нашлась маска. Он сказал об этом небрежно, будто о мелочи. Однажды мы вошли в зал с «Эвклидом», и я увидел «мишень»:

— Смотри, опять «Микса»! Сбей!

А он:

— Я выбросил стрелялку...

— Почему??

— А зачем она, если Агейка нашелся?

— Ну... А муhi-то?

— Мух сбивать научился Шарнирчик. Лазерным лучом из пальца...

— Все равно. Зря ты ее... — пожалел я рогатку.

— Тебе-то какое дело? — огрызнулся Чибис. Как-то не по-доброму. Потом добавил примирительно: — Клим, она мне надоела. Все время шебуршала и вертлась в кармане, как пойманная саранча...

Я только плечами шевельнул: тебе, мол, виднее.

...Сейчас Чибис умело запер кладовку, положил ключик на ладонь:

— Возьмешь себе?

Я подумал: если скажу «давай», он опять обидится (какой-то взвинченный стал в последнее время).

— Пусть будет у тебя. Карман подходящий...

Мы с Чибисом заранее договорились, что первого августа приедем в кафе к половине девятого, встретим Саньчика и Соню, покормим с ними Бумселя, проводим Вермишат до лагеря и двинемся на станцию Пристань. Мотовоз до Колёс отходит в десять. Мы окажемся в поселке через полчаса. Будет еще время, чтобы не спеша добраться до деревянного солнышка на башне и укрепить там Агейкин портрет. Ринкин папа — мэр Валентин Валентиныч — обещал договориться с новокалошинскими монахами, чтобы те дали машину с лестницей. Нам, конечно, забираться к макушке башни не

разрешат, сделает это пожарник дядя Игорь. Кстати, он сказал, что, если не будет лестницы, заберется по скобам, ему не привыкать. А мне и Чибису придется стоять внизу, в гуще «пуппельхаусного народа» и аплодировать. Немного обидно. Да ладно! Главное, что Агейкина улыбка засияет высоко над землей.

Мне казалось, что, когда это случится, на свете многое изменится к лучшему. И галактики в скоплении М-91 затормозят разбег, и астероид Юта-Б не станет приближаться к планете, и всеобщее потепление не станет раскочегариваться с прежней силой, и всякие пожарные и санитарные инспекторы больше не буду гнобить кафе «Арцеуловъ», и не случится еще много всяких бед, о которых мы с Чибисом вовсе и не догадываемся... И была еще одна надежда, но я боялся о ней даже думать. Я не знал, зависит ли она от Улыбки...

Зато про другое знал я точно! Под Агейкиной улыбкой Пуппельхаус превратится в самое доброе место на свете, там будет самая дружная и веселая жизнь, и это добавит Ринке много радости. И она, может быть, от такой радости однажды снова клюнет меня губами в мочку уха... (Ненормальный, да? Другие парни в моем возрасте мечтают уже не об этом, а... тыфу! После таких мыслей я даже боялся взглянуть на Ринку — вдруг она их прочитает?..)

Когда мы отпирали кладовку, чтобы навестить Агейку, оба наших мобильника начинали тихонько вызванивать знакомый вальс. А ключик заметно теплел в пальцах.

— Ничего удивительного, — спокойно сказал про это Чибис. — ВИП в такие моменты нагнетает напряжение.

Мне почему-то не понравилось спокойствие (даже равнодушие какое-то) Чибиса. И я решил снова поговорить о ключике с Яном.

С этого разговора и начался наш с Чибисом разлад...

Шарнирчик сбил метким лучом очередную муху в большом зале и понес ее Яну в кабинет — похвастаться. А мы пошли просто так, за компанию. Ян сидел, зарывшись по макушку во всякие счета и накладные. Однако оторвался от дел, Шарнирчика похвалил, а меня и Чибиса спросил:

— Какие новые открытия совершили, господа кнабс-лейтенанты?

Я сказал:

— Тут бы со старыми разобраться... Например, с этим ключиком. Ян, какая все-таки у него природа? С точки зрения науки? Как он оказался в Футуруме у Арамиса, а потом у нас? Он что, умеет прокалывать пространства?

— Задал бы этот вопрос Арамису... — буркнул Ян, сопя над бумагами. Ему было явно не до нас, но меня подзуживало дурацкое упрямство (бывает иногда такое):

— Арамис же больше не вылезает из Футурума... А ты что, знаешь меньше, чем он?

Чибис молчал рядом со мной. Мне казалось, что осуждающе. Ян сказал:

— Конечно, меньше. Спроси меня о чем-нибудь попроще...

— О чем?

— Клим... — сердито шепнул Чибис. А Ян сдержанно ответил:

— Например, о диалектике квантовых уравнений Корнеева и Штейна, связанных с аномалиями темпорального поля второго уровня...

Я куснул губу и хотел спросить об этой диалектике, но у Яна затарахтел на столе красный телефон. Ян опять оторвался от бумаг, слушал полминуты, потом оглянулся на нас:

— Братцы, вы извините...

Мы вышли из конторки и зашагали по коридору. Жужжали под потолком желтые лампочки. Мы с Чибисом шли рядом, а Шарнирчик в двух шагах позади. Чибис мне сказал:

— Чего ты пристал к Яну? У него куча дел, а ты лезешь со всякой неразберихой...

— Потому что хочу, чтобы сделалась «разбериха»...

Шарнирчик сказал у нас за спиной:

— Ян тут не поможет. Природа этих ключиков пока не поддается расшифровке. Для этого надо проникать в пространство уровня эм-зет, а такое пока не удавалось никому...

Мне спросить бы: что за «эм-зет»? Но почудилось, что Шарнирчик хихикнул. И я бросил через плечо:

— А тебя не спрашивают...

— А я просто так сказал, без «спрашиванья». Жалко, что ли?

— Конечно, жалко! Таскаешься за нами, лезешь не в свои дела! Да шпионишь еще!

— Когда это я шпионил? — Шарнирчик возмутился так, что в нем, кажется, зазвенели все железки.

— А сколько раз! Суешься, куда не надо, а потом болтаешь!..

Я ждал, что Шарнирчик заругается. Но он вдруг ссгутился и побрел от нас обратно по коридору. Меня царапнуло. Я чуть не сказал ему в спину: «Да ладно тебе обижаться-то...» Но тут вмешался Чибис. Он прошелся по мне сине-зелеными глазами (при лампочках они казались почти черными):

— Зачем ты так на него?

Мы оба остановились.

— Как? — сказал я.

— Думаешь, если он не человек, то ничего не чувствует?

Я давно уже не помнил, что Шарнирчик — «нечеловек». Он был для меня как обыкновенный парнишка, вроде одноклассника. Но он был капризной личностью, а я таких не люблю, будь они хоть из костей с мясом, хоть из железа. Я так и сказал Чибису. Но он не поверил (или сделал вид, что не верит):

— Это ты сейчас так говоришь. А по правде...

— А что по правде?.. Чибис, я не понимаю: чего ты на меня наезжашь? Я... тебя чем-то разозлил?

— Не чем-то, а вообще, — сказал он, глядя поверх моего плеча. — Делаешь вид, что добренький, а на самом деле...

— Когда я делал такой вид?!

— Сколько раз... С Яном рассуждаешь про «добро с добротой», а сам...

Я с Яном рассуждал про это один или два раза в жизни! Мы вместе с Чибисом рассуждали. Когда говорили о всяких энергетических полях и дисбалансах. Так и хотел я сказать Чибису. Но вдруг понял: ему это не надо. Ему *надо*, чтобы появилась причина для ссоры. Хоть какая...

Почему?!

Мне бы сказать: «Чибис, что с тобой? Я в чем-то виноват, да? Ну, тогда... прости меня...»

Но я с младенчества терпеть не мог просить прощения. Даже если в чем-то провинился! А сейчас — в чем? И сказал:

— Что-то не понимаю я тебя... Чибисов...

— Ну и не понимай. Это ведь удобнее всего — не понимать. Рычишь на всех... Даже на Саньчика и Соню. То такой добренький с ними, вермишелькой кормишь, а то... Вон тогда как заорал на Саньку: «Голову оторву!»

Я правда заорал однажды. Потому что он стал отковыривать стамеской от полена кусок сосновой коры,

стамеска сорвалась, и он чуть не всадил ее себе в ногу. Я перепугался, вот и завопил: головотяп, мол.

— Он же сам виноват! Мог ведь калекой сделаться! Я и на Лерку ору, если она рискует по глупости...

— На Лерку тем более, — кивнул Чибис. Кажется, даже с удовольствием. — Даже туфлей огrel, как корову в стойле... Тоже доброта...

Он был сейчас какой-то чужой. Будто и не Чибис вовсе. Ну а я... должен, что ли, на четвереньки садиться перед ним?

— Ты в мои семейные вопросы не влезай... Я ведь не суюсь в твои дела с тетушкой...

— Этого еще не хватало!

— Не бойся, не буду...

— Ты тоже не бойся. Я тоже больше не буду.

— Вот и хорошо.

— Вот и договорились...

С этими словами мы вышли на двор.

— Пока... — сказал Чибис. И пошел, не оглядываясь.

— Пока, — сказал я ему в спину. И зашагал к арке, которая вела в наш двор.

НОВЫЕ ВЕДЫ

Я пришел домой, сел на тахту и стал смотреть в стенку.

Сначала я ничего *такого* не чувствовал. Никаких угрозений и опасений, только досаду на Чибиса. Кая сколопендра его укусила? Может, с теткой опять не поладил? Или от матери плохие известия? Но я-то при чем? Раньше бывало наоборот — поделится неприятностями и сразу веселеет... А может, все же это я в чем-то виноват? Но в чем? Взял бы да сказал прямо!..

Ну да, я в самом деле иногда веду себя по-свински. И с Леркой, и с Вермишатами. Сам чувствую, раздражительный стал. Мама не раз говорила: «Переходный возраст». А один раз выразилась непонятнее: «Гормоны, наверное. Пубертатный период...»

Я пристал к маме: что это такое. Она сказала:

— Нынче на все вопросы есть разъяснения в Интернете.

— Он вторые сутки не работает.

— Тогда спроси папу. Это мужская тема...

Я спросил. Папа ответил по-мужски прямо. Сказал, что это период, когда в подростках пробуждаются «жизненные соки». В мальчиках прорезается повышенный интерес к девочкам, не дают покоя всякие фантазии. Мальчики подолгу не могут уснуть, возятся под одеялами, а когда засыпают, видят сны, про которые неловко рассказывать...

— С тобой такого еще не случается? — по-деловому спросил папа.

Я приложил совершенно нечеловеческие усилия, чтобы не заполыхать ушами. Ответил небрежно:

— Бред какой...

Хотя на самом деле... Ну, мало ли какие дурацкие сны лезут иногда в голову спящему человеку! В том числе и про «повышенный интерес»...

Ладно, а при чем здесь раздражительность?

И при чем ссора с Чибисом? Тем более что не я начал... Может, у него тоже какой-то «период», потому и психует? Может... вспоминается Натка Белкина с ее красным яблоком? (А мне-то с чего она вдруг вспомнилась?) Да ну, к черту все эти вопросы! Подумаешь, поссорились! С кем не бывает... Все равно он скоро позвонит. Или, в крайнем случае, встретимся через два дня в «Арцеулове» — перед тем как ехать с Агейкой в Колёса...

Ну а если встретимся и он молча сунет мне в ладонь ключик, повернется и уйдет?

И черт с ним, в конце концов, пусть уходит! Следом не побегу. Не такие уж мы друзья, чтобы я страдал...

Да мы, наверно, и не друзья вовсе, а «сообщники». Случай свел нас однажды в одной из точек, «на острие иглы», в кафе у Яна. Потому что нас волнуют одни и те же вопросы: параллельные миры, загадки времени, тайны энергетических полей и всякое такое... (Дисбалансы там и бабочки на штанге.) А друг дружку мы не очень-то интересуем...

Вот другое дело, если бы я поссорился с Ринкой! Это было бы несчастье... Не так уж меня волнуют ее куклы и фокусы с гравитацией, главное — сама Ринка. Она-то — настоящий друг, хотя и девчонка. Я, кстати, никогда не думал о ней «по-пубертатному». Ринка — вот и всё...

Приеду, и она сразу заулыбается навстречу, блестя круглыми очками... Хотя, наверно, тут же спросит: «А где Чибис?»

А был ли мальчик Чибис?

Тошно стало. Впору тихонько завыть. Я понял, что схвачу сейчас мобильник и стану звонить Чибису...

Так, наверно, и надо было сделать! Но я... идиот паршивый... сцепил зубы и дал себе честное-пречестное слово, что звонить не буду. Если ему надо, пусть звонит сам. Такие данные себе клятвы я никогда не нарушал. Потому что суеверный трус. Боялся, что, если нарушу — случится несчастье.

Сразу стало легче. И... тяжелее. Представил, как теперь стану изводиться и маяться в течение двух дней... А может, сбегать к Чибису домой? Ведь этого моя клятва не запрещает! И я... снова идиот... сразу поклялся, что и домой к нему не пойду. Отрезал все пути...

Ну и наплевать. Я взял книжку Мичио Накамуры, открыл наугад. «Наивные попытки рассмотреть Время просто как одно из линейных измерений пространства приводят к полной невозможности решить множество проблем в строении Вселенной. Следует признать, что на данный момент Время — непостижимо...»

Конечно, непостижимо! Конечно, эти два дня растянутся в такую бесконечную резину, что вынут из меня душу...

А вот и не вынут! С какой стати? Не буду я изводиться!

Я подтянул ноги, положил книгу на колени и тупо уставился в строчки.

Вошла мама, села у стола и стала молча смотреть на меня. Почему-то слишком долго. Во мне что-то ёкнуло...

— Мам, ты чего?

— Да я-то ничего... А ты? С тобой что-то стряслось?

Я сказал сразу:

— С Чибисом поругались.

— Сильно?

— Не знаю... Наверно, средне...

— Но есть надежда, что помиритесь?

Господи, не хватало еще, чтобы ее не было?

— Конечно, есть!

— Это хорошо... — вздохнула мама. — А то было бы совсем...

Я отбросил книгу:

— Мама, что случилось?

— Плохо, если сразу две беды и ни в одной нет надежды... — Она смотрела не на меня, а за окно, зябко потирала локти.

— Ма-а! Что случилось?!

— Только к папе не приставай с вопросами. Он и так сам не свой...

— Сценарий зарубили, что ли? — сказал я с великим облегчением. — Вот беда! Деньги-то все равно заплатили.

Мама стала смотреть на меня:

— Не в сценарии дело... А деньги оказались бесполезны. Их потратили на лечение, а потом заведующий клиникой сообщил по телефону: «Господин Садовский, мы с самого начала не гарантировали стопроцентно благополучного исхода. Увы, медицина до сих пор не всесильна...»

— Сволочь, — сказал я.

— Клим!.. Врачи сделали все, что могли, это правда...

— Значит, она... — я боялся сказать «умерла».

— Нет, она жива... еще... Глеб Яковлевич полетел к ней, в Германию.

— А Ясик?

— Ясика взял с собой... Конечно, тяжело, но так просила мать... Видимо, это будет прощание...

— И что, правда нет никакой надежды?

Мама опять посмотрела за окно:

— Врач сказал, что «чисто теоретическая»...

Но ведь если даже теоретическая, она все-таки есть!.. Ведь бывает, что в непостижимо громадном пространстве находят друг друга две элементарные частицы — и вспыхивает звезда!.. Шансы почти нулевые, но *все-таки бывает...*

Но я не сказал про это. Какой смысл... Я сказал:

— Лерке не надо говорить. Опять заскулит, что зря отдали деньги...

— Она знает...

— И что? Заскулила?

— Нет, спросила: «А этот мальчик, Ясик, он с кем будет, когда его мама умрет?»

«Бестолочь, — подумал я. — Разве можно говорить это слово, когда человек еще жив?» Сунул руку за спину и сцепил пальцы.

— Конечно, он будет с отцом, — сказала мама. — Они и сейчас живут вместе, душа в душу... Но каково это — ребенку без мамы.

Каково это... «Не приведи господи...»

Я сунул за спину вторую руку.

А мама как-то неловко зашевелилась (большая такая, на скрипучем гнутом стуле) и вдруг выговарила:

— А тут еще одна... «материнская проблема»...

— Какая?!

— Объявилась Ева Сатурнадзе...

— Кто-о?!

— Не делай вид, что не помнишь. Та... вторая папина жена. Лерина мать.

— Она такая же мать, как я Мичио Накамура!.. Чего ей надо-то?

— Не бойся, не папу. Хочет повидаться с дочерью.

— Скажи папе, чтобы гнал в шею. Или сама... А то вдруг Лерка узнает!

— Она знает, в том-то и дело. Ева где-то раздобыла номер Лериного мобильника и первым делом позвонила ей: «Деточка, ты знаешь, кто с тобой говорит?» Ну, и так далее...

— С-скотина, — от души сказал я.

— Клим! Ты сегодня пустил в ход весь арсенал своих ругательств!

— Не весь. Ты многих не знаешь. Например...

— Клим!

— А что сказала Валерия?

— Ты не поверишь, она оказалась удивительно хладнокровной. Говорит, что ответила так: «Надеюсь, у

vasхватит здравомыслия не стараться забрать меня от папы и моей настоящей мамы?»

— Девочка бывает умна не по возрасту...

— Вполне по возрасту. Мне и отцу заявила: «Я насмотрелась всяких сериалов про этих мам из-за границы. Фиг с ней...» По-моему, твоя школа...

— Моя, — с гордостью согласился я. — А где сейчас Лерка?

— Как где! Я же говорю. Пошла вместе с папой в гостиницу «Олимпия» встречаться с... заграничной мамой. Та привезла ей из Стокгольма какую-то сногсшибательную куклу.

— Хорошо, если этим все и кончится. Надеюсь, «сатурнатная Ева» не затеет судебный процесс...

— У нее нет никаких шансов... А если бы затеяла и выиграла? Через неделю привезла бы милую дочку сама. С денежной дотацией в конверте. Как в фильме про Вождя краснокожих.

— Мама, это идея! Новый источник доходов!

— Да, надо обдумать...

Мы немножко посмеялись, но тут же замолчали. В общем-то было не до смеха. Ведь ни беда с женой Садовского, ни мояссора с Чибисом никуда не ушли...

Появились папа и Лерка. Она — совершенно невозмутимая. Сообщила мне, что «тетя Ева — довольно приятная особа, только крашеные губы у нее чересчур липкие; поэтому хорошо, что завтра она улетает». Потом ухватила поперек туловища вякающую куклу с себя ростом и уволокла на двор — хвастаться перед Борькой и близняшками.

Я сразу спросил:

— Папа, а там в клинике... правда никакой надежды?

Он сел рядом со мной на тахту:

— Я знаю только то, что сказал Глеб. А он — то, что сказали врачи... Клим...

— Что?

— Ты, может быть, думаешь: зачем отдали деньги? Мол, все равно зря...

— Папа, ты что? — спросил я и отодвинулся. — Малость переработал, да?

— Ну, я так просто спросил...

— Мы бы не отдали, а она... И мы потом всю жизнь считали бы, что из-за нас... Папа, а Глеб Яковлевич и Ясик уже улетели?

— Сегодня утром... И знаешь, что Глеб сказал на прощание?

— Что?

— «Аркадий, ты ведь понимаешь, что я никогда в жизни с тобой не расплачусь?..»

— А ты?

— А я его... как в студенческие годы... послал в одно место...

— Он не обиделся?

— Посмеялся... невесело так... А у нас вот сейчас тоже проблема. Я посчитал: не наскребается пока на билеты в Севастополь и обратно...

— Па-а, мне что-то пока и не хочется...

Так навалилось одно, другое, третье. Ссора с Чибисом отошла на задний план. Больше думалось о матери Ясика. И о нем самом — какое горе поджидает его в недалекие дни.

А что мне Ясик? Я видел его раз в жизни, всего-то несколько минут. Только и дела, что именно от него услышал впервые мотив Агейкиного вальса... А почему Агейкиного? Агейка эту музыку, наверно, никогда и не слыхал...

Музыка заиграла у меня в кармане — телефон.

Чибис?!

Это был не Чибис (я даже плонул тихонько). Это был Саньчик.

— Клим! Я хочу спросить...

— Ну?.. То есть, что случилось, Санёк? — (Перестань хамить всем подряд, дубина!)

— Клим, можно мы первого числа не поедем в Колёса?

Вермишата меня почему-то до сих пор считали своим командиром.

— Можно, конечно. Дело хозяйствое... Но мы же собирались все вместе. Что случилось?

— У нас в лагере праздник.

— Разве лагерь в субботу работает?

— Да! Потому что открытие новой смены! И у нас мама и папа приехали, хотят посмотреть наше цирковое представление!..

Хорошо, что хоть у кого-то радостные вести!

— Выступайте, Сань! В Колёса вы еще успеете...

Со всякими мыслями я промаялся до полуночи, поэтому проснулся поздно.

Когда позавтракал, мама отправила меня на рынок:

— Купиши два кочана капусты и три кило свежей картошки...

— Она же дорогущая!

— Да. Но надоело гнилье...

Я взял тележку-сумку на колесах и сказал Валерии:

— Пошли со мной. Пора привыкать к физическим нагрузкам. А то носишься по дворам с малолетней шпаной без всякой пользы.

Лерка (надо же!) не спорила. Правда, по дороге замыла, что хочет мороженого.

— На обратном пути. Куплю на сдачу. А сейчас нет мелочи...

— Трудно разменять, что ли?

Я решил с ней не церемониться:

— Валерия! Будешь канючить — отправлю тебя к тете Еве Сатурнадзе. В Швецию.

— Бедная Швеция, — сказала Лерка.

Да, взрослеет девочка...

ЗАВТРАК ДЛЯ БУМСЕЛЯ

После рынка я, конечно, не выдержал, побежал в «Арцеуловъ». Надеялся: вдруг Чибис там? И тогда все сделается у нас как раньше.

Чибиса не было.

Ян сказал, что Чибис приходил утром, вместе с Вермишатами. Они покормили Бумселя и разбежались. Саньчик и Соня — в лагерь, а Чибис...

— Он сказал: куда глаза глядят... Клим, вы что, поссорились?

У меня, как у младенца, набухли глаза.

— Я не знаю... то есть да. Но я не понимаю, почему он на меня так наехал...

— Эх вы, кнабс-лейтенанты... Источник дисбалансов... Клим, позвони ему.

— Я не могу. Я... поклялся, что не буду.

— Ну, ладно. Я-то не клялся... — Ян понажимал кнопки мобильника. — Чибис! Тут Клим пришел. Совершенно никакой. Может, пора вам выяснить отношения?.. Что?

Ян слушал довольно долго, потом повернулся ко мне:

— Он говорит, что сегодня не может. Агнесса Константиновна захворала. А еще вернулась его мама, они решают домашние проблемы...

— Врет он все, — уныло сказал я. — Просто не хочет меня видеть.

— Ну, не знаю... Еще он просил передать, чтобы ты из-за ключа не волновался...

А я и не волновался. И даже обрадовался: значит, послезавтра утром в любом случае увидимся!

Заглянул в конторку Шарнирчик:

— Клим, пойдем поговорим. Есть вопрос...

Мы вышли на двор, сели на ящик у черного входа. Туда-сюда сновали грузчики, но нам не мешали. Шарнирчик постукал каучуковыми пальцами по титановому колену и спросил, как Ян:

— Вы что, поссорились, да?

— Это *он* тебе сказал?

— Никто не говорил, сам вижу...

— Шарнир...

— Что, Клим? — Он так по-человечески глянул лиловыми подфарниками.

— Ты вот все страдаешь, будто нет у тебя души. А разве без души можно увидеть, как... мается другой человек...

Шарнирчик не расчувствовался. Сказал, что это может видеть своими фарами любой самосвал.

— Ходишь, будто дохлого жабля проглотил...

— Шарнирчик, я не знаю, почему так... Я, видимо, гад... Наверно, сказал ему что-то пакостное и сам не заметил. Вот и тебе вчера тоже... ляпнул про шпионство...

— Да брось ты, не во мне дело...

— Во всех нас дело... Хотим доброты, а получается... А я тупее всех...

Следующий день я провел дома. Помогал маме наводить порядок на кухне, чинил велосипед (которому вообще-то давно пора на свалку, но жаль — он у меня,

как любимая собака). На улицу не совался. День выдался зябкий, с моросящим дождиком, а залезать в теплую одежду не хотелось...

Чибис, конечно, не звонил. Ну и не надо. Я старался не думать о нем, и это иногда получалось. Тем более что не оставляла мысль о жене Садовского. Точнее — о *маме Ясики*.

Я вполне верил, что от Улыбки может остановиться разбегание галактик и это каким-то таинственным способом затормозит потепление земного климата. (А если не затормозит, то и не надо — я терпеть не могу холод.) И что выправится орбита астероида 1999 Юта-Б. А главное — будет в поселке Колёса живой кукольный театр для всей округи. Даже не театр, а просто дом, где станет собираться множество ребят, чтобы радоваться жизни и друг другу. Без всяких ссор, без обид, без горестей. Дом, где *всегда всем хорошо*. Где каждый доверяет друг другу, где никто не станет стесняться читать свои стихи или петь песни, если сочинит их... В общем-то Пуппельхаус и сейчас был таким. Но мне казалось, что ему не хватает прочности, уверенности в том, что он *таким будет всегда*. А улыбка Агейки... она должна была развернуть вокруг Пуппельхауса пространство, в котором нет места ни для каких тревог... И это был бы мой (вернее, мой и Чибиса) подарок Ринке. И всем, кто вокруг нее...

Я надеялся, что так и будет. И, может быть, случится еще немало хорошего... Только на одно я надеяться не смел. Даже запрещал надеяться. На то, что Агейка чем-то поможет врачам в далекой отсюда германской клинике. Слишком разные это были пространства, слишком неумолимой была там безысходность. Слишком сильными были обстоятельства, которые называются «теперь уже поздно».

Это как если бы в Землю все-таки вляпался тот самый Юта-Б. Тогда напрягай хоть какие энергетические поля — ничему не поможешь...

Чего-то привязались они ко мне, эти мысли про астероид. Про гигантский метеорит. Я его совсем не боялся, но он вертелся в мозгах ехидными стихотворными строчками. Эти стихи я слышал в старом мультике, потом наполовину забыл, и теперь они переиначивались, как хотели:

Ты живешь, а он летит,
Ты растешь, а он летит,
Спишь, а он летит, летит,
Голубой метеорит...
А потом ты подрастешь,
Погулять с женой пойдешь,
Тут он врежет с высоты —
Где жена, а где там ты?
Оба мы летим в эфире,
В голубом нездешнем мире...

Все же пришлось выйти на улицу — утащить наложенный велосипед из прихожей в сарайчик. Надо было повесить его на стенку, на железный костыль. Но костыль торчал слишком высоко. Я подставил чурбак, тянулся, напрягался и от натуги все громче пел:

Он летит, летит, летит,
Голубой метеорит!..

Заглянул в сарайчик наш молодой сосед, автослесарь Дима Копытов. Весело вскинул вёлик на штырь, поймал меня и спросил, дохнув чем-то вроде крепкого одеколона:

— Ты что это за шлягер исполняешь?

- Из фильма «Голубой метеорит». Не слыхал?
- Не-а... Это про звездные войны?
- Ни про какие не про войны... — Я зябко потирал плечи и локти. — Про сюрпризы космоса...
- А почему он голубой? С нетрадиционной ориентацией, что ли?
- Сам ты с нетр... С этой самой. А у него она вполне точная. Как впилит в наш уютный шарик... По телику говорили, что две недели осталось, — сумрачно соврал я.
- Ты это чё? В натуре?
- Сам не слышал разве?
- Ё-моё... — Дима сделал вид, что озабочен все-рьез. — Надо снять деньги со счета. На всякий случай...
- Сними, пока вклады не заморозили в ожидании катастрофы.
- Такие, как мой, не морозят. У меня там семьсот деревянных осталось...
- Все же сними, пока не поздно...
- Да, наверно...

Мы потрепались еще немного. Дима спросил между прочим, почему мы все еще не купили машину. Я сказал, что «телега» оказалась чересчур побитой, отец подыскивает другую.

— Это он правильно. Ну, в случае чего, я всегда рядом. Пока... — Он помахал пятерней и куда-то поспешил. Может быть, снимать вклад?

Мне вдруг показалось, что сейчас позвонит Чибис. Я даже расстегнул карман с мобильником. Но не было звонка...

Я поежился, запер сарайчик и побежал к подъезду, взлягивая от укусов мелкого дождика. А когда подбежал, дождик кончился и проступила голубизна. Я подумал, что завтра будет, наверно, ясный и теплый день.

Он таким и начинался, этот день. Солнце жарило с утра, в небе сплошная безоблачность. Я опоясал косынкой-банданой лоб и помчался в «Арцеуловъ». Было около восьми. Мне казалось, что Чибис уже там.

Чибиса не было. Был Ян (хотя не всегда он приходил так рано), хозяинничал за стойкой Ли-Пун, сидели за столами (видимо, с ночи) посетители в кожаных безрукавках. И, конечно, крутился здесь Шарнирчик. Он-то и сказал мне, что Чибис появлялся вчера, но про меня не спрашивал и ничего для меня не передавал. И о планах на сегодня не говорил...

— И Вермишат почему-то нет, — заметил я, чтобы скрыть беспокойство. — Бумсель еще не воет с голодухи?

Шарнирчик сказал, что Соня и Саньчик нынче не придут. Еще вчера днем они забрали Бумселя, чтобы порепетировать с ним у себя на дворе — для сегодняшнего выступления. В лагерь отправятся прямо из дома...

А чего меня принесло сюда в такую рань? Чибис ведь знает, что мотовоз от станции Тура отходит в десять. Дорога на станцию по коридорам — это всего пять минут. Чибис, наверно, решил, что придет впритык — чтобы сразу в путь. Наверно, не хочет видеть меня лишние минуты. Но меня теперь это почти не волновало. Лишь бы он принес ключ! Лишь бы Агейкина улыбка оказалась над Пуппельхаусом в назначенный срок — до полудня. Сейчас мне казалось это самым важным. Если этого не случится (так думалось мне!), начнутся всякие несчастья...

Ян куда-то исчез. Я поболтался внутри кафе, вышел на двор, сидел там, сидел... Чибис не появлялся. Рядом присел Шарнирчик. Сразу понял, какая тревога меня грызет. Сказал прямо:

— Да позвони ты ему!

Была половина десятого, время подпирало. Ясно стало — положение такое, что я свободен от честного слова. Выхватил мобильник.

Чибис не ответил. Ответил сладкий механический голос: «Телефон данного абонента находится вне зоны покрытия...» Я мысленно «покрыл» этот голос, эту зону и абонента Чибиса. И сделал единственное, что мог — рванул к нему домой.

До улицы Тургенева бежать — пять минут. Хорошо, что не запирается подъезд. Лифта нет — с маху — на четвертый этаж...

Никто не ответил ни на звонки, ни на стук.

«Гад ты, Чибис!..»

А может, вовсе не гад! Может, что-то случилось?.. «Чибис, это у меня случайно вырвалось! Пусть с тобой будет все хорошо!..»

Я примчался обратно в кафе. На двор. Сразу увидел Шарнирчика.

— Чибиса нет?

Он помотал своей круглой головой с глазами-подфарниками.

— Слушай, а может, он вчера забрал маску? И рванул с ней в Колёса без меня?

Пусть будет так! Лишь бы с ним не стряслось ничего плохого! И лишь бы Агейкин портрет вовремя оказался там, под часами!

Но Шарнирчик опять помотал головой:

— Нет, маска в кладовой. Мы с Чибисом вчера на-вешали Агейку. Потом Чибис запер дверь и ушел. А я еще постоял там...

— Зачем? — тупо спросил я.

— Ну, *он* улыбается даже через дверь. Это... шевелит душу...

«Провалился бы ты со своей душой!» — чуть не ляпнул я. Слава Богу, сдержался.

— Шарнир, а ты можешь своим лучом, которым сбиваешь мух, вскрыть замок?

Шарнирчик вздохнул с жестяным шелестом:

— Не могу. Потому что он заперт *тем самым* ключиком... Если бы другим, я бы смог...

Я обмяк. Опять сел на колоду у двери, уперся локтями в колени и сидел так не знаю сколько времени. Все теперь не имело значения. Шарнирчик виновато топтался рядом и, видимо, не знал, что посоветовать.

А может быть, рвануть в компьютерную, включить Футурум, попытаться вызвать Арамиса, выпросить у него еще один ключик?.. Бред какой... Да и все равно уже не успеть на мотовоз. На дисплее чернели цифры: 10:02...

И так я сидел еще минут тридцать. Шарнирчик сходил куда-то, вернулся и снова топтался рядом — беспомощный и вроде бы виноватый.

И вдруг заиграл мобильник!

— Ты куда провалился?! — орал в трубку Чибис. — Поезд пришел, а тебя нет! Почему не приехал?!

— Куда?! — заорал я в ответ.

— Ненормальный, да? В Колёса! Все его ждут, а он...

— А ты откуда там взялся?!

— Не все ли равно?! Пешком пришел, рано утром!

— Зачем пешком-то?! Спятил, да?!

— Какое твое дело?! Захотел проветриться!.. Ты где?!

Он еще спрашивает: *где*?! Так бы и дал по шее идиоту!

— Ключа-то нет! Как я достану маску?!

Чибис умолк на секунду. Потом спросил тихо и с испугом:

— Клим, а что с Бумселем?

— При чем тут Бумсель, балда?!

— Клим, что с ним?! Его не кормили?! Его же всегда в полдевятого...

— Вермишата забрали его с вечера для выступления!

Чибис прокричал почти со слезами:

— Это не я балда, это вы там все балды! Я же не знал!

Я оставил ключ среди пакетов с собачьим завтраком!

Я думал, что, как всегда... И написал: «Для Клима»!..

Я с мобильником у щеки бросился на кухню. К тумбочке, за которой прятали корм для Бумселя. Чибис что-то вопил в трубку, я не разбирал...

Два нетронутых пакета с этикетками «Трезор» лежали за тумбочкой. А между ними — конвертик с надписью «Для Клима». Я выхватил ключик. Столкнулся с Шарнирчиком. Вместе мы кинулись в коридор, к железной двери. Чибис опять что-то кричал, о чем-то спрашивал.

— Да подожди ты! — рявкнул я. Одним поворотом вскрыл замок, дверь отошла.

— Агейка!

Он сиял навстречу...

Ну а дальше что?

— Чибис, а дальше-то что? Как я к вам доберусь?

— Ты послушай! Ты... — И опять заскрипело в эфире, и снова: «Абонент находится вне зоны покрытия...»

Чтоб вы, все на свете связисты, провалились с этой зоной в самую-самую-самую дыру!!

Я набрал номер Чибиса. «Абонент находится...» Тьфу! Набрал номер Ринки. «Абонент находится вне...»

Я уронил руки. Ясно, что помехи — из-за барьера, который местные власти опять возвели вокруг поселка. Бывало, что не пробьешься целый день...

Шарнирчик снял с полки маску и зачем-то протянул мне. Я машинально взял ее. А для чего? Все равно не попасть в Колёса до полудня.

Если бы работала связь, Ринка или Чибис могли бы объяснить: вдруг на автостанции есть какой-то рейс?

А может, помчаться на станцию Пристань и попросить помоши там? Или рвануть в Колёса пешком (то есть бегом)? Нет, уже не успеть. Да я и дорогу не помню точно. Чибис вот запомнил, а я...

Я метался внутри себя: «Что делать? Что? Что?..» Эти дурацкие и трусливые метания сожрали еще несколько минут. Нет, даже больше, чем несколько! Я вдруг увидел, что до полудня всего час. И понял: теперь-то уж точно все пропало. Прижал маску к груди и побрел от кладовки по коридору.

Почему-то в те минуты я совсем не думал о Яне.

ВЫСОТА

Да, я ни разу не подумал о Яне. Какая-то отключка случилась! О нем подумал Шарнирчик. Он вывел Яна мне навстречу. Мы столкнулись у дверей главного зала.

— В чем дело, кнабс-лейтенант? — сказал Ян.

Я глянул ему в лицо и разревелся.

И нисколько не стыдно было мне этих всхлипываний и слез. И сквозь них я выговорил все, что свалилось на меня «из-за этой скотины Чибиса».

— Из-за вас обоих, — жестковато уточнил Ян.

— Ага... — всхлипнул я.

Тогда Ян вскинул свой телефон:

— Диспетчер сектора Цэ? Данные по трассам... Что? Кольцевая опять перекрыта? А линия Эс?.. Уволить вас всех к... — И сунул аппарат в карман. Встал на пороге, глянул в зал.

В зале сидели гости привычного вида. Жевали соевые шашлыки, потягивали красное вино... Я знал уже, что там не только гости. Среди них всегда были два-три человека, которые... видимо, товарищи Яна и не только

товарищи, а еще и... ну, как их назвать? В общем, люди из КНабСа. Молчаливые такие, незаметные.

— Левушка, Влад, — негромко окликнул Ян. Двое сразу встали.

— Пульты при вас?

— Естественно, кэп, — отозвался Левушка (очкистый, лысоватый и с кудряшками на висках).

— Разблокируйте линию-три...

Влад посмотрел на Левушку, на Яна. Был Влад похож на автослесаря Диму. Мне показалось, что он скажет: «Кэп, ты чё? В натуре?»

— Ян Янович, это ведь... система верхней балансировки полетит в тартарары... — сказал Влад.

— Черт с ней. Сейчас особый случай...

Ян кивнул мне, и я пошел за ним во двор. Там Ян сказал:

— Должен предупредить серьезно. Будет аттракцион с риском вывихнуть шеи. Согласен?

— Да-а-а!! — возликовал я.

— Рано радуешься. Еще неизвестно, чем это кончится... Ребята, в машину. Засуньте ребенка между собой, для страховки...

«Ребенок» с зареванным лицом и маской в руках был бесцеремонно засунут между Владом и Левушкой. На заднем сиденье.

— А ты куда?! Брысь!

На переднем сиденье рядом с водительским креслом нахально устроился Шарнирчик.

— Пошел вон! — стальным голосом приказал Ян.

— Фиг, — отозвался Шарнирчик. И оглянулся на меня: — Клим, скажи ему...

И я, с перемазанными щеками, встрепанный и перепуганный, все же набрался смелости (и до сих пор горжусь этим):

— Ян... пусты он...

— Злыдни, — сказал Ян. И машина рванула. Будто не со двора на улицу, а сразу в какое-то пространство Икс...

У нас в Городском саду есть аттракцион «Американские горы». Может, не такой крутой, как в Диснейленде, но все равно... Душа там обмирает так, будто летишь в преисподнюю. Многие орут. Я не орал, но один раз прокатился и больше не захотел... А вот сейчас те самые «Горы» мне вспомнились, как детские качалки у песочницы.

Ян сказал, не оглядываясь:

— Клим, сожмись и закрой глаза...

Я сжался. Но глаза не закрывались. Наоборот, «растопырились», как у лупоглазых бумажных кукол в Пуппельхаусе. Улица метнулась навстречу, тополя размазались в зеленые ленты, крыши вздыбились горными хребтами. Бледный дневной месяц съехал с высоты и начал стремительно расти. Через несколько секунд он превратился в гигантский ноздреватый полукруг. Мы на скорости проткнули его машиной, как натянутый пергамент. Зубчатый кратер оторвался от месяца и с полминуты прыгал перед нами, как разогнанный детсадовской малышней обруч... Прыгал — где? По какой дороге? Мне казалось, что по громадным стеклянным граням. Из прозрачных плоскостей вырастали то городские кварталы, то фантастические пирамиды, то вообще какие-то инопланетные конструкции. Один раз я увидел гигантскую скульптуру мамонта...

Ян оглянулся на миг:

— Ну что, парни? Вспомним зыбь в Хатазейском проливе? И перевалы Итта-Дага?

— Кэп, надо бы осторожнее. Кажется, мальчик боится! — крикнул Влад.

— А пусть боится! Сам напросился!..

Но я уже не боялся! То есть... Я очень боялся, но страх был со смесью восторга. И с уверенностью, что мы обязательно успеем! Потому что Ян *может все!*

Ян, ты кто? Волшебник? Инопланетянин? Человек из будущего? Взрослые люди наших дней не станут творить *все вот это* ради нескольких мальчишек!

Ян, неважно, кто ты! Главное, с тобой не пропадешь!

Машина с размахом встала. Шарнирчик чуть не вылетел наружу сквозь лобовое стекло. Ян помянул нечистую силу и велел:

— Ребята, наружу. Не зря я взял вас, будем тащить авто из ямы. Гравитационная ловушка... Клим, не суйся из машины...

И я не посмел сунуться. А Шарнирчик посмел. На него сперва заругались, но скоро перестали — видимо, он помогал умело.

Возились довольно долго. А мне было хорошо. Стояла тишина, цвел за окнами луг и летали бабочки. Над лугом, в дневном небе, горело созвездие Большой Медведицы, но это меня не удивляло и не пугало. Зато наконец встревожило другое. Время! Я спохватился, отыскал глазами часы на щитке. Мамочки! Без четверти двенадцать!

Я высунулся в окно:

— Ян, а когда мы...

Левушка, Влад, Ян и Шарнирчик с двух сторон прыгнули в машину. Меня опять сжали. Ян велел:

— Держитесь, люди!

И вновь засвистел встречный воздух. В этом свисте Шарнирчик загорланил Высоцкого:

Вам здесь не равнина,
Здесь климат иной!

Идут лавины
Одна за одной!..

Машину затрясло. Оказалось, она мчится по булыжной дороге. Мимо пролетали заросшие иван-чаем обочины.

Наконец поехали тише.

— Отбой цирковой свистопляске! — объявил Шарнирчик. И мы подкатили к памятнику с детским велосипедом.

— Теперь вон туда, налево! — заторопился я.

— Плавали-знаем, — буркнул Ян.

Мы покатили к Пуппельхаусу, а навстречу бежали ребята.

Впереди бежала Ринка, а за ней Чибис.

Чибис обогнал Ринку, встал передо мной. И я будто сразу утонул в его сине-зеленых глазах. Чибис протянул руки и сказал:

— Давай...

И я тут же отдал ему маску. Агейкину улыбку. Без вопросов.

— Машина с лестницей опаздывает, — виновато сказала Ринка. — И дядя Игорь куда-то пропал... — Она оглянулась на башню Пуппельхауса. На часах было без пяти двенадцать. Ринка вдруг закричала:

— Чибис, не смей! — Потому что Чибис длинными прыжками мчался к Пуппельхаусу.

Лестница там была. Но не пожарная, не на машине, а приставная. Она достигла лишь кромки крыши на сарае. А над этой крышей подымалась узкая, обшитая досками башня бывшей водокачки. Башня с часами. И с деревянным солнышком...

— Чибис, не смей! — Это кричал уже кто-то из взрослых. И все понимали, что кричать бесполезно.

Чибис был уже не Чибис, а будто ракета с заданной программой. С твердой целью — укрепить над миром Агейкину улыбку до полудня...

Он пронесся по расстеленному у стены Пуппельхауса парусу, прыгнул на первую перекладину лестницы. Замер на миг и начал рывками подниматься к наклонной крыше. Это заняло всего полминуты. Чибис вскочил на тесовый скат и бросился к стене башни. К скобам.

— Чибис... — выдохнула Ринка. Остальные молчали. Каждый понимал: Чибиса не удержать, а крики — лишняя опасность.

Скобы вкоточены были далеко друг от друга — с расчетом на большого дядьку. Чибису было трудно. Он отгибался назад — чтобы не зацепиться за гнутое железо притягиваемой к груди маской. Даже снизу было видно, как на его тощих икрах рывками напрягаются мускулы. Чибис похож был на большое тонконогое насекомое, которое отчаянно карабкается по древесному стволу...

Я бы так не смог — я жутко боюсь высоты. А он мог! И я понимал: все, что случилось раньше — и наше знакомство, и наши поиски, и тайны КНабСа, — было подготовкой к этому моменту. К этому рывку...

Но понимал я (вернее, чувствовал) и то, что такие рывки не кончаются добром. Господи, сохрани Чибиса...

А он толчками двигал себя к часам...

Сколько метров была высота? До сих пор не могу сообразить...

Голова Чибиса оказалась рядом с деревянным солнышком. Он левой рукой уцепился за скобу, правой оторвал от себя маску, сильно откинулся назад, размахнулся и тыльной стороной припечатал Агейкин портрет к желтому диску.

Видимо, маска примагнилась намертво.

Словно еще одно солнце засветилось над землей. И похоже, что все тихо вздохнули. А может, просто ветерок прошел над подорожниками и сурепкой... Чибис локтем вытер лоб, глянул с высоты, взялся за скобу двумя руками, подтянул себя к стене. Кованая скоба (которая выдерживала дядю Игоря) выскочила из досок.

Чибис откинулся и стал падать...

МУЗЫКА ЧАСОВ

Чибис падал молча. Спиной вперед.

И я падал вместе с ним. Это была жуть. Ощущение пустоты и ожидание разбивающего позвоночник удара...

Но я был в этом падении не один. Я как бы разделился на нескольких Климов Ермилкиных. И вот один обмирал в пустоте и ожидании гибели, а другой сидел на корточках и, запрокинув лицо, отчаянно молил: «Господи, не надо! Не надо! Не надо!..»

А третий, вскочив, яростно орал:

— Парус! Парус!!

Конечно, мой крик опоздал. Несколько взрослых людей (прошедших огонь, воду и вихри многомерных пространств) уже держали на уровне плеч тугую растянутую парусину. Ян, Левушка, Влад, Валентин Валентыч, взявшийся откуда-то дядя Игорь. И я держал, и Шарнирчик, и еще несколько ребят...

Тело Чибиса ушло в упругость паруса, подлетело, упало снова и оказалось лежащим на ткани, расстеленной поверх травы.

Я упал рядом с Чибисом на колени. И Ринка. И Ян...

— Не трогать! — рявкнул Ян, когда я хотел схватить Чибиса за плечи. Осторожно повел прямыми ладонями над Чибисом, который лежал навзничь, с закрытыми глазами. Раз повел, другой... Чибис медленно поднял веки...

— Ну? — шепотом спросил Ян.

Чибис ответил таким же шепотом:

— Нормально...

— А ребра? — осторожно спросила Ринка и тихонько взяла Чибиса за бок.

— А-а-а! — Чибис вскочил, как на горячей сковородке.

Это вызвало короткую панику. У всех, кроме меня. Я выгнулся от хохота:

— Он же боится щекотки! Пуще всего на свете!

Конечно, это была нервная разрядка. Я смеялся и не мог остановиться. Ринка брызнула мне в лицо из оказавшейся под рукой бутылки с вонючей минералкой. И я не знаю, чем бы все это кончилось, но вдруг упала мягкая тишина. И раздалась музыка. Негромкая, но слышная всему поселку. Перезвон колокольчиков. И сразу угадались в нем слова:

Тронет пружинку стальной волосок,
Снова проснется знакомый вальсок.
Полдень звенит,
Ясен зенит...

Это на башне играли часы, у которых давно уже не было музыкального механизма.

У меня перепутывается в голове, когда вспоминаю, что было дальше.

...Множество разговоров, споров, восклицаний... Валентин Валентинович привел поселкового врача (уса-

того длинного дяденьку), чтобы тот осмотрел Чибиса: нет ли каких-нибудь скрытых переломов, растяжений и гематом. Врач вытряхнул Чибиса из рубашки. Тот опять завопил, что боится щекотки. Врач сказал, что надерет ему уши. Чибис пообещал снова забраться к часам, если его не оставят в покое.

— Похоже, что пациент в пределах нормы, — присел к выводу медик. Однако для подстраховки все же смазал йодом на локтях и коленях Чибиса мелкие ссадины.

Но не все были «в пределах нормы». Оказалось, что пострадал Шарнирчик. Когда растягивали парус, Шарнирчик сильно качнулся назад, его ступня подвернулась, и нога — тонкая дюоралевая трубка — надломилась там, где у нормальных людей щиколотка. Не знаю уж, почему так вышло. Видать, японская фирма допустила брак (некондиционный продукт).

Шарнирчик сидел в сурепке, держался за ногу и скулил. Как первоклассник, запнувшийся за кирпич.

— Ну, хватит ныть, — сказал Ян. — Приедем домой и починим...

— Ага, а сколько терпеть-то... Больно же...

— Тебе — больно? — изумился Ян.

— А ты думал!..

— Великий ВИП... — выдохнул Ян. И зачесал в затылке.

Костик по прозвищу Железкин тронул меня за плечо:

— Клим, дай мне твой ключ на полчасика. Надо открыть люк...

Я не понял, какой люк. Мне было не до того. Молча протянул Железкину ключик со стальным волоском. Железкин и еще несколько ребят быстро погрузили Шарнирчика в тачку (вроде той, что мы нашли в будке).

— Щас мы его вылечим!

— Правда вылечите? — обрадовался Ян. — Ребята смогут доставить его домой в поезде?

— Нечего делать... — сказал Железкин.

— Тогда мы поехали. В городе куча дел... Люди, в машину!

Ян, Левушка и Влад укатили. Валентин Валентинович и дядя Игорь ушли. Железкин с ребятами лихо увез в тачке Шарнирчика — тот уже не скулил, только вертел головой. Мы с Чибисом поглядели друг на друга. Оба понимали: пора оставаться вдвоем — для каких-то важных слов. Но неловко было: рядом стояла Ринка, и получилось бы, что у нас от нее секреты.

В этот момент примчались несколько малышей. Они кричали, что куклы в Пуппельхаусе совсем походили с ума: не слушаются кукловодов и «творят, что хотят»!

С ними и раньше бывало такое: не подчинялись гравитации, устраивали споры во время репетиций и хулиганили. Но до сих пор это случалось внутри Пуппельхауса, а нынче они начали разбегаться из сарая. Носились по окрестностям, прятались в траве, выскакивали на лужайку и задирали головы к верхушке башни. Видимо, Агейкина улыбка вливалась в них дополнительную энергию.

Чибис так и сказал.

Но Ринка заявила, что с этой энергией они вскоре разбегутся по всему поселку — ищи-свищи...

Пришлось гоняться за тряпично-бумажными актерами и загонять их в коробки и чемоданы.

На это дело ушло полчаса. Когда облава закончилась, появились Железкин, Шарнирчик и компания. Шарнирчик бодро топал своим ходом. Великанские кеды хлюпали и пузырились, а на щиколотке желтел широкий браслет — из пластмассы или каучука.

— Во! — похвастался он и повертел ногой.

Железкин протянул мне ключик. Я сказал:

— Сначала повесь на место замок...

Тяжелый замок от колодезного люка прилип к животу Железкина, а тот и забыл про него, не чувствовал.

— Ой!.. — Костик хлопнул по замку и пустился было снова к великанскому колесу.

Чибис спросил ему вслед:

— Как это вы сумели вылечить Шарнира? Дюраль ведь не поддается сварке...

— А мы не сваривали, — оглянувшись, объяснил Костик. — Мы его водой...

Оказалось, они открыли ключиком замок на строго-настрого запертом люке под колесом, обвязали Шарнирчика под мышками веревкой и спустили в колодец. Воды в нем было ниже колен, однако Шарнирчику хватило побулыхать там сломанной ногой.

— Вода-то не простая, — напомнил Железкин. — Мы, правда, боялись, что на Шарнирчика она не подействует, но оказалось, что он живой не хуже нас...

— Да! — гордо подтвердил Шарнирчик. — Теперь есть доказательства. — Он снова повертел ногой, привычно поддернул трусы и заспешил: — Железкин, пойдем! Ты обещал сфоткать меня на том трехколесном велосипеде...

Они все опять ускакали. А Ринку окликнула из Пуппельхауса беспокойная малышня. И случилось наконец так, что мы с Чибисом оказались один на один.

Мы лежали рядом на парусине, смотрели на желтые груды облаков. Люди, которые были неподалеку, ходили осторожно, говорили негромко. Видимо, не хотели тревожить нас.

Орали во дворах петухи. Бестолковые здесь петухи, орут, когда вздумается, днем и ночью, без расписания.

Солнце жарило наши руки-ноги, грело сквозь рубашки животы и плечи, однако на лица падала тень от ближнего клена, и нам было хорошо.

Чибис повозился, согнул ноги, нацелившись в небо перемазанными йодом коленями. Сунул под затылок ладони и сказал:

— Клим...

— Что? — отозвался я, весь пропитанный солнечным теплом.

— Как ты думаешь, почему я с тобой поссорился?

— Потому что был дурак, — сказал я, не боясь поссориться снова.

— Нет. То есть да, но... не поэтому. Я думал, что, когда люди поругаются, им легче будет расставаться...

И все было по-прежнему: лучи, облака, петушиные крики, лето и зелень. Но ожидание новой тоски сразу прошло по мне, как озноб. И я... И я сказал очень спокойно:

— Как это «расставаться»?

— Клим, я скоро уеду...

«Чибис, не надо!!» И я сказал с прежним спокойствием:

— Куда?..

— Во Владивосток...

Я сразу понял — это насовсем. И все же спросил, защищаясь дурацкой своей невозмутимостью от беды:

— Надолго?

— Ну... вообще. Жить...

Тогда я не выдержал. Рывком повернулся набок, уперся локтем. Чибис по-прежнему лежал навзничь и смотрел вверх. На ресницах горели солнечные точки.

— Чибис, *не надо...*

Он шевельнулся.

— Ну а что я могу сделать? Меня не спросили...

— Чибис, а что случилось?

Он шевельнулся опять:

— Да в общем-то... ничего плохого. Наоборот...
Мама в поезде познакомилась с одним моряком. С ти-
хookeанским. И решили пожениться... Это давно, еще
зимой. Только мне она не говорила... А месяц назад
сказала...

— А ты?

— Ну... Я же не враг ее судьбе...

— Ты поэтому и ходил в июле такой... непонятный?

— Разве непонятный?

— Да...

— Помнишь, я обрадовался, когда ты сказал, что
поедете на машине в Крым? Я думал: ты уедешь, и я,
когда тебя не будет, уеду тоже. Ну, без лишних про-
щаний... А ты остался... И я не выдержал. Решил, что
лучше поругаться, чем... это... терзаться всякими про-
щаниями.

— Дурак... — опять сказал я.

— Ага... То есть не дурак, а трус. Клим, я боюсь вся-
ких таких... переживаний...

— Потом все равно терзался бы... — шепотом, но
безжалостно проговорил я.

— Ну, это потом... когда ничего уже не вернешь...

— А ты не можешь остаться тут? С Агнессой Конс-
тантиновной...

— Дело в том, что она поедет с нами. Мы обменяем
квартиру... Куда мы без тети Аги? И она без нас...

Не бывает в жизни долгого счастья. Только что все
было так славно, и вот...

— Во Владивостоке хорошо, — горько сказал я. —
Там океан... Ветер дальних стран...

— Еще бы... — тем же тоном отозвался Чибис.

— Этот... моряк... наверно, покажет тебе свой ко-
рабль. Может, даже возьмет в рейс...

— Там не будет никого... — выговорил Чибис. Кажется, с усилием.

— Кого *никого*?

— *Никого из вас...* Клим, я не умею быстро заводить новых друзей... Да и не заменят они старых...

Что я мог ответить? Владивосток — не поселок Колёса. Никаким ключиком не откроешь дверь в туннель, сокращающий *такие* расстояния. А билеты на поезд и самолет стоят столько, что и не выговоришь сразу... Да если и съедемся разок-другой, это будет не то.

— Чибис, ну что... есть ведь телефон. Аська, почта...

— Ага, — тускло согласился он.

Чтобы хоть как-то утешить его (и себя), я сказал уже совершенную глупость:

— Может быть, люди в «Прорве» скоро откроют межпространственные порталы. И выдадут нам первые проездные абонементы. Мы же кнабс-лейтенанты...

Чибис не обиделся на меня за эту чушь. Кажется, обрадовался даже:

— Да! Может быть!..

— Мы поставим у себя дома аппараты вроде Футурума! И будем появляться друг у друга из стеклянных шаров!..

— Ага... — сказал Чибис уже веселее. И вдруг сел, обхватил колени. — Клим, я хотел спросить...

— Что, Чибис?

— Если я попрошу Саньчика и Соню... отдать мне Бумселя... чтобы он поехал со мной... Может, они согласятся? И ты, и Ян... Бумсель ведь общий...

Я почувствовал, что сейчас опять зареву. Сказал сипло и быстро:

— Конечно, согласятся! Согласимся!.. О чем речь! Даже не сомневайся!

— Будет со мной хоть одна... знакомая душа... Только я боюсь, что он станет скучать там...

— Рядом с тобой не станет!.. Только как вы его погоните? В такую даль!

— Мама же проводник, устроит...

Я подумал, что Вермишат придется поуговаривать. Но в конце концов они все равно скажут: «Ладно», они сообразительные. Поймут, какие они счастливые по сравнению с Чибисом. Ведь и они — и все мы! — здесь вместе. А для Чибиса в тех дальних краях Бумсель будет единственным старым другом.

Я заставил себя заулыбаться:

— Когда наладится портал между Футурумами, Бумсель будет первым выскакивать из шара. И кидаться ко всем по очереди и кувыркаться...

И Чибис тоже улыбнулся. Потому что даже в этой несусветной сказке была капелька надежды. А всякая, пускай совсем крошечная надежда, говорит, что это может случиться. То, чего хочешь всей душой.

Слово «надежда» появилось в моих мыслях, и будто его эхом прозвучала опять мелодия вальса. Я поднял глаза: думал, что снова заиграли над Агейкиной улыбкой часы. Но там было совсем не подходящее для игры время: двадцать две минуты второго. А мелодию играл у меня под боком телефон Чибиса.

Чибис извернулся, достал мобильник из кармана.

— Тетя Ага, да все в порядке. Не волнуйся, к вечеру приеду... Не отвечал, потому что помехи, ты же знаешь...

Он опять лег на спину, а у меня в голове продолжал звенеть мотив. Тот самый... Музыка слагалась теперь не только из перезвона колокольчиков. Она вплеталась в этот перезвон голосом флейты. Словно кто-то неподалеку стоял в траве и выдувал из трубки с клапанами негромкий добрый вальсок... Не «кто-то», а белокурый флейтист Ясик! Он играл, и на лице его была задумчивость, но совсем не было печали.

Выходит, он знал, что с его мамой все будет в порядке! Я-то всего лишь боязливо надеялся, а он уже знал.

Выходит, Чибис и я все же сумели в этой жизни разломать хотя бы один жестокий дисбаланс. Приземлили бабочку на штангу или птичку-колибри на гаубичный ствол...

Я положил руку на ладонь Чибиса. Он шевельнул пальцами — словно сказал: «Да».

Эпилог

Автор не любит писать эпилоги. Он чувствует себя, будто дирижер, который отмахал палочкой длинную симфонию, раскланялся, пожал руку первому скрипачу и вдруг слышит: «А надо поиграть еще немного, в заключение...»

«Какое заключение? Вы спятали? Этого нет в партитуре! Будет разрушена гармония произведения!»

«Ну, гармония гармонией, — говорят ему, — а все равно надо. Слушатели... то есть читатели хотят знать, что было дальше...»

«Пусть сами придумывают...»

«Они боятся, что придумают не то... Ну, разве вам трудно сочинить еще пару страничек?»

«Да, трудно! Потому что это ломает законы жанра!»

«А вы все-таки попробуйте...»

Тыфу! Ну, что за жизнь...

Автор зажмуривается и усилием воли снова превращает себя в Клима Ермилкина. Тому не до эпилогов, но автора надо слушаться, и Клим рассказывает.

...Сейчас зима. Каникулы. За окнами, на ближней церкви, негромко звонят колокола — Рождество. В комнате стоит елка. Настоящая. Раньше мы никогда не ставили настоящую елку, жаль было погубленное дерево. Но в поселке Колёса есть специальный питомник. Там елки перед праздником выкапывают, сажают

в кадки и ставят в домах, а потом опять переселяют в землю. Ринка и ее отец привезли такую елочку (с меня ростом) специально для нас...

В доме тихо, мама и папа у кого-то в гостях, я читаю у себя на диване «Снежную королеву» (в тысячный раз!). В другой комнате, у электрокамина, строят из самодельных домиков «нездешний» город Лерка и Ясик Садовский. Негромкая такая игра. Это Ясик научил мою сестрицу играть спокойно. Бывало, она спорила и « заводилась с полоборота», но Ясик вскidyвал на нее ресницы, и... Лерка становилась воспитанная, вроде своей громадной куклы.

Мама Ясика в санатории — после всех своих нелегких операций. Глеб Яковлевич укатил в командировку, и Ясик на каникулах живет у нас. Иногда, по вечерам, он играет на флейте или на скрипке, и всем делается хорошо-хорошо, только почему-то немного грустно. Елка начинает осторожно покачивать ветвями, а шарики на ней тихонько звенят...

Два раза в неделю у меня и Чибиса сеанс связи. Вебкамеры на мониторах показывают нам друг дружку — будто и нет между нами восьми тысяч километров... Но все-таки... все-таки это не то, как если бы мы были рядом...

Я хвастаюсь перед Чибисом. Ринка подарила мне куклу-пацаненка Витьку. Туловище у него из катушки от ниток, ручки-ножки из тростинок, головка из шарика для пинг-понга с нарисованной рожицей. Держится головка на шее-пружинке, а сверху приkleен клочок пакли — растрепанная прическа. Я научился оживлять Витьку. Протягиvaю ладонь, и он выскакивает из коробки. Начинает маршировать, делать упражнения и прыгать через толстую нитку-скакалку. Неунывающая личность. А вообще-то в Пуппельхаусе кукольные актеры — все такие. Наверно, поэтому там

во время спектаклей много визга и хохота и мало порядка. Ну и пусть, лишь бы не исчезало веселье!

Агейкина Улыбка светится над поселком. В самые большие холода вокруг Пуппельхауса нет снега, у стен оттаивает земля и проклевываются крохотные белые цветы...

Да, еще о Чибисе! Судя по всему, там у них дома не все складывается как надо. Отчим, старательный служака морфлота, оказался хорошим мужем, а вот папашей — не совсем. Человек с прямым нравом, он решил, что приемный сын тоже должен жить по флотским уставам. Однако Чибис привык слушаться тетушку Агнессу Константиновну, и никого другого. Он, конечно, человек покладистый, но в случае чего может и «локтем под ребро»... В конце концов решили, что пусть «мамин штурман дальнего плавания» воспитывает своих матросов и боцманов, а Максима Чибисова оставит в покое.

Агнесса Константиновна в семействе с молодоженами не ужилась, сняла на соседней улице комнату и стала работать вахтером в каком-то клубе. Похоже, что Чибис и неунывающий Бумсель обитают больше у нее, чем дома...

Ну а в общем-то унывать и правда нечего. В конце концов, для Чибиса всегда есть крыша здесь, в Тюмени-Турени. Вместо моей тахты поставим двухъярусную койку — вот и все! Я знаю, что мама и папа согласятся. А если будут какие-то «технические» трудности, всегда поможет своим кнабс-лейтенантам Ян Коженёвский.

У Яна теперь прибавилось хлопот. Из-за кризиса труднее стало получать из Китая соевые полуфабрикаты. Но в общем-то Ли-Пун с этим справляется. А вот всякие «кнабсовые» дела... Сотрудники «Прорвы» обнаружили, что на берегу Андреевского озера, в районе

заброшенной станции детской железной дороги, проявило себя еще одно «острие иглы». Там неизвестно откуда стали возникать на рельсах паровозики размером с бочку для бензина. И такие же вагончики. Появятся, пробегут с десяток метров и пропадают... Каждый раз после их появления индикаторы и датчики всяких разных энергетических полей в подземных комнатах кафе «Арцеуловъ» зашкаливаются и дребезжат. Резонанс между ними летит в тартарары... У меня есть на этот счет свои соображения. Думаю, что рельсовые фокусы — эхо увлечений нашего дорогого Саньчика. Он продолжает мастерить из коры паровозики и вставлять в них двигатели, которыми его щедро снабжает Железкин. Эти паровозики развелись повсюду. Бегают по Пуппельхаусу, по «Арцеулову», шебуршат в нашей квартире. Боюсь, что свистопляска на железной дороге у озера — это новый этап их размножения. Но Яну пока ничего не говорю. Пусть его лаборанты и кнабс-капитаны доходят до истины своим умом...

Вермишата перебрались в Пристанской район. Там их родители купили в пятиэтажке двухкомнатную квартирку. От прежнего дома и от «Арцеулова» теперь далеко, но зато до станции Пристань — близко. А со станции — по «архивированным» коридорам — до кафе рукой подать. Во время связи с Владивостоком Саньчик и Соня появляются у меня и требуют, чтобы Чибис показал им Бумселя. Пес и Вермишата видят друг друга на экранах, и все счастливы...

Шарнирчик завел себе модные джинсы. Говорит — чтобы не застудить пораненную ногу. Оказывается, каучуковый браслет у него на щиколотке появился сам собой, после бултыхания в колодезной воде. Шарнирчик утверждает, что этот каучук — живая органическая ткань. Она очень чувствительна к холоду, теплу и ще-

котке. Шарнирчик собирается весной поехать в Колёса. Там, когда тает снег, в колодце набирается много воды. Шарнирчик хочет с помощью Железкина, Якова и Серого окунуться туда с головой. Он уверен, что после купания превратится полностью в человека. Мне кажется, в этой идее что-то есть...

Сценарий отца и Садовского пустили в производство — какая-то частная студия. Чем все это кончится, никто не знает. Но сценаристы настроены бодро.

Ринка часто приезжает в город и заходит к нам. Когда она появляется в прихожей, я зажмуриваюсь и тихонько жду. Ринка протягивает руку над моей головой. Волосы у меня начинают шевелиться и взлетать, как от ветра, а сам я будто становлюсь легоньким — вроде бумажного актера из Пуппельхауса. Так действует Ринкина гравитация.

Но я и сам теперь кое-что умею. Не только руководить Витькой. Могу, например, угадывать в пространстве силовые линии разных полей — электрических, магнитных, гравитационных, темпоральных. Мне кажется, если научиться переплести их в нужном порядке, можно добиться многоного. Не понадобятся в будущем ни компьютеры, ни звездолеты. До этого, правда, еще далеко — так говорит Ян. Но, когда я приезжаю в Колёса и смотрю на верхушку башни, на солнышко с Агейкиной Улыбкой, мне кажется, что и Время поможет нам.

Тронет пружинку стальной волосок —
Десять веков промелькнут за часок...

В сентябре я пришел на занятия к отцу Борису. И после первой лекции (об Александре Невском), один на один, спросил: как могло случиться, что Грузия и Россия — две страны, где одинаковая, православная,

вера — в недавние времена схлестнулись в кровавой схватке?

— Потому что кроме веры есть неверие, а кроме добра — зло, — ответил он как-то устало. И вдруг добавил: — Что поделаешь, если добро в мире так уязвимо?

— Потому что ему не хватает доброты, — сумрачно сказал я.

Он помолчал и спросил:

— Ты сегодня случайно зашел? Или решил бывать у меня регулярно?

— Наверно, регулярно. Чибис... то есть Максим Чибисов уехал, а ведь надо это... думать о наполняемости группы. Да?

Отец Борис покивал:

— Я в твои годы был такой же...

— Какой?

— Щетинистый.

Никогда не думал, что я — щетинистый. Но спорить не стал, только спросил:

— А это плохо?

— Это не плохо и не хорошо, — сказал он. — Просто... как оно есть...

Ну, что еще? А, вот... В начале зимы Лерка повстречала у помойки черного бродячего кота и привела домой. Назвала почему-то Пуделем и сказала, что он будет жить с нами. Мама заявила, что навсегда уедет в деревню Горшково под Саратовом, к своей двоюродной сестре тете Наде.

— «Я все поняла! Я немедленно улетаю на Сахалин!» — сказал я слова журналистки Юкошкиной из сценария «Тени как шпалы».

Мама бросила в меня мокрую Леркину варежку, взяла тощего найденыша на руки и стала чесать ему брюхо.

Кот оказался покладистым существом. Шарики на елке не цапает, за паровозиками Саньчика не охотится. Любит сидеть на подоконнике и смотреть на Луну — как она бежит среди облаков. Вечером он ложится спать с Леркой, однако среди ночи приходит ко мне и укладывается в ногах.

— Ну, чего тебе? — говорю я.

Пудель ложится поудобнее и начинает урчать. Загадочно так. Будто хочет рассказать что-то о параллельных мирах. Или о том, почему четыреста семнадцать галактик в скоплении М-91 никак не хотят замедлить разбег...

ПРЫГАЛКА

Повесть

МЕДАЛЬ

Ночью штормило. К утру ветер угас, а к полудню сгладились и бежавшие с залива крутые волны. Однако за ночь они успели навалить на галечные пляжи под крутизной груды бурых водорослей. В этих грудах зеленели рваные лоскутки морской капусты. Горячее с утра солнце высушило водоросли, но только снаружи, а под верхним слоем они оставались влажными. Было приятно проваливаться ногами сквозь теплую сухость в сырую прохладу.

Марко шел и проваливался — где по щиколотку, а где и по колено. Плетеные башмаки он еще на школьном крыльце сунул в полупустой ранец и зашагал босиком сначала по плиткам поселковой улицы, потом по нагретым каменным окатышам на берегу и наконец — сквозь мочальные пряди морской травы.

Негромко плескала задремавшая вода, низко носились чайки, на камнях белели клочья высохшей пены.

Водоросли пахли как всегда — водорослями. То есть горьковатыми стеблями, йодом, солью, рыбой и почему-то смолеными канатами, хотя никакой пристани рядом не было...

А еще пахло теплым ракушечником, деревом рассохшейся на берегу шлюпки, мидиями и всякой степной травою. Растет она высоко, за краем обрывов, но чувствуешь ее и здесь, у воды...

Этот запах был для Марко привычным, как сама жизнь.

В апреле, когда он вышел из расхлябанного рейсового автобуса на краю поселка Фонари, когда снова вдохнул здешний воздух, то чуть не заревел. Весна была ранняя, безоблачная, он рывком содрал с себя куртку, поднял лицо и зажмурился на солнце. «Господи, как я мог отсюда уехать?»

Но теперь и печали, и радость возвращения остались в прошлом. Солнце было уже летнее, июньское...

Подсохшие водоросли ласково царапали ноги. Похожие на стеклянную пыль морские блохи тысячами взлетали перед Марко, и среди них, как в дождевой мороси, включались игрушечные радуги. Потом из коричневых стеблей выбрался крохотный мелко- пятнистый краб. Засуетился, провалился в чащу, выбрался опять. Перепуганно завертел бисерными глазами на стебельках. Марко двумя пальцами ухватил его за панцирь, отнес к воде, посадил в тени сырого камня.

— Больше не суйся, куда не надо, малявка...

Второго такого же малыша Марко увидел посреди похожего на драконий череп известнякового обломка. В известняке были круглые, как следы от мячиков, углубления. Самое большое из них пряталась в тени, и в нем еще не высохла вода. Там и сидел крабёныш. Иногда пытался выбраться, но тут же соскальзывал. Марко помог и этому бедолаге, пустил его прямо в маленькую осторожную волну: там сообразит, как ему жить дальше...

Скоро на пути у Марко оказалась неровная стенка. Невысокая — где по пояс, а где по колено. Приглядевшись — и видно, что искусственная кладка. Крупные брусья пористого туфа. Говорили, что это остатки древнего пирса. Когда-то здесь была рыбачья гавань.

Стенка тянулась от подножья обрыва до воды. Там она упиралась в развалившееся приземистое строение — то ли остатки сторожки, то ли основание маячной башенки.

Поселковые ребята знали, что во время шторма прибой иногда забрасывает внутрь постройки всякие морские трофеи: сорванные с судов спасательные круги, пустотельные стеклянные шары от сетей, разноцветные пластиковые ведра с поплавками на ручках, шлюпочные анкерки и даже сдутие с неосторожных моряков фуражки... Марко с разбега прыгнул на стенку и встал, размышляя. Надо бы, конечно, заглянуть в развалины: вдруг повезет. Но в то же время желудок постанывал от голода. А стенка тем краем, что у обрыва, упиралась прямо в начало крутой тропинки-лесенки, ведущей к Маячной улице, на которой дом Солончуков. А в доме наверняка готова уха из пикши и вареники с начинкой из ранней черешни. До развалин же хотя и недалеко, но надо ноги ломать...

И все же исследовательский дух победил. Прыгая с камня на камень по заросшему колючками гребню, проваливаясь ступнями в расщелины между туфовыми брусьями, Марко двинулся на поиски добычи. Казалось бы, чего проще — соскочи со стенки и, перепрыгивая через кучи водорослей, топай по гальке и песчаным проплешинам. Но нет же, поверху интереснее. Попахивает приключением.

И настоящее приключение случилось.

До каменной хибары оставалось несколько шагов, когда из нее донесся голос:

— Эй, браток...

Марко замер. Видимо, за ним наблюдали через щель.

Слово «браток» было понятное, но не здешнее. Если взрослому нужен был мальчишка, могли окликнуть по-всякому: «хлопчик», «малец» или уважительно — «дружище», или слегка насмешливо — «эй, школяр»... Если звали незнакомые девчонки, то вполне «культурно»: «эй, мальчик...». Если пацаны, то в зависимости от того, какие. Или «стой, салага», или «подожди, корешок», или «тормозни, приятель»...

Впрочем, нынешний голос был хотя и молодой, но взрослый.

— Браток, загляни сюда, дело есть...

В прошлом году Марко без боязни скакнул бы на встречу зову. Раз есть у кого-то к нему дело! Но теперешние тревожные дни требовали осторожности. Напоминание тому — темная груда крейсера, что неумолимо торчит посреди синевы и солнечного блеска в миле от берега...

Марко не двинулся. Спросил громко, но вроде бы равнодушно:

— Чего надо?

— Да подойди, не обижу! Не бойся!..

Теперь, если не пойти, это означало бы, что боится. В общем-то, в такой боязни не было ничего постыдного. В нынешней блокадной обстановке!.. Но все-таки...

А голос донесся снова:

— У меня тут... затруднение...

Врет небось. Проходимец какой-нибудь... Ну а если правда затруднение?

Ладно, в случае чего можно рвануть к лесенке со скоростью газели. Фиг его кто догонит! А станет настигать — можно катнуть вниз по ступеням пару тяжелых камней...

Марко прыгнул с брусков, опять увяз в груде водорослей, пробрался к входу в хибару — тот был со сто-

роны моря. Не вход, а широченный пролом. Марко встал снаружи, заглянул.

В круглом помещении без потолка, привалившись к стене спиной, сидел на каменном полу парень в камуфляже.

Камуфляж был синий, флотский. Треугольный вырез на груди окаймляли края матросского воротника — тоже синего, с белой полосой. Этот парадный воротник на походной робе выглядел нелепо. Еще нелепее казался черный беретик с оранжево-зеленой кокардой и красным шариком на макушке.

«Нюшкун матрос, — понял Марко. — Наверно, с крейсера». Только в НЮШе матросов одевали, будто детсадовских ребятишек для карнавала.

Матрос не выглядел пострадавшим, вполне здоровый вид. На пятнистых коленях лежал черный тупорылый «Б-2» с пистолетной ручкой и коротким подствольником, из которого торчал похожий на толстую авторучку снарядик. В общем, бравый и даже грозный морской десантник из Независимых Южных Штатов.

Только лицо его не было боевым и грозным. Простецкое такое, курносое, почти безбровое, с рыжеватыми ресницами вокруг светло-серых глаз. Пухлые губы — в вопросительной полуулыбке.

— Понимаешь, браток, у меня проблема... — И смущенно сморщил переносицу.

«С южного флота, а говорит, как северянин», — мелькнуло у Марко. Он перестал бояться.

Да, у матроса был автомат, но у Марко проснулось кой-какое гражданское самосознание. В конце концов, он на своей земле, соберись тут в заливе хоть весь «нюшкун» флот (кроме крейсера, у них еще ржавый эсминец и два пожарных катера).

Марко строго сказал:

— Что ты здесь делаешь?

Кажется, матрос глянул с пониманием. Ответил сразу:

— Что-что... Службу несу. Нахожусь в береговом скрете по приказу его вельможности капитана второго ранга Перемоги. Веду наблюдение.

Марко полагалось бы сказать: «Мотай отсюда на свой крейсер, здесь не ваша территория...» Но он почему-то лишь хмыкнул:

— За кем ты наблюдаешь-то? Ничего же не видать...

В самом деле, в стенах развалины со стороны берега светились лишь две-три тонкие щели (наверно, в одну из них матрос и разглядел Марко). Сквозь щели различимы были только голый пляж и пластины обрыва.

— Ну и черт с ним, что не видать, — охотно разъяснил «наблюдатель». — Приказали, вот и сижу. К ночи шлюпка заберет, брякнусь на койку в кубрике. Матрос лежит — служба бежит... Ну, сделай мне одно одолжение, браток. Помоги.

Марко на всякий случай глянул назад и храбро заявил:

— Чегой-то я буду тебе помогать? Я житель Империи, а не вашего НЮШа. Ты шпионишь за нами, а я тебе делай одолжения, да?

— Да не шпионю я за вами! Приказано только смотреть, нет ли поблизости международных наблюдателей!

Представителей ОМН (Организации международного надзора) одинаково не терпели обе стороны. Впрочем, в районе поселка Фонари наблюдатели не появлялись.

— Их тут сроду не было, — хмыкнул Марко. И спохватился: кажется, он выдал сведения, которые могут пойти на пользу «нюшкам»! Чтобы отвлечь матроса от этой информации, он заговорил сердито и капризно:

— А помогать я не имею права! Нам в школе велели, чтобы мы не вмешивались ни в какие военные дела. Ни на какой стороне!

Матрос лопатками оттолкнулся от стены. Сжал у груди ладони. И лицо его стало почти умоляющим.

— Но у меня же не военное дело! Совсем личное! Надо отправить письмо! У вас в Фонарях ведь работает почта, да? У тебя вся забота — добежать да сунуть почтальону в окошечко... В ящик не надо, вдруг его редко проверяют...

— Ага! А в письме какие-нибудь секретные планы!

Матрос обмяк, растопыренными ладонями уперся в пол.

— Ну, ты прямо... начитался книжек про Крымскую войну или Робин Гуда... Кто сейчас отправляет секретные планы через почту? У меня радио... — он хлопнул по оттопыренному камуфляжному карману на груди. — Что надо — в один миг... А письмо... если хочешь, на, прочитай... — Из другого кармана он вынул цветную картонку размером с открытку.

Это и была открытка, только двойная, сложенная книжицей. На ней пестрела картинка с сельскими мазанками и пирамидальными тополями. В углу желтела отпечатанная треугольная марка — «Пошта НЮШ». На марке — герб: кукурузный початок, торчащий из раскинутых веером острых листьев (поселковые мужчины, ухмыляясь, говорили, что и не початок вовсе, а... В общем, совсем другой предмет). Все это мелькнуло у Марко, когда он приглядывался к написанному рядом с картинкой адресу. Синие буквы были крупные и твердые: «Горелкиной Анне Сергеевне, дом 2, ул. Ручейковая, г. Малогда, Новотомский регион, Империя»...

Марко дернуло за язык:

— Невесте, что ли?..

Глядя в сторону, матрос тихо сказал:

— Маме... И никакой военной тайны. Хочешь, почитай...

Он выдернул из щелки картонный язычок, раскрыл книжицу, повернул к Марко. Четкие строчки читались так же легко, как и адрес:

«Мама, это я! Не бойся за меня. Телефон молчит, потому что блокада. А так все хорошо, и опасности нет никакой. Скоро все кончится, и мы приедем на базу. А осенью будет дембель, и я сразу приеду. Целую тебя и Сергейку. Твой Володя».

Марко опустил голову, стал смотреть на босые ноги. Зашевелил пальцами. Как умеют изводиться мамы из-за сыновей, он понял, когда жил в столице. Дня не проходило без открытки или звонка... И все же он опять поднял глаза. Сидели в нем остатки непримириимости.

— А если она... если мама твоя в Империи, ты зачем в Нюшкином флоте? Такой «кукурузный патриот», да?

Матрос опять не рассердился. Свернул открытку, почесал твердым уголком нижнюю губу. Невесело объяснил:

— А меня спросили? Я в Южный универ поступил, когда все еще было спокойно, там знаменитый исторический факультет... А на втором курсе вваливаются на лекцию трое с автоматами, подняли пятерых, отвели в казармы. Кинули под ноги военные робы: «Одевайтесь! Долг студентов — защищать независимость нашего нового государства... И не пикать, книжные крысы!»

— Но ты же, наверно, присягу дал? А мог ведь отказаться...

— Двое отказались, — глядя все так же мимо Марко, проговорил матрос Володя. — Где они закопаны, теперь не найдет никто... — И вдруг шевельнулся, сказал уже

иначе, живо и почти дурашливо: — Слушай, браток, а я тебе заплачу за это... за почтальонство!

Марко готов был уж взять письмо, и этим «заплачую» нюшкин матрос Володя только повредил делу. Марко сунул руки в карманы, растопырил локти, спросил с ехидцей:

— Правда, заплатишь? А что дашь?

— У меня есть... вот это... — Матрос завозился, достал что-то из брючного кармана, протянул на ладони.

Это была белая блестящая медалька на синей ленточке, сувенир для приморских туристов. С надписью по кругу: «Тарханайская коса. Южный край».

Марко сморщил переносицу:

— Тоже мне сокровище. Этого добра в киоске на автостанции полным-полно. За гроши.

Шевельнулось легкое злорадство. Приятно было ощущать зависимость этого здорового парня с автоматом от него, от щуплого безоружного Марко. И тот, видать, почуял это удовольствие вредного «братка». Но сдержался. Объяснил примирительно:

— Одно дело в киоске, а другое дело — как бы в награду... от человека, которому помог. Так сказать, за подвиг.

Марко стало неловко — и за матроса, и за себя. Набычился:

— Подумаешь, подвиг, добежать до почты... Давай письмо.

Матрос положил автомат у тяжеленных ботинок, толкнулся спиной, быстро встал (оказалось, что Марко ему головой чуть выше локтя). Протянул письмо. Марко взял, размышляя, в какой карман затолкать. Широкие парусиновые штаны были короткими, до колен, однако больших карманов на них — целых шесть: два на «корме», два спереди у пояса, а еще два пониже. И на

рубашке (тоже парусиновой) два нагрудных кармана. Все пустые... Марко решил, что лучше всего — правый нижний, на штанах. Но матрос, кажется, не доверял широким карманам без застежек (вдруг письмо вылетит?).

— Слушай, давай положим в ранец! Надежнее будет...

— Ну... давай.

Марко повернулся к матросу спиной. Володя отстегнул крышку и через секунду щелкнул замком снова. Хлопнул по пустой упругости ранца.

— Слушай, что скажу...

Марко оглянулся.

— Что?

Матрос опять протягивал медаль на ладони.

— Ты это... возьми все-таки. Не в награду, конечно, а так... ну, на память, что ли. Поглядишь когда-нибудь, вспомнишь матроса Владимира Горелкина, пожелаешь ему удачи...

Он смотрел серьезно, просительно даже. Наверно, для него, для Владимира Горелкина, было важно, чтобы местный «браток» взял подарок. Может, примета какая-то. «Пожелаешь ему удачи...»

— Ну, давай, — опять сказал Марко.

Он зачем-то подышал на медаль, потер ее о левый нагрудный карман и опустил в него металлический кружок с ленточкой.

— Ладно, я пошел...

— Постой... ты отправь письмо без задержки, ладно?

Сегодня...

— Сейчас и отправлю. — Марко мельком глянул в серые нерешительные глаза и добавил чуть снисходительно: — Не бойся, правду говорю. Честное слово...

Выпрыгнул из пролома, выпутал ноги из водорослей и побежал вдоль стенки к обрыву (и знал, что матрос Горелкин смотрит ему вслед через щель).

МОРСКОЙ КОНЕК

Желто-серый обрыв нависал над прибрежной полосой могучими слоями известняка, песчаника и глины. Высота была метров двадцать. Внизу, у галечной россыпи, начинались крутые ступеньки. Иногда их сменяла вырубленная (или натоптанная в камне за века) тропинка. Потом — опять ступеньки... Пока доберешься до верха, ноги делаются как деревянные... А ведь и дальнейший путь был нелегкий. Вернее, не короткий. В обход Фонарного холма, через весь поселок (а он размером с городок). Сначала по Маячной улице, потом через большой сад с разрушенным деревянным кинотеатром, затем через площадь с Никольской церковью, дальше — по Большой и Малой Рыбачьим улицам, а за ними, перед Почтовым переулком еще пустырь, на краю которого кирпичный рыбокоптильный цех (нынче тоже не работающий). А на пустыре может случиться всякое. Вдруг там гоняют футбол местные, «коптильные» пацаны? Тогда легко угодить в плен. Конечно, лупить не станут, если не вредничашь, не «выступаешь», но устроят какое-нибудь испытание. Например, заставят бить мячом по воротам и не отпустят, пока не вклепаешь вратарю десять банок. А вратари у «копченых» известные...

Можно, конечно, очень убедительно объяснить: люди, я «не в игре», иду по важному делу. Но ведь потребуют: докажи. А как докажешь? Не давать же им письмо матроса с нюшкиного крейсера.

Был бы джольчик — тогда другое дело. С ним везде свободный проход. Но Марко после возвращения из столицы джольчиком все еще не обзавелся. Показать медальку — вот, мол, он? Только ведь не поверят просто так, скажут: поклянись. И надо будет перекреститься на церковную колокольню. А этого лучше не

делать, такими клятвами не шутят... Вот если поймают на обратном пути, когда уже отошлешь письмо, тогда — пожалуйста. Медаль можно будет считать джольчиком, потому что получена за дело. А пока пустырь лучше обойти по Греческой балке и к почте выбраться по Насосному спуску, мимо водокачки...

Было бы разумно в начале пути, на Маячной, заскочить домой (там уха и вареники), потому что о-о-ой как стонет в желудке пустота. Но ведь дома есть опасность застрять надолго. «Марко, сделай это, Марко, сделай то, Марко, ты куда опять настропалился, вот вернется отец — все ему расскажем...» А его, Марко, дернула нечистая сила пообещать матросу: «Сейчас и отправлю, честное слово». Конечно, задержка будет не такая уж большая, а брошенное между делом «честное слово» — не клятва лицом к церкви. Но ведь все равно засядет в душе заноза...

Был, правда, и более короткий путь до почты — по обрывам. По уступам, глинистым осыпям, ракушечным карнизам, каменным завалам. По хитрым тропинкам, которые то есть, то нет. А внизу, вдоль воды, не пройдешь, пляжная полоса часто прерывается уходящими в воду скальными отвесами.

Марко приходилось лазать по обрывам, когда играл с ребятами в пряталки-догонялки или в пиратов. Но эти лазанья были короткими и не очень опасными. А сейчас предстоял непрерывный путь по головоломным неровностям и тропкам. Именно головоломным. Загремишь вниз — и страх подумать, что будет. Хорошо, если просто в глубокую воду. А если на камни?..

Но... чем больше думаешь, тем больше боишься. Зато эта дорога до почты была чуть не втрое короче обычной, через поселок. Не надо огибать холм, сразу окажешься в Почтовом переулке, что выходит к бе-

регу... Кроме того, закопошился в Марко «приключенческий жучок» — тот, что не раз подбивал его на всякие неразумные (с точки зрения здравомыслящих людей) поступки. «Не рискуешь — не живешь...» Путь до почты по крутизне над морем мог считаться настоящим приключением.

И джольчик тогда будет заработан совсем честно!..

Марко глубоко-глубоко вздохнул, сказал себе, как противнику-шахматисту, «взялся — ходи!» и со ступеньки прыгнул направо, на длинный ракушечный выступ...

Ну и что? Было не так уж трудно. И не так уж страшно. Почти как во время прежних игр. Правда, раньше не забирался так высоко, но какая разница? Надо только покрепче хвататься за камни, тверже ставить ноги и не смотреть вниз. Смотреть следует перед собой, выбирая подходящие щели и выемки, чтобы вцепиться как следует.

И лучше совсем не думать, что такой путь будет тянуться целую милю. Надо просто двигаться шаг за шагом, скачок за скачком, толчок за толчком... Хорошо, что не видят его мама и Евгения — обмерли бы... А вот если бы увидела девочка Юнка, было бы, пожалуй, замечательно. Тоже обмерла бы, зато...

А что «зато»?

Девочка Юнка, наверно, и не вспоминает бывшего одноклассника Марко Солончука. У нее полно других забот. Эти хлопоты с переездами, с репетициями... А может, опять разболелось плечо... А сам-то он часто ли вспоминает Юнку?

Путь не всегда был головоломным. Попадались и безопасные места: широкие длинные карнизы, на которых угадывались остатки дорожек — может быть,

тысячелетней давности. Здесь ведь столько всякой старины. То и дело видишь впрессованные в толщу песчаника обломки капителей от храмовых колонн, мраморные карнизы с орнаментом и сложенные арками блоки известняка. А внизу прибой перемывает оранжевые осколки древних амфор и горошины из радужного стекла — от ожерелий эллинских красавиц. У девочек в поселке почти у каждой такая бусинка на шее, а то и по нескольку...

Иногда открывались и совсем широкие площадки — с теннисный стол. Можно постоять, переходнуть, присесть даже. Можно без опаски взглянуть вдаль. Сизые горизонты размыты и туманы. Желтые кучевые облака над ними — как всплывшие острова. Море рябит. Оно ярко-синее, но там и тут пятна солнечных россыпей. И было бы совсем прекрасно, если бы не лиловый прыщ крейсера... А ближе к берегу море становится зеленым. И даже отсюда, с высоты, видно, что оно прозрачное. Кажется, можно разглядеть на дне плоские обросшие камни, на которых рябь от лучей... И носятся над водой, орут чайки, ищут выброшенную штормом добычу...

За площадкой после короткой передышки — опять «сплошной альпинизм». И уже рубашка на груди и животе изжевана, а ноги и руки в царапинах и белых следах известняка, в рыжих заплатах глины. И босые ступни горят, как надраенные теркой. Конечно, босиком карабкаться и прыгать по уступам удобнее, чем в сандалетах, но ведь подошвы-то не железные... Зато позади осталось две трети пути! Это Марко понял, когда за скальным поворотом открылась вдали оконечность Тарханайской косы с красно-белой башней маяка. И тут же оказалась впереди еще одна площадка — этакий каменный балкон, будто приглашающий: «От-

дохни...» И даже «скамеечка» была, торчал из вертикальной стены узкий выступ.

Как удержишься от соблазна, когда ноги гудят, а солнце жарит пуще обычного (нет чтобы хоть на минуту спрятаться в облако!).

Марко сел. Потер икры и ступни, хныкнул, как брякнувшийся с качелей малыш (все равно никого рядом нет). И решил, что имеет право отдохнуть подольше. Скосил глаза вниз, на рубашку... Досталось ей. Материя всмятку, две пуговицы потеряны, нагрудный карман, в котором медаль, надорван. Хорошо, что не сильно, а то бы прощай будущий джольчик... Все-таки лучше переложить в другой карман, справа...

Марко выудил медаль за ленточку и вспомнил, что даже не рассмотрел ее. Ну, с одной стороны — якорек и надпись: «Тарханайская коса. Южный край». А на обороте?

На таких медалях были самые разные картинки: кораблики, крабы, старинные пушки... А на этой оказался морской конек!

Вот это да! Совпадение? Или примета?..

В любом случае теперь уже ясно — это именно его, Марко Солончука, джольчик. Гораздо крепче и надежнее стеклянного пистолетика, который сломался при отъезде в столицу. Пистолетик был все-таки случайной вещицей, а медаль с коньком...

«Эй, горбач, морской конек,
Разогнись хоть на денек!..»

«А мне нравится, что у тебя такое прозвище — Конек... Даже не прозвище, а просто имя...»

«Почему нравится?»

«Ну, ты же весь такой... морской житель...»

Он и правда иногда был похож на морского конька. Во-первых, потому, что часто сутулился. Не из-за какой-то болезни или слабости позвоночника, а просто «из-за лени и вредности», как заявляла старшая сестрица Евгения. Ему даже купили ранец со специальной твердой спинкой — чтобы держался прямее. Ну, он и старался держаться, если не забывал... Но было еще одно сходство — отбеленные неутомимым солнцем волосы иногда взъерошивались от затылка до лба. Будто гребешок у морского конька. А третье сходство — то, что Марко часто вытягивал губы в трубочку. Ему казалось, что в этом случае толстые и совсем «не мужественные» губы его делаются меньше и тверже. Мама и Евгения говорили: «Ну, снова рот дудкой. Лучше улыбнись...» Он послушно улыбался, а потом — все опять. Особенно если думал о чем-то важном или что-то вспоминал... А известно ведь, что у морского конька губы тоже трубочкой. Ну и вот. Если глянуть на Марко сбоку, когда стоит согнутый, волосы — торчком, губы — вперед, в точности морской конек. Вроде тех, что малышня ловит на мелководье, среди косматых подводных валунов (ловит, а потом отпускает)...

На кого похож Марко, замечали многие и порой поддевали его добродушными замечаниями. Но прозвища Морской конек в поселке у Марко не было. Вообще никакого не было, хотя у многих мальчишек они имелись. Появилось прозвище только в столичном Лицее.

Почему он уехал в столицу НЮШа (зачем согласился?!), Марко потом и сам не мог себе объяснить. Ну да, хотелось нового, дальних дорог, чудес большого города, всяких открытий... Но не настолько же, чтобы отрывать себя от моря, от родного берега с Тарханайской косой и

маяком, от мамы, от Женьки; от привычного ребячье-го народа с Маячной улицы («Марко, пошли на Камни! Слон обещал рассказать про пришельцев с Персияды!»).

А случилось вот что. В прошлом августе наведалась в гости двоюродная мамина сестра тетя Даша с мужем Германом Алексеевичем. Тетя Даша была добрейшая душа, хотя и чересчур со столичными привычками (моды там всякие, косметика). А Герман Алексеевич — умело сдержаный, неразговорчивый, и вроде бы с крепким характером, но с женой всегда соглашав-шийся во всех ее планах. А планы Дарьи Григорьевны возникали стремительно. И строились они всегда на желании осчастливить близких.

Маме и отцу Марко она с первых дней принялась внушать:

— Марусенька, Гоша! Я понимаю, вы вросли в эти места всеми корнями. Но зачем обрекать детей на провинциальное прозябанье? Женечка — красавица! Ее милые веснушки — золотая россыпь для создания современного имиджа! У нее все данные, чтобы в столице стать звездой сцены или бизнеса!.. А Марик! С его задатками философа, с его способностью смотреть в глубину явлений!.. А что его ждет в Фонарях? Судьба приморского Гавроша, а потом должность бригадира рыбачьей артели?.. Неужели он этого хочет от жизни?

Женя морщила конопатую переносицу и деликатно уходила на веранду. Она не хотела быть звездой, а хотела стать научным сотрудником в Институте южных морей. Но он не в столице. И Женя изо всех сил готовилась поступать на биофак в Ново-Византийском филиале. А Марко делал вид, что разговор — не про него. Чего он хочет от жизни, Марко никому не говорил, отвечал, что пока не знает. А внутри себя знал, но ни с кем не делился, потому что сочли бы параноиком...

Он был не такой решительный, как сестрица. Тетушке удалось уломать его «пожить хотя бы годик в главном городе Новых Штатов».

— Ты убедишься, сколько возможностей в столице! Ты ведь нигде не бывал дальше Сканевска! А у нас ты увидишь столько всего! И поймешь, как отличается Лицей от школы в Фонарях! У нас есть возможности устроить в него племянника! Тем более у тебя почти сплошь отличные оценки...

Неизвестное всегда заманчиво. А Дарья Григорьевна была настойчива (и муж кивал в такт ее словам). Потом уже Марко понял (или почуял), что пожилой, но еще энергичной супружеской паре, чьи дети выросли и разъехались, очень хотелось иметь кого-нибудь, о ком надо заботиться и тревожиться. Чтобы в жизни виделось побольше смысла!..

Столичный лицей и правда был не похож на поселковую школу — трехэтажку из белых известняковых блоков, где в сентябре всегда пахнет побелкой и масляной краской. В гранитном корпусе с полукруглыми окнами и колоннами пахло стариной и науками. Портреты в золоченых рамках украшали стены сводчатых коридоров (какие-то генералы, писатели и прежние директора Лицея). Здесь невозможно было представить игру в конный бой или догонялки-прыгалки — это понимали даже малыши. Впрочем, они, малыши, отличались от старших лицеистов лишь размерами. Лицейская форма с длинными сюртуками и отутюженными брюками делала их уменьшенными копиями выпускников. В самом деле — поскаки-ка в таких костюмах.

Эту форму — кусачую и тяжелую, как доспехи, — Марко возненавидел с первого дня. Было непонятно, почему при жаре чуть не в тридцать градусов надо приходить на занятия в суконном мундире и галстуке. Поя-

вись в таком виде в поселковой школе, весь народ полег бы от хохота...

Ну ладно, Марко притерпелся. Потому что было в лицее и много интересного (тетушка не зря обещала). Полукруглые классы (аудитории!) с амфитеатрами скамеек и столов, с экранами и электронными досками. Компьютерные комнаты, где никаких очередей и графиков — садись и занимайся. Библиотека в двухэтажном зале, где всякого, даже первоклассника, встречали, как долгожданного гостя (может, потому, что «гостей» было немного, лицеисты больше «克莱ились» к мониторам)....

И учиться оказалось не труднее, чем дома. Ну, подумаешь, элементы высшей математики! В Фонарях директор Юрий Юрьевич тоже преподавал эти элементы (правда, не в обязательном порядке, а всем желающим). И желающих было немало. А семиклассник Гаврик Вахта настолько преуспел в этой науке, что занял первое место на олимпиаде в Ново-Византийске (даже в газете писали). Марко никаких побед не одерживал, но тоже кое-что соображал в таких вопросах, Юрий Юрьевич его похваливал...

А вот с одноклассниками в столице он сходился туда. Вернее, никак не сходился. Нет, никто не отпихивал его откровенно, вражды не показывал — культурные люди все-таки, лицеисты, — но...

В прежней школе все было просто. Без хитростей и долгих обид. Могли ссориться, могли подраться (если один на один и силы примерно одинаковые), могли даже допекать дразнилками. Но если видели, что довели человека до слез, тут же отступали: «Ну, чего ты, мы же не по правде... Ладно, хлопцы, отдать якоря.

Якорь — лапою за дно,
Все мы будем заодно!..»

И на ладонь того, кто обижен, хлоп-хлоп свои ладони!

В Лицее никто никому не чинил явных обид. Но были усмешки. Это Марко ощутил в первые же дни.

Оказалось, что здесь шестиклассники не носят книги и тетрадки в ранцах. В поселке Фонари их носили в чем угодно: в торбах, в портфелях, в сумках, в магазинных пакетах. Миколка Яшин таскал свою школьную ношу в чемоданчике из ивовых прутьев, который сам сплел на хуторе у деда. Ходили и с рюкзаками, и с разрисованными ранцами, которые у многих сохранились чуть ли не с первого класса. Никто не обращал на это внимания. А в Лицее полагалось иметь модные, «с наворотами», сумки, которые в столичных магазинах стоили не дешевле мобильников последнего образца.

В шестом классе «Г» («гуманитарный») все, кроме Марко, были «свои», знали друг дружку с давних пор. С новичком познакомились без лишней приветливости, но и без подначек. Лишь когда услышали, что он из поселка на Побережье, кое у кого мелькнули ухмылки. Краем уха Марко услыхал: «Туземный представитель... морской Маугли из края, где лиманы и туманы...» Ну и ладно, это девчонки чесали языки. Марко решил, что безобидно. А потом подошел один из главных людей в классе, Фарик Сагайдак, — красивый такой, улыбчивый, всеми любимый, — похлопал по ранцу, который висел на крючке у парты. Снисходительно спросил:

— А ты чего это, юноша, ходишь с малышовым атрибутом?

Стоявшие рядом хихикнули. Почти дружелюбно. Марко знал по прежнему опыту, что лучшая защита от насмешек — веселая откровенность, и признался:

— Ностальгия по раннему детству. А еще — «ортопедическое средство». С детсадовских времен отучают

от сутуности: держись, мол, хлопец, прямо, а то как не-андерталец...

Хихикнули опять, вроде бы не обидно, понимающие. Но Фарик посоветовал:

— Все же обзаведись чем-нибудь посовременнее, надо блюсти имидж. Здесь свои обычай...

— Я обдумаю ваш совет, милорд, — пообещал Марко самым шутливым тоном.

Зоя Карневская — изящная, как девочка из рекламы тайваньских солнечных очков, — протяжно произнесла:

— Знаешь, «хлопец», ты не так уж похож на первого-бытного человека. Скорее на морского конька. Особенно, если смотреть в профиль... Особенно когда губы дудочкой...

Марко втянул губы и посоветовал:

— А ты смотри не в профиль, а спереди. Вдруг я покажусь привлекательней?

— Нет, сбоку ты смотришься гармоничнее... Морские коньки, это ведь из твоей стихии, да?

— Из моей, — согласился Марко. — А еще в этой стихии водятся медузы «абажурки». С виду красавицы, но ядовитые, как кобры...

Мальчишки ухмыльнулись, а девчонки этих слов новичку, разумеется, не простили...

Марко понимал, что со своими обычаями соваться в «чужие лица» — себе дороже. Можно было, конечно, пойти на принцип, но... может, и правда, ранец — это для малолеток? Он поделился сомнениями с тетушкой Дарьей Григорьевной. Та без лишних слов повлекла его в ближний супермаркет и велела выбирать «то, что нравится больше всего». Марко выбрал сумку из коричневой искусственной кожи — простенькую, но современной формы (в общем-то, ему было все равно). И думал, что вопрос решен.

И правда, никто в классе о ранце не вспоминал, а на сумку будто и не обратили внимания. Зато стали клеить к Марко Солончуку *то самое* прозвище. Несколько раз на дню он слышал: «Эй, Морской конек, тебя записывать на экскурсию?» или «Морской конек, запал и огонек...» — это когда трое шестиклассников задумали «посмолить» в туалете, а зажигалки не оказалось. Марко, не помышлявший о куреве никогда в жизни, так и сказал. И от того его «имидж» съехал еще на ступеньку... Наплевать.

И на прозвище Марко решил не обижаться. Морской конек — чем плохо? Правда, скоро его сократили просто до Конька, но и это терпимо.

Пускай хихикают, если охота! Воображают себя черт знает какими продвинутыми, анекдоты про всякую эротику травят на переменах, а развитие, как у питекантропов. На викторине «Любимое чтение» Стивенсона путали со Стивеном Кингом, а Гайдара с режиссером Гайдаем. Л-лицеисты... Пушкин сбежал бы от таких друзей в Михайловское раньше срока...

«Ах, Лицей! Ах, престижное образование!» Конечно, можно учиться, когда тут все к твоим услугам. В поселковой школе всего десяток компьютеров, а здесь — чуть не на каждого ученика. В Интернет можно влезать по уши. Правда, учителя поглядывали, чтобы влезали по делу, а не за всякими глупостями. Зато сдувать готовенькие сочинения — это сколько угодно. А в Фонарях Серафима Андреевна за такие фокусы вляпывала старшеклассникам полновесные пары. И при этом пренебрежительно морщилась: «Надо иметь свои, а не электронные мозги, господа...»

Здесь же пары вообще не ставили. Тройка была самая низкая и презрительная оценка. Потому что в поселковой школе использовали пятибалльную сис-

тему (министерство просвещения — имперское), а в Лицее — двенадцатибалльную (міністерство освіти НЮШ).

— Конек, у тебя семерка за изложение — с ненатуральным сочувствием извещала Зоя Карневская. — Инга Остаповна сказала, что грамотность — как в каменном веке...

— А у нее — как в глиняном...

Грамматику «южной мовы» толком знали не многие, хотя язык был обязательным в лицейской программе. Как и язык «северных регионов», то есть Империи. В Фонарях дела обстояли проще. Там разрешалось учить один язык — по выбору. Правда, почти все школьники учили оба, но для аттестата можно было выбрать одну оценку, лучшую...

Кстати, Марко оба языка знал на «имперскую» пятерку, его хвалили и Серафима Андреевна, и Оксана Глебовна. Здесь дела пошли похуже. Марко ли был виноват или учителя проявляли холодок по отношению к «приморскому Маугли»?

«Вы, Солончук, неверно пишете это слово!» — «Почему неверно? Оно всегда так писалось!» — «Вы полагаете, что здесь корень от северного «корабль», а на самом деле от южного «карбас» и писать следует через «а» — «карабельский»...

Дурь какая! Ему ли, жителю Побережья, не знать все, что касается кораблей и карбасов? В поселковой библиотеке есть даже словарь корабельных терминов и рыбачьих наречий. На двух языках. Но в лицейской библиотеке такого словаря не оказалось, и Марко там — при библиотекаре и ребятах — в сердцах сказал:

— Академия... Скоро слово «гrott-мачта» заставят писать через «и» с двумя точками...

Кто-то донес Инге Остаповне. Та на следующем уроке заявила:

— Мне стало известно, Солончук, что вас не устраивают правила нашего языка. Вы можете иметь любое мнение, но советую держать его при себе. Еще одно такое высказывание, и может встать вопрос о правомерности вашего пребывания в Лицее.

У Марко было тошно на душе. Он спросил:

— А можно прямо сейчас?

— Что... сейчас?

— Такое высказывание. Чтобы вопрос встал сразу...

Инга Остаповна сдержала эмоции.

— Нет, — сказала она. — Не надо искусственно выстраивать ситуацию. Думаю, в ближайшее время она возникнет естественным путем...

В ближайшее время ничего не возникло. Но и лучше не стало. Дни бежали за днями. На всякие подначки Марко не обращал внимания, а сильной вражды не было. По крайней мере, на драки никто не нарывался.

Дарья Григорьевна и Герман Алексеевич о горестях племянника не догадывались. Да и что за горести? Вроде бы так, пустяки...

Конечно, Марко скучал по дому: по маме и Женьке, по прежним одноклассникам и ребятам с Маячной. По кудлатому Бензелю. Но связь работала нормально, старенький мобильник не отказывал, Марко звонил домой по несколько раз в неделю и узнавал, что «все у нас хорошо».

Хотя не все было хорошо. Отец далеко от дома (гораздо дальше, чем Марко), в Северных регионах. Его неожиданно призвали на сборы в имперские войска. На целых полгода. Он был офицером запаса, штабс-капитаном инженерной службы... Можно было бы заупря-

миться и отказаться. Но тогда — еще хуже. По Южному краю сновали комиссары нюшской «вийськовой армады», они утверждали, что здешние места — территория их государства. Мол, все мужчины, не служившие раньше в «армаде», могут быть призваны под рыже-салатные знамена в любое время. Увезут под конвоем, и не пикнешь. «Лучше уж под своим флагом», — рассудил штабс-капитан Солончук. Тем более что обещали полное офицерское жалованье и почти штатскую должность техника-консультанта.

В Фонарях отец тоже работал техником, на местной электростанции, но зарплата делалась все меньше, выдавали ее нерегулярно. И что будет дальше — никто не знал.

Марко и отец уехали из дома в одно время и с той поры не бывали в Фонарях.

Наступили рождественские каникулы, но Марко и тогда не поехал в Фонари. Потому что в столицу, в гости к тетушке и дядюшке, прикатила Женя. Уговорила брата: «Побудь со мной, вместе погуляем по столице, ты ведь здесь почти старожил...» Ну, как откажешь любимой сестрице?

Разумеется, Марко не был столичным старожилом и многое еще не знал, не видел. Но... кое-что все-таки успел повидать. И многое нравилось ему: улицы с удивительными старинными домами, музеи, храмы над речной кручей, филармония, где можно слушать «живой оркестр», гигантские кинотеатры с панорамными экранами... Все это было замечательно. Особенно, когда рядом Женяка.

А потом сестра уехала, Марко прокашлялся от слезинок и стал жить дальше. Порой печально было. Но сквозь печаль пробивались иногда и радости.

СТРУНКИ

В конце февраля уже по-настоящему пахло весной и маленькие белые облака неслись из-за реки, будто парусники во время регаты. Снега в садах почти не осталось... Весна — хорошо, но лицейский врач предупреждал, что «в этот период у детей переходного возраста возможно некоторое ослабление организма». Наверно, такое ослабление и случилось у Марко: иногда среди бела дня накатывала сонливость, порой подташнивало.

Однажды на уроке физкультуры прыгали через коня. Марко был прыгун так себе. Не то чтобы самый неумелый, но и явно не чемпион. И даже не середнячок. Когда подошла его очередь, внутри замерло от ожидания очередной неудачи. Среди друзей Фарика Сагайдака прошелестело: «Аттракцион: конек на коне. Рыба на кобыле...»

А вот фиг вам! Марко напружили мускулы, рванулся и с разгона перелетел через тугое «конское» тело. Ладони отбил о твердую кожу, зато полет получился... не «как у рыбы», а «как у птицы»! Только вот на финише не повезло. Он упал коленями и руками на мат, левая рука сорвалась со стеганого края, локтем грянулся Марко о паркет. Такая боль... И тут же навалилось мягкое кружение пространства. Он даже не заметил, как сильные руки испуганного физкультурника подняли его на ноги.

— Солончук, ты что? Сильно ударился?

Еще бы не сильно! Будто молотком вделали по суставу!.. Но он проглотил слезы. Не хватало еще, чтобы снова захихикали...

— Ничего... Голова закружилась...

Никто не стал пересмеиваться, не отпустил шуточек. Ну, в самом деле, не злодеи же, обычные люди...

— Пойдем к врачу? — с досадливой ноткой спросил молодой Олесь Изяславович (вот невезуха, пиши теперь докладную директору).

— Не-е... Можно я просто посижу? Сейчас пройдет...

— Посиди, хлопче, отдохни... — учитель с облегчением проводил его до «скамейки запасных».

Здесь, в углу у двери, отдыхал еще один человек. Вернее, отдыхала. Девочка по имени Юна Коринец. Появилась она в шестом «Г» всего две недели назад. Ничего, кроме имени и фамилии, Марко про нее не знал. (А вообще-то про кого он что знал?)

Здесь, в тени, ярко полыхали ее волосы.

Это были изумительные волосы. Золотисто-апельсиновые. «Рыжая, будто клоун...» — точили языки девицы вроде Зоськи Карневской. «Впечатляет...» — сдержанно признавали оригинальность Юны мальчишки. Но она держалась тихо, ни с кем не заводила знакомств, разговаривала вполголоса. «Принцессу из себя строит», — вынесли приговор шестиклассницы. Хотя никого она не строила. Сразу после уроков спешила к выходу и уезжала на потертом «Рено» с худым пожилым дядькой — то ли отцом, то ли шофером.

Кстати, Марко тоже мог бы приезжать и уезжать на иномарке, на дядюшким «Шевроле». Герман Алексеевич не раз это предлагал, но Марко упрямо ходил пешком — не такой уж далекий путь. Дома от Маячной до школы дорога была длиннее...

Ну вот, она уезжала, полыхнув за стеклом волосами, и... Да ничего не «и», уезжала, вот и все... А в классе Марко на нее почти не смотрел.

Но сейчас посмотрел, потому что надо было сесть рядом.

Юна подвинулась. Но далеко не подвинешься, скамейка была короткая, на двоих. Марко сел на край.

Прислонился затылком к холодной стене. Глубоко вдохнул и выдохнул. Голова уже не кружилась. Только локоть болел...

Они с Юной молчали и смотрели перед собой. Словно отгороженные от всего зала прозрачным стеклом.

А друг от друга? Тоже отгороженные?

Наконец Марко искоса глянул на Юну.

В шестом «Г» у всех была одинаковая спортивная форма: ярко-зеленые майки и белые шортики («Как у Икиры», — иногда вспоминал с усмешкой Марко). А Юна сидела здесь в тренировочном костюме. Темно-синий трикотаж обтягивал острые коленки. Марко снова быстро взглянул на нее, и она — в ту же секунду — посмотрела на него. Кажется, чуть-чуть улыбнулась. Марко отвернулся и вытянул губы дудочкой, чтобы тоже не улыбнуться. Но теперь сидеть истуканом и молчать было неловко. Он спросил полуشهпотом:

— А ты почему не прыгаешь? Тоже покалечилась? (Вот идиот-то!)

— Не-е, — ответила она так же тихо. — Просто у меня своя спортивная программа...

— Где? В спортшколе?

— В театре. Там гимнастическая секция. Специальная...

Марко повернул к ней голову. Теперь можно было беседовать попросту, без смущения. Потому что и правда интересно.

— В каком театре?

— Ну, в том, что приехал сюда на гастроли. Имени Гоголя.

— А! Из Ново-Византийска... Я видел афиши. «Собор Парижской Богоматери», «Яблони на Марсе»...

— Да. Еще «Морской водевиль»...

— Значит... ты артистка?

Она опять слегка улыбнулась:

— Ну что ты. Мама и папа артисты. А я... так, иногда в массовках.

Марко подумал: что еще сказать? Не придумал, сказал просто:

— Юна...

— Знаешь что? — шепнула она. — Лучше «Юнка». Все так зовут, дома и в театре...

— Ладно... — выдохнул Марко. И спросил: — Наверно, это интересно, когда на сцене? Пускай даже в массовке...

Она сразу согласилась:

— Конечно, интересно. Всегда замирание такое в душе. И праздник...

— Наверно, там смелость нужна... специальная... Вот я бы точно окостенел от страха.

— Я сперва тоже костенела... А потом появляется навык. И у тебя появился бы...

— Да я никогда не собирался в артисты! Просто так сказал...

Ее бирюзовые глаза весело блеснули.

— А я, когда увидела, как ты прыгаешь, знаешь что подумала?

— Знаю. «Мешок с опилками»...

— Вовсе нет! У тебя замечательно получилось. Ты же не виноват, что рука соскользнула... Я подумала, что тебе подошла бы роль Маугли...

— А! Потому что дразнят «Приморский Маугли», да? — горьковато усмехнулся Марко.

— Вовсе нет!.. А разве тебя так дразнят?

— Сначала дразнили... Ну да, тебя тогда еще не было! А потом осталось прозвище Морской конек... Или Конек-горбач...

Зачем он это ей говорил? Накипело? Или потому, что она слушала с пониманием?

— «Конек» мне нравится, — шепнула она. — И «Морской» тоже... А «Горбач» я даже не слышала.

— Это иногда... Из-за моей сутулости... И Маугли из меня, как маchта из хоккейной клюшки...

— Вовсе нет у тебя сутулости! А про Маугли я подумала, потому что ты... динамичный... И вон какой загорелый. Самый смуглый из всех мальчиков...

Она прошлась глазами по его ногам — длинные апельсиновые ресницы словно щекотнули кожу. Марко застеснялся и потрогал ушибленный локоть. Деловито объяснил:

— У нас на Побережье все такие. Почти круглый год на солнце...

— Я и говорю, как в Индии, — снова тихонько посмеялась Юнка. И щекотанье пушистых ресниц будто опять прошлось по Марко — теперь от шеи до кроссовок. Он сильнее потискал локоть.

— Все еще болит? — шепнула Юнка.

— Ага, — сказал Марко. Потому что локоть и правда болел.

— Сильно?

— Ну... средне...

— Дай-ка... — Юнка села к Марко боком и взяла его голый локоть в маленькие мягкие ладони. — Не шевелись и не дыши громко...

Марко замер. Даже прикрыл глаза. Колючая боль в локте как бы пригладилась, из острого кубика превратилась в похожий на абрикос шарик. Стала слабеть, слабеть. Из абрикоса уменьшилась до ягоды крыжовника, до бусины... растаяла совсем...

— Ох... как это ты? Белая магия, да?

— Никакая не магия. По-научному называется «мануальная терапия». А дядя Фома, который меня научил, говорит: «Живые струнки». Это у нас в театре старый

рабочий сцены, его все любят... Он объяснил, что надо представить, будто твои ладони сделались большие и очень теплые, когда кладешь на больное место. И будто в них начинают дрожать струнки. Надо только, чтобы такие же струнки отзывались в том, кого лечишь. Зазвучали в резонансе...

— Значит... У меня зазвучали?

— Не болит больше?

— Не-а...

— Значит, зазвучали.

— А я и не заметил.

— Это не обязательно. Главное, что резонанс...

— Есть такая теория струн, — сказал Марко. — Не все ученые ее признают, но, по-моему, она правильная... Будто вся Вселенная — это бесконечное количества струн. Каждая микрочастица — струнка. И от их звучания зависит в мире абсолютно всё. Если добиться, чтобы звучание стало согласованное, получится... ну, в общем на всем белом свете станет хорошо... Я читал это на сайте «Тайны мироздания»...

— А как добиться, чтобы... все согласованно?

— Кабы знать, — умудреуно сказал Марко. И вдруг опять застеснялся: о чем еще говорить? Спросил на-обум: — А ты зачем ходишь на физкультуру, если все равно не занимаешься?

— Велят. Говорят, чтобы не снижать «уровень посещаемости».

— Бред какой-то... Юнка... А ваш театр долго будет в столице?

— Еще две недели.

— Жалко.

— Что жалко?

— Ну... что так мало... — выдохнул Марко и проклял себя за способность смущаться не вовремя.

И, чтобы спрятать смущение, насупленно сказал о другом: — А вы... У вас во время поездок тоже бывают спортивные занятия?

— Когда как... Только я сейчас все равно не упражняюсь. Некоторое время...

— Почему?

— Потому что... — она почесала о плечо остренький подбородок и дурашливо призналась: — Я нынче тоже немного покалеченная, ты правду сказал... Вернее, обострение старой травмы...

— А... что случилось? — пробормотал Марко.

— Осенью упала с турника и вывихнула плечо... Ну, в общем-то, ничего страшного, вправили, залечили. Но иногда вдруг начинает болеть. По старой памяти...

Юнка куснула нижнюю губу и осторожно пошевелила плечом. Не тем, что рядом с Марко, другим.

Он сразу сказал:

— Что? И сейчас болит?

— Маленько...

Надо было решаться мгновенно. А то увязнешь в дурацкой стыдливости и... получится, что он оставил девочку в беде. Марко обмер и выговорил:

— Дай... Я попробую...

— Что?

— Ну... убрать боль. Как ты... — И заколотилось сердце.

Она могла сказать: «Да ну тебя...» Или «У тебя не получится, уметь надо...» Или «Не надо, не так уж и болит...» Или... да все, что угодно. Она вздохнула чуть заметно:

— Попробуй...

Наверно, сильно болело.

Марко... он как бы выключил в себе все чувства. Механически, будто робот, пропустил левую руку за Юнкиной шеей (рыжие волосы защекотали уже не болевший

локоть), положил ладонь на тонкое, как у птицы, плечико — оно слегка дрогнуло под трикотажем. А правую руку протянул поперек ее груди. Замком сцепил пальцы на Юнкином плече. И... ничего не получилось. Не было ни тепла в ладонях, ни дрожания струн. И он понял, что боль в Юнке так и сидит — безжалостная и равнодушная.

Потому что нельзя было *выключать* себя! Нельзя бояться. Если взялся защищать кого-то, забудь про всякие страхи. Помни только про тепло в ладонях... И про то, что девочке не должно быть больно. Она же помогла тебе. А ты...

Надо было представить что-то хорошее. Доброе. И Марко вдруг представил дрожащую лунную дорожку на поверхности залива и стрекот цикад. И будто он с Юнкой не на скамейке, а на плоском, нагретом за день камне у самой воды. Здесь, в ласковости летнего вечера, не было места для боли. Он этой боли велел: «Уйди... растай...»

Чуть ощутимые струнки ожили под кожей ладоней. И... отозвались на плече у Юнки, под натянувшимся трикотажем. Или показалось? Нет, не показалось.

— Ой... — шепотом сказала Юнка.

— Что? — испугался он.

— Не болит, — выдохнула она. — Перестало. Ты... как дядя Фома.

Марко обрадовался, расслабился, и даже проскользнула одна посторонняя мысль — что волосы Юнки пахнут апельсинами.

— Давай еще немного...

— Ладно, — шепнула она.

Струнки щекочуще дрожали в ладонях.

И вдруг раздался — будто грянул с высоты — голос физкультурника:

— Солончук, вы зачем на скамейке запасных?! Чтобы отдохнуть? Или чтобы обниматься?

Олесь Изяславовича знали как известного спортсмена, чемпиона НЮШа по тяжелой атлетике. Но как педагог он был туповат и хамоват. Сейчас он, кажется, рассчитывал на одобрение и гогот шестиклассников. Однако было тихо. Надолго ли тихо? Марко не вспыхнул, не вздрогнул, не съежился. То есть он, может быть, сделал это внутри себя, но лишь на миг. А внешне сохранил железное спокойствие. Потому что лишь спокойствие могло спасти его. И Юнку.

Он убрал руки с Юнкиного плеча. Сел прямо, обнял колено. Глянул на учителя. Сказал очень ровно:

— Нет никаких объятий. Это мануальная терапия. У Юнки болело плечо, и я ей помог. Вот и все.

Класс молчал, и это слегка обескуражило физкультурника.

— Вот как, — хмыкнул он. — А мне показалось...

Марко сказал прежним тоном:

— Кто как думает, тому так и кажется. Если у кого-то гадости в голове...

Олесь Изяславович встрепенулся:

— А не прогуляться ли вам к директору? Терапевт...

— Директор на конференции, — напомнил Марко. —

О повышении всяких уровней...

— Ваше счастье... — слегка сдал позиции физкультурник. Но Марко не сдал. Закипала досада.

— Нас учат, что счастье надо делать своими руками, — заявил он. — Вы должны это знать, вы же чемпион.

— Я-то да, — согласился Олесь Изяславович. — А вы, боюсь, никогда им не станете. Не тот волевой настрой.

— В штанге точно не стану. Есть спорт, где важны не столько мускулы, сколько голова, — выдал Марко. Он ждал, когда физкультурник взорвется. Но тот про-

являл терпение (наверно, его удивляло молчание шестого «Г»).

— В шахматах вы наверняка преуспеваете, — заметил он.

— Не только в шахматах...

— Любопытно, в каком еще виде спорта?

— В парусном, — нагло сказал Марко.

На самом деле он ходил под парусом всего два раза. На стареньком яле-четверке, со Слоном. Тот возил продукты отцу, который рыбачил с артелью в Желтом лимане. Слон брал, кроме Марко, еще нескольких ребят — Пикселя и Топку, маленького Икиру и увесистого Фимку Кранца («для остойчивости судна»). Ветерок был в меру свежий, слегка брызгало, слегка кренило, но в общем-то никакого риска, одна радость. А неподалеку бежал ялик тетушки Матрены и ее племянницы Оксанки, так что получилось вроде соревнований (тетушка и племянница их обогнали).

— Престижный вид, — язвительно заметил педагог-чемпион. — Нам не по карману. Вы, наверно, сын крупного бизнесмена?

— Похоже, что да, — снисходительно согласился Марко. — Мой пapa совладелец акций Бахчунских рудников...

У отца и правда были акции — две или три. Но здесь кто их станет считать...

Одноклассники по-прежнему молчали. Похоже, что сейчас уважительно...

Звонок оборвал дискуссию...

В коридоре Юнка сказала:

— Я боялась, что он тебя с треском выгонит.

— Я тоже, — признался Марко. — То есть не боялся, а ждал... А как плечо? Не болит.

— Нисколечко! И теперь долго не будет болеть... Может быть, больше никогда...

После того случая Марко и Юнка вели себя по-прежнему. Здоровались утром, но потом не подходили друг к дружке. Марко опять сдерживала дурацкая стеснительность, а Юнку... ну, кто знает, что чувствовала Юнка.

А в субботу после уроков она подошла и обыкновенно так, будто лишь недавно беседовали, сказала:

— Конек, у меня есть билет на завтра в Детский дворец искусств. Там праздник «Приход весны». Будут всякие выступления, и наша труппа тоже...

— И ты будешь?!

— Ну... чуть-чуть. Пойдешь?

— Ладно!.. То есть спасибо.

ТЕЛЕСКОП

Вместо дурацкого лицейского сюртука Марко надел черную вельветовую рубашку с нашивкой-корабликом и белым воротничком. Давнюю. От нее пахло водорослями Тарханайской косы.

Дядюшка отвез его к Дворцу на своем «Шевроле» (было далековато).

— Спасибо, дядя Гера! Обратно я сам...

Юнка встретила его у входа. Сунула еще один билет.

— Это мой. Место рядом с твоим, никому не давай садиться, говори, что занято. — И убежала в служебную дверь.

Марко разделился, прошел в зал, места оказались в первых рядах. Он сел, вдыхая театральные запахи.

Ждать пришлось недолго. Труппа театра имени Гоголя выступала первой — сразу после нескольких праздничных речей (о том, что скоро весна, и о том, как счастливы дети Независимых Южных Штатов). Давали сцену из «Принца и нищего». Были эти принц и нищий

крупноваты и толстоваты — наверно, их взяли на такие роли, потому что очень похожи друг на друга. Да Марко на них почти и не смотрел. Смотрел на Юнку. Она играла мальчишку-пажа из королевской свиты. Роль самая второстепенная, но у Юнки паж получался, живой такой, вертлявый, то и дело нарушающий придворный этикет. Ему (то есть ей) хлопали. Марко, наверно, больше всех...

Несколько раз Юнкино место хотели занять всякие посторонние, но Марко решительно говорил:

— Извините, занято.

Его слушали... Потом опустился занавес и сразу примчалась Юнка. В своем театральном наряде. Никого это не удивило, потому что в зале было немало ребят в карнавальных костюмах. А еще — всякие пестрые танцоры из детских ансамблей.

Юнка откинулась в кресле, дрыгнула обтянутыми красным шелком ногами и дурашливо сообщила:

— Ну, ничего у меня не получается на сцене...

— Наоборот! Во как получается! — Марко вскинул большой палец, будто Цезарь, дарующий жизнь гладиаторам.

Юнка мотнула рыжими волосами и пером на берете.

— Ты меня утешаешь из великодушия... из рыцарских чувств.

— Я не рыцарь, я конек, — сказал Марко.

— Рыцарь с морским коньком на щите, — уточнила Юнка.

Это понравилось Марко. Он стал думать, что ответить, но тут сзади добродушно попросили:

— Хлопец, сними свою чепу, перо закрывает пол-сцены.

Юнка не стала уточнять, что она не «хлопец», только строптиво заметила:

— Там еще нечего смотреть. Занавес...

— Мальчик, не спорь со старшими, — хихикнул Марко.

Юнка сняла бархатную «чепу», мазнула Марко пушистым пером по носу, надела берет на вздернутое колено. «Все еще не вышла из роли», — подумал Марко. Поднялся занавес, и мальчики в белых атласных рубашках запели «Аве Мария». У Марко всегда при этой мелодии холодели щеки. Юнка тоже притихла...

Потом было много разных номеров: и хоровые выступления, и отдельные певцы, и танцы. И все это нравилось Марко, хотя и меньше, чем «Принц и нищий» с пажом и «Аве Мария». А после всех играл струнный квартет (понимаете, *струнный!*). Два мальчика и две девочки возрастом вроде Марко и Юнки. Виолончель и три скрипки: две обыкновенные и одна побольше (кажется, ее называют «альт»). Как называлась музыка и кто композитор, Марко не расслышал. Вернее, тут же забыл. Но мелодию запомнил надолго. Может быть, навсегда. Объяснить ее словами было нельзя, она просто брала за душу. Со смесью грусти, тревог и ожидания радости... Юнка положила свою ладонь на запястье Марко... Потом все вдруг шумно захлопали. Ненормальные! Здесь нужна была долгая тишина...

Громкоголосая, похожая на полную стюардессу дама объявила со сцены, что концерт окончен, однако праздник продолжается. Скоро в этом зале состоится конкурс карнавальных костюмов, а в фойе и других помещениях — разные другие конкурсы. Выбирайте по вкусу!

— Твой костюм возьмет первое место, — пообещал Марко.

— Вот еще! Он вовсе не мой, а... театральный реквизит. Подожди меня, я скоро...

Юнка убежала и через пять минут вернулась уже не «театральная». Но все равно праздничная! В желтом

кружевном платьице, золотистых колготках, блестящих туфельках. «Была паж, стала фея...» — подумалось Марко. Но сказать это он не решился и вдруг брякнул:

— А плечо... больше не болит?

Она удивилась.

— Нисколечко... Пойдем отсюда, здесь одни мальчи... А где-то будет книжкин конкурс...

Конкурс юных читателей проводили в малом зале. Хотя и «малый», а вместил человек двести. На стенах и на кулисах — громадные книжные обложки с Буратинами, Робинзонами, мушкетерами, Тарасом Бульбой и мумми-троллями. Марко и Юнке удалось пробраться к сцене поближе. На ней — длинный стол. Перед столом шагал круглый дяденька в тугих штанах, белом жилете и черном цилиндре. Убедившись, что в зале полно народа, он весело вскинул руки.

— Уважаемые книголюбы! Вы на меня смотрите и думаете: кто же это такой? Но вы сразу поймете, если я назову себя! Я... мистер Пиквик! Из очень знаменитой книги... Какой?

Он умолк, ожидая, что дружные крики в зале будут ответом на простенький вопрос. Зал безмолвствовал. Сценаристы конкурса переоценили знания нынешних лицеистов, гимназистов и прочих столичных школьников. Лишь в задних рядах кто-то пискнул:

— Гарри Поттер...

Несколько человек засмеялись.

— Нет, нет друзья мои! Эта книга — «Посмертные... записки...» Ну же, ну, смелее!.. «Пиквикского клуба!» А сочинил ее прекрасный английский писатель... — Мистер Пиквик опять замер в ожидании.

— Гарри Поттер... — пискнул все тот же голосок.

Теперь не было даже смешков. Только глубокое молчание. Казалось, мистер Пиквик худеет на глазах.

Марко стало неловко за него. Надо выручить. Он даже дернулся вперед. Но, конечно же, дурацкое смущение прижало его к стулу. Как это: кричать на весь зал. Это ведь Юнка хотела участвовать в конкурсе, а не он.

— Марко, скажи, — шепотом велела Юнка. — Ты знаешь.

— Лучше ты скажи. Ты тоже знаешь.

— Я хочу, чтобы ты...

— Почему?

— Ну, я очень хочу... Конек...

Ей, кажется, в самом деле хотелось этого. Почему? Поди пойми. Спрятаться бы под стул. Но...

Марко встал и даже поднял руку. Сказал не очень громко, но отчетливо:

— Чарльз Диккенс.

Мистер Пиквик возликовал, будто выиграл миллион. Завопил клоунским голосом:

— Ура-а! На этот сложный вопрос ответил мальчик с третьего ряда! В черной рубашке! Мальчик, иди сюда!

— Зачем? — оторопел Марко.

— Иди, — строго подтолкнула его Юнка.

Что делать-то, он пошел, сутулясь пуще обычного.

— Сюда, сюда, ко мне, — торопил Пиквик. Пришлось подняться по лесенке. Мистер Пиквик повернул его лицом к залу.

— Как тебя зовут, юный знаток мировой классики?!

— М... Марко...

— Погромче, пожалуйста!

— Марко! Солончук! — пришлось выдать на весь зал. Но в этот зал он смотреть боялся, смотрел на свои начищенные ботинки.

— Прекрасное литературное имя! Была такая замечательная писательница с мужским псевдонимом, Марко Вовчок. Многие, конечно, слышали о ней...

«Ага, слышали они...» — Марко наконец глянул на зрителей. Но они сливались в размытую массу. Только на третьем ряду пламенели Юнкины волосы и отчетливо было видно ее веселое лицо с бирюзовыми глазами. Марко перестал бояться. «Пусть. Если ей так надо...»

— Садись за стол! — велел неугомонный Пиквик. — Ты будешь первым в десятке финалистов, которые станут бороться за главный приз. А пока — новый вопрос!..

Новый вопрос был попроще. Что-то про Незнайку. Потом — о Робинзоне. Находились знающие люди, и не по одному. Правда, никто не слыхал про Виктора Гюго и его юного героя из романа «Отверженные». Пришлось опять спасать Пиквика.

— Гаврош, — сказал Марко из-за стола. Теперь он чувствовал себя спокойно, потому что здесь же сидели еще несколько финалистов. А с третьего ряда бодро и понимающе улыбалась Юнка.

— Молодец, — восхитился персонаж Диккенса. — Ты, Марко, у нас явный лидер. Но это — пока! — Он поднял пухлый палец. — Посмотрим, что будет в финале.

В финале было то же самое — вопросы и ответы. Но отвечали только те, кто оказались на сцене. Зал переживал и аплодировал; и Юнка аплодировала, когда Марко опережал соперников. Опережать было не трудно...

За столом собирались десять финалистов — очень разные ребята. И маленькие, лет девяти, и старше Марко — лет по пятнадцать. Марко не очень к ним приглядывался. Он только пожалел девочку (класса из третьего), которая пustila слезу, не сумев ответить, кто такой был Гудвин в книжке «Волшебник Изумрудного города»...

Финалисты один за другим выбывали из игры. Не очень огорчались, потому что каждый получал приз: кто «Трех мушкетеров» в позолоченной обложке, кто ко-

робку с красками, кто куклу в пышном платье, кто большущего пластмассового клоуна с улыбчивой рожицей... Наконец остались два претендента на главную премию: Марко и паренек постарше, класса из восьмого-девятого. С большим, покрытым прыщами носом и в круглых очках. Звали его Андрон. Марко смотрел на него с симпатией («Сразу видно, что профессор»), но и с грустным пониманием: «Здесь мне крышка».

Мистер Пиквик пригласил из-за кулис девицу в костюме Красной Шапочки.

— Садись, голубушка, к столу, возьми бумагу и карандаш. Станешь отмечать результаты последнего турнира. После правильного ответа ставь у имени участника галочку. А вернее — чайку! Да! Потому что турнир — ха-ха! — будет корабельный! Участники по очереди должны называть имена парусных (только парусных!) кораблей, которые помнят по книгам. Посмотрим, кто лучше знает путешествия и приключения! Ну-с, бросим жребий: кто первый!

Жребий был — два бумажных шарика. Одна бумажка чистая, другая с «чайкой». Шарики бросили в цилиндр мистера Пиквика. Андрон вежливо уступил очередь сопернику, и Марко вытянул пустую бумажку.

Мистер Пиквик почему-то поаплодировал:

— Прекрасно! Встали по бокам от меня и... начали!

— Корабль Язона «Арго», — сообщил Андрон (знаком, елки-палки!). — Он был с веслами, но и, судя по некоторым изображениям, с парусом тоже.

— Великолепно! — завопил Пиквик. И затем все уставились на Марко.

— «Виктория». Из книжки «Трафальгар»... — сказал тот. И опять глянул на Юнку. Она улыбалась.

— Браво!.. — подскочил Пиквик.

— «Дункан» из «Детей капитана Гранта», — сделал новый ход Андрон.

— «Британия». Оттуда же, — не остался в долгу Марко.

— Шхуна-бриг «Пилигрим» из «Пятнадцатилетнего капитана»...

— Бриг «Форвард» из «Путешествий капитана Гаттераса»...

Андрон усмехнулся:

— Яхта «Беда» из «Капитана Врунгеля»...

— «Арабелла» из «Одиссеи капитана Блада»...

— Шлюп «Надежда» из повести «Первые российские мореплаватели».

Марко такой повести не помнил, но храбро сказал:

— Шлюп «Нева», из той же книжки. — В самом деле, где «Надежда» Крузенштерна, там и «Нева» Лисянского!

— Корабль Лаперуза «Астролябия». Из книги «Водители фрегатов», — сказал Андрон. И, кажется, решил, что обставил соперника. Снисходительно улыбнулся. Но Марко тоже знал этих «Водителей».

— Второй корабль Лаперуза, «Буссоль»...

Они с Андроном хорошенъко перетрясли в памяти всю эту книгу о путешествиях и вспомнили еще с десяток названий. Затем перешли на историческую повесть «Ветры с Босфора», где бриг «Меркурий», турецкие линкоры и несколько судов русской эскадры...

Потом Андрон вспомнил какой-то английский роман про морскую войну Британии и Франции в конце восемнадцатого века. Выдал полдесятка названий. Про эту книгу Марко даже не слыхал, но недавно он читал «Жизнь моряка» знаменитого капитана Лухманова. Там тоже хватало всяких кораблей...

Мистер Пиквик только хлопал глазами. Видимо, он не знал и половины таких книг и парусников. Кстати, было бы совсем не трудно надуть его, придумав небывалые романы и корабли. И ни Красная Шапочка, ни

читатели в зале не заподозрили бы никаких фантазий. Но... паруса не терпят обмана, Марко это знал. Вернее, ощущал. Всегда. И Андрон, видимо, тоже...

— Корвет «Коршун», — сказал Андрон. — Из повести Станюковича.

— Корвет «Голубчик». Тоже из Станюковича, — вспомнил Марко рассказ «Нянька». И... вдруг понял, что больше ничего из Станюковича вспомнить не может, хотя читал у него толстенный сборник рассказов. На каких кораблях плавал негритенок Максимка? Как назывались шхуна и тендер в рассказе «Пари»? Будто кто-то в мозгах нажал на тормоза...

— Судно «Антилопа», на котором отправился в плавание Лемюэль Гулливер, — услышал Марко, будто издалека.

— Ну-с, Марко Солончук, ваше слово! — поторопил мистер Пиквик. Видимо, он боялся, что состязание затянулось.

В голове у Марко была пустота. И он помотал этой головой с ощущением полной потери.

— Ну, что же! — воскликнул Пиквик (похоже, что с облегчением). — Андрон вышел победителем! Но... У него перевес всего в одно очко. А по условиям турнира, чтобы получить главный приз, надо обладать преимуществом не меньше, чем в два очка. Иначе эта большая премия останется у нас до следующего состязания, а соперники получат одинаковые призы! Итак... Андрон, вы можете назвать еще какой-нибудь корабль из книги?

Зал притих. Марко в зал не смотрел, чтобы случайно не встретиться глазами с Юнкой. Он не чувствовал стыда за поражение, не испытывал досады, но понимал, что Юнке обидно за него.

Андрон снисходительно сказал:

— Я могу перечислить корабли нахимовской эскадры из эпопеи Сергеева-Ценского «Севастопольская страда». И десяток судов из книги «Конкистадоры». Я держал их про запас...

Марко ощутил облегчение. Значит, он проиграл не случайно. Конечно, сейчас он сразу вспомнил и кое-какие нахимовские корабли, и каравеллы флибустьеров, но ясно же, что «профессор» Андрон знал их не в пример больше... Все справедливо.

— В таком случае Андрон заслуженно объявляется полным победителем турнира, — сообщил мистер Пиквик с некоторым утомлением. И встремхнулся. Закричал голосом телеведущего: — Призы на сцену!

Девочка в костюме Пеппи Длинныйчулок вынесла на вытянутых руках большущую шахматную коробку. Мальчик в одежде юного витязя с натугой вытащил полированный деревянный чемодан.

Мистер Пиквик несколько торопливо, но с пафосом возвестил, что Марко Солончук был достойным участником корабельного турнира, проявил великолепные знания и получает замечательные шахматы из карельской березы. А главный победитель, Андрон Тарашенко, награждается телескопом «Сириус»!

В зале шумели и хлопали. Марко взял у Пеппи коробку, бормотнул спасибо, глянул на мистера Пиквика. Тот поздравлял Андрона. Андрон был сдержан, не показывал большой радости. Кажется, хотел что-то сказать. Но Пиквик сделал шаг назад и широко раскинул руки — дал понять, что награжденным пора спуститься в аплодирующий зал. Марко спустился по левой лесенке, Андрон стащил деревянный футляр по правой.

«Даже руки не пожали друг другу», — мелькнуло у Марко.

Юнка встретила его очень бодро:

— Какой ты молодец! Можно посмотреть шахматы?

В вестибюле, на широком подоконнике, они открыли клетчатую коробку. Фигуры были большие, узорные. Одни — лаково-черные, другие — желтоватые, с кудрявым древесным рисунком.

— Это и есть карельская береза, — значительно произнесла Юнка. Потом глянула Марко в лицо: — Ты что, не рад? Обидно, что не первый приз? Да этот ничуть не хуже!

— Обидно, что дырявая голова, — признался Марко. — Сейчас в ней прыгают сотни корабельных названий, а там — будто мешком стукнули...

— Так оно и бывает, — посочувствовала Юнка. — Это ведь вроде лотереи: кому что выпадет в короткий момент... — Она вертела в пальцах светлого короля. Вдруг еще одни пальцы осторожно взялись за фигуру.

— Позвольте посмотреть...

Это подошел Андрон!

Что ему надо?

Андрон вернул короля Юнке, поправил очки и взглянул на Марко:

— Скажите, Марко, вы не могли бы уделить мне две минуты?

Надо же, «вы»!..

Он был выше Марко чуть не на голову, но смотрел нерешительно. Марко губами сказал Юнке «подожди» и отошел с Андроном, который оставил рядом с Юнкой свой чемодан-приз. Они оказались у другого окна, здесь было малолюдно.

Андрон ладонью прошелся по своей прическе-ежику.

— Понимаете... судьба нынче что-то напутала. Я всю жизнь занимаюсь шахматами и всегда хотел иметь такой вот шахматный набор... Я увлекаюсь и астрономией, но

телескоп «Сириус» у меня уже есть. Я предлагаю деловой обмен.

— Это как? — сказал Марко, хотя понял сразу.

— Это просто и справедливо. Вы мне — шахматы, я вам — телескоп. Я хотел это предложить прямо на сцене, но ведущий так спешил...

— Ну... Я не знаю...

— А чего тут знать и не знать!.. Или телескоп вас вовсе не интересует?

Марко очень интересовал телескоп! До сих пор он смотрел на звезды и Луну только в морской бинокль, который иногда выносил на улицу Слон. Было здорово! А этот «Сириус»... небось приближает светила в сто раз!

— Решайте, — сказал Андрон.

— Как-то... несовместимо... — пробормотал Марко. — Телескоп, он же дороже...

— Марко! Мы же не бизнесмены и не на ярмарке! Вы не хуже меня понимаете, что истинная ценность вещей исчисляется не деньгами! А человеческим интересом...

Марко это понимал. И... он как бы увидел звездное небо, которое удивительно распахнулось и придинуло себя к Марко, сияя галактиками.

— А вы это по правде? — сказал он.

— Странный вопрос... — Андрон снял очки и почесал ими кончик носа. Его глаза стали маленькими и оказались близко от переносицы.

И... Марко подумал, что некрасивые люди иногда бывают очень симпатичными. Он честно сказал:

— Я подумал, что вы меня, может быть, просто пожалели... Заметили, что я расстроился, ну и вот...

— С какой стати!.. Я не заметил, что вы расстроились. И к тому же вы не девочка, которая плакала из-за Гудвина... Ну так что? По-моему, всякая ситуация должна иметь логическое завершение.

— Ладно... пусть имеет, — стыдливо выговорил Марко. — Если у вас правда уже есть телескоп...

— Честное слово!.. — Андрон ухватил Марко за плечо, в два счета доставил его к Юнке, захлопнул и ухватил с подоконника шахматную коробку.

— Девочка, мы с ним поменялись! — И почти скаками удалился в сторону гардероба, затерялся в толпе...

— Мы... правда поменялись, — пробормотал Марко. — Он сам... заставил. Говорит, что у него уже есть «Сириус»...

Юнка не удивилась. Будто ждала этого заранее!

— Вот и замечательно! Я сразу поняла, что он шахматист...

— А как я потащу домой эту бандуру? Дяде Гере я сказал, что пойду пешком, а теперь... — Марко ногой качнул футляр телескопа.

— А ты где живешь?

— На Михайловском спуске...

— Это же недалеко от нашей гостиницы! Сейчас приедет папа, мы тебя отвезем!

— Жалко, что еще день. А то поставили бы телескоп на подоконник и давай глядеть на Луну. Она сейчас почти полная, как раз над ближними крышами... Слушай, приходи ко мне вечером!

Юнка пришла. До этого Герман Алексеевич — немногословный и умелый — помог племяннику настроить незнакомый прибор.

— А где объектив? — удивился Марко.

— Это телескоп-рефлектор. Здесь главная деталь не линза, а зеркало внутри трубы. А смотреть надо в этот окуляр, сбоку...

— Ой, все вверх ногами! — удивился Марко, увидев очень дальнюю колокольню Преображенского собора. Она была теперь перед носом, но перевернутая.

— Потому что астрономический прибор. Для звездочетов неважно, где верх, где низ...

Когда смотрели с Юнкой на Луну и на золотой шарик Юпитера со спутниками, это и правда было неважно. В космосе нет верха и низа. В космосе... там вообще много непонятного... Они по очереди приникали к окуляру, иногда нетерпеливо отодвигали друг друга висками. Марко опять подумал, что Юнкины волосы пахнут апельсинами...

Потом небо затянула облачная пленка.

— Ладно, завтра еще посмотрим, — утешил Юнку (и себя) Марко.

Юнка сказала:

— Завтра утром мы уезжаем. Весь театр...

— Почему? Ты же говорила: через две недели...

— Изменился график. Столичное начальство сказали, что помещение нужно для какой-то предвыборной кампании.

— Идиоты...

— Что поделаешь...

Марко ощущал печаль и... облегчение. Потому что он уже не раз думал, как станет с грустью считать дни до Юнкиного отъезда. Который *все равно* рано или поздно случится. И после которого они вряд ли скоро увидятся. Кто знает, может быть, не увидятся вовсе. Или в ту пору, когда будут совсем другими...

Оставалось только сказать одно. И он сказал храбрым голосом:

— Ладно. Я тебе напишу письмо. А ты мне. Хорошо?

Она отозвалась ласково так:

— Смешной. Кто сейчас пишет письма? На это и времени нет. Запиши номер мобильника...

— А ты мой!

— Зачем? Ты позвонишь, я сразу отвечу...

Мобильник Марко оказался разряжен, пришлось писать карандашом. И Марко вывел цифры на кромке футляра от телескопа. Оттуда номер никуда не денется, не на бумажке...

Марко пошел проводить Юнку до гостиницы (а Герман Алексеевич — их обоих, на всякий случай). У дверей Юнка и Марко подержали друг друга за ладони.

- Плечо не болит? — спросил Марко.
- Нисколечко.
- Ну, пока...
- Пока...

Марко решил позвонить Юнке на следующий день, после занятий. Будет здорово: она едет в поезде — и вдруг сигнал. «Юнка, привет!» — «Марко, привет!» — «Как ты там?» — «Все хорошо... только...» — «Что?» — «Ну, немножко грустно...» — «Мне тоже... Знаешь что?» — «Что?» — «Я вечером буду смотреть в телескоп и думать... что ты рядом. Можно?» — «Конечно, можно! А я буду смотреть в вагонное окошко на Луну и думать, что ты... тоже...»

Конечно, такой разговор на самом деле состояться не мог. У Марко язык задубел бы от неловкости. Но перекинуться несколькими-то словами можно!..

Оказалось, что и это нельзя!

Марко открыл футляр телескопа, чтобы списать номер в мобильник, и проклял себя. Вчера он торопился и теперь увидел, что последняя цифра номера получилась абсолютно неразборчивой. Видимо, обломился грифель. От него осталась еле заметная царапинка. И Марко совершенно не помнил эту цифру.

Он сел на край тахты, вытянул губы дудочкой и зевнул (про себя, конечно). И только через пять минут сообразил, что ничего страшного нет. Можно звонить, подставляя в конце номера все цифры, одну за другой.

Их всего-то десять в нашей математической системе! Марко поскреб мобильником затылок и... решил, что не станет спешить. Будет набирать по одному номеру в день. Получится что-то вроде поиска или приключения. А когда Юнка наконец отзовется, он расскажет, какой был балда и почему дозвонился не сразу. И они посмеются, довольные тем, что нашли друг друга.

Начал Марко с единицы. Набрал... И не повезло. Голос механической девицы сообщил, что «сеть отключена для профилактики на двое суток». Ну и ладно! Двое суток не вечность. Он позвонил на третий день, вернее, вечер, полюбовавшись через телескоп на большущую, набравшую абсолютную полноту Луну. И, набирая номер, уже не ощущал прежнего волнения...

— Здрасте... А... это телефон Юны?

— Ошибся, хлопче, — отозвался добродушный мужской голос.

И так все вечера подряд.

Отзывались другие люди — кто весело, кто равнодушно, кто сердито. Один раз показалось, что попал!

— Юнка! Это ты?!

— Я не Юнка, я Галя, — обрадовалась девочка. — А ты кто?

Марко молча нажал кнопку отбоя.

Но все же оставалась надежда. Номера с пятеркой и нолем ответили механическим голосом, что «абонент выключил телефон или находится вне зоны покрытия». Вполне возможно, что Юнка была в дороге и сквозь железные стены вагонов не пробивался сигнал. Или в мобильнике кончились деньги, или разрядилась батарейка... Надо будет попробовать по второму разу.

Не получилось и по второму. И по третьему. Ну, бывают досадные совпадения... А может, она просто потеряла телефон? Пожалуй, надо будет все-таки написать письмо. По адресу: Ново-Византийск, театр им.

Гоголя, Юне Коринец. Наверно, дойдет. Нужно только узнать почтовый индекс Ново-Византийска. Но заглянуть в Интернет за индексом или забежать на почту все как-то не было времени. «Завтра...»

А потом пришли новые заботы. У Германа Алексеевича начались неприятности. Он работал в каком-то ведомстве, связанном с инженерным обеспечением флота. У ведомства было двойное подчинение: имперским властям и министерству НЮШа. Две страны все чаще вступали в споры, делили территории и хозяйства. Нюшские чиновники заявили, что ведомство переходит полностью в их распоряжение. «Иностранные» служащие «могут быть свободны». Слава Богу, Герману Алексеевичу пришел вызов из имперского порта Бартеньево на Северном побережье. Там и работа, и квартира. Все хорошо, только очень уж далеко. Встал вопрос: как быть с Марко. Ташить его с собой, за тридевять земель, к холодному морю? А зачем? Там не столица... Оставить жить в лицейском интернате? Марко содрогнулся. Да и к чему ломать голову? Разве у него нет родного дома? Может быть, судьба повернула все к лучшему!...

Герман Алексеевич, собираясь на Север, продал машину, и Марко отправили домой рейсовым автобусом (полсуток дороги!). В сопровождении тетушкиной знакомой, которая как раз отъезжала в те края.

Ну и вот... «Господи, неужели я дома?»

Давние друзья-приятели сбежались к нему. Новости, разговоры. Девичьи дурацкие вопросы: «Ты там, наверно, каждую неделю влюблялся в столичных одноклассниц?»

«Каждый день», — сказал Марко и тихонько вздохнул, вспомнив апельсиновые волосы.

Слон спросил:

- В телескоп-то дашь глянуть?
- Ну, неужели не дам?

Смотрели все по очереди, несколько вечеров подряд. Опять назревало полнолуние.

Однажды директор Юрий Юрьевич позвал к себе Марко после уроков.

— Дружище, у меня великая просьба. Не разрешишь ли ты поставить свой инструмент в школе? До конца учебного года. У десятиклассников курс по астрономии, а наш древний рефрактор готов рассыпаться от случайного чиханья... А?

Ну, что было делать?

— Ладно... Только чтобы я мог приходить и смотреть когда хочу. И наши ребята с Маячной...

— О чём разговор! Я дам ключ...

Телескоп установили в угловой комнатке на верхнем этаже (там хранились пыльные птичьи чучела, продавленные глобусы и рулоны старых карт). Окна выходили на восток и на юг. Луна неторопливо прокатывалась над невысокими крышами и тополями, цепляясь на полпути (будто корабль днищем) за камни на верхушке Фонарного холма. Огненными каплями горели Венера и Юпитер...

Можно было сидеть у телескопа до ночи. В одиночку или с ребятами... Весенние вечера были уже теплые. Все громче трещали цикады...

Юнка так и не позвонила. Ну, понятное дело. Наверно, письмо получила не сразу, а потом оказалась оборвана связь. Неизвестно до каких времен. Потому что началось...

КРЕЙСЕР «ПОЛКОВНИК ДУМА»

Марко перелистал в памяти воспоминания о зимних и весенних днях, пальцем погладил на медали морского конька и опустил медаль в правый карман. Ноги стонали, но надо было двигаться дальше. Марко встал.

Наверно, со стороны — с моря, с крейсера — он виделся беззаботным пацаном, который развлекается на скалах: ищет чего-то или прячется от друзей, играющих в пиратов или аргонавтов. Дело обыкновенное, здесь играли во все времена.

Знакомый всем ребятам журналист и бродяга Пек — он поселился весной у деда и бабки Тарасенковых — недавно прочитал Марко, Слону и маленькому Икире стихи. Встретил их на улице, рассказал последние новости, которые поймал в эфире своим хитрым приемником, заметил, что «регент и светловельможный гетман окончательно спятили» и вдруг жизнерадостно добавил:

— Однако жизнь продолжается, юные друзья!.. Как мне известно, Птеромодуса вы наконец запустили?

Птеромодус — это был громоздкий воздушный змей, которого ребята несколько дней пытались поднять в воздух со склона Фонарного холма.

— Да, вчера вечером удалось, — подтвердил Икира. — Видели?

— Я наблюдал за этим действом в свой бинокль... И знаете, какие строчки мне вспомнились?

Слон, Икира и Марко вопросительно молчали. Худой, как весло, Пек прислонился к плетню и тряхнул белыми растрепанными волосами.

Мальчики заводят на горе
Древние мальчишеские игры.
В лебеде, в полынном серебре,
Блещут зноем маленькие икры.

От заката, моря и весны
Золотой туман ползет по склонам...

Ну и так далее. Стихи длинные. А кончаются вот чем:

Мальчики играют в легкой мгле.
Сотни тысяч лет они играют.
Умирают царства на земле —
Детство никогда не умирает.

Марко, будто наяву, увидел опять залитый закатом склон и трепещущее сооружение из разноцветной бумаги реек. И услыхал торжествующие крики: «Пошел, пошел!.. Ура!»

А Слон спросил у Пека:

— Это ты сочинил?

— Это сочинил давний поэт по фамилии Луговской. А я не пишу стихов, я прозаик... Обратите внимание, какие точные строчки про царства и про детство! В самом деле, пропадут из памяти десятки императоров, регентов, президентов, гетманов и премьеров, а вот этого разноцветного Птеромодуса люди будут помнить сотни лет...

— Его-то почему? — осторожно спросил Марко.

— Потому что я веду летопись здешних событий, на основе которой напишу роман под названием «Неистребимое солнце». Мне, разумеется, дадут за него Нобелевскую премию, он войдет в анналы мировой классики...

— Во что войдет? — переспросил Икира.

— В список самых знаменитых книг, — разъяснил третьекласснику Слон.

— Да! Таких, как «Дон Кихот», «Война и мир» и «Буратино», — уточнил Пек. Никогда нельзя было понять: дурачится он или говорит всерьез?

— И мы в этом романе тоже будем? — доверчиво спросил Икира.

— Ну, разумеется! — Пек подхватил его, вскинул над головой и покрутил. Икира был рад, но визжать не стал, он всегда сохранял достоинство.

...«Мальчики играют на горе. Только б не сломали себе шею...» С этой мыслью Марко двинулся дальше... А в самом деле, видят его с крейсера? Ведь наверняка пялятся на берег в свои дальномеры...

Правительство НЮШа купило эту суровую на вид посудину то ли у Боливии, то ли у Аргентины. Возраст ржавой «грозы океанов» был музейный, зато и стоимость невелика — по цене металлолома. Крейсер отмыли, заново покрасили, добавили к орудиям прежней эпохи ракетную установку (тоже не новую) и объявили его флагманом нюшских военно-морских сил. Дали имя «Полковник Дума». Имелся в запасе у послушных историков такой персонаж трехсотлетней давности. В прежние годы он считался личностью темной, замешанной в разбойных делах, но недавно был «почищен от пыли», «вытащен на свет» и объявлен борцом за независимость. (В Лицее даже висел его портрет — рядом с настоящими знаменитостями.)

Вскоре нашлось для флагмана дело. Он отправился в залив к Тарханайской косе, для демонстрации нюшской силы и моци. Империя, разумеется, заявила протест. НЮШ, однако, заявил, в свою очередь, что Тарханайская коса и залив являются его, НЮШа, законной территорией и акваторией. Империя пригрозила прислать сюда свои ракетные катера. НЮШ завопил об агрессии великой державы против маленькой гордой страны и даже выпалил из башенного орудия по рыбачьим катерам и шаландам, стоявшим в гавани у начала косы. Пришлось рыбакам уводить свой маломерный флот в обход Маячного мыса в лиманы. Выходить в залив рыбачьи артели теперь не решались. Командир «Полковника Думы» предупредил, что «любое, даже самое мелкое судно, если оно не несет на себе нюшского флага, будет расстреливаться, как шпионское». Рыбаки поднимать нюшские флаги не хотели (а если бы и захотели, где их

возьмешь?). Зато крейсер был увешан этими флагами от кормы до форштевня. Над башнями, на всех стеньгах, у гафелей и реев колыхались полотнища, разделенные на две горизонтальные половинки — морковно-оранжевого и салатного цветов. Посреди каждого флага красовалось изображение чешуйчатого початка в розетке из кукурузных листьев. Рыбаки утверждали, что это не початок, а... впрочем, речь не о том.

Два государства, которые недавно состояли в «нерасторжимом родственном союзе», объявили о разрыве дипломатических отношений. Это случилось через неделю после приезда Марко в Фонари. («Видишь, что ты натворил!» — хмыкая, сказал ему Слон. Тот изобразил виноватого первоклассника: «Я больше не буду...»). Шутки шутками, а рыбачить в лиманах — не то, что в заливе: ловилась на мелководье лишь «всякая тюлька». Крейсер почти все дружно ненавидели. «Почти» — потому что попадались в Фонарях и сторонники нюшской власти. Однажды на эту тему в школьном коридоре заспорили два девятиклассника. Дело дошло до оскорблений государственной символики.

— Ваш имперский лев — не лев, а дохлый кот с живодерни! — заявил один.

— Возьми кукурузину с вашего флага и засунь себе в... — посоветовал другой.

Разодрались. Появился директор. Взял рослых «политиков» за воротники и отвел к себе в кабинет.

— Сейчас велю тете Зоре принести «тараскины слезы» и выдеру. В присутствии завуча и классных старост.

— Не имеете права, — пискнул тот, что посмелее.

— Сейчас посмотрим... Тетя Зоря!

— Мы больше не будем! — спохватился тот, что поумнее.

— Не будут они... Политики народ мутят, чтобы делать себе карьеру! А вам-то что надо? На одной улице

живете, один мяч гоняете, в одной артели с отцами на ловлю ходите! Чего не поделили? Брысь!.. Если еще раз узнаю, не сядете на лавки до выпускных экзаменов...

В тот же день было объявлено по всем классам, чтобы никто из школьников не думал соваться во всякие свары и конфликты по поводу спорных территорий. И чтобы близко не подходили к вооруженным людям — ни к забредающим сюда изредка имперским десантникам, ни к матросам, что иногда высаживались с крейсера для разведки, ни к темнокожим парням в голубых касках и белых портупеях. Парни эти были из Организации международного надзора и присланы в район конфликта не то Советом безопасности, не то каким-то «Миротворческим союзом». Впрочем, они повторчали тут совсем недолго и тихо исчезли.

А крейсер «Полковник Дума» не исчез...

Решение школьного начальства одобрили все жители Фонарей. Потому что, по правде говоря, им до лампочки была всякая власть. За последние два века кого только не повидали обитатели здешнего края! Казаков и французов, гайдамаков и англичан, греков и немцев, имперских колонистов и китайских бизнесменов. Каждый норовил что-то урвать для себя. И плевать им было на тех, кто с давних пор обживал эти места...

В самих жителях, кстати, было понамешано крови всяких народов — начиная от потомков Одиссея и кончая северными переселенцами прошлого века...

Кое у кого зрила идея: не подать ли прошение о вступлении в Союз вольных городов, где главным был знаменитый приморский Льчевск. Чтобы ни Империя, ни Штаты больше не лезли со своими претензиями. Беда только, что ни Фонари, ни другие поселки Южного края не тянули на то, чтобы считаться полноценными городами...

Империя не хотела отдавать залив и косу НЮШу, но и драться за такие мелочи не хотела: ей хватало других проблем. Например споры с Америкой, которая помышляла объявить своей собственностью лунные территории (совсем охамел беспринципный, свихнувшийся от жадности Запад!). И Фонари оказались в блокаде. Правда, продукты в лавках не исчезали окончательно, кое-какие лекарства в местной аптеке и больнице еще были, но телевизоры работали через пень-колоду, а телефонная связь прервалась вовсе. НЮШ блокировал ретрансляторы сотовых компаний и спутниковые станции, отключил кабели...

Так что ждать весточки от Юнки не приходилось.

И еще одно поганое обстоятельство. Имперское министерство просвещения в своей далекой столице взяло себе в голову, что учиться в таких условиях детям Южного края рискованно, и объявило перерыв занятий на две недели. А школа в Фонарях подчинялась как раз этому министерству. Потом, правда, чиновники сообразили, какую сделали дурь, но конец учебного года оттянулся до середины июня. Поэтому Марко и ходил до сих пор на уроки. Со своим привычным стареньким ранцем...

Легонький ранец подпрыгивал на спине, когда Марко скакал с уступа на уступ. Скакнет, остановится, послушает тишину. В тишину вплетался еле слышный шорох маленьких волн — снизу. И стрекот цикад — сверху, с подступавших к обрыву травяных пустошей. Покрикивали чайки, но их голоса были как бы отдельными от тишины, не задевали ее. Иногда начинал дышать ветерок — покачивал редкие, проросшие из каменных щелей бледно-синие цветки цикория.

Марко прыгнул на тесную ракушечную площадку и решил передохнуть еще разок. Конец пути был уже не-

далеко. Марко встал прямо, взялся за впрессованный в камни мраморный кругляш. Толстенный. Похоже, что это был обломок древней колонны. Марко обвел глазами синее пространство. «Полковник Дума» торчал в этом пространстве, как сизый набухший чирий. Марко плюнул. В этот же миг у башенного орудия крейсера вспух синий дым. Что это?.. Марко заморгал. И моргал секунд пять, а потом тугой грохот встряхнул весь мир. И сразу еще один грохот — с визгом и металлическим треском. На ракушечном отвесе метрах в ста от Марко взметнулось черное каменное дерево. Над головой свистнуло...

«Это что?! Это — по мне?! Потому что я плюнул?!
Психи!..»

Никогда Марко не видел так близко снарядных разрывов. То есть вообще не видел в жизни, только в кино... Он обмер, и мысли разлетелись на осколки. И не было времени собрать их, потому что новый орудийный удар и — сразу же — еще один взрыв сотрясли море и берег.

Голова у Марко будто отключилась, но тело, руки, ноги действовали. Сами по себе. Недалеко от мраморного кругляка была в ракушечнике широкая щель. Как раз такая, чтобы щуплый мальчишка мог втиснуться и замереть в этом убежище. Именно убежище, потому что со стороны моря щель прикрывал похожий на узкое крыло выступ.

Да разве он спасет от снаряда!

Сердце колотилось не в груди, а где-то у горла. И кажется, текли слезы. Но выстрелов больше не было. Осколки мыслей... не то чтобы склеились, но начали проявлять себя.

«Неужели правда по мне? За что? Разглядели в трубу, что я плюнул на них? Бред какой!.. Из пушки по воробьям... Как в киношной песенке: «Если рядом воробей, мы наводим пушку...» Гады паршивые... Будут еще стрелять или кончили?.. Может, началась на-

стоящая война? Тогда почему палят по обрыву, а не по улицам?.. Что же делать?.. Сидеть до ночи или рвануть вперед?..» Все жилки тряслись в Марко, и казалось, что камни отвечают мелкой дрожью.

Марко попытался вспомнить какую-нибудь молитву. Да он и знал-то всего две: «Отче наш» и еще вот эту... «Богородице Дево радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобою...» Ее порой шептала мама — когда вспоминала отца и когда думала, что рядом никого нет... И Марко в столице шептал ее, когда вспоминал маму. И в то воскресенье, когда тетя Даша уговорила сходить с ней на церковную службу, в храм на площади Трех князей... Марко не очень-то хотелось идти, но он послушался. И, чтобы настроить себя, как надо, шел и шептал и думал о маме... А службы не получилось. Получилась драка. Две толпы верующих заспорили, кому принадлежит храм. Имперской церкви или той, что обрела самостоятельность в НЮШе? Мелькали кулаки и раскрытые черные рты. Марко видел, как старый священник на высоких ступенях поднимал медный крест и что-то говорил. Кажется, что у храма Божьего один владетель — Иисус Христос. Так, по крайней мере, на миг послышалось Марко. Тетя Даша ухватила племянника за плечи и быстро увлекла прочь.

— Господи, что же это делается на белом свете...

Ее модные сережки перепуганно качались над плечами, с ресниц текла темная краска. А у Марко мелькнуло: «Если даже храм не могут поделить, как поделят земли и страны?»...

«Богородица Дево радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобою...» И дальше своими словами: «Помоги вернуться домой. Потому что, если не вернусь, что будет с мамой?...»

В самом деле, *что с ней будет!* Эта мысль ударила сорвавшейся пружиной, и была она сильнее страха за

себя. Рванула Марко вперед. Он помчался по каменным выступам, перелетая глубоченные провалы. Они как бы ухали под ним, но ухали с опозданием, когда он летел уже в другом месте. И уже не боялся!

«Ну и стреляйте, сволочи! Все равно не попадете! Ржавое корыто! Шакалы!..»

На полной скорости он добрался до места, где ударили первый снаряд. Взрывом выворотило в отвесе целую пещеру. Казалось, что камни горячие. Пахло окалиной и едкой кислотой. Видимо, это был запах сгоревшей взрывчатки. Обожгло ступни...

Марко не сбавил хода. И скоро оказался там, где грохнул второй разрыв. Видимо, этот снаряд был посильнее. Разворотил каменные слои не в пример первому. Целая скала отошла от родного берега пластом и торчала теперь отдельной плоской башней. Между ней и отвесом открылся проход. Он давал ощущение безопасности, пусть хотя бы минутной. Марко на всей скорости влетел в эту широченную щель. Под ногами чернела пустота, но отовсюду торчали камни, можно было ступать по ним.

Запах взрыва остался снаружи. Здесь пахло влажным ракушечником и почему-то глиной, хотя ее не было видно. Впрочем, что значит «видно»? В таком-то сумраке. Лишь через минуту Марко стал различать рельеф обступивших его каменных стен. Очень синее небо светило сверху, и воздух здесь казался голубоватым. Виднелись глыбы спрессованных ракушек, черепки и окаменелые корни. Марко ступал осторожно: а то сорвется под ногой камень и улетишь в узкую черноту. И фиг выберешься... А еще был страх, что отколовшийся монолит может качнуться назад, и тогда кто найдет Марко (или то, что от него останется)? Это даже страшнее взрыва...

Но выход был уже рядом. Яркий день светился впереди, между великанских каменных ладоней. Марко

рванулся к свету и... на границе сумрака и дня его ждало открытие.

Такое, что он даже позабыл о крейсере. Вернее, страх этот сдвинулся далеко назад.

Взрыв отворотил и сбросил к морю двухметровую глыбу, а под ней открылись беловато-серые известняковые бруски. Явно обтесанные человеком. Два бруска образовали горизонтальный выступ. Между ними был промежуток шириной в кирпич. Его заполняли ракушечная крошка и похожая на цемент спрессованная пыль.

Из пыли торчала крохотная коричневая нога с босой ступней...

Осторожно-осторожно, мизинчиком, расчистил Марко пыль вокруг ножки. Все шире, шире. Открылась еще одна, только отбитая ниже колена («Бедняжка...» — мелькнуло у Марко). Он стал расчищать дальше и скоро взял пальчиками куколку из твердой коричневой глины, которая называется, кажется, терракота. Вернее, это была не куколка, а статуэтка. Ростом чуть побольше мальчишкой ладони.

Похоже, что когда-то она стояла на той ноге, которая потом откололась и пропала вместе с подставкой. А другую, уцелевшую, фигурка подогнула — то ли в танце, то ли в игре... А руки развела и согнула в локтях. То есть одной руки, правой, не было, как и ноги — отколота пониже локтя. А левая — сжата в кулак. Были различимы тоненькие пальцы, а на большом пальце — даже крохотный ноготок.

И почти не было головы. На вытянутой шее сохранился лишь подбородок и половинка левой щеки с малюсенькой мочкой уха.

«Девочка...»

Она была в коротенькой юбке, прижатой спереди к телу порывом ветра и разлетевшейся по бокам. Че-

рез правое плечо от юбки перекидывалась широкая лямка.

Несмотря на все увечья, девочка не казалась изуродованной. В ней чудилось живое движенье. Страшный удар, лишивший ее головы, руки и ноги, это движение не остановил. Понятно было, что удар случился давно и крейсер здесь ни при чем. Но все же Марко быстро глянул на него через плечо: «Бандиты...»

Однако на бандитов было теперь наплевать. А девочка... Марко вдруг почувствовал, будто под ладонями у него снова тонкое Юнкино плечо. Он сказал одними губами: «Это ведь было давно. Теперь уже не болит, да?» А чтобы унять в ней последние остатки боли, он взял девочку на левую ладонь, а правой накрыл ее. И... проснулись щекочущие струнки...

Марко вытащил из кармана широкий носовой платок. Чистый. Марко никогда не пользовался им, носил просто так, на всякий случай. Очень аккуратно он завернул девочку, уложил в ранец. Решил, что рассмотрит как следует дома. А оставаться здесь лишнюю минуту... Кто его знает, что опять взбредет в голову «Полковнику Думе»...

В пыли, где недавно лежала девочка, остался отчетливый отпечаток.

Очень скоро Марко добрался до ступенек, ведущих наверх. И через две минуты уже мчался по Почтовому переулку. Когда заборы закрыли от Марко часть залива с крейсером, улетучились из него и остатки боязни. Видимо, кончились запасы страха. Осталось только ощущение подвига и приключения. Известно ведь, что приключения — это ужасы, о которых потом интересно вспоминать.

У входа в крохотную кафешку «Шаланда» стояли четверо мужчин в рыбачьих вязанных безрукавках. Обсуждали недавнюю пальбу. Марко тормознул рядом с ними:

— Вы не знаете, зачем эти идиоты палили?

В Фонарях не считалось невежливым, если хлопец вмешивается во взрослую беседу. Спрашивает человек — надо ответить:

— Они передали флагманом сводом и через радио маяка, что это, мол, предупреждение. Ответ на... как это... на оскорбительные выпады местного населения...

— А... какие выпады?

«Ох, неужели и правда из-за моего плевка?»

— А хрен их знает, психованных... — сказал пожилой рыбак с белой щетиной.

На почте было безлюдно и пахло пеньковым шпагатом. Знакомая заведующая тетя Тамара сказала:

— Носитесь по улицам, когда с моря стрельба. Нет на вас угомона...

— Это из-за меня стрельба. Я в них плонул, а они в ответ...

— Мели, Емеля, что восемь дней в неделе... Ну, что у тебя?

— Письмо отправить. Вот...

Тетя Тамара взяла двойную открытку. Не задала вопросов. Работникам почты не положено проявлять лишний интерес к чужой переписке. Только сказала:

— Вложи в настоящий конверт. А то здесь марка нюшкина, придерутся где-нибудь...

— У меня на конверт денег нет.

— Потом отдашь... Вот, пиши...

Марко старательно вывел адрес на белом конверте с имперской маркой (портрет регента), сунул в него открытку матроса Володи. Заклеил клапан языком. Тетя Тамара бросила письмо в мешок с печатью. Марко крутнулся на пятке.

— Добро вашей хате! — И выскоцил в солнечный день. В такой, где, казалось бы, никогда не должно быть никакой стрельбы.

«СТОЙ-ЗАМРИ!..»

С Баркасного переулка Марко повернул к себе на Маячную.

Маячная улица была прямая, с рядами высоченных острых тополей. Между тополями, далеко в синеве залива, был виден маяк — тот, что на конце Тарханайской косы. Красно-белый, похожий на праздничную свечку... В нынешнее блокадное время маяк не включался («Полковник Дума» пригрозил разнести его в пыль). Но смотритель маяка дед Казимир и его жена бабка Лизавета продолжали жить там. Сказали: «Это наша служба, здесь и помрем...» С крейсера попытались высадить на маяк своих людей, но их попер подвернувшись к месту патруль международных сил.

В середине квартала торчала водопроводная колонка. У колонки была натоптана кремнистая площадка с редкими травинками. На площадке Марко увидел знакомых ребят. Ближе всех находился пятиклассник Фимка Левада по прозвищу Кранец.

То есть не находился он, а на всех парах мчался от ребят в сторону Марко. Видать, что-то опять с ним произошло.

Кранец был круглощекий и грузноватый. Никакой, конечно, не бегун и не прыгун. Отсюда и прозвище. Известно, что кранцами называют набитые ветошью мешки или плетенные из троса груши, которые при швартовке спускают между бортом и причалом.

Правда, Кранец — это была лишь половинка прозвища. А полное — Кранец-Померанец.

У кранцев не бывает широченных розовых ушей, а у Фимки были. Такие, что буквально полоскались на ветру. Одноклассница Марко — язвительная Мирослава Тотойко (попросту Славка) — однажды сказала, что уши Левады в точности, как полыхающие цветы померанца.

Никто в Фонарях (и сама Славка тоже) этих цветов не видели и не знали, какой они раскраски и формы. Но прозвище приклеилось, потому что очень уж в рифму.

Кранец слегка пообижался, а потом привык.

Он был неудачник. Чаще других падал с деревьев и заборов, ухитрялся каждый год наступать на ядовитую рыбку дракончика, то и дело рвал штаны среди береговых камней и попадался на неумелом вранье. А расплачивался ушами... Родители всегда были заняты — отец в рыбачьем экипаже, мать в киоске на поселковом рынке. Дома хозяйничала похожая на высохшую акацию мамкина сестра — тетка Ганна. Как пронюхает, что племянник в чем-то виноват, — хвать за оба уха костяными пальцами.

— Ой, ну чего ты опять! Я же ничего... Я нечаянно...
Ой, ну больно же! А-а-а!...

— А вот и славно, что больно... Для того и дерут. Для ума-разума...

Это разносилось по улице из открытых окошек.

После воспитательной процедуры уши Кранца становились очень тонкими и прозрачными. Казалось, что сквозь них можно смотреть на солнце, как сквозь альную полиэтиленовую пленку (солнце при этом выглядело спелым помидором).

Кранцу сочувствовали. Но порой и досада брала от его неуклюжести. И если собирали футбольную команду, Фимку старались записать в запасные, а когда на лодке отправлялись рыбачить в ближнем лимане, сажали впередсмотрящим на носу («А то, как в прошлый раз: взял весло — и пополам... Ну и что же, что в камнях застряло? Ни у кого не застrevает, а у тебя...»).

При вылазках в соседские сады Кранец-Померанец попадался чаще других.

«А ну, стой!.. Ишь какие ухи удобные, как ручки чемодана....»

А дальше — по известному порядку:

— Ну, а теперь неси, что следует, раз попался...

И бредет несчастный Померанец в дальний край сада, наматывает на ладонь лопуховый лист, дергает от забора крапивный стебель и, тяжко дыша, несет хозяйке. Казалось бы, когда отпустили и следом не идут, можно и рвануть через плетень, большой ловкости не надо. Но... будешь «хихила». Есть с давних времен в Фонарях закон: лазаешь по садам — лазай на здоровье, но если угодил в лапы хозяину и в первый момент вырваться не сумел — не дергайся больше. Теперь ты пленник, пока не получишь по заслугам. Это как правила игры, в которой жульничать запрещено. Иначе:

Хихила-бахила,
Штаны замочила!.. —

будет кричать на улице даже замурзанная пятилетняя малышня...

— Принес? Ну-кась, стой смирно...

— Ай!..

— Не танцуй! А то еще не так...

Конечно же, все это давно известная игра. Прокаленные вечным солнцем ребячью икры не чувствительны к безобидным укусам. Да и хозяйка или хозяин сада — они ведь не злыдни, а люди понимающие: помнят себя в школьные годы. Поэтому притворно-жалобные вскрики пленника — тоже правило игры.

— Уй-я! Больше не буду!..

— Смотри у меня. А ежели поймаю снова, спущу штаны да сорву «тараскины слезы»...

Ну, это уже так, для испуга. По правде-то никто их не сорвет...

Высокая, как бурьян, пыльно-серая, с шипами на тонких листьях трава «тараскины слезы» известна в

здесьных местах каждому. Она злее обычной крапивы в тыщу раз: как черные осы по сравнению с комарами. Грозить ею, конечно, можно, однако в ход пускать не смеет никто — ни зловредные взрослые, ни самые коварные мальчишки и девчонки... В давние-давние времена бытовал в здесьных краях обычай учить малолетних «тарасок» с помощью этой травы уму-разуму и послушанию. Натерпелись бедняги. После такой науки целую неделю ни на лодочной банке грести невозможно, ни на школьной лавке слушать учителя, ни дома на табуретке борщ хлебать... Но однажды, в годы, которые называются «Революция» (толком никто уже про них не помнит), пришел на Тарханайскую косу то ли конный полк, то ли эскадрон. С разноцветными лентами на папахах. С веселым усатым дядькой во главе (звали его иногда «товарищ комэск, иногда «батько Мирон», а иногда «пан Лебеда»). Пан товарищ Лебеда собрал на площади рыбаков и селян и объявил, что старой власти, где «императоры, гетманы и прочие кровососы», полный храпéц и надо выбрать для народного правления свой справедливый совет. Народу что? Он всегда готов. Выбрали... Но в толпе нашлись несколько бойких рыбацких сыновей и внуков, закричали: почему это справедливость лишь для взрослых? Ребячий совет нужен тоже! Долой взрослое самодержавие!

Пан товарищ Лебеда (он же батько Мирон) отнесся к этим крикам с пониманием. Да, мол, нужен и такой совет, потому что дети — будущее свободного мира. И совет выбрали. И он принял много справедливых законов. Одним из первых был закон, запрещающий на веки вечные использовать «тараскины слезы» для воспитательных дел. Товарищ комэск Лебеда добавил от себя, что каждый, кто этот закон нарушит, будет повешен за ноги на сухом каштане перед поселковой управой или расстрелян в Тухулоей балке тупыми пулями из

трофейного американского пулемета «Крокодайл-Гочкис» (по выбору осужденного)...

Проходили времена, менялись власти и разноцветные ленты на папахах, шлемах и фуражках, менялись законы. Однако запрета на зловредную траву никто не отменял. Наверно, сидела в сознании (или в подсознании) память о батьке Мироне с тупорылым трофейным пулеметом (кое-кто поговаривал, что он вовсе и не стреляет, но поговаривал с опаской). Интересно, что даже местные полицаи во время немецкого нашествия закон этот нарушать не смели. Данный факт говорит о том, что есть на свете незыблемые понятия и правила...

Да, но почему Кранец-Померанец нынче спасался бегством? И не от сердитой хозяйки сада, и не от тетушки Ганны, а от своих приятелей-соседей?

Марко открыл рот, чтобы крикнуть: «Кранец, ты куда?» Но от ребят долетел тонкий вопль Славки Тоттойко:

— Кранец! Стой-замри, или лопнут пузыри!

Это было заклинание. Тоже давнее. Тоже как закон. Почему его надо слушаться и что за пузыри могут лопнуть у нарушителя, никто не знал. Но слушались всегда. Иначе ты совсем трус, или кругом в чем-то виноватый, или вообще «не с нашей улицы». И тогда конечно:

Хихила, хихила,
Гнилая баихала!
В болото упала,
Г-м провоняла...

Кому захочется такого? Стать «хихилой» можно в один момент, а отскребать себя потом от этого звания ох как непросто...

Впрочем, почти у каждого из ребят против «стой-замри» была защита. Марко знал, что есть она и у Кранца. Почему же Кранец будто споткнулся, замер?

Ну, конечно, от неожиданности! Он же растяпа, сразу не вспомнил! Однако через две секунды сообразил. Встал одним плечом к Марко, другим к ребятам, выпятил живот, сунул руки в карманы широких, полосатых, как матрац, штанов.

— Ну, фига ли клеитесь?

Джольчик из кармашка —
От всего отмашка!

Джольчик и правда был талисманом от всяких заклинашек, запретов и приставалок.

Все сошлись вокруг Померанца.

С Марко поздоровались мельком — кто взглядел, кто быстрой улыбкой, кто коротеньким «здар...». А центром внимания был Кранец-Померанец. Его уши возмущенно полыхали. Он, кажется, готов был сказать гневную речь. Славка его опередила:

— Врешь ты, Фимочка! Нету у тебя джольчика... — Тощая, с тонкой шеей, она ехидно и непримиримо смотрела на Кранца сквозь белые прядки на лице.

— Есть!.. — Кранец отчаянно зашарил в кармане, портки перекосились так, что одна штанина съехала до лодыжки, а другая задралась выше колена. — Вот! — Он вытащил на свет граненую пробку от одеколона, та за сверкала.

Славка растянула губки в тонкую улыбку.

— Это просто стекляшка. А твоего джольчика у тебя нету...

Кранец замигал и запыхтел:

— Докажи...

— Вот и докажу... — Славка задрала на животе длинную мальчишечью футболку (рыжую с черным пиратским портретом). Под футболкой была модная джинсовая юбочка с мундирными пуговицами и карманом у

пояса. Из кармана Славка извлекла двумя пальчиками такую же, как у Кранца, пробку. — Смотрите, здесь приметка, скол на кончике...

Все вытянули шеи. Посмотрели на пробку, потом на Кранца. Тот глядел на свои растоптанные кроссовки и пыхтел все сильнее.

— Ну? Будешь отпираться? — с беспощадной ласковостью спросила Славка и отдула от губ невесомую прядку.

И все смотрели на Кранца-Померанца с тем же вопросом.

Разные были здесь люди. Кроме Славки и Кранца, два приятеля — деловитый коренастый Топка и непоседа-вьюн Пиксель (тоже из шестого класса), маленький коричневый Икира; круглая, как полнолуние, и всегда невозмутимая Галка Череда (Славкина подружка, пятиклассница), любопытный и неумытый четвероклассник Матвейка Кудряш... Да, разные, но про одно знали они одинаково: нельзя клясться фальшивым джольчиком. Так поступают лишь окончательные хихилы...

— Н-ну? — снова сказала Славка.

Было похоже, что Кранец сейчас заревет.

— А чего... — выдохнул он. — Я это... пошутил...

— Шуточки у тебя, Померанец, — хмыкнула Славка. Похоже, что с облегчением. — А теперь скажи всем, где потерял настоящий джольчик? Вот этот...

— Я, что ли, знаю? — буркнул Кранец.

— Небось догадаешься, если подумаешь, — заметила круглая Галка.

— Чего думать-то...

— А потерял он его в саду у бабки Лександры, — со сдержанным торжеством сообщила Славка. — Лазал туда попробовать первый урожай черешни...

— Ну и что? Он один, что ли, лазал? — рассудил справедливый Икира. — Отдай ему джольчик, Миро-слава...

— Другие, кто лазали, посуду у бабки не били, — возразила Славка. — А Померанец не только все банки у нее расколотил, а еще и расписную макитру грохнул. Она эту макитру в прошлом году на ярмарке в Камышах купила. Радовалась, какая разноцветная посудина. Для нее это чуть ли не главное счастье в жизни было — поставит перед собой и шепчет: «Я же ще такой радуги нигде больше не бачив...» А он...

— Я нарочно, что ли? — плаксиво взвыл Кранец. — Я не знал даже!..

— Да что случилось-то? Объясните по-понятному! — встрял любопытный Кудряш.

Тогда Славка неторопливо и с подробностями принялась рассказывать.

Сегодня утром бестолковый и бессовестный Померанец (прогуливая, кстати, уроки) забрался к бабке на участок и начал, чмокая, лакомиться ранней черешней. Бабка усмотрела это безобразие из окошка. Завопила и, растопырив костлявые руки, бросилась за нахалом и обжорой. Кранцу на этот раз повезло. Хоть и был неповоротлив, а сумел увернуться от хозяйкиных лап и кинулся к плетню. Перемахнул и брякнулся на той стороне, как мешок с кукурузой (это Славка так сказала: «мешок с кукурузой»; Кранец хотел было ответить «сама такая», но счел за лучшее промолчать). И все бы хорошо, но во время бегства Кранец попал ногой на валившуюся в траве доску. А доска серединой своей лежала почему-то на полене. Ее конец подлетел и ударил по лавке, на которой сохла пирамида банок для солений-варений. Банки взлетели, как от взрыва гранаты. Что от них там осталось, можно представить... Мало

того! Большая банка по дуге ушла к табурету, где стояла бабкина радость — ведерная посудина с пестрыми узорами, петухами и мальвами на лаково-оранжевых боках. Была посудина — сделались черепки...

Бабка Лександра стенала полдня. Ее причитания услышала вернувшаяся с уроков Славка — она жила по соседству. Славка всегда жалела бабку Лександру. Та была вредновата, но ведь не от хорошей жизни. Коротала свой век одна, дети давно разъехались, муж утонул десять лет назад на рыбалке (тогда несколько человек погибли во время шторма). Славка попыталась, как могла, утешить бабку. Помогла собрать опасную стеклянную россыпь и нашла среди осколков граненую пробку. Очень даже знакомую... Заодно Славка выслушала рассказ о малолетнем налетчике.

— Сгоряча-то не разглядела, как надо. Помню только, что задница широкая, да штаны полосаты...

«Ясно, чья задница, — подумала Славка. — А в школе будет врать, что лежал дома с больным животом...» Она не стала выдавать злодея, но и спускать ему такое бесчинство не хотела. Увидав Кранца бредущим по улице, велела:

— Иди сюда, прогульщик.

А Кранец вдруг, будто вспомнил про какое-то срочное дело, и ударился в бега.

Дальнейшее известно...

Подошел старший во всей «маячной» компании — Слон. Взъерошил пятерней кудлатую голову Икиры, положил ему растопыренные ладони на коричневые плечи. Икира улыбнулся, запрокинув лицо, теменем прижался к обтянутой тельняшкою груди Слона. Слон стал слушать Славкин рассказ, вникать в события. Все наконец повернулись к нему: что скажет самый авторитетный и рассудительный из собравшихся?

Слон сказал:

— Ну, дела в таверне «Рыжий кит»... Славка, ты отдашь ему джольчик-то... А ты, Померанец, больше так не мудри. Джольчики вранья не любят, понимать надо...

— Я не... то есть да... то есть не буду... — Кранец запыхтел с облегчением.

Но Славка безжалостно сказала:

— Не отдам. Пусть сначала пойдет к Лександре Панасьевне и попросит прощения.

Это решение, однако, ни у кого не нашло понимания. Даже круглая Галка Череда возразила подружке:

— Это же тебе не школа: «Марья Гавриловна, прости, я больше не буду на уроке хрюкать...»

А Слон рассудил:

— Ну, пойдет, ну попросит... Простит она его сразу или сперва взреет, какой толк? Посуду все равно не вернешь...

— Да соберу я ей другие банки, — надуто пообещал Кранец. — Только на двор не понесу, оставлю в мешке у калитки. А то опять за ухи... Или узнает меня, тетке Ганне настучит, а та опять же за ухи... Сил уже нету...

— А макитра? — Славка ехидно склонила голову к плечу. — Ты ее что, по кусочкам склеишь? Или где-то украдешь такую же?

— Дура... — сказал Кранец.

— Может, я и дура, а...

— Славка, уймись, — велел Слон. — Чего ты вертишься, как голой ж...й на муравейнике...

— Хулиган, — с достоинством заметила Славка.

Слон продолжал:

— У меня дома есть такая посудина, только гладкая. Вот если бы кто-то расписал...

— Мы распишем! — тут же взвились Пиксель и Топка. Они готовы были разрисовывать все что угодно: страницы в дневниках, асфальт на автостанции, побеленные заборы и воздушных змеев, которых запускали

на склонах Фонарного холма. В школьном коридоре они расписали стену картинами подводного царства. Директор Юрий Юрьевич объявил им благодарность — за художественное мастерство — и поставил двойки по поведению — за то, что рисовали без спросу. Правда, назавтра двойки отменил...

— Мы ей таких петухов намалюем, хоть на выставку! — вертляво пообещал Пиксель.

— Ну и отбой авралу, — подвел итог Слон. — Славка, отдай джольчика Померанцу.

Славка сердито сунула Кранцу пробку и вдруг повернулась к Марко.

— А ты...

— А что я? — сразу ощетинился Марко. Почуял, что Славке мало разборки с Кранцем, хочется чего-то еще. — Я банок не бил и в сад не лазил... — Потом добавил игриво, чтобы задавить в себе шевельнувшуюся досаду: — И вообще я весь хороший... только голодный с самого утра...

Круглая Галка тут же передернула с бока на живот холщовую сумку с отпечатанным на ней фрегатом «Херсонес». Она всегда ходила с этой торбочкой через плечо, потому что была вся из себя такая хозяйственная. Достала посыпанную сахарной пудрой плюшку:

— На...

Марко без церемоний вцепился в плюшку зубами. Она была немного черствая, но все равно уж-жасно аппетитная...

— Галка, спасибо, а то чуть не помер... — И глянул на Славку: «А тебе-то чего от меня надо?»

Та опять наклонила к плечу голову, сквозь белобрысые прядки воткнула в Марко непонятные глаза. Кошачьи какие-то. Не поймешь — то ли зеленые, то ли желтые, то ли табачного цвета... «До чего вредная...» — подумал Марко. Без особой, впрочем, сердитости.

Славка сладким голосом спросила:

— А почему ты, Маркуша, не принес вчера на Камни книжку «Привидение в старой гавани»? Сам обещал, а сам...

На пустыре за домом Слона лежали несколько глыб ракушечника, это место и называлось «Камни». Здешняя компания иногда собиралась на Камнях, чтобы поболтать или почитать какую-нибудь книжку про всякие таинственные дела. Сейчас, когда почти не работали телевизоры, это случалось особенно часто.

— Я же сказал: принесу, если найду! А раз не нашел... Евгения дала ее кому-то в своем классе...

— Забыл, наверно, а теперь Евгения виновата, — непримиримо заявила Славка.

— Мирослава, чего ты вяжешься к человеку, — тормознул ее Слон.

— Да... — Марко облизал с губ крошки от плюшки. — Ладно, я пошел. Всем салют...

— Стой-замри! — вдруг велела Славка.

МАРКО РАССКАЗЫВАЕТ...

Марко замер на миг. Потом заулыбался:

— А вот фиг тебе. У меня джольчик...

— А вот и врешь! Все знают, что старый джольчик ты поселял в столице. А новым не обзавелся! — кошачьи глаза смотрели, как сквозь белую траву, будто из засады...

— А вот и обзавелся! — Марко вытащил из кармана и положил на ладонь медаль с морским коньком. — Гляди!

Все опять вытянули шеи.

— Пфы! — моментально отозвалась Славка. — Это сувенирная бляшка из киоска!

— Сама ты!.. Мне ее один матрос подарил. За то, что я ему помог... В одном деле... — Марко понял, что чуть не разболтал секрет. Прикусил язык.

— Что за матрос? — тут же подпрыгнул любопытный Кудряш.

— В каком деле? — сунулся и осмелевший Кранец.

— Мало ли в каком... — помрачнел Марко. — Это наши дела, не для всякого...

— Контрабанду, что ли, помогал переправить? — хмыкнул Слон.

Пришлось объяснить:

— Никакую не контрабанду, а письмо... Он сам не мог, потому что... очень торопился. Вот я и отнес на почту. Это его матери, чтобы не волновалась... Если не верите, спросите у тети Тамары...

Кажется, ему поверили. Но Славка тут же сказала:

— Ха, отнес письмо? Подумаешь, геройство! И за это — джольчик?!

Отступать было некуда.

— Смотря как отнести! Пришлось лезть по обрывам. Больше мили... А почему, не скажу. Так было надо.

То, что «пришлось лезть» из-за собственной дурости, Марко объяснить не стал. Пусть гадают, какая была причина.

Слон прошелся по Марко глазами (по мятой рубахе, по царапинам и коленям со следами ракушечной пыли) и заметил:

— Похоже, что правда... А давно это было?

— Только что! Ну, с час назад...

У Слона подпрыгнули белесые брови, а Славка торжествующе завопила:

— Ух и врешь! В это время по обрывам с крейсера из пушек палили! Сам знаешь! Сунуться было нельзя нис-колечко! А кто сунулся, тот бы помер с перепуга!

Марко всех обвел взглядом. Теперь, кажется, не верил никто. И, стараясь говорить невозмутимо, он объяснил:

— А я сунулся. И не помер... Я же не знал, что будут стрелять. А снаряды ложились далеко. Я переждал, а потом уж перешел через это место... Там так противно воняет взрывчаткой, будто кислятиной...

Икира вдруг тихонько спросил:

— Страшно было?

— До обалдения, — без хитрости сказал Марко и опять ощутил запах снарядной начинки.

Похоже, что на этот раз все снова поверили. Но опять же, кроме Славки.

— Врешь, — небрежно заявила она, глядя поверх головы Марко.

Ну, что с ней было делать?

— Не вру. Вот... — Марко глазами отыскал за тополями блестящий церковный крест, расправил плечи и перекрестился на него.

Но и это не убедило Славку.

— Не считается. На тебе ведь нету крестика...

Это правда, крестик Марко не носил, как-то не привык. Но...

— Я же все равно крещеный! При рождении!

— Не считается, — снова сказала Славка.

Тогда Марко взглянул на Икиру. Тот все еще стоял впереди Слона, прижимался к нему спиной. И смотрел на Марко с пониманием.

— Икира! Вру я или нет?

Здесь надо сказать про Икиру.

Это был тощенький третьеклассник с лиловыми, как сливы, глазами. Серьезный такой. Вообще-то звали его Иванко Месяц, но это лишь для школьного списка. А для всех в поселке он был Икиром.

Те, кто не знает, могут подумать, что это японское имя. А на самом деле все проще. В Фонарях и в окрестностях растет у заборов и на обочинах мелкая травка с таким названием. С крохотными, как маковые зернышки, лиловыми цветами, с мелкими листиками. У нее слабый горчичный запах. Листики по форме напоминают брусличные, но по цвету отличаются. С изнанки — серовато-зеленые с бурыми пятнышками, а с лицевой стороны — блестяще-коричневые. Вот таким коричневым (гораздо темнее других здешних пацанов) был Иванко. Отсюда и прозвище.

Волосы Икиры, если бы они, как у всех «фонарских» ребят, не выгорали на солнце, выглядели бы, наверно, рыжевато-русыми. Но догадаться об этом можно было лишь случайно — когда из-под отросших локонов появлялась на свет уцелевшая от южных лучей прядка. А так вся его «плохматость» была как у остальных — цвета очень светлой шлюпочной конопатки...

Из всей одежды Икира признавал только парусиновые шортики. Правда, были они всегда отглажены и сверкали такой рафинадной белизной, что на солнце слепили глаза. Да, было еще ожерелье-джольчик — из древних стеклянных бусинок, дырчатых камушков и мелких ракушек. Икирина мама заведовала библиотекой в поселковом клубе (в нынешние времена — почти всегда пустой). Она приучила сына к чтению, но привучить его к «цивилизованному образу жизни» так и не сумела. А где папа, не знал никто. Давно уже обитал сам по себе в северных глубинах Империи...

Лишь отправляясь в школу, Икира надевал рубашонку и клеенчатые босоножки. А в холодные времена поверх летнего наряда натягивал — как длинный бушлат — суконную мамину кофту со стеклянными пуговицами. Но из-под кофты все равно дерзко торчали коричневые птичьи ноги. Учительницу Анну Гераси-

мовну это вначале пугало и раздражало. Но директор Юрий Юрьевич ей сказал:

— Оставьте вы его жить, как хочет. Это не просто ребенок, это явление здешней природы. Как горный дубняк на скалах, как чайки или треск цикад...

И Анна Герасимовна успокоилась. Тем более что Иванко Месяц не дурачился на уроках и не получал двоек...

Икира никогда не врал. Если не хотел отвечать на какие-то вопросы — просто молчал. Смотрел в сторону и перебирал на ребристой груди камушки и бусины ожерелья. А еще — Икира всегда чувствовал, если не правду говорили другие. Нет, он никого не разоблачал (не то что вечная правдолюбница Славка). Но по глазам его было понятно: он все видит и понимает. Поэтому старались при нем не врать.

— Ты — детектор лжи, — сказал ему однажды Слон. Икира шевельнул колючими плечами, словно хотел сказать: «Я же не нарочно...»

И вот сейчас шестиклассник Марко Солончук глянул на маленького Икиру — с надеждой на окончательную справедливость:

— Вру я или нет?

Икира сказал сразу:

— Ребята, Марко не врет!

Вопрос был решен. Славка фыркнула, но больше не спорила. И все ощутили облегчение.

Все... кроме Марко. В нем, словно косточка сливы в пищеводе, засела досада. Потому что это ведь *не он* доказал свою правду. Спасибо Икире, но... получилось, будто Марко спрятался за третьеклассника, заставил его защищать себя, а сам оказался слабаком.

Он сбросил ранец, поставил у ног.

— У меня есть *еще* доказательство...

В самом деле, зачем прятать находку? От кого? От давних приятелей, с которыми почти всю жизнь прожил в этом поселке? Он с самого начала понимал, что не будет ее скрывать. Ведь хочется же похвастаться! А теперь — самый подходящий случай...

Марко сел на корточки, откинулся на крышку. Снизу вверх глянул на всю компанию.

— Вот... Взрывом отвалило пласт, а там, под ним, — остатки дома. Стенка... И я нашел это... — Он размотал платок. Взял девочку на ладонь...

«Фонарские» мальчишки и девчонки были жителями древнего края. Каждому не раз приходилось видеть осколки старинных амфор и статуэток, куски мрамора с обрывками непонятных надписей. До недавних дней в здешних камнях часто копались археологи. При поселковом клубе был маленький музей, где хранились находки, которые делали местные жители. В позапрошлом году, правда, когда сменилась очередная власть, все экспонаты увезли в главную Приморскую галерею...

Увидев девочку, Топка и Пиксель одинаково присвистнули. Все столпились вокруг Марко. Никто не потянулся к находке руки, просто смотрели.

— Артефакт... — задумчиво сказал Слон. Он был простецкий с виду, но знал немало. Никто, кроме Марко (и, может, еще Пикселя и Топки), не понял сказанного слова, и потому уважительно молчали. Икира присел рядом с Марко на корточки. Мизинцем коснулся пальчика на ступне девочки. Глянул в лицо Марко, шевельнул губами:

— Она... танцевала, наверно. Да?

— Скорее всего, что так, — согласился Марко. — Той ногой, которой сейчас нет, стояла, наверно, на пальчиках. А эту согнула, будто... птаха перед взлетом... — Он смущился, сам не зная отчего.

— А почему «она»? — вдруг наступился Кранец. — Может, это пацан...

— Олух, — добродушно проговорила круглая Галка. — Приглядись...

— А чего... Я пригляделся. На груди никаких... признаков.

— Балда, — с высоты своего роста сказал Слон. — Она же еще ребенок...

А Славка, у которой тоже не было «никаких признаков», развернулась на пятке и длинной исцарапанной ногой дала Кранцу пинка. Кранец снес это молча.

Матвейка Кудряш присел рядом с Икирой.

— Смотрите, кулакок сжат. Наверно, она что-то держала в нем. Даже дырка под пальцами...

В самом деле, в кулачке было крошечное отверстие — как в бусине для ожерелья.

— Держала хворостину, — сообщила Славка. — Для мальчишек, у которых дурацкие языки... — Она поправила под футболкой юбочку и, кажется, примерилась для нового пинка. Кранец тяжело отпрыгнул.

Любопытный Матвейка нагнулся пониже.

— Интересно, а что было в другой руке? Которой нету...

— Ничего, наверно, не было, — с ласковой ноткой сказала Галка. — Ладошка, будто крыльышко...

— Нет, было, — возразила Славка. — Вторая хворостина. Потому что одной для некоторых дураков мало...

— Хватит тебе... — вполголоса велел ей Слон.

Теперь уже все кружком сидели над крохотной девочкой (и Славка присела). В глиняной танцовщице ощущалось движение и... слегка лукавая загадка: как, по-вашему, кто я?

— Наверно, красивая была, когда... неразбитая, — шепотом сказал Пиксель, который любил все красивое. — Когда с головой...

— Она и сейчас красивая, — заступился Марко за девочку. — В Париже, в одном музее, стоит мраморная богиня победы, Ника Самофракийская. У нее совсем нет головы, а все равно все любуются. Потому что в ней это... порыв. Даже складки на платье будто шевелятся от ветра...

— А у Венеры Милосской в том же музее, в Лувре, рук нет, — напомнил Слон. — А все равно считается, что шедевр мировой красоты... Потому что у человека есть воображение... чтобы добавить недостающее.

Матвейка Кудряш поскреб голову и огорчился:

— У меня его нету... воображения. Не могу представить, какое было у нее лицо...

Марко опять, как на берегу, представил лицо Юнки Коринец. И снова застеснялся сам себя. Пробурчал:

— Красивое было. В древности все лица на скульптурах были красивые...

— Интересно, она от снаряда разбилась или в давние времена? — спросил Пиксель.

— Конечно, в давние, — сказал Марко. — Снарядом только отодвинуло пласт. А она лежала там давно, будто в упаковке. Там в пыли даже отпечаток остался. Можно слазить, посмотреть...

— Я вот вам слажу, — увесисто пообещал Слон. — Кто сунется, тому во! — Кулак у Слона был убедительный.

— А чего! — вдруг возмутилась Славка. — Не командуй, каждый имеет право...

— А «Полковник» имеет право снова шарагнуть по берегу. Мало тебе?

— Это они по мне шарагнули! — весело сообщил Марко. — Я когда пробирался там, плюнул в их сторону. А они ка-ак дали! И просигналили, что это в ответ...

— Врать-то — не брюхо «абажурке» лизать, — заметил Слон.

— Икира, скажи: я вру? — сейчас Марко уже всерьез верил, что так и было.

— Марко не врет, он просто не знает, — сказал Икира.

— А по правде это «копченые» парни виноваты, — объяснил Слон. — Они там на плоской скале нарисовали початок с ихнего флага. Пятиметровый. И написали еще: «Приглядись-ка — это пи...»

— Слон! — сказала Славка.

— А я чего? Это они...

Марко не хотел полностью отказываться от заслуг.

— Ну и что? А мой плевок, может, был последней каплей...

— И правда... — вдруг поддержала его Славка. Кажется, первый раз в жизни. Чудеса...

Славка будто позабыла свою колючесть. Она сидела на корточках справа от Марко и похоже, что хотела о чем-то спросить. И спросила шепотом. Про девочку:

— Ей, наверно, тысяча лет, да?

— А может, и две, — ответил вместо Марко Слон. — Хорошо бы ее Пекарю показать. — Пек в таких вопросах профессор...

— Давайте покажем! — подскочил любопытный Кудряш.

Слон рассудил:

— Тут уж как Марко решит. Это ведь он девицу откопал...

Марко не возражал. Да, надо показать! Пек — он же в самом деле не только журналист, но и археолог. Вдруг раскроет какую-то тайну? Тайна была, Марко чувствовал это все сильнее.

— Только я схожу домой. Одной плюшкой сыт не будешь...

Дома ему влетело от сестры. Она взялась за Марко прямо на пороге.

— Где тебя носит?! По всему берегу из пушек палят, а ты...

— Не по берегу, а только по мне. И не попали...

— Зато я сейчас попаду... — В руках у Евгении был рисовый веник. — Совести у тебя нет! Мама чуть с ума не сошла... Ну-ка, поворачивайся!

— Спятила, да? Ай... Ну, только не черенком!.. Мама, чего она! Я голодный, а тут вместо обеда дамская агрессия!

— Мало тебе еще, — сказала мама из кухни с облегчением. — Агрессия... Уху греть или будешь холодную?

ПЕКАРЬ

Встретиться с Пекарем в тот день не удалось. Когда пришли на двор Тарасенковых, дед сказал, что квартирант с утра укатил куда-то на тарахтелке. Тарахтелка — это был мопед, который Пекарь прямо здесь, в поселке, собрал из всякого утиля. Он был мастер на все руки.

Имя у него было Никанор, фамилия — Кротов-Забуданский (так он сам говорил; возможно, дурачился). А прозвище Пекарь получил Никанор за внешность альбиноса. Был он длинный и тощий, как Тиль Уленшпигель (про которого Марко прочитал в столице замечательную книгу), и весь будто посыпанный мукой. Южный загар к нему не приставал. Длинные растрепанные волосы — белые, как у здешних мальчишек, но не от солнца, а «от природы». Соседская, тоскующая по женихам девица Изабелла Пущик сказала про него частушку — она слышала ее от бабушки, живущей в северной Вятской губернии.

Ох-ох, не дай Бог
С пекарями зваться —

Руки в тесте, нос в муке,
Лезут целоваться.

Целоваться ни к Изабелле, ни к ее подружкам Никанор не лез, у него хватало других дел. И, видимо, за это девицы подхватили прозвище, разнесли по Фонарям. И оно приклеилось. Никанор был не против. Тем более что скоро «Пекарь» сократился до «Пека».

Пек постоянно ходил в широченной, разорванной на плече тельняшке, в обрезанных джинсах с бахромой у колен. В пляжных шлепанцах. Всегда с неунывающим лицом. Лицо было очень худое, но с разлапистым носом и широким ртом. С бледно-синими глазами в белесых ресницах. С таким же белесым пушком на подбородке. Можно было бы подумать: совсем простецкий парень, если бы не его звания доцента, корреспондента и какого-то там «референта».

В Фонари он приехал в конце зимы с археологической экспедицией, состоявшей сплошь из шведов и англичан. Экспедиция начала что-то копать на берегу Сайского лимана. А когда стали появляться признаки конфликта между Империей и НЮШем, заграничные специалисты быстренько упаковали свои клетчатые портпледы и укатили в Ново-Византийский международный аэропорт. Это случилось как раз в те дни, когда вернулся Марко.

Пек не укатил. Ребятам, с которыми он успел завести дружбу, Пек спел:

Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна...

Спросил:

— Слыхали такую старинную песенку?
Ребята не слыхали.

— Понятно... — покивал Пек. — Каждое поколение поет по-своему. Но есть, сеньоры, и вечные ценности...

— Доллары? — догадливо спросил Кранец-Померанец, и Слон дал ему легкого тычка.

А Пек разъяснил:

— Доллары отнюдь не вечное явление. До них были динарии, таланты, пиастры, талеры и всякий другой мусор. Возможно, скоро на смену долларам придут юани или червонцы, но это ничего не изменит на планете. Потому что главные ценности не в валюте, а в сокровищах духа. В мраморе Микеланджело, сонатах Бетховена или... В маминых колыбельных песнях... Икира, я правду говорю?

— Да, — шепнул Икира. Про Микеланджело и Бетховена он едва ли слышал, но мамины песни знал и Пеку верил...

— Вот... — сказал Пек. — А одна из главных ценностей — это ощущение гармонии бытия и единства с окружающей средой. Для меня такая среда — здесь. В ней буду я пребывать, пока не откопаю на здешних берегах неведомый миру шедевр или не напишу увлекательнейшую книгу...

— Про что? — не удержался от вопроса Марко.

— Про вас, — ответил Пекарь. Кажется, всерьез.

Иногда он целыми днями бродил в одиночестве по окрестностям Фонарей. Или с утра до вечера сидел в саду Тарасенковых с ноутбуком на коленях, щелкал по клавиатуре. Или покачивался в гамаке, водрузив на голову большущие черные наушники и закрыв глаза. Слушал новости. У Пека был какой-то хитрый мобильник-приемник, на который не действовали глушители. «Связь через Его величество космос», — объяснял Пек и насмешливо указывал костлявым пальцем в зенит.

Новостями Пек делился с ребятами, когда они приходили к нему в сад или собирались у Камней. Ни-

чего особо интересного в мире не случалось. Нашли было базу пришельцев на каком-то тибетском плато, но потом оказалось — вранье. А в общем-то все, как обычно: воевали, воровали, взрывали. Ученые строили ускорители атомных частиц и выводили на орбиты великанские телескопы, но похоже, что это было надо лишь самим ученым... Могучие наводнения залили половину Европы, широченные пожары бушевали в Америке, но дикторы главным образом вещали о финансовом кризисе, ценах на нефть и семейных скандалах кинозвезд.

В Империи лопались плотины электростанций.

У Пекаря иногда темнело лицо.

— Никуда не поеду отсюда, — сказал он однажды. — Планета вздрагивает, не выносит человеческой глупости. И здесь у вас не самое опасное место. Несмотря вон на ту клизму в заливе...

Однажды после школы Марко заглянул к Пеку один, без ребят. Пек с наушниками сидел под яблоней. Глянул на гостя, поднял палец: подожди, не мешай. Потом улыбнулся:

— Душевная музыка. Послушай... — Отцепил от дужки один наушник, протянул Марко. Тот прижал его к щеке. И...

Это была музыка струнного квартета, которую Марко слышал в столице. Когда был с Юнкой на детском празднике... Марко тихо сел в траву.

— Впечатляет? — сказал Пек.

Марко кивнул. Мелодия кончилась. Они с минуту сидели молча. Марко хотел спросить, чья была музыка, но почему-то не решился.

— Пек, это у тебя на диске?

— Нет, выловил в эфире. Нечаянно...

— Значит, глушители на твой прибор совсем не действуют? — уточнил Марко.

— Хы... — гордо сказал Пек.

— Пек... — Марко застеснялся своего нахальства, но сдержаться уже не мог. — А можно я... мне... позвонить по твоему мобильнику? Больше ни у кого не работает. А мне... очень надо...

Пек сказал сразу:

— На здоровье... — Протянул черную коробку с крупным экраном на откинутой крышке. — Вот кнопка выхода в Космосеть. А после сигнала — как обычно. Действуй...

«Действие» не принесло успеха. Два номера — с нолем и с пятеркой на концах, которые не отзывались в прежнее время, не ответили и сейчас. То есть один откликнулся беспомощными длинными гудками, а второй механическим голосом: «Данный телефон временно отключен...» Марко подержал мобильник у щеки и, глядя в сторону, протянул Пеку:

— Спасибо...

— Не горюй...

— Я не горюю, — соврал Марко.

— Девочка? — тихонько спросил Пек.

— Да... — шепнул Марко.

— Ты не торопи события. Она тебя найдет сама...

Это было за три дня до того, как Марко попал под обстрел.

На следующий день после обстрела вся компания снова пришла на двор к Тарасенковым. И опять оказалось, что Пека нет, ездит неизвестно где.

— Хоть бы поломалась его керосинка, — обидчиво пожелал Матвейка Кудряш.

Пошли на свое место, у Камней. Поболтали о вчерашнем. Слон сказал, что сумел поймать по телику часть имперских теленовостей и узнал, что правительство регента отправило НЮШу решительный протест по

повору «безжалостного обстрела мирного населенного пункта».

— А «нюшки» что? — спросил Кудряш.

— А они говорят: не надо было плеваться, — сказал Слон и посмотрел на Марко.

Марко не ответил. Было почему-то грустно.

В этот момент подкатил с треском и керосиновым чадом Пекарь. Уронил в бурьян мопед, встал над всеми.

— Говорят, что вы, господа, зачем-то ищете меня второй день...

— Да! — вместе подскочили Пиксель и Топка. — Марко нашел древнюю редкость!

— Великий Марко Поло, выкладывай! — У Пека азартно шевельнулись ноздри.

Марко так и носил девочку в ранце (в нем, в твердом, она не разобьется). Достал, начал разворачивать платок. Было почему-то неловко, будто он при всех раздевает ее. Глупо, конечно. Ведь не голая же, в юбочке, а все равно... Может, потому, что приходится открывать ееувечья?

— Вот, — насупленно выговорил он. Постелил мятый платок на обломок ракушечной плиты, положил на нее терракотовую фигурку. У нее беззащитно торчала согнутая ножка. Все примолкли, только трещали в солнечной тишине цикады.

Пек уперся в плиту ладонями, низко нагнулся над девочкой.

— Ва-а... Ой-ёй-ёй... Марко, где ты ее откопал?

Марко сумрачно, однако без утайки рассказал про все, что случилось. Упомянул, уже подробнее, и про матроса, и про медаль, и про письмо. От Пека чего скрывать. И от ребят тоже... Впрочем, история с матросом никого не заинтересовала. А вот находка... Все ждали, что скажет Пек.

— Похоже, что херсонесская культура, — объявил он, разгибаясь. — Возможно, еще дохристианский период... Подождите-ка... — Пек нацелился на девочку мобильником, в котором, конечно же, была мощная фотокамера. Спохватился, глянул через плечо:

— Марко, можно?

— Можно...

Пек сделал несколько снимков. Осторожно повернул девочку на бок, пощелкал снова. Потом поснимал с другого бока, со спины...

— Я пошлю эти кадры в Институт археологии знакомым специалистам. Они разберутся, что к чему... — И спохватился опять: — Марко, можно послать?

— Да можно, можно, — нервно сказал Марко. — Только...

— Что?

— Имейте в виду, девочку я никому не отдам.

Пек покивал:

— Само собой. И не надо. По снимкам в институте сделают копию. И, может быть, даже реконструкцию. Понимаете, о чем речь?

— Не-а... — сказал Кранец.

— Компьютеры могут перебрать миллиарды вариантов и рассчитать, как девочка выглядела, когда была неразбитой. И сделать голограммический снимок.

— Какой снимок? — удивился Икира.

— Объемную фотографию, — объяснил Слон и растрепал у Икиры волосы. — Как на стереоэкране... Только непонятно, Пек...

— Что непонятно?

— Если *это* можно, почему не сделают стереоснимки Венеры Милосской? Или Ники Самофракийской? Чтобы люди знали, какие они были, когда целые...

— Делались попытки, — покивал Пек. — Мало того, по снимкам пытались даже в натуре восстановить руки

Венеры и голову Ники. Но искусствоведы такие опыты не одобрили. — Сказали, что это вроде бы насилие над культурой и человеческой историей. Нельзя, мол, подменять искусство суррогатом...

— Чем подменять? — спросил Кранец.

— Жвачкой вместо шоколада, — объяснила ему, бесполковому, Славка. И Марко мысленно одобрил точность этого сравнения.

Славка сидела напротив Марко, метрах в двух, и порой вскидывала на него белесые, как у Пека, ресницы. Словно чувствовала себя виноватой за вчерашние придирки. Она была сейчас не в пиратской футболке и юбке, а в белом платьице с рукавами-крылышками.

«Да, нельзя подменять суррогатом...» Но все же очень хотелось увидеть, какой девочка была до того, как пострадала...

— Можно все-таки попробовать... — сказал Марко. — Чего такого... — И несмело пошутил: — Искусствоведы не узнают...

Пек опять покивал:

— Да, я попрошу. Там понимающие люди... Труднее всего будет с лицом. Как угадать, какое оно должно быть?

«Знаю, какое!» — сразу подумал Марко. И... вдруг понял, что не помнит Юнкиного лица!

Волосы помнил, голубой блеск глаз, сложенные в улыбку губы. А вместе... все черты смыкались в памяти, как бегущей по стеклу дождевой водой... «Ну, что же это такое? Дырявая башка!..» Потом утешил себя: «Ничего, вспомню...»

Пек опять приглядился к девочке.

— Наверно, танцевала. С какими-нибудь погремушками или кастаньетами.

— Разве тогда были кастаньеты? — спросила Славка.

— Кто их знает...

— А может, в одной руке палочка-стукалка, а в другой бубен, — сказала Славка.

Кранец возразил:

— Тогда, наверно, не было бубнов... то есть бубней...

— Сам ты бубня, — вздохнула Славка.

Пек попросил Марко:

— Ты с ней поосторожнее, с девочкой. Хрупкая...

— Я осторожно... — Марко стал заботливо заворачивать девочку в платок...

Дома он смастерили для девочки подставку. Отыскал пластмассовый стоячок с гнездом для шариковой ручки, воткнул в него огрызок карандаша. На огрызок надел кусочек трубки от волейбольной камеры. В трубку, чуть дыши, вставил обломанную ножку девочки. «Не больно?» Девочка покачалась на упругой резинке и замерла.

Только тогда Марко показал находку маме и Жене.

— Любопытный экспонат, — заметила мама. — Где ты его откопал?

Пришлось придумать, что нашел девочку в бурьяне на месте весенних раскопок.

— Носит тебя где попало, — сказала мама. — Лучше бы правила учили, завтра контрольный диктант.

Это не означало, что мама не понимает сына и не ценит находку. Означало, что у нее куча забот и давно нет известий от папы...

Зато от Евгении Марко скрывать ничего не стал. Та пообещала еще раз врезать ему веником, однако находкой заинтересовалась:

— Удивительная пластика движений... Жаль, что нет головы.

— Это у тебя нет головы! — обиделся за девочку Марко. — У нее есть! Только... невидимая. Пек обещал сделать реконструкцию.

Евгения не рассердилась.

— Реконструкция — это отдельная вещь. А вот если бы прямо на этой куколке... Я читала в Интернете, будто все вещи хранят в себе память о первоначальной форме. Когда-нибудь ученые научат память просыпаться, и можно будет восстановить любой предмет.

— Это живые клетки могут. Называется «клонирование». А тут глина...

— А помнишь мультик про мальчика и глиняную лошадку? Расписную... Она у мальчика разбилась, и он понес ее к соседу-волшебнику. Тот собрал осколки в ладони, подержал, открыл — и лошадка там целехонькая. Мальчик спрашивает: «Как это получилось?» А сосед: «Надо, чтобы в ладонях была особая теплота...»

Марко не помнил. И насупился:

— Где возьмешь такого соседа...

Но слова о теплоте в ладонях сразу напомнили другое. Ощущение тоненького Юнкиного плеча и дрожание струнок... Значит, есть же в человеческих ладонях такая вот живая сила! Захотелось взять девочку, охватить пальцами и передать ей свое тепло. И тогда... вдруг...

Однако делать это при Женьке он ни за что не стал бы. А она вдруг предложила:

— Когда найдется время, надо отвезти статуэтку в столичный музей. Там, по-моему, за нее могут дать немалые деньги. Вдруг это настоящее произведение искусства?

— Ага! Разбежался в лаптях по Гетманскому шляху!

— Колючка ты, братец, — заявила Евгения и потеряла к Марко и его находке интерес. Оно и понятно: годовая контрольная по математике за десятый класс на носу.

А у Марко — годовой диктант!

Марко ночевал не в доме, а в сарайчике на дворе — в «хижине». Здесь было прохладно и спокойно. Никто не мешал читать до ночи. Вечером, демонстративно забрав с собой учебник, Марко отправился на ночлег: «Буду повторять правила».

Ничего повторять ему было не надо, на родном он и так писал без ошибок. Только иногда возникала путаница из-за двух языков, которые вмешивались друг в друга.

— Солончук, почему ты написал свою фамилию с твердым знаком на конце? — изумлялась Серафима Андреевна и вздергивала старомодное пенсне.

— Но ведь сказали, что возрождаются старые традиции!

— Не в такой же степени! И не было еще указа!.. А что, в Лицее пишут с твердым знаком?

— Там велели писать «Солончуг», с буквой «гэ» на конце. Мол, по тому же правилу, что город «Кременчуг». Я отказался, такой крик был...

— Святые угодники...

Марко включил настольную лампочку (она стояла на бочке, заменяющей стол), скинул штаны и рубаху, забрался под простыню. Шебуршали за стенкой куры. Чесался и громко зевал за дверью старый Бензель. Лампочка горела дохловато, потому что по причине блокады станция работала хило. Волосок лампочки еле слышно звенел. Треск цикад проникал во все щели, но был привычным, как тишина. В оконце светила бледная звездочка. Светила и Луна, только с другой стороны, от нее серебрилась верхушка тополя.

Марко для очистки совести (обещал ведь!) минут пять почитал правила, положил учебник на бочку, а из-под подушки вытащил «Историю клиперов» Джона Колдуэла.

Клипера — самые лучшие корабли, которые придуманы людьми. То, что строилось потом, было уже насилием над природой — все эти турбины, котлы, генераторы, реакторы. А клипер — полное слияние со стихиями ветра и моря. Когда такой корабль стрижет волны, в нем пробуждаются живые струны, возникает явление резонанса с голосами океана и атмосферы. И этот резонанс может стать одной из разгадок общей теории струн. Той, которую интуицией и догадками давно уже нащупывает Марко Солончук...

Пусть миллиардеры строят яхты длиной в двести метров с вертолетными площадками, ракетными установками, стадионами, ресторанами и великанскими бассейнами. Пусть греют на них свои жизни и другие места, загорают и предаются радостям с красавицами. Марко плевать на это с гrota-салинга самой высокой мачты. Он, если сумеет закончить Академию корабелов, спроектирует клипер, который окажется созвучен жизни морей каждой своей жилкой. И жизни звездных пространств. Приблизит их разгадку, отзовавшись на музыку мира. Ту, что похожа на музыку струнного квартета...

Разумеется, Марко не думал так связно и законченно. Мысли переплетались. Становились картинками. И одна из них — форштевень клипера с фигурой под бушпритом. Конечно, это была девочка. Та самая. Вернее, *в точности такая же*, только вырезанная мастером из красного дерева в натуральный рост. Похожая на старинную Катти Сарк. Непонятно одно: Катти скимала в кулаке вырванный конский хвост, а что будет держать *эта* девочка?..

Марко не придумал — что. Сквозь полудрему услыхал снаружи неясный шум. Вроде как легкие шаги. Бензель не подавал голоса, значит, ходил кто-то знакомый.

Женька? Может, решила подглядеть: чем занимается братец? Учит ли правила? Но нет, шпионство не в ее натуре...

В раму открытого окошка стукнули.

— Кто? — строгим шепотом сказал Марко.

— Я...

— Кто «я»?

— Икира...

ВОЛЬШАЯ ЛУНА

Ну и ну!

— Вот подарочек летней ночи... Тебе чего?

— Марко... Я хочу спросить... — прошелестело за подоконником.

Марко мягко прыгнул к окну. В тени темно-коричневый Икира был почти неразличим, но белые шортики серебристо светились даже сейчас. Марко высунулся, подхватил Икиру под мышки, втянул внутрь (весу в нем было, как в котенке). Поставил. Сказал опять:

— Чего тебе? Среди ночи...

И тот повторил слегка сбивчиво:

— Я хочу спросить... Можно?

Был он то ли испуган, то ли просто взволнован. Стался казаться сдержанным, но дышал часто. Марко взял его за локти, подвел к топчану. Сел, поставил Икиру перед собой.

— Ну, спрашивай... Что случилось-то?

— Марко... почему сегодня Луна такая большая?

— Какая... большая?

— Громадная... — выдохнул Икира. — Не такая, как всегда...

— Тебе что-то приснилось?

— Нет. Это по правде...

Он был горячий. Его костлявое тельце излучало нешуточную тревогу. Марко понял: здесь не отделаться двумя словами.

— Отдышишь... И скажи: с чего ты взял, что она громадная? Совсем недавно я видел ее — нормальная...

— А сейчас не такая... Пойдем посмотрим.

— Икира, ты темечком стукнулся, да? Я спать хочу...

Но тут же Марко тряхнул головой. Опомнился: все равно придется идти. Чтобы отвести Икиру к нему домой. Время совсем позднее, а он какой-то... не такой. Может, он лунатиком стал? Ну, тем более надо проводить...

— Это ведь недалеко... — прошептал Икира. — Только посмотрим, и ты... скажешь...

— А что я могу сказать? Я же не астроном...

— Ну... все-таки немножко астроном. У тебя же телескоп...

— А если бы у меня была скрипка? Я был бы Паганини?

Икира едва ли знал, кто такой Паганини. Он молчал. Виновато и... С пониманием, что Марко его не оставит. Марко, сердито дыша, натянул рубашку и штаны. Обуваться не стал. Икира вон всегда босиком...

Он высадил Икиру в окно, как в парашютный люк, и выскоцил сам. Подошел Бензель, носом ткнулся Икире в живот.

— Куда идти-то? — проворчал Марко. Из-за дома Луну было не видать.

— Недалеко. На угол Баркасного... Откуда церковь видна, — прошептал Икира и ухватил Марко за локоть горячими пальцами. По Марко словно ток пробежал — это вошло в него беспокойство Икиры.

— Зачем тебе церковь-то?

— Для сравненья...

Больше Марко ничего не спрашивал. Тайна взяла его в мохнатые лапы. Мурашки под рубахой. А еще — такое чувство, будто он должен от чего-то защитить Икиру.

«Вот как вляпаемся в какое-нибудь параллельное пространство...»

Улица была безмолвной и пустой. Только цикады надрывались. Кремнистую дорогу пересекали частые тени тополей. Лунный диск проскаивал за тополями и казался жидким, как медуза. Но Икира сейчас не смотрел на него, он тянул Марко на перекресток.

И они вышли к Баркасному переулку.

Здесь Луна царствовала на просторе. Как в приключенческом кино, высвечивала белые дома и заборы. Звезды бледнели в зеленом небе. А сам лунный шар сиял, будто с громадной лампой внутри. Недалеко от него чернела колокольня с большой маковкой на шпиле и крестом.

— Видишь? — прошептал Икира.

Луна... да она и правда выглядела крупноватой. Но что здесь такого? Она в разные времена видится неоднаково. При восходе кажется большущей, будто круглый стол, а потом делается, как шарик для тенниса... Хотя... нет, сейчас не шарик...

Марко сказал, чтобы успокоить Икиру (и себя):

— Что особенного? Это просто видимость. Летний лунный пейзаж...

— Нет, не видимость... — Пальцы Икиры сильнее скжали локоть Марко. — Пойдем...

— Куда еще?

— Чтобы крест оказался на Луне...

Икира опять потянул Марко. Ближе к центру перекрестка. Когда они шли, Луна и колокольня сдвигались в небе, и наконец крест оказался на ярком, пятнисто-серебряном круге.

В здешних местах церковные кресты были шестиконечными, с косой поперечинкой внизу, но без верхней перекладинки. И сейчас тонкое черное перекрестье напомнило мачту с реем.

Крест легко уместился на диске. Луна и правда казалась очень большой. Словно приблизилась к Земле на половину прежнего расстояния.

— Видишь? — нервно шепнул Икира. — Когда я раньше смотрел с этого места, крест был больше Луны. А сейчас меньше...

Мурашки ощутимее прежнего пробежались по Марко. В самом деле, видение было такое... «космически-мистическое» или «мистически-космическое»... Понятно, что оно могло напугать необразованного третьеклассника... Но Марко-то — образованный! И старший. Он обязан был защитить малыша (хотя не такой уж малыш, но сейчас это слово подумалось само собой). Марко движением лопаток прогнал жутковатость, бодро сказал:

— Ну и чего такого? Оптический эффект.

— А... почему он... такой? — выговорил Икира. Он по-прежнему крепко держал Марко за локоть.

— Потому что... бывает, что в атмосфере слои воздуха — разные по температуре. Иногда один слой, более холодный, складывается в линзу. Участок повышенной плотности. Получается, будто громадное увеличительное стекло. Вот оно и приближает небесные предметы. Как телескоп...

Кажется, Икира поверил, пальцы, сжимавшие локоть Марко, ослабли. А Марко и сам почти поверил в только что придуманную теорию.

— А по правде она... значит, не придвигается? — Икире хотелось дополнительной уверенности.

— Конечно нет!.. — Марко вдруг вспомнилась другая теория, уже не придуманная. — А иногда и придви-

гается. Потому что у Луны ведь не совсем круглая орбита вокруг Земли. Она вытянутая. Луна — то дальше, то ближе. Может, я что-то путаю, но, по-моему, самая ближняя точка случается раз в двенадцать лет. И тогда Луна кажется особенно большой, многие даже пугаются. Но это не опасно!..

— Значит, сейчас как раз... эта точка?

— Да!..

— Выходит, прошлое приближение было, когда ты только родился?

— Выходит, так...

— А ты помнишь ту большую Луну?

— Икира, ты что?! Я же был грудной младенец!..

Скажи, вот ты разве что-нибудь помнишь из младенческого времени?

Икира почему-то пригорюнился.

— Немножко помню... Стеклянный кораблик на елочной ветке. Как он блестит и качается. Мама говорит, что это было, когда мне исполнилось три месяца. Потом кораблик разбился...

Марко взял его за плечо.

— Пойдем домой... А то мама заглянет в твою комнату, а тебя нет. Перепугается...

— Ей не привыкать, — по-взрослому отозвался Икира. — Да она и не заглянет, она спит. А если утром спросит...

— Что скажешь? Ты ведь никогда не врешь, — поддел его Марко.

— Я и не буду. Скажу, что ходил к тебе в гости...

— ...и влетит нам обоим.

— Уж тебе-то никак не влетит, — успокоил Икира.

— Почему?

— Мама говорит, что ты «очень положительный персонаж»...

— Я-а-а?!

— Да. Ты в ее библиотеке самый активный читатель.

Так она недавно сказала...

— Надо же!.. А Слон?

— Да, и Слон... А еще Славка...

— Кто-о?!

— Мирослава Тотойко, — отчетливо сказал Икира. —

Марко, почему ты удивляешься?

Было чему. «Славка — читательница!»

— Никогда бы не подумал.

— Но это так, — произнес Икира с интонацией мамы-библиотекарши. — Только она немного странная читательница... Ой. Я проговорился...

— Говори уж до конца, раз начал. — У Марко проснулось любопытство.

— Получится, что я бессовестный болтун...

— Я тебя не выдам.

— Марко, правда?

— Вот джольчик... — Марко вынул из нагрудного кармана медаль. Она засияла на ладони, как маленькая Луна. — Клянусь морским коньком.

— Ну, тогда... — Икире и болтуном быть не хотелось, и обижать Марко тоже было нельзя: тот вон как убедительно разогнал Икирины лунные страхи... — В общем, мама рассказывала, что Славка выбирает книги... по-особенному. Она просит показать твой формуляр и берет книги, которые читал ты...

Марко почему-то застыдился и почти испугался. Но только на секунду. Потом в нем заплясали веселые чертики. Он их даже будто увидел наяву — похожих на лягушат с рожками. И хихикнул:

— А чего здесь странного? Просто берет пример с умного человека...

Наверно, так оно и было. А что еще-то?

— Марко, я маме то же самое сказал...

— Ты умница! — Марко пятерней взъерошил Икирины космы. Так же, как иногда это делал Слон.

Пока беседовали, Луна ушла из-за креста и, кажется, стала поменьше.

— Ну, идем, — поторопил его Марко.

— Да... — вздохнул Икира. Но не двинулся. Видимо, теперь, когда Луна стала неопасной, было хорошо стоять в ее свете. Он обтекал Икиру, как серебристая жидкость, обрисовывая ребрышки и суставы. Икира шевельнулся в этом свете и сказал:

— Сегодня, наверно, лучше всего смотреть на нее в телескоп...

— Ты ведь на той неделе смотрел. С Топкой и Пикслем...

— Тогда был месяц, а теперь она вон какая. И ближе... Марко, давай поглядим, а?

— Что-о? Сейчас? П полночь на улице! — Марко глянул на часики.

— Но у тебя же есть ключ... — полуслепотом сказал Икира.

— От верхней комнаты. А как в школу-то попадем? Тете Зоря нас метлой.

— Она никогда никого метлой, только пугает. И не спит по ночам, потому что на посту...

Проще всего было сказать, что ключ дома и его придется долго искать. Но врать Икире... это все равно что добровольно стать хихилой. А кроме того, Марко ощущал, как струнками дрожит в Икире желание сказки и необычности. Струнки проснулись и в Марко, разбудили «приключенческого жучка». Вроде того, который толкнул его на обрывы. И ведь не зря толкнул. Не послушайся его Марко, не было бы девочки... Не следует отступать и сейчас. Тем более что школа не обрыв, тетя Зоря — не крейсер «Полковник Дума».

— Ох, Икира...

— Что? Идем?! — подскочил тот.

Они пошли. Через тени тополей и лунный свет, через полную цикад тишину. Хотя в тишине были не только цикады. Вдруг издалека донеслась музыка. Вернее, лязганье и буханье, словно отгороженное от тихой ночи прикрытой дверью. Марко досадливо мотнул головой:

— Где это?

— В Мраморной рывине, — объяснил Икира. — Большие ребята решили устроить ночную дискотеку. Подальше от всех...

Мраморной рывиной называлось широкое углубление с плоским днищем на южном краю поселка. Место давних раскопок.

— Слон тоже, наверно, там, — тихонько сказал Икира.

— Вот уж не думал, что он увлекается плясками под Луной, — пробурчал Марко.

— Он не увлекается, — заступался Икира. — Он им чинил магнитофон и колонки...

«А может, и Женька там? — подумал Марко. — Сказала, что пошла ночевать к подружке, готовиться к завтрашней контрольной, а на самом деле скачет с парнями... Завтра можно будет позубоскалить: как прошла Вальпургиева ночь?» (Оперу «Фауст» он слышал осенью в столичном театре, ходили туда всем классом.) Свернули на длинную Шкиперскую улицу, которая вела к школе. «Дискотечное» звяканье утихло за домами. Прогоражих не было, только встретился тощий черный кот. Здесь это не считалось плохой приметой.

— Кыс... — позвал Икира.

— Мр-р... — кот потерся боком об Икирину ногу и пошел дальше.

— Это тети-Зорин Боцман, — сказал Икира.

— Знаю...

Трехэтажная школа в конце улицы белела известняковыми стенами и блестела черными квадратными стеклами. Она всегда казалась ближе, чем есть. А на самом деле идешь, идешь до нее... Впрочем, сейчас идти было хорошо. Мелкие камушки на дороге дурашливо покусывали босые ступни. Веял еле заметный ветерок с запахами йодистой воды и теплых трав: чабреца, полыни, икиры... Марко вздохнул от радости, что впереди почти бесконечное лето.

Но школа наконец приблизилась — и приблизилось опасение: как отнесется к ночным гостям тетя Зоря? У дороги стоял столетний вяз. От дерева над плиточной дорожкой тянулся могучий сук. На нем любили покачаться все, кто умел допрыгнуть. Считалось, что это — к удаче. Марко допрыгнул. Повисел. Почексал правой пяткой левую лодыжку. Соскочил, глянул на Икиру:

— Подсадить?

— Ага...

Икира повисел, дрыгнул ногами. Приземлился, деловито поторопил:

— Идем.

Они обошли здание с тыла — не ломиться же в главный вход...

— Икира, если тетя Зоря спит, я будить не стану. Я боюсь... — честно сказал Марко.

— Она не спит. Вон, свет горит...

Рядом с невысокой дверью в открытом окошке жeltел огонек. Икира и Марко подобрались на цыпочках сквозь щекочущую сурепку, положили на подоконник подбородки. Тетя Зоря сидела на кровати перед столиком с фаянсовым светильником. На ней были старинные очки в железной оправе. Тетя Зоря склонилась над толстенным томом. Конечно же — над «Сагой о Фор-

сайтах». Многие знали, что это любимая тети-Зорина книга. (Марко однажды пробовал почитать — скучотища...) Рядом сидел кот — не Боцман, а другой, рыжий Гетман.

— Тетя Зоря... — храбро шепнул Икира. Гетман дернул ухом. А тетя Зоря не шевельнулась, но сказала басовито:

— Это кто там гуляет среди ночи?

— Это я, Икира...

Тетя Зоря наконец вскинула очки.

— Иванко?

— Да. И Марко...

— Солончук из шестого, — уточнил Марко. Нельзя же, чтобы маленький Икира один проявлял смелость.

— А, столичный житель! — вспомнила тетя Зоря. И спохватилась: — А чего это вас носит дурная сила, когда надо спать? Нет на вас «тараскиных слез»...

Строгость была ненастоящая, Марко торопливо заговорил:

— Тетя Зоря, нам надо посмотреть в телескоп на Луну. Очень-очень. Пустите нас, пожалуйста, в школу. Мы недолго...

— Выбрали время!

— Это же не мы выбрали, а Луна, — разъяснил Икира.

— Она же не спрашивает, — добавил Марко.

— «Не спрашивает»... А ты разве еще не забрал свою трубу домой?

— Не забрал! Юрий Юрьевич попросил пока оставить для летнего лагеря...

— Вот узнает Юрий Юрьевич про этиочные дела, задаст нам всем...

— Не, он не задаст! — уверил Икира.

— Ох, Иванко, непутевая твоя голова... Пошли, сама отопру, там замок тугой...

В школе пахло школой — пересохшей масляной краской, мелом, буфетом (где, несмотря на блокаду, кое-как подкармливали завтраками малышей), деревом старых книжных шкафов и кожаными матами из спортивной кладовки.

Лунные квадраты лежали на полу и отражали свет на стены. Половицы казались теплыми от фосфористых лучей. А нарисованные Топкой и Пикселем рыбы, осьминоги, кальмары, медузы, дельфины и русалки будто оживали на стене среди шевелившихся морских трав. И похоже, что по коридорам и лестнице сновали сделанные мелом рисунки — те, которые удрали с досок раньше, чем их стерли дежурные. Всякие чертежи, коты с хвостами-кактусами, космические пришельцы и добродушная биологичка по прозвищу Живая Природа (она не обижалась на карикатуры). Икира опять взял Марко за локоть — конечно, не от боязни, а просто так...

На третьем этаже Марко отпер скрипучую дверцу. Птичьи чучела на полках растопырили перья. Гипсовый череп неандертальца многозначительно улыбнулся сквозь стекло шкафа (Икира не стал смотреть в ту сторону). В углу на столе Луна высветила макет бревенчатой славянской крепости (Слон однажды сказал, что в ней живет домовой по имени Сырояр, и Кранец, который был здесь же, поверил).

Силуэт телескопа чернел на подоконнике, Луна висела точно посреди окна. Марко толкнул створки. Ночь вошла в комнатку теплым вздохом — со всеми ее запахами, цикадами и серебром. Марко развернул метровую трубу в сторону Луны. Покрутил винты и кольцо окуляра. Икира подтащил табурет. Цилиндр окуляра торчал на конце трубы, сверху. Икире было неудобно смотреть с пола, пришлось бы вставать на цыпочки.

Марко уже не очень удивлялся пепельно-серебристым лунным пейзажам, которые рефлектор приближал

чуть не к самому носу. Интересно, разумеется, загадочно, однако в конце концов делается однообразным. Гораздо интереснее ловить зеркалом оранжевый шарик Марса, Юпитер со спутниками, Сатурн с тоненьким кольцом, размытые пятнышки галактик. Но сейчас как их найдешь в лунной зелени неба...

К тому же Икире нужна была именно Луна. Он взобрался на табурет и нетерпеливо вздыхал.

— Ладно, смотри... — Марко отодвинулся от окуляра. — Только осторожнее, не сбей наводку...

— Я не... ух ты... — Икира часто задышал. Наверно, в увиденном была для него своя, одному ему понятная сказка.

Марко рядом с треногой телескопа уперся в подоконник локтями. Стал смотреть на залив. От Луны тянулась по воде широченная полоса. Будто из великанского мешка рассыпали от горизонта до низких крыш на берегу золотую стружку. И была бы полная красота, если бы не черный крейсер. «Полковник Дума» перегораживал светлую дорогу по всей ширине.

Может быть, и это было бы красиво — силуэт корабля в лунном пространстве. Если бы не знать, *какой это корабль!* Но Марко помнил запах взрывчатки...

Икира повозился на табурете.

— Марко, можно чуть-чуть опустить трубу?

— Зачем?

— Я хочу посмотреть на крейсер...

— Нашел что смотреть. Там же темно...

— На нем, кажется, есть огоньки... Или нельзя?

— Да почему нельзя? Смотри... Только он будет вниз мачтами...

Марко случалось разглядывать в телескоп крейсер днем (правда, украдкой: чтобы оттуда не заметили в свои стереотрубы мальчишку-наблюдателя). «Полковник Дума» словно оказывался в двадцати метрах.

Можно было разглядеть заклепки на железных плитах, лица матросов, бегавших вниз головой. Видна была даже штопка на кормовом флаге и помет чаек на звеньях якорной цепи. Однажды он усмотрел командира крейсера. В белом кителе и аксельбантах. Тот стоял у поручней и таращился на берег. Различима была над бровью круглая бородавка. Лицо казалось одутловатым и противным — будто правнук полковника Думы с лицейского портрета... А сейчас что увидишь? Ну, раз Икире это надо...

Марко повел трубой вниз, заплясали в глазах желтые бабочки лунной россыпи на воде. Потом надвинулся сверху черный борт. Над бортом у поручня горел фонарь в проволочной решетке (Икира правду сказал!). У фонаря темнела перевернутая фигура — видимо, вахтенный. Лица и нашивок не разглядеть... Марко вновь повел трубой. Выступили из тьмы освещенные фонарем броневые листы с клепками и медное кольцо иллюминатора. Может быть, удастся что-то разглядеть в круглых оконцах — если где-то включен свет?

Марко шевельнул трубу еще ниже. Перестарался. Черный борт показал нижний край и свое отражение. А дальше — опять пляска сверкающих бабочек.

— Что-нибудь видно? — выдохнул Икира с вежливым нетерпением.

— Сейчас. Подожди... Ой!

— Что?!

— Кто-то прыгнул с борта!

В телескоп казалось, что не прыгнул, а взлетел. В гущу лунных огоньков. И замахал руками.

— Куда прыгнул?! — Икира чуть не слетел с табурета.

— Плывет... На, взгляни...

Икира прилип глазом к окуляру.

— Да, плывет. К берегу... А зачем он?

— Откуда я знаю... — И в этот миг словно застучали молотками по железу. Часто и безжалостно. Там, вдалеке, на крейсере.

— Стреляют! Марко, это пулемет!

— Или автомат... «Бэ-двушки» грохочут не слабей пулеметов...

Марко плечом отодвинул Икиру. Увидел опять голову и машущие руки пловца. Вокруг головы вспыхнули фосфорические фонтанчики, а через несколько секунд вновь застучали молотки (долетел звук!). Икира крупно задрожал рядом. Марко обнял его за плечо, прижал.

— Не бойся, это далеко...

— Это мы далеко. А он... Дай взгляну!

И взглянул и вздрогнул опять от нового железного стука.

— Марко, зачем они?..

— Наверно, это дезертир. Не хочет воевать вместе с ними...

— Они его убьют!

— Может, промахнутся...

— Он им весь виден! Посреди света!

— Это мы видим посреди света. А они-то смотрят с другой стороны... Отплывет подальше и затеряется...

— А если включат прожектор?

— Почему-то не включают... Наверно, заржавел. Или энергию берегут...

Икира снова сунулся к окуляру. И снова застучал пулемет.

— Ой! — громко сказал Икира. — Его, кажется, ранили! Смотри!

Теперь пловец двигался неровно. Растилкивал воду плечом, взмахивал одной рукой.

Больше не стреляли. Может быть, задетый пулей матрос ненадолго скрылся под водой и на крейсере подумали, что «готов»?

— Марко, он дотянет?

— Конечно. Моряки хорошие пловцы, — утешил Марко не Икиру, а себя.

— А как ты думаешь, куда он плывет?

— Наверно, к самой близкой суще. Туда, где стенка и башенка...

Это было место, где Марко встретился с матросом Володей.

— Бежим! — сказал Икира.

— Куда?

— Туда! Он доплынет, а кто ему там поможет? Раненому... — И вдруг (или это показалось?) Икира всхлипнул.

— Бежим!

ПЛОВЕЦ

Они бежали, забыв запереть комнатку с телескопом и не отдав тете Зоре ключ от школьной двери. До берега было около мили. Только на полпути, когда не хватило «дыхалки» и перешли на быстрый шаг, Марко сообразил:

— Икира, ты давай домой. Я там... разведаю один...

Не дерзко, печально даже Икира сказал:

— Ты дурак, да?

— Вот как дам по шее!

— И будешь хихила...

— И не буду! Потому что...

— Почему?

— Тебе туда нельзя.

— А тебе можно?

— Можно. Я... уже большой...

— И глупый, — с прежней печалью сообщил Икира.

— Нет, я правда стукну... А если они из пулемета по берегу? На всякий случай!

— Ну и что?
— И попадут в тебя...
— А если в тебя? — часто дыша, спросил Икира.
— Я же говорю: я большой...

Икира сказал:

— В большого легче попасть... Марко, не злись, что я спорю. Только в одиночку туда никому нельзя. Если с одним что-то сделается, другой поможет... И раненого, если найдем, никто из нас один не утащит.

Рассудительный Икира был прав. И он добавил еще:

— Мы будем там осторожно. Спрячемся за камнями...

— Ага, спрячешься ты. У тебя штаны сверкают... как алюминиевая кастрюля. Живая мишень...

— Я сниму! — Икира на ходу выскочил из шортиков и скрутил их жгутом. Остался в темных плавках.

Ну, что с ним было делать? И... по правде говоря, ох как не хотелось Марко соваться под обрывы одному.

«Уложу его за стенкой носом в гальку и велю не подымать голову», — решил он.

По дорожке между маленьких кипарисов подошли к площадке, где начинался спуск. Запрыгали вниз по крутым камням-ступенькам. Марко — впереди, чтобы в случае чего подхватить Икиру.

Луна сияла, размотанное в широченную полосу отражение горело, крейсер с чуть заметными огоньками чернел. «Интересно, видят нас оттуда или нет? То есть не интересно, а... чертовски страшно. А Икире? Наверно, тоже. Хотя он в сто раз храбрее меня... Нет, не должны видеть, мы в тени...»

Было тихо, только щелкали на лестнице сбитые вниз камушки...

Наконец спустились на пляж. Мелкая галька стала липнуть к ступням. А попадалась и острыя щебенка. Икира смешно взлягивал.

— Пригнись, — велел Марко. — Как скомандую «раз-два-три» — бегом за мной к стенке.

— Да...

— Раз... два...

При слове «три» он рванул через освещенное пространство к темной каменной кладке. Через груды сухих водорослей. Они пахли гораздо сильнее, чем днем. Блохи брызнули лунными искрами.

Икира не отстал. Они вдвоем упали ничком в узкую тень за стенкой.

Потом подняли головы.

— Дыши тише, — велел Марко. А сердце стучало как те «пулеметные» молотки. — Слушай...

Икира перестал дышать совсем. Но через несколько секунд шепнул:

— А что... слушать?

— Какой-нибудь плеск или шорох... или голос... — «Или стон», — чуть не добавил он. И сдержался: не надо прибавлять страха Икире (и себе).

Но услышали они именно стон. Правда, не сразу. Вначале стояла полная тишина. Даже море нисколечко не плескало. Только высоко за обрывом продолжали звучать цикады и (вот удивительно!) была чуть слышна музыка далекой дискотеки. Сколько времени прошло — не понять. «Придется обшаривать берег, — подумал Марко. — Икиру оставлю здесь на страже, а сам поползу среди камней...» Он опять вспомнил про пулемет. В этот момент донесся звук. Тихий и тягучий. Как бы ползущий вдоль стенки.

— Марко, слышишь?

— Да...

— Это там, в развалине...

— Да...

— Ползем?

«Останься здесь», — хотел приказать Марко, но понял, что Икира не послушает. Или смертельно обидится.

— Ползем... Но если я велю, сразу мчись наверх, зови на выручку кого угодно, не жди меня. Ты понял?

— Я... понял.

Поползли. Марко — впереди. Галька щелкала и погромыхивала под коленями и локтями. Казалось, она вся превратилась в острый щебень. Груды водорослей подбирались с боков, цапались, щекотали. «Как их терпит голый Икира?»

Наконец нависла над ними тень развалившейся каменной хибари. Новый стон отчетливо послышался внутри.

Марко совсем не героически прижался к стенке. Но Икира приподнялся и звонко, без всякой боязни спросил:

— Вы ранены?

Было тихо сначала. Потом человек в развалинах хрюкло и с натугой спросил:

— Браток, ты один?

— Нас двое, — сказал Марко. Потому что нельзя же, чтобы маленький Икира был смелее, чем он. А слово «браток» отдалось в нем так знакомо... — Мы идем. — Он взял Икиру за руку, и последние несколько шагов они сделали, не сгибаясь и прижавшись друг к другу. Обогнули хибару, шагнули в пролом.

Луна светила в остатки круглого помещения сверху. Человек лежал у стенки, затылком упирался в камни.

— Вы ранены? — спросил на этот раз Марко (а сердце стучало, стучало; у Икиры, кажется, тоже...)

Похоже, что человек усмехнулся сквозь боль:

— Зацепили сволочи... Хлопцы, у меня сразу две просьбы...

— Какие? — выдохнул Икира.

— Не выдавайте, ладно? И... помогите, если можете.

Марко сел рядом с раненым на корточки. Икира — в ту же секунду — рядом. Зеленоватый свет обрисовывал круглое лицо с пухлыми губами и прикрытыми веками.

— Володя? — сказал Марко.

Веки приподнялись, глаза блеснули.

— Неужели «почтальон»? По голосу слышу... Выходит, судьба...

«И правда, судьба...» Марко почти не удивился, что это именно Володя. Словно какие-то силы специально раскручивали события, чтобы опять свести знакомого матроса и Марко в этих развалинах.

— Куда попало? — проговорил Марко и закашлялся. В горле застряли шероховатые шарики.

— Сзади... В плечо. В левое...

— Повернись, — велел Марко, поражаясь своей решительности. Володя застонал и стал переворачиваться. Икира и Марко, как умели, помогли ему. Володя лег на живот. Мокрая форменка и широкий матросский воротник прилили к спине. Марко пригляделся. На темной ткани форменки ничего не было видно. Марко пошарил вокруг, нашупал среди камней острый осколок стеклянного шара-поплавка, выброшенный сюда штормом. Начал им, как первобытным ножом, кромсать материю. Неумело, но храбро и сильно. И казалось, что делает это не он, а кто-то другой, в кино про войну, а Марко со стороны смотрит на экран...

В ткани появилась прореха.

— Икира, помоги... оторвать...

Икира вцепился, потянул вместе с Марко... Так они то пилили стеклом, то тянули ткань и наконец вырвали из форменки клок. Тельняшки не было, засветилась голая кожа. На ней Марко увидел черную дырку. От нее

тянулась размытая темная полоса. Володя снова застонал. Икира всхлипнул.

— Не бойся, — сказал сквозь зубы Марко.

Икира всхлипнул опять:

— Я не боюсь. Просто я... раньше не видел...

— Я тоже... Ничего, это не смертельно... — Так он хотел успокоить Икиру и Володю. И себя...

«А я, кажется, и правда не боюсь. Почему я будто замороженный? Кажется, это называется «шок». Потом буду трястись и реветь. Так пишут в книжках... Ладно, лишь бы выдержать сейчас...»

— Это не смертельно... — снова сказал он. Хотя как знать? Может быть, задета важная артерия. Кровь иногда черными шариками высакивала из пулевого отверстия. Марко снова задергал стеклянным ножом.

— Икира, тяни...

Тот, всхлипывая, потянул. Они сорвали с Володи матросский воротник. Володя коротко постонал.

— Потерпи, — сердито велел Марко.

— Да... Спасибо, ребята...

— Пока не за что... — процедил Марко.

У темного, с полосками, воротника была белая подкладка. Марко с Икирой оторвали ее. Икира все всхлипывал, но, кажется, сам не замечал этого. От подкладки рванули лоскут. Марко свернул его в несколько раз, положил на рану.

— Икира, найди плоский камень...

Икира был молодец и умница. Тут же нашупал рядом плитку известняка. Марко прижал ей к раненому плечу самодельный пластырь.

— Это на минуту... Икира, рви...

Воротник и его подкладку они растерзали на полосы. Марко связывал их, а Икира подавал, как помощник пулеметчика подает ленты. Все трое шумно

дышили. Икира и Марко — часто, Володя — медленно и хрипловато.

— Приподнимись, — велел Марко.

Володя помычал, уперся локтями и приподнял тело над каменным полом. Марко протащил у него под грудью самодельный бинт.

— Икира, тяни...

Отбросили плитку, прижали матерчатой лентой по-темневшую накладку. Затем протянули под Володей бинт еще раз и снова прижали им пластырь. Марко стянул рифовым узлом два конца у Володи под мышкой.

Передохнули.

— Двигаться можешь? — спросил Марко.

— Надо идти?

— Сперва надо ползти. До лестницы... Под стенкой... Чтобы не увидели с вашей лоханки...

— С «нашой»... — Через силу хмыкнул Володя. — Ладно... поползем...

— Икира, давай вперед...

И они поползли. Икира впереди — как растворившаяся в узкой тени ящерка. За ним Володя — с хрипами и обрывочными ругательствами. Марко полз рядом и придерживал бинт на Володином плече, тот все время норовил съехать.

Сколько ползли — не понять. Долго. Но Луна по-прежнему висела на высоте. «Хоть бы ты провалилась куда-нибудь», — сказал ей Марко.

Наконец добрались до щелины, в которой начались ступени. Здесь была тень. Но была и крутизна.

— Володя, ты сможешь шагать? Вверх...

— Наверно, это проще, чем на пузе... — Он пытался держаться бодро. Встал, качнулся, взялся за скальный выступ. — Ноги вроде бы держат. Малость в голове плывет, но... как-нибудь.

Икира шепотом спросил:

— Марко, а потом... куда?

— В школу, конечно. Это ближе всего... И тетя Зоря когда-то работала санитаркой...

Икира положил руку Володи себе на плечо. Это было все равно как если бы стебелек подставился под валун. Однако Володя сказал:

— Спасибо, браток.

Марко запоздало объяснил:

— Икира, это Володя, который дал мне письмо...

И медаль...

— Я догадался... — Икира уже ничуть не всхлипывал.

Марко встал с другой стороны от Володи. Тоже подставил себя под тяжеленную ладонь матроса. А своей ладонью прижал к его плечу повязку с пластырем — чтобы снова не съехала. Сквозь материю проступила липкая сырость.

— Пошли... — нервно дернулся Марко.

Они зашагали со ступени на ступень, с камня на камень. Володя, как и раньше, дышал хрипло и неровно. Иногда говорил: «Постоим». Наверно, слишком сильно плыло в голове. Потом он толчком делал новый шаг...

— Очень больно? — вдруг спросил Икира.

Володя ответил не сразу, будто прислушался к себе.

— Не очень... Только непонятно: засела пуля внутри или прошла навылет... Спереди дырки вроде бы нет... Из «двушки» стреляли, ударная сила небольшая.

— Наверху разберемся... — пообещал Марко. Боль в ногах, усталость в каждой мышце стали уже тупыми и привычными. Он подумал: «Все равно когда-нибудь это кончится...»

Но кончилось не так, как он надеялся. Володя вдруг попросил:

— Постойте-ка, хлопцы, присяду... чтобы не лечь...

Его усадили на ступень. Прислонили спиной к вертикальной глыбе.

— Что-то совсем повело меня... не туда... — выговарил он, будто извинялся... — Надо передохнуть.

До верха оставалось всего ничего. Но Марко понял, что Володя больше не сможет идти, сколько бы ни отдыхал. Кровь-то не останавливалась, несмотря на повязку. И, наверно, он ее немало потерял еще в воде.

— Икира...

— Что? — Икира словно встал навытяжку.

— Давай бегом в школу. У тети Зори есть тележка, она в ней возит продукты для буфета... Прикати сюда. Погрузим Володю, довезем... Или ты очень устал?

— Не устал... — Икира прыгнул вверх и вдруг оглянулся: — Марко, я разбужу Юрия Юрьевича. И скажу все как есть...

— Правильно! Беги!

Икира (неутомимый и храбрый!) исчез, а Марко подумал, что малыш умнее его в сто раз. Даже мудрее... Потому что поднять директора — было самое правильное решение.

У директора средней школы в поселке Фонари была фамилия Гнездо. Очень для него подходящая. Худой, высокий и длинноносый — напоминал он аиста. Вернее, сразу пару аистов, потому что был стремителен и порывист и как бы раздваивался в движениях. Казалось, что эти аисты стоят в гнезде и что-то выясняют друг с другом. Был он одинок, с женою давно разведен, дети разъехались. Жил при школе и ей отдавал энергию, которой сохранил еще немало в свои пятьдесят пять лет.

Он любил математику, поселок Фонари и шумную школьную братию, которая вся, от первоклассников до выпускников, знала: «Наш Гнездо — лучше всех *от и до!*» При этом, разумеется, ставился торчком большой палец.

Он сроду не жаловался на ребят родителям, заступался за них перед нервными наставницами, иногда дурачился с малышами, а со старшеклассниками вел беседы о смысле человеческого бытия. Не всегда убеждал их, но все равно был «от и до». Порой злился, но не долго. Его угроза выдрать двух политических оппонентов-девятиклассников была, конечно же, просто ораторским приемом. Впрочем, весьма убедительным...

Директор искренне обрадовался, когда Марко вернулся из столицы:

— Правильное решение. Умные люди в провинции нужнее, чем в избалованных мегаполисах...

Марко решил напроситься на похвалу:

— А я умный?

— Временами, — хмыкнул Гнездо.

«Как он посмотрит: по-умному ли я поступил сейчас?.. Ну, не совсем же по-глупому! Ведь не было же выхода!.. Но, наверно, он скажет, что я не имел права тащить с собой Икиру... Конечно, не имел. За это влетит. Ну и пусть...»

Марко сел рядом с Володей. Тот шевельнулся.

— Этот, маленький... он твой дружок?

— Да...

— У меня братишко такой же... шустрый и костлявый... Не знаю, увидимся ли после всего...

— Увидитесь, — пообещал Марко.

— Письмо-то отослал?

— Сразу же...

— Спасибо...

— А почему ваши... нюшкынцы то есть, стали днем стрелять по берегу?

— А черт их знает... Психи. Капитан псих и старпом...

«Чуть меня не накрыли», — едва не сказал Марко. Но вместо этого спросил:

— А чего ты сиганул с крейсера? Не ужился?

— Дал по морде старпому...

«Нехорошо», — хотел пошутить Марко, но понял: Володе не до трепа.

— Дай посмотрю плечо... — Повязка набухла еще сильнее. — Сильно болит?

— Болит, сволочь. Сильней, чем прежде...

— Ну-ка... — Марко осторожно положил на сырой бинт ладони. Постарался, чтобы дрогнули струнки. Они... дрогнули. Марко представил, что они — частичка мировых струн, прошивающих весь мир. И Володю. Может, и его струнки — пускай и порванные пулей — отзовутся?

— Смотри-ка... — шепнул Володя удивленно.

— Что?

— Полегчало... Значит, ты это... умеешь?

— Иногда...

Сверху запрыгали камешки, зашуршало.

«Как они быстро... Или это кто-то чужой?»

Это были свои. Первым спрыгнул Икира. За ним — вполне по-молодому — директор Гнездо. Сказал официально:

— Марко Солончук, подержи сумку... — Затем наклонился над Володей, включил пальчиковый фонарик с тонким лучом. — Тэк-с... Знакомая ситуация. — Иванко Месяц, подержи фонарь...

Он достал складной нож.

— Придется лишить пациента остатков обмундирования... Молодой человек, отодвиньте спину от камня. Мальчики, помогите...

Икира и Марко помогли Володе «отклеиться» от ракушечного выступа. Директор лезвием (видимо, очень острым) полоснул по бинту, потом по лохмотьям форменки. Отбросил их. Убрал с Володиного плеча набухший тампон.

— Ясно. Помощь была оказана не совсем умело, но старательно... Марко, открай сумку.

Марко торопливо откинул крышку на холщовой торбе. Юрий Юрьевич запустил руку. Вытащил пакеты в хрустящей упаковке — вату и бинт.

— Икира-свет, подержи... — И снова посветил на Володино плечо. — Да, без медицины не обойтись...

— Только властям не говорите... — шепотом проговорил Володя.

— Властям не скажем. Ни тем, ни другим... Поскольку это совершенно не их дело... Это... абсолютно наше внутреннее дело, до которого ни властям, ни... общественности нет никакого касательства... Не правда ли, дети? Молчание помогает держать в стабильности нервную систему. Такая стабильность особенно полезна тем, у кого утром годовой диктант... Надеюсь, шестиклассник Солончук не забыл об этом мероприятии, пускаясь в ночные авантюры?

Шестиклассник Солончук о диктанте совершенно забыл, но сейчас шепнул, что «конечно нет».

Говоря без остановки, Юрий Юрьевич залил рану жидкостью из черного пузырька («пациент» громко замычал) и с ловкостью опытной медсестры перевязал Володино плечо. Икира светил.

— Марко, голубчик, все тряпки и обрывки в сумку. Чтобы не оставлять следов. Ситуация как в романе Диего Переса об испанских контрабандистах... Молодой человек, вы сможете одолеть несколько ступеней?

Володя толчком встал. Кажется, излишне храбро. Замычал опять, покачнулся...

— Ложитесь мне грудью на спину.

— Я вам куртку кровью испачкаю...

— Она была уже испачкана кровью много раз. В том числе при переделке под Саида-Харом... Впрочем, вы тогда еще не родились... Ложитесь...

Володя навалился на Юрия Юрьевича.

— Давайте, мы поможем, — неуверенно предложил Марко. Хотя сам не знал — как.

— Помогите. Скачите наверх и приготовьте кабриолет. Иначе говоря, телегу...

Они оба, словно появились новые силы, рванули наверх.

Тележка была крупная, на велосипедных колесах, с фанерным коробом. Передняя стенка короба оказалась откинутой, так что и готовить нечего.

— Юрий Юрьевич меня прямо в ней сюда докатил, — признался Икира. Сказал: «Ты измотался». Я не хотел, а он меня... в охапку: «Сиди...» И бегом...

На обрыве показался директор с повисшим на нем Володей.

— Люди, берите его за ноги... А я под мышки... Раз, два...

«Сильный. А ведь почти старик...» — подумал Марко. Седая гладкая прическа директора блестела под Луной.

Володю уложили спиной в тележку. Кажется, он был без сознания. Разбухшие ботинки ударились о фанеру передней стенки — она держалась горизонтально.

— Передохнем секунду, — вдруг сказал директор Гнездо. — Что-то внутри застукало невпопад. Я, ребятки, уже не тот...

— Тот, — отчетливо сказал Икира.

Юрий Юрьевич хмыкнул, провел по серебряным волосам ладонью, словно Луна припекала голову. И вдруг попросил:

— Иванко-свет, не мог бы ты сказать своей родственнице, чтобы не сияла так бессовестно. Хорошо, что нет никого поблизости, но ведь могут встретиться. Начнутся расспросы...

«А ведь Икира-то — Месяц! — сообразил Марко. — Правда, лунная родня...»

Икира ничего не сказал, но так уж получилось, что единственное в небе перистое облачко наехало на Луну. Свет ее сразу потускнел.

«Совпадение? Или...» Все вокруг было необычным, и всякие «или» не казались удивительными.

— Спасибо, друг мой, — серьезно сказал Юрий Юрьевич Икире. — Двинулись...

Втроем навалились на перекладину, соединявшую трубчатые «оглобли». Директор сказал, что придется ехать не широкой улицей, а переулками, так меньше риска встретиться с поздними прохожими.

— Ну, а если уж встретятся, скажу, что провожал вас после астрономических бдений и наткнулись мы на неизвестного пьяного господина. Везем, чтобы отоспался в сарае...

К счастью, никто не встретился. Вкатили тележку на школьный двор. Там ждала тетя Зоря. Молчаливая, деловитая. Открыла широкую дверь сарай со школьным имуществом.

— Я все приготовила, под полом... Внизу надежнее. Вдруг пошлют людей с корабля вынюхивать вокруг...

В половицах был открыт люк, светился желтым квадратом. Тележка подъехала прямо к нему. Володя очнулся и через силу сказал, что спустится на своих ногах. И спустился. С помощью Юрия Юрьевича и Марко. А внизу опять зашатался, тетя Зоря поймала его в охапку. Уложила на застеленный простыней топчан. Икира поправил под Володиной головой цветастую подушку.

Марко расшнуровал на Володе тяжеленные ботинки, стянул, бросил в угол. Запахло сырой кожей. Володя лежал, закрыв глаза. Бинт резко белел. Директор посмотрел на Володю, на тетю Зорю.

— Зоря Павловна, голубушка, сходите-ка, разбудите доктора Канторовича... Чем скорей, тем лучше...

— И то дело... — Тетя Зоря с непривычной для нее ревностью взбежала по лесенке.

Марко вдруг понял, что — всё, финал. Они с Икирой больше не нужны. И резко захотел спать. Услышал сквозь навалившуюся слабость:

— Теперь — шагом марш по домам. Вернее бегом. И больше никаких приключений...

— Да, — сказал Икира.

Они поднялись, вышли из сарайчика. Луна опять горела, как прожектор, хотя висела пониже.

Марко тряхнул головой, бормотнул:

— До свиданья.

— Спокойной ночи... Проводи Месяца до дома.

— Конечно...

— Шагайте... Хотя подождите. Изложите-ка в двух словах, что вас понесло на берег?

Марко снова мотнул головой, прогоняя сонливость. Изложил. В двух словах. Мол, смотрели на большую Луну, потом взглянули на крейсер, увидели, как прыгнул матрос, услышали пулемет. Поняли, куда выплынет беглец, если уцелеет... Ну и побежали...

— И больше ни о чем не подумали?!

— А... О чем?

— Могли бы сразу ко мне заскочить.

— В голову не пришло, — вздохнул Марко.

— Хорошо, что хотя бы потом пришло...

— Это Икире... — прошептал Марко.

«Сейчас он скажет: зачем потащил малыша с собой?»

Юрий Юрьевич этого не сказал. Глянул на Икиру.

— А ты, свет мой Иванко, совсем решил стать Магули? Я смотрю, уже и от штанов отказался.

— Ой! Вот его штаны! Они демаскировали... — Марко вытащил из кармана белый жгут. Раскрутил. — Икира, держи...

Тот обрадованно прыгнул в шортики, разгладил их ладонями.

— Ладно, ступайте... — устало сказал директор. — И подумайте, что с вами следовало бы сделать за все эти фокусы. Вернее, с тобой, Солончук. Икира по малолетству серьезным санкциям не подлежит...

— Почему это? — обиделся Икира. — Я под... подлежу... подлежу...

— Ну? — поторопил Марко директор.

— Надрать уши? — с печальным пониманием спросил Марко (и вспомнил уши Кранца-Померанца). Героем себя он вовсе не чувствовал.

— Как минимум... Хотя с другой стороны... В старых романах вопрос решался диалектически...

— Как? — опасливо пискнул Икира.

— То есть с двух сторон. Герою говорили: «За храбрость получите именное оружие, а за нарушение дисциплины отправитесь на шесть недель в крепость под арест»... — Юрий Юрьевич опять оживился. — Однако держать вас под арестом негде. И кормить нечем... А оружие... Пожалуй, для Солончука я найду в кладовке ржавую рапицу из театрального реквизита... Отчишишь сам... А Месяцу подарю большую рогатку, которую недавно отобрал у Анастаса Галушки. Дубина такая, восьмиклассник, а стрелял с берега по чайкам...

— Я никогда не стреляю по живому, — сумрачно сообщил Икира.

— Я знаю. Потому и подарю. Будешь тренироваться, сшибать созревшие яблоки в саду. Можно в чужом...

— Ладно... А правда, подáрите?

— Хихилой буду...

Посмеялись. Марко хотел спросить, правда ли и насчет рапиры, но вдруг зябко дохнуло на него беспокойство.

— Юрий Юрьевич! А ведь доктор Канторович... Он же тогда на собрании в клубе говорил все против Империи. Что НЮШ во всем прав и хорошо сделал, что прислал крейсер! Он... никуда не сообщит?

Директор потрепал Марко по плечу.

— Душа моя, доктор Канторович — врач. Настоящий. Такие врачи не занимаются доносительством, они выполняют свои врачебные обязанности... А кроме того, мы учились в одном классе. И у нас была кровка...

КРОВКА

Марко проводил Икиру. Помог ему влезть в открытое окошко. В доме было тихо, значит, его мама не заметила, что ненаглядный сын гуляет среди ночи.

Марко пробрался в свою «хижину». Зажег лампочку. Мамочки мои, рубашка вся изжеванная и перемазанная на груди кровью. Марко скомкал ее и сунул под кровать. Упал на одеяло и провалился во тьму.

...Разбудила его сестрица Евгения. Постучала в стекло открытой створки. Марко проснулся моментально. И сразу все вспомнил. Тряхнул головой и сел. Пяткой толкнул подальше под топчан перемазанную рубашку.

Женька торчала в окне, как в портретной раме.

— Чего тебе?

— Ты не забыл про диктант?

— Рехнулась, да? Он в десять часов, а сейчас... — Марко глянул на будильник, — восьми нет...

У Женьки-то контрольная начиналась в девять, поэтому сестрица была уже во всей красе — в белом платье с кружевами у шеи. И не в мини, а в нормальном. Она сказала:

— Мама ушла на рынок и велела тебя разбудить. Иначе ты не поднимешься и к обеду.

«И не поднялся бы. После всего, что было... Фиг с ним, с диктантом, но как там Володя?»

Женька прошлась по брату глазами.

— Папуасское чудовище... Оденься по-человечески.

— Зануда какая... — Марко дотянулся до тумбочки, вытащил бирюзовую водолазку с белой полосой у ворота. Вполне парадная одежда. Натянул...

— Довольна? — Лишь бы не спросила о рубашке. Любят соваться, куда не надо.

— Надень длинные штаны...

— Я, по-твоему, ненормальный?

— Посмотри на свои ноги. Будто по колючей проволоке ползал...

— Там и ползал...

— Все будут смотреть и удивляться.

— Пусть... Кто слишком удивится, скажу: ездил в Мексику, гулял среди кактусов...

— Я тебе серьезно говорю...

— И я серьезно... У меня в кармане на старых штанах джольчик лежит. Его перед опасным делом нельзя в другое место перекладывать, плохая примета...

— Диктант — опасное дело? — хмыкнула она.

— А контрольная? Зачем у тебя на шее камешек-дырчик?

— Мало ли зачем... Надень хотя бы чистые носки.

— Это сколько угодно... — Марко выдернул их из тумбочки. Светло-синие, с белыми полосками, под стать водолазке. Натянул, поболтал ногами. — Видишь, какой я послушный...

— Вредный, как бродячий петух... Будешь умываться и завтракать — водолазку сними, а то перемажешь...

— Слушай, зачем тебе морской институт? Иди в гувернантки. У тебя призвание... — сказал Марко. Но водолазку снял.

— Хочешь, принесу яичницу и молоко? — примирительно спросила Евгения.

— Иногда ты бываешь вполне порядочным человеком. Когда постараешься...

Он умылся под шлангом на огороде. А в голове все царапалось: «Что с Володей?» Но в конце концов он же там не один! С ним взрослые заботливые люди!..

Когда Марко вернулся, на подоконнике стояла тарелка с горячей глазуньей и кружка, накрытая пшеничным ломтем. И даже про вилку Женька не забыла! Нет, она в самом деле ничего сестрица!

Марко стоя сглотал яичницу, взял кружку, сел на постель. И в этот миг в окне возник Икира. Осторожно сдвинул тарелку, сел на подоконник верхом, покачал коричневой ногой (такой же исцарапанной, как у Марко). Прислонился теменем к оконному косяку. Глянул непонятно.

— Ты чего? — забеспокоился Марко. — Я думал, ты еще спишь изо всех сил...

— Я вообще не спал... — шепотом отозвался Икира.

— Почему?

— Так... Думал...

— Переживал? — с пониманием сказал Марко. — Не бойся. Все с ним будет хорошо...

— Марко, я не *про него*... Я про тебя...

Марко быстро поставил кружку на тумбочку.

— Икира, что случилось?

Икира перекинул через подоконник вторую ногу, сел к Марко лицом. На фоне яркого окна лицо было плохо различимо. Он сказал:

— Ничего. Просто думал...

— Иди сюда.

Он сразу подошел. Встал перед Марко, тоненький, прямой, только голова — носом вниз. Подергал кромки белых штанишек, потрогал на груди ожерелье-джольчик (и как он его не порвал, не потерял вчера?!). По-

дышал тихонько и часто. Вскинул глаза. Теперь видно было — какие лиловые.

Марко прошептал осторожно, с боязнью даже:

— Почему ты... думал про меня?

Икира переступил босыми ногами, съежил плечи, но глаз не отвел.

— Потому что... Я хотел... Марко, давай сделаем кровку.

Вот оно что...

В таких случаях глаза не отводят. Говорят «да» или «нет».

«Кровка» — это клятва о крепкой дружбе. На всю жизнь. Кровкой соединяют себя не все. Даже не многие. Потому что не каждому это надо. Можно прекрасно жить и без клятв. Из всех Маркиных знакомых кровка связывала только Пикселя и Топку (может, и еще кого-то, но Марко не знал, про это не принято говорить). Большинство были просто друзья-приятели, и вполне их это устраивало. И Марко устраивало. А чего такого? Хорошие ребята с Маячной улицы, не вредные, не драчливые. Когда надо, помогут в трудном деле. Можно им и кое-какие тайны доверить. Ну, не все, конечно. Про клипер со струнами рассказывать не стал бы он никому... Разве что Юнке. Но где она, Юнка? И к тому же с девочками не заключают кровку, это чисто мальчишечий обычай.

Давний обычай...

В прежние времена при такой клятве укалывали булавкой или ножиком друг другу палец, смешивали две красных капельки в одну, сцеплялись мизинцами и вместе говорили:

Кровка-кровка,
Божья коровка,
Крылышки слепила,
Нас соединила!

Считалки-заклиналки про божью коровку известны во всем мире и с давних времен. Помните, еще Том Сойер, американский мальчик из девятнадцатого века, проснувшись на необитаемом острове, пугал коровку стишками:

Божья коровка,
Полети на небо,
В твоем доме пожар,
Твои дети одни...

В нашем времени коровок так не пугают. Если и обманывают, то безобидно:

...Полети на небо,
Там твои детки
Кушают конфетки...

Заклинание для кровки родилось, видимо, из этих же считалок. Вполне подходящее. Ведь у божьей коровки два красных крыльышка. Она сложит их вместе — и как одна капелька крови. Одна на двоих...

Потом обычай колоть пальцы исчез. Больно все-таки, а среди тех, кто заключал кровку, были иногда и совсем небольшие пацанята. И появилось решение, что можно обойтись без уколов. Достаточно слов. Слово, оно ведь крепкое и без крови...

Марко, как вчера ночью, взял Икиру за горячие локти, придинул ближе.

— Ты... это по правде?

— Да... — Икира вдруг заморгал и отвернулся. Сказал еле слышно: — А что?.. Я не гожусь? Маленький, да?..

Локти его стали еще горячее, тепло от них через ладони Марко пошло по всем жилкам.

...Вот ведь как случается. Бегал среди ребят девятилетний коричневый пацаненок, веселый, добрый, всеми любимый, но и только. Один из многих. И вдруг — большая Луна, берег, раненый пловец. Насквозь просвеченная зелеными лучами ночь. Одна на двоих опасность, один страх... Одна радость спасения... Или дело не в этом? Дело в *струнках*?

— Ты... очень годишься...

«Скорее уж я не гожусь. Потому что ты смелее, честнее, добре...»

— И совсем ты не маленький, а такой же, как я... три года назад. Какая разница...

Икира опять глянул прямо. Локти дрогнули и затвердели.

— Тогда... значит «да»?

— Да.

— Тогда... давай?

— Давай. Помнишь слова?

Икира кивнул так, что спутанные локоны слетели на лицо, он рывком головы отбросил их. И снова глянул Марко в лицо.

Оба сказали разом:

Кровка-кровка,
Божья коровка,
Крылышки слепила,
Нас соединила...

Вот и все. Был просто Икира, а теперь...

Марко крутнул Икиру, посадил рядом. Встрихнул. Но тот все еще был напружененный и словно чего-то ждущий. Помусолил палец, потер царапину на запястье. Быстро глянул сбоку:

— Я боялся... вдруг ты не захочешь...

— Зря боялся...

А что еще сказать? И Марко спросил:

— Икира... А у тебя еще с кем-нибудь есть кровка?
Тот удивленно отодвинулся.

— Нет конечно! С чего ты взял?

— Ну... Я подумал: может, со Слоном...

— Не-е... — выдохнул Икира. — Слон слишком взрослый.

— Ну и что? Разве со взрослым нельзя?

Икира опять потер царапину.

— Слон хороший. Но он застеснялся бы говорить... про божью коровку. Сказал бы, но не всерьез... А мы ведь всерьез?

«А *ты* ведь всерьез?» — стрункой прозвучал в нем вопрос.

— Само собой, — ответил Марко со спокойной твердостью. Как бы поставил точку в этом вопросе.

Но Икира пока не поставил:

— И потом еще...

— Что? — Марко опять поежился от беспокойства.

Очень вдумчиво Икира объяснил:

— Это ведь не со Слоном, а с тобой вчера я... Ты спасал человека, а я помогал...

— Мы вместе одинаково спасали... Хочешь молока? Ты, наверно, с вечера ничего не ел.

Икира приподнял коричневые плечики.

— Ну и что? Я почти никогда не ем...

— Как это никогда? Ты чего сочиняешь!

— Я не сочиняю. Мне хватает побегать под солнцем.

От его лучей набирается сила...

— Икира! Это правда, или ты...

«Дурацкий вопрос! Он же никогда не врет!»

— Конечно, правда. Я думал, это все знают...

— Я не знал...

— Я иногда сажусь за стол, жую чего-нибудь, чтобы маму не расстраивать. Но мне это не надо...

— А если зимой?

— Ну и что? Выскочу на двор без рубашки, поверчусь немного, мне хватает...

— Слушай, а ты случайно не пришелец? Может, мама тебя нашла в зарослях? Помнишь кино про звездного мальчика?

Икира засмеялся. Вдруг потянулся, откинулся, лег на постель, вытянув ноги за спиной у Марко. Потом рассудительно сказал:

— Какой же я пришелец? Я наоборот... весь здешний. Вот как эти камушки... — он тронул свои бусы. — Или травка икира... Мне поэтому и умирать не страшно...

— Ты в своем уме?! — перепуганно взвинтился Марко. — Зачем тебе умирать?!

Икира объяснил, глядя в потолок:

— Да ни за чем. Просто иногда думается про такое... Ну, про это ведь все думают. Некоторые боятся... А я не боюсь, потому что всегда останусь кусочком этой земли. Она во мне, я в ней...

«Он где нашел такие слова?.. Господи, спаси и сохрани его!..»

Марко жалобно спросил:

— А можно я дам тебе по макушке?

— Не-а! — развеселился Икира. — Кровку нельзя обижать.

— Я не для обиды, а чтобы выбить дурацкие мысли...

— Вовсе не дурацкие... Марко, а знаешь, что для меня полезнее всего? Даже полезнее солнца?

— Что? — спросил Марко все еще сумрачно.

— Нитка от змея. Когда его запускают на горе и дают подержать нитку, я чувствую ее дрожание. И от него, как от лучей... во мне...

— Будто струнки звучат в ответ? — осторожно спросил Марко.

— Да! — Икира приподнялся на локтях.

«Ты сам — струнка...» Марко даже перед собой застеснялся этой шевельнувшейся в нем ласковости. И деловито сообщил:

— Надо собираться. На диктант...

Он снял с крючка у двери свои видавшие виды штаны. Хорошо, что на них ни одного бурого пятнышка. Но зато сколько пыли и ракушечной крошки... Марко вышел на травку, отхлопал штаны валявшимся у дверей веником, прыгнул в них, нашупал в кармане медаль. «Джольчик, ты со мной всегда, не найдет меня беда...» Он пощурился на солнце, вдохнул запахи южного края и вернулся к Икире.

Икира спал, отвернувшись к стене и подтянув к подбородку колени. На коричневом лаке плеча горел солнечный зайчик.

Надо было чем-то накрыть Икиру. Но чем? Потянешь из-под него одеяло — разбудишь. Ладно, все равно он зябкости не ощущает. И Марко накрыл Икиру мысленно. Большим флагом Свода сигналов — синим с белым прямоугольником посередине. У приморских ребят он считается флагом удачи, потому что обещает скорый выход в море.

«МЫ ДРУЖИЛИ НЕДОЛГО...»

Диктант оказался пустяковый. История про бродячую собаку и двух ребят — мальчика и девочку, — которые эту собаку пригрели. Рассказик не для шестиклассников, а, скорее, для начальной школы... Кстати, спросили: может быть, кто-то желает писать диктант не на государственном языке империи, а на официальном языке НЮШа? Тогда пожалуйте в соседний класс, к Оксане Глебовне. Желающих оказалось двое...

Да, текст был простенький, но Марко знал, что можно и в таком наляпать ошибок, если думаешь о пос-

торонних делах. И заставил себя забыть все недавние события...

«Эта история случилась в городке, где жили два пятиклассника, Сережа и Маша...»

Диктовка заняла не больше получаса.

— Вот и все. Теперь внимательно перечитайте, проверьте и можете гулять. Через два часа придется узнать результаты...

Вот так! Это в Лицее процесс затянулся бы на сутки: компьютерная сверка, согласования, педагогический совет... А здесь все, как в прошлом веке — просто и быстро. Но два часа все же придется потомиться в тревожном ожидании.

Марко, однако, томиться не стал. Сразу включились в нем прежние заботы и тревоги. «Может, пойти к тете Зоре, узнать, как дела с Володей? Был ли врач? Что сказал?» Перед Марко возник Икира. Выспавшийся, бодрый и даже в рубашке (в школу пришел все-таки). Он будто почитал мысли своего кровки, сразу сказал:

— Я спрашивал тетю Зорю. Она сказала, что все в порядке. Он спит...

— Давно спрашивал?

— Ну... С полчаса назад.

— Это давно. Пойдем, спросим еще...

— Она сказала: «Будете соваться, я вас шваброй...»

— А мы издалека.

Она и увидела их издалека, на школьном дворе. Шваброй грозить не стала, поманила:

— Пошли со мной. Он лежит и все про вас спрашивает...

Оглянулась, повела их в сарай. Открыла люк.

— Только недолго там, доктор сказал, что у него слабость от потери крови...

Стали спускаться вдвоем. Марко ощущал боязливое замирание. В комнате по-прежнему горела желтая лам-

почка, но теперь у самого потолка сквозь заслоненное сурепкой оконце пробивался и дневной свет. Пахло ботинками, бинтом и йодом, но не сильно — шуршал у оконца вентилятор.

Володя полулежал. Щеки были такие впалые, что казалось, будто в них темные провалы. Глаза блестели. Но голос оказался живым, веселым даже:

— Подгребайте ближе, братцы, садитесь...

Икира сел у Володи в ногах, Марко на табурет.

Помолчали.

— Да, выволокли вы меня из беды, — сказал Володя уже не так весело. С неловкостью. — Тыщу раз надо повторять спасибо. Да пока дыхалки не хватает...

— Да чего там... — скомканно отозвался Марко. — Это директору надо спасибо говорить...

— Ему — само собой... Сколько народу со мной возится... И вы, и Зоря Павловна, и доктор, и Юрий Юрьевич... Обещают помочь добраться домой, на Север. Когда очухаюсь... Рана-то не тяжелая, лишь бы не было какой-нибудь заразы...

— Не будет! — звонко пообещал Икира. — В морской воде много йода, она лечит...

Володя улыбнулся в ответ.

— Доктор то же говорил... А тебя как звать-то, хлопчик? Там, на берегу, я не разобрал...

Икира почему-то смутился. И Марко сказал:

— Его зовут Иванко Месяц. Но это так, для школьного списка. А вообще он — Икира. Есть такая здешняя травка.

— А у меня братишка... такой же стебелек. Сергей-кой звать... Лежу и думаю: когда встретимся?

— Скоро встретитесь, — живо сказал Марко. — Залечишь дырку в плече и будешь добираться к дому.

— Это да... Только всякие заслоны-кордоны... Война эта поганая. Чего людям не живется спокойно?

— А что случилось на крейсере? — спросил Марко. — Зачем ты старпома-то?..

— За его слова, — глуховато объяснил Володя. — Был я на ночной вахте у магнитного нактоуза. Там и делать нечего, стой себе да зевай в кулак. А эта шкура таскается по всему пароходу с фонариком, вынюхивает: что где не так... Подошел, я докладываю: «Ваша вельможность, матрос Горелкин занят несением вахты...» А он фонариком прошелся по мне, по нактоузу и захрипел: «Не вахтой ты занят, а...» — Ну, и поганое слово. — «Почему на чехле мусор?» А там на брезенте и правда чешуйки от тыквенных семечек. Разгильдяй какой-то щелкал и оставил, я не разглядел... Говорю старпому: «Я же приборкой не занимался, я в карауле»... Он опять: «Не в карауле ты, а в...» — и матом. — «Студенческая крыса! Как штаны в институтах просиживать — это вы будьте ласковы! А как службу нести — дуля в кармане!..»

Я не стерпел:

«А она мне нужна была, ваша служба? Я на нее не просился».

Его скрутило двойным штопором.

«Не просился ты, да? Хлеб да сало жрать готов от пуга, а родине священный долг отдавать — тебя нету? Тыловая гнида!..»

Мне вдруг тоскливо стало, нету сил. От старпома самогоном несет, от палубы ржавчиной, с камбуза кислятиной... В горле комок. Я его сглотнул и говорю:

«Где здесь моя родина? Родина там, где мама...»

Он изогнулся опять, воздух вобрал и давай сипеть:

«Недоносок. Мама твоя — базарная баба, если родила такого гаденыша...»

Я на гражданке одно время боксом занимался... Он отлетел шагов на пять, а я думаю: «Теперь спасенье только за бортом...»

Помолчали. Володя прикрыл глаза. Может, снова думал про маму?

Марко сказал:

— Твое письмо я отправил сразу же...

Володя чуть улыбнулся:

— Да, ты говорил...

— Значит, медаль ты не зря дал... Вот она... — Марко положил тяжелый кружок на ладонь. Володя опять поднял веки.

— Я бы ордена не пожалел...

— Она лучше, чем орден. Это теперь у меня джольчик. Ну, так у нас амулеты называются. Которые приносят удачу...

— А у меня амулета не было. Медальку-то эту я просто так носил в кармане. Случайно нашел на берегу... Ну, значит, не зря...

Икира завозился на краю лежанки, расстегнул рубашку. Снял ожерелье. Развязал нитку, сдернул с нее две «бусины» — зеленый камешек и завитую ракушку размером с гравенник. Заерзал, придвигаясь.

— Вот... возьми для удачи. Это тебе и Сергейке...

Володя взял амулетики в ладонь. Стал очень серьезным.

— Ну, спасибо тебе... стебелек Икира. Это и правда к счастью. В них тепло... живое...

Появилась тетя Зоря.

— Ну-ка, гости ненаглядные, марш гулять. Владимир, ты отдохтай, доктор велел больше спать.

— Слушаюсь, Зоря Павловна... Счастливо, хлопцы. Заглядывайте еще...

Когда вышли на двор, тетя Зоря сказала в спину Марко:

— Постой-ка... Солончук. Тут тебе письмо...

— Мне?!

— Ты ведь один у нас Марко Солончук. Пришло на школу, директор еще вчера велел передать, да было не до того...

Марко с дрожью в пальцах взял конверт (хотя чего вздрагивать-то?). Надпись «Марко Солончуку». Потом цифры индекса и адрес: «Южный край, Тарханайская коса, пос. Фонари, средняя школа, 6-й класс»... Обратного адреса не было. Марка — нюшская, с початком. А штемпель? Размытый, но можно прочитать: «Ново-Византийск»...

Слева от школьного здания был сквер с акациями и каштанами. И с двумя кизиловыми деревьями, между которыми тетя Зоря в марте подвесила прочные качели. Икира устроился на качелях, деликатно показывая, что ему дела нет до письма. Марко ушел под развесистый каштан, сел верхом на узкую скамейку. Рывком вскрыл конверт...

Белый листик, синие аккуратные строчки.

«Здравствуй, Конек! Я не дождалась твоего звонка и попросила папу позвонить в Лицей, чтобы там сказали твой номер или адрес. Нельзя же так сразу прекращать отношения, верно? А в канцелярии сообщили, что ты вернулся на Побережье. С Побережья ты тоже не звонил, и я поняла, что это из-за блокады. А потом у меня сменился номер. Я лишь недавно догадалась, что можно написать тебе на школу. Может быть, дойдет...

Я не люблю писать письма, но сейчас решила написать, потому что не хочется, чтобы все быстро забывалось. Мы дружили недолго, но хорошо, правда?

Я не знаю, как у тебя дела, но думаю, что все хорошо. У меня тоже. Мне обещают роль Красной Шапочки в пьесе «Книга сказок». Роль небольшая, но интересная. Говорят, что у меня получится.

Плечо иногда болит, но не сильно. Помнишь мальчика, который играл со мной второго пажа, в зеленом берете? Он дал мне совет, чтобы я тренировалась со скакалкой. То есть с прыгалкой. Я стала заниматься, и это существенно помогло. Теперь прыгаю каждое утро. Шестой класс я закончила хорошо, в основном на 10–11. А ты свой, наверно, на пятерки...

Скоро мы поедем на гастроли по разным городам Штатов. Жаль, что ближе к Северу, а не к морю, там все время конфликты. Но я надеюсь, что у вас в Фонарях спокойно.

Марко, я желаю тебе хорошего лета.

Юнка Коринец».

«Вот и все», — подумал Марко с ощущением пустоты. Горечи не было, а была... именно пустота. И даже какое-то облегчение.

«Мы дружили недолго, но хорошо, правда?»

Правда...

«Мне обещают роль Красной Шапочки...»

Дай Бог тебе удачи... Наверно, мальчик в зеленом берете тоже будет кого-то играть. Рядом... Этого мальчика-пажа Марко не помнил. Нисколечко. Но все равно — пусть и ему повезет...

«Он дал мне совет, чтобы я тренировалась со скакалкой»...

Молодец, правильный совет. Пусть никогда у Юнки Коринец ничего больше не болит.

А новый номер она не сообщила. Может, забыла написать? Или решила, что блокада — навсегда? Нет, едва ли...

«Ты теперь будешь терзаться целыми днями?» — сказал он себе.

«А вот и не буду!»

Она еще написала: «Желаю тебе хорошего лета».

Ну и что же? Оно и в самом деле неплохое. По крайней мере, интересное. Вон сколько всего!..

Подскочил Икира.

— Марко, в школе звонят! Наверно, зовут узнавать отметки!..

Марко сунул конверт в карман левой штанины, а листок — в правый задний.

— Марко, можно я с тобой в классе посижу? Узнаю про тебя сразу...

— А если у меня двойка?

Икира засмеялся:

— Ты будешь плакать, а я утешать.

— Тогда пошли...

У Марко оказалась пятерка.

Вообще-то пятерок было шесть. Кроме Солончука — у Пикселя и Топки, у Игоря Ковальчука, Лариски Мавриной и еще одна — у Андрийки Козаченка, который писал «по-нюшски». Двоек не было, к счастью, ни одной. А про Марко Серафима Глебовна сказала, что отличную оценку ему «натянули». Потому что была ошибка: в слове «история» он вместо второго «и» написал «і». Говорят, заступился директор, сказал, что это не ошибка, а описка, «влияние Лицея, где готовы писать букву «и» с одной и двумя точками даже в слове «корова». (Ну, совсем как Марко в споре с Ингой Остаповной).

Кстати, директор присутствовал при подведении итогов (и при этом не бросил ни одного особого взгляда ни на Марко, ни на Икиру). Он объявил, что завтра — последний день занятий, собрание, а потом «гуляйте до осени». Разумеется, грянуло ура...

Икира умчался домой, сказал, что хочет снять рубашку. А Марко окликнула на школьном крыльце Славка. Мирослава Тотойко. У пятиклассников недавно кончились уроки.

— Чего тебе? — неласково сказал Марко. Несмотря на пятерку, настроение было так себе.

Славка проехалась по нему взглядом сквозь белые пряди на лице.

— Какой ты... будто тебя коты драли.

— Ты это и хотела сказать?

— Не только это. Вот еще... Твоя потеря? — Она протянула листик, Юнкино письмо.

Марко дернулся, хотел выхватить, но сжал себя, взял спокойно.

— Похоже, что моя... Да. Где ты взяла?

— В саду у скамейки. Пошла покачаться, а бумажка белеет в траве...

«Выскользнула из кармана. Растила я...»

— И ты, конечно, прочитала...

— А что такого? Я же не знала, чье это... Догадалась только в конце, где «Марко».

— Ну и... есть еще вопросы?

— Больно надо... Хотя бы спасибо сказал.

— Ах да, спасибо... — Он затолкал письмо в тот же карман, где конверт.

У Славки все же был еще вопрос. Помолчала и небрежно так — мол, не очень-то мне и надо — проговорила:

— А эта, Юнка... Она кто? Или секрет?

Скорее всего, она ожидала услыхать что-нибудь знакомое с детсадовских лет: «Лезешь не в свои вопросы — потеряешь нос и косы» (хотя кос у нее не было).

Марко так и хотел ответить. Но спохватился: «А чего это я? Она же нашла, отдала...» Объяснил с зевком:

— Девочка одна. Вместе учились в Лицее.

Славка наклонила к плечу голову.

— Хорошая девочка? Артистка, да?

— Артистка... Еще что спросишь?

— Ничего... А «Конек» — это она тебя так называла?

— Все так называли. Потому что горбатый.

— Не горбатый, а глупый. Чего ты злишься? Я по-хорошему спрашиваю...

— А я по-хорошему отвечаю... Славка, я не злюсь, просто я голодный. Не успел позавтракать как надо, торопился на диктант.

— Ну, иди. Приятного аппетита...

Дома был траур. Женя ходила с красными глазами. Она получила по математике четверку, а ей хотелось большего.

— Кто меня возьмет в институт...

— У тебя же еще год впереди, — утешил Марко.

— Вы с мамой говорите одинаковые слова!

— Правильные слова всегда одинаковые. Ты запоминай и набирайся ума...

— Балаболка... У тебя, в твоей берлоге, недавно мобильник надрывался. Я вошла, схватила, а он уже замолчал...

— Как надрывался? Ведь нет же связи!

Марко давно уже не носил мобильник с собой: толку от него, как от мыльницы.

— Откуда я знаю! — Евгения вскинула лицо и пошла в свою комнату горевать дальше.

Марко кинулся в «хижину». Мобильник лежал на постели. «Хоть бы сохранился номер!»

Номер в шкале «Непринятые вызовы» сохранился. Незнакомый. Ну, понятно! Она же написала, что смешила!

Марко нажал кнопку ответной связи. И конечно же, вместо нее — каменное молчание. Секунда, пять, десять... И вдруг! Загудело, запищало и — ответ!

Но не ее голос. Мужской:

— Это кто?

— Это... Марко...

— А! Я тебе звонил!

— Кто это?

— Как кто! Доцент и бакалавр Никанор Кротов-Забуданский, член Европейского археологического сообщества и редколлегии журнала «Всемирная информация», в здешних кругах известный под именем Пекарь или Пек...

Ну, понятно! С его-то телефоном, завязанным на независимую Космическую сеть, Пек мог дозвониться куда угодно.

Марко не сдержался:

— Тыфу...

— Как понимать это междометие?

— Это я не тебе... Это... Ты как разнюхал мой номер?

— Доцент и бакалавр Никанор... И так далее... знает все. А ты что досадуешь? Думал, что это *она*?

— Тыфу! На этот раз на тебя... Чего тебе от меня надо?

— Чтобы ты предстал предо мной. Нужна консультация насчет девочки. Той, раскопанной...

Марко сообразил, что за полминуты успел напрасно нахамить Пекарю.

— Ладно... Пек, извини. Сейчас предстану, только что-нибудь пожую...

Перед тем, как бежать к Пеку, Марко решил снова посмотреть на девочку. Статуэтка была спрятана в углу за тумбочкой, под старой газетой, Марко не хотел, чтобы на девочку пялились кому не лень... Теперь он достал ее и поставил у изголовья. Девочка покачалась.

— Не скучай, — сказал Марко.

ПРИГАЛКА

Пек был не один. На дворе у Тарасенковых «поселись» Топка, Пиксель и Матвейка Кудряш. Пек, устроившись на крыльце, что-то показывал ребятам на экране ноутбука. Оглянулся.

— Марко, посмотри, что у меня получилось...

Марко шагнул, но посмотреть не успел. От калитки донеслись неласковые голоса и бряканье. Брякало оружие и амуниция. Голоса принадлежали трем парням в морской форме НЮШа (ясное дело — патруль):

— Всем быть на мисте, не ховаться, бо лягете и не встанете живые! Отвечать: кто такие?

Бабка Тарасенкова, что хлопотала неподалеку, у курятника, засуетилась:

— Да то ж дитки соседские та квартирант наш, учёный человек...

Растрапанный небритый Пек в обрезанных джинсах, шлепанцах и рубахе навыпуск не похож был на учёного человека.

Старший из трех — широкий, как игральный автомат, с шевронами марин-сержанта иunter-офицерским малиновым шариком на берете, — сплюнул:

— Бачили таких учёных... Документ!

— Не понял вас, мини-офицер, — сказал Пек. Он стоял очень прямо. Несмотря на обтрепанный вид, он вдруг сделался такой... изящный даже.

— Чা не понял? — тонко и обиженно возмутился патрульный, похожий на ловца пиявок из фильма «Буратино» (только помоложе). — Мамка в дитстве с пидо-кошкa уронила?

— Не понял, потому что изъясняетесь на каком-то опереточном жаргоне. Он не имеет ничего общего ни с южным, ни с северным нормальными языками. Это нынче державная мова НЮШа? Что такое «чा» и «документ»?

«Он издевается над ними!» — с веселым испугом подумал Марко.

— Пане старшина, можно я его ща хлопну? — лениво спросил третий патрульный (унылый и хлипкий). — Бо сам того просит... — И передернул рычажок автомата «Б-2» с подствольником.

— Гóди... — тормознул его марин-сержант (а не старшина). — Ты, храмотный, кажи ксиву, не то поимеешь дирку в макитре...

— «Ксива» — это уже понятнее, — кивнул Пек. И вытащил из кармана джинсов синие коленкоровые корочки. — Побачь, служивый... Грамоту розумиешь? Тут на трех языках, в том числе на английском... — И развернул книжицу.

«Служивые» одинаково вытянули шеи. Их снаряжение — автоматы, тесаки, плоские рации, фляжки и даже наручники — опять позвякало.

— Это ча? — сказал марин-сержант.

— Это не «ча», командир, а удостоверение корреспондента Международного информационного сообщества. Персоны с таким званием имеют статус «но комбатант» и право находиться в сфере любой из воюющих сторон. И обладают полной неприкосновенностью... Ферштейн?

— Га? — спросил похожий на Дуремара матрос и повернулся к марин-сержанту.

Тот покивал:

— Шпигун. Шпиён то есть...

— Давай к стенке... — предложил хлипкий патрульный и опять потрогал рычажок «Б-2».

Ребята обмерли.

— К стенке — это проще всего, — невозмутимо разъяснил Пек. — А последствия? Видишь? — Из корочек он вынул черно-красную пластиковую карточку. В уголке на ней мерцал круглый зеленый огонек. Пек разъяснил патрульным, как дошкольникам: — Эта штучка называется «информационный чип». Она посыпает через спутник сигналы, что с владельцем карточки все в порядке. А когда делается «не в порядке», система включает программу под кодом Эн Цэ. Спутник в момент считывает информацию-ситуацию. А потом — лишь одна проблема.

— Шо за проблема? — угрюмо сказал марин-сержант. На казарменном лице пропустило нечто осмысленное.

— Даже не политическая, — вздохнул Пек. — Экологическая.

— Это... як же? — угрюмо выговорил командир патруля.

— То есть по линии охраны природы. Встанет вопрос: как очистить дно залива от груды железа, в которую превратят ваш крейсер беспилотники Международных сил наблюдения с ближней базы «Касатка».

— Ты полегше... — неуверенно выговорил «Дур-мар».

— А я при чем? Это не я, а они. Программа там задана заранее: сигнал бедствия, выяснение координат, обнаружение источника агрессии, старт. Все за десять минут. Это вам не имперская авиация и не «сокилы доблестного НЮШа»...

— Пане старшина, може, его узяты на пароход? Командиры с него выймут правду... — предложил «Дур-ремар».

— Та ну его видьме под юбу, — решил марин-сержант, поглядывая на карточку с огоньком. — Нам треба дезертира шукаты, а не всяких этих... Побегайлы, хлопцы, бо часу нема...

— Не «побегайлы», а «побигли», — хмыкнул вслед патрулю Пек. — Лингвисты...

Патруль, позывая, удалился. А Марко увидел, что на дворе появился Икира. Стоит рядом, удивленно моргает. Марко оттянул его в сторонку, шепнул:

— Икира, давай бегом в школу. Скажи тете Зоре или директору: крейсерцы ищут Володю.

Тут же оказался рядышком и Пек. Сказал тоже шепотом:

— Не надо, братцы. Я уже просигналил Юр-Юричу.

— Ты все знаешь? — тихонько удивился Икира.

— А то как же. Директор еще до света мне изложил события. Без доцента и корреспондента Кротова-Забуданского вы куда? Кто через все заслоны переправит домой беглого матроса, у которого никаких «ксив»?

— Когда ты успел просигналить-то? — изумился Марко.

— Ха! — сказал Пек.

Остальные ребята, кажется, не прислушивались. Глядели то на калитку, то на экран ноутбука. Бабка Тарасенкова что-то жалобно бормотала.

Матвейка Куряш спросил издалека:

— Пек, а у тебя правда *такая* карточка?

— Ну... почти. Это кредитная плашка северного банка «Алмаз». Сигналит о том, что на счету остался один доллар. Напоминает... Видите, пригодилась.

Все развеселились. Марко враз поверил, что нет причин для страха. Икира, видимо, тоже. А остальные ничего пока и не знали про Володю...

— Ты зачем позвал-то, — напомнил Марко Пеку.

— Я же сказал: насчет девочки... Пока мои коллеги в северном мегаполисе колдуют над полученными снимками, я здесь поколдовал тоже. С помощью программы «Глаз и карандаш». Глянь...

Марко глянул. Икира тоже...

Ноутбук лежал на верхней ступеньке крыльца. Экран был размером с тетрадку, девочка на нем виделась в полный свой рост. Как и прежде, красновато-коричневая, терракотовая, но без царапинок и выбоин. И без увечий!

Все недавние события отодвинулись в памяти Марко. Теперь впереди всего была девочка. Она стояла в сероватой глубине экрана, как настоящая. Словно можно взять на ладонь.

Пальчиками правой ноги (той, которой на самом деле не было) она упиралась в бугристый холмик, словно

замерла в прыжке или танце. Обе руки были согнуты в локтях и разведены. Пальцы левой (которая есть) сжаты в кулак. Пальцы правой (которой не было) расправлены крылышком. Была и головка. Только без лица. Его заслоняли прижатые ветром длинные пряди — как иногда это бывает у Славки Тотойко, но гуще...

Кстати, Славка тоже оказалась здесь, подошла и смотрела на экран через плечи других. А рядом с ней — Галка Череда и Кранец.

Пек оглянулся.

- Почти вся компания. Только Слона нет.
- Он отцу помогает, вечером собираются в лиманы, — сказал Икира.
- А я думала, отсыпается после дискотеки... — вставила Славка.

Икира глянул укоризненно:

- Он там почти и не был. Настроил музыку и ушел...
- Люди, а что про девочку-то скажете? — спросил Пек. — Я, что ли, зря старался?

Все смущились. Наконец Пиксель объяснил:

- Мы молчим, потому что нечего сказать... Пек, она такая, как есть. То есть такая, какой была на самом деле. Точно...

- Пек, ты художник, — выговорил Топка.
- Даже лучше, чем вы с Пикселем, — добавила Славка.

— Славка, ты вредина, — сказал Пек.

— Ага! — обрадовалась она.

Любопытный Кудряш сделал замечание:

- Только непонятно все-таки, что у нее было в кулаке.
- Может быть, ничего не было... — заметил Кранец. — Сжала, вот и все. — Наверно, он помнил прежнюю Славкину догадку о хворостины. — А еще жалко, что лица нет...

— С волосами тоже хорошо выглядит, — сказала круглая Галка Череда. — Выразительно... — И глянула на Славку.

Пек слегка насупился и объяснил:

— Про лицо я думал. И выбирал... Только не знаю, какое подойдет. Потому и позвал Марко, пусть решает.

— Почему я-то?..

— Ну, ты же нашел девочку.

— Но не я же ее лепил... — пробормотал Марко.

— Кто лепил, мы не знаем. А девочка теперь твоя...

А впрочем, смотрите все! Я тут много портретов разыскал в Интернете...

На экране выстроились в два ряда шесть цветных фотографий. Симпатичные такие лица. Ну, просто красавицы! Две блондинки, две смуглые и темноволосые, одна русая, одна каштановая и с удивительно голубыми глазищами.

— Ну, тут сразу и не скажешь, — деловито заметил Кранец. — Смотреть и смотреть...

— По-моему, вот эта... — показал на смуглую девочку Пиксель. — В древней Греции все, наверно, были такие... темные. И нос прямой... И смотрит хорошо...

Пек повернулся к Марко:

— А ты что скажешь?

— Не знаю...

— Ладно. У меня ведь их много, полистаем еще ...

И снова замелькали снимки. Некоторые — мелкие, некоторые — во весь экран. Все оживились. Стало похоже на теленигру «Выбери подружку». Игра — дурацкая, но теперь сделалось интересно.

— Вот!...

— Нет, вот эта...

— Да у нее уши, как у Померанца!

— Пек, чего она дразнится!

— Славка, что с тобой сегодня?
— Ничего, я выбираю... Вот, какая симпатичная...
— Уродина, как ты, — мстительно сказал Кра-
нец. — Ай!..

Славка, однако, не дотянулась до него и замолчала.
Марко тоже ничего не говорил (и, глядя на него,
молчал Икира).

Марко пытался вспомнить лицо Юнки. Не вспо-
миналось. Апельсиновые волосы, бирюзовые глаза,
острый подбородок, уши с янтарными сережками-ка-
пельками... Но это все по отдельности. Даже голос пом-
нился, а лица не было...

Марко старался представить Юнку так и так, и так.
По-всякому. То близко, то в отдалении. То в лицейс-
кой форме, то в праздничном платьице, то в костюме
пажа. И в черном тренировочном костюме, как тогда,
в спортзале...

...Он тронул ее плечо:
«Больше не болит?»
«Нет. Я же тренируюсь...»

Она сделала шаг назад и оказалась уже не в зале, а
почему-то на галечном пляже. Развела руки, в них по-
явился желтый шнур. Юнка взмахнула шнуром, пере-
скочила через него. Взглянула на Марко:

«Получается?»

«Да...» — одними губами произнес он. Фигурка
Юнки замерла, уменьшилась и... наложилась на счи-
мок девочки — тот как раз опять возник в ноутбуке.

Словно тень слилась с терракотовой статуэткой.

Марко не успел ничего сказать. Успела Славка:

— Прыгалка... — выговорила она за спиной у
Марко.

— Что? — дернулся Пек.
— У девочки прыгалка в руках. То есть скакалка...
Надо только, чтобы правые пальцы были в кулаке...

Больше никто ничего не сказал. Все сдвинулись головами к экрану.

— Подождите, братцы... — Пек взял ноутбук на колени, сел боком, чтобы экран видели все. Стал нажимать кнопки. Вокруг девочки обозначилась пунктирная рамка. Потом еще одна, маленькая, вокруг ладошки-крылышка. Пальцы шевельнулись, как живые, и сжались в кулак. Круглая Галка ойкнула... Из кулаков протянулись вниз желтые линии, соединились, легли широкой петлей на бугорок под ногой, на которой стояла девочка. Она легко так стояла, готовилась прыгнуть через шнур, взметнуть его, прыгнуть снова...

— Ух ты, — тихонько сказал Икира и сбоку взглянул на Марко.

Марко кивнул.

Он ничуть не досадовал на Славку за то, что она опередила его. Ведь он-то, внутри себя, все равно догадался сам. А то, что не сказал первый, даже лучше. Прыгалки — игра для девочек, пусть и разгадка будет от них. Главное, что есть ответ. Никто даже не заспорил, настолько все стало ясно.

— Мирослава, как ты догадалась? — уважительно спросила Галка.

— Чего такого... — сказала та. — Ох, мне же надо к бабке Лександре, помочь обещала. Она купила телочку у соседей Копылкиных, махонькую. Теперь хлопот на старости лет... Померанец!

— Чево-о?

— Не «чево», а «что». Где банки, которые ты должен был собрать для Лександры Панасьевны?

— Пиксель с Топкой разрисуют посудину, тогда все вместе и отнесем.

— Вы когда разрисуете? — повернулась к «художникам» посурковавшая Мирослава Тотойко.

— Да все уже готово! Только лак сохнет! — вдвоем ответили Топка и Пиксель.

— То-то же... — Славка поднялась и независимо пошла со двора. У плеч вздергивались пышные пристежные рукавчики желто-белого платьица. Марко смотрел вслед.

«Как она догадалась? Прочитала в Юнкином письме? Наверно, так...» Потому что Марко ни разу не видел Славку со скакалкой. Если девчонки на улице вертели веревки и прыгали через них, Славки там никогда не было. Впрочем, он мог просто не замечать...

Выбирать лицо для девочки больше не было настроения. Пек спросил:

— Марко, ты как-то говорил, что у вас есть компьютер. Да?

Компьютер был. Еще отцовский, «музейного образца». Игрушки открывал через пень-колоду, мигал, гудел, «зашкаливал». Обычно за ним сидела Евгения, когда готовила рефераты по биологии. Но это, пока был выход в Сеть. А сейчас.

— Он же старый, как деревенский умывальник. И связи с Интернетом нет. Даже модем потерялся...

— Не надо связи. Гнездо для приставок есть?.. Я дам флешку с девичьими портретами. Посиди, повыбирай на досуге. Надо все-таки довести произведение античного искусства до кондиции...

Марко не спорил.

Когда они с Икирой шагали к дому, их догнали Пиксель и Топка. Вертик Пиксель (было в нем что-то обезьянье) пританцовывал. Обстоятельный Топка вел себя сдержанно. Однако обоих волновал один вопрос:

— Марко, можно еще посмотреть на Прыгалку?

Все и не заметили, как имя Прыгалка приклеилось к терракотовой девочке.

— Да на здоровье... А что, на экране разве не на-
смотрелись?

— Надо «живьем»... Есть идея...

Марко не стал допытываться, что за идея. Привел
художников к себе в «хижину».

— Вот...

Прыгалка привычно покачалась на резиновой
трубке.

— Она, вот такая, пожалуй, не хуже, чем у Пека... —
вполголоса заметил Топка. — Есть в ней эта... завер-
шенность.

И Марко подумал, что в Топкиных словах — правда.

То, что сделал Пек на экране, оказалось замечательно. Здорово! Но... все-таки это походило на ис-
кусственное прихорашивание. Можно смастерить со-
вершенно натуральные с виду протезы, только они все
равно не будут живыми. И Марко стало жаль Прыгалку.
Захотелось даже погладить мизинцем по локотку, но
при ребятах не стал.

Икира постоял перед Прыгалкой, потрогал свое
ожерелье-джольчик и согласился с Топкой:

— Да, она как совсем целая... Только...

— Только что? — быстро спросил Пиксель (чуткая
творческая натура).

Икира оглядел всех.

— По-моему, надо сделать ей скакалку.

Все разом поняли, как Икира прав. Конечно же!
Ведь скакалка — не протез, не замена живых рук и ног.
Она — сама по себе! И в то же время она с девочкой.
Чтобы та не забывала, как прыгала с подружками две
тысячи лет назад!..

Топка был в грубой, похожей на мешковину, безрукавке. Он выдернул из растрепанного подола суровую
нитку. Продернул сквозь кулачок Прыгалки. Завязал
узелок, чтобы нитка не выскользнула. Сделал широкий

изгиб, другой конец привязал к руке с отбитой кистью, пониже локтя. Марко схватил с гвоздя ножницы, обрезал у нитки лишние концы.

Теперь нитка-скакалка спускалась от рук девочки на пластмассовую подставку плавным полукругом. А в фигурке Прыгалки ощущалось желание взлететь.

Икира смотрел без улыбки. Наклонил голову к одному плечу, к другому. И наконец решил:

— Вот сейчас все-все как надо.

У Марко, Пикселя и Топки стало хорошо на душе. Потому что в самом деле — все как надо. Икира никогда не врал...

ПИГМАЛИОН

Пиксель и Топка в самом деле пришли к Марко с идеей. Еще немного полюбовались Прыгалкой и заговорили:

— Ей нужна другая подставка. Ну что это за подпорка из пластмассы, смотреть даже тошно, будто Аполлона поставили на ящик из-под мыла, так не бывает нигде на свете... — Это Пиксель.

— Негармонично, — поддержал друга Топка.

— Что предлагаете? — весело спросил Марко.

— Мы предлагаем, чтобы скульптура вписалась в естественную окружающую среду, которая была вокруг нее, когда она была у себя в обстановке, характерной для греческой культуры, и... — зачастил опять Пиксель.

— Надо поставить девочку на площадь, — сказал Топка. И затем изложил творческие планы коротко.

Весной, когда они с Марко ходили в «планетарий», то есть в комнатку с телескопом, чтобы полюбоваться на светила, вездесущий Пиксель сделал находку. На одной из полок он увидел дюжину коробок с пластили-

ном для занятий в младших классах. Лежали коробки здесь, наверно, лет десять. Потому что пластилин окаменел. Однако Топка и Пиксель рассудили, что бруски нетрудно будет разогреть и размять.

Можно было просто-напросто спереть коробки, никто бы не заметил. Но воспитанные в благородных традициях искусства, Пиксель и Топка не пошли на это. А пошли к директору.

— Зачем вам такое задубелое сырье? — удивился Юрий Юрьевич.

— Мы слепим каких-нибудь рыцарей или динозавров, или космических пришельцев, — зачастил Пиксель, — и можно будет устроить выставку, и...

— Для скульптурного творчества, — разъяснил Топка.

— Берите и творите, — решил директор.

Сразу творить они не стали. Как-то руки не доходили и не было четкой мысли: что же такое вылепить. А вот сейчас...

— Мы выложим из пластилина площадь, узорчатую, — объяснил Пиксель. — Получится, будто в древнем городе. И Прыгалка будет стоять на ней. Будто большая скульптура, которая сохранилась там с древних времен. Ну, не совсем сохранилась, но все равно она для всех любимая и...

— Пусть это все будет у тебя на столе, — сказал Топка. — А все, кто хочет, пусть приходят и смотрят...

Что и говорить, идея была достойная настоящих мастеров.

— Ребята, вы гении...

Марко сразу прочувствовал, что на такой площади разбитость скульптуры не станет казаться недостатком. Не будет в ней никакой ущербности! Мол, время и всякие стихии прокатились по городу, оставили свои следы, но красота все равно оказалась сильнее.

Обрадованные похвалой Топка и Пиксель отправились к себе, разминать пластилин. А Марко притащил к себе в хижину дребезжащий компьютер — под негодующие вопли сестрицы («Таскаешь туда-сюда, он совсем рассыплется, а мне надо готовить ответы по биологическому практикуму!»). Конечно, можно было разглядывать записанные на флешку девчоночки портреты прямо в комнате. Но ведь Женяка тут же полезет с комментариями. И решит, чего доброго, что брата интересуют не просто девицы, а «девицы без лишней одежды». А ему нужны были только лица...

Подходящих лиц он так и не нашел. То есть было много вполне симпатичных, но — не для Прыгалки. Или «не совсем для Прыгалки». В конце концов Марко решил, что самое подходящее — лицо той смуглой девочки, которое они с ребятами увидели в числе первых шести. Жительница древнего Юга. Глаза распахнуты, на губах полуулыбка, волосы откинуты ветром... Да, не похожа на Юнку, но что поделаешь? Все-таки Юнка и Прыгалка — разные девчонки, хотя у обеих скакалки...

Икире понравился выбор Марко.

Икира сначала был рядом, а потом сказал, что пойдет на Фонарный холм. Там ребята с Артельной улицы собирались запускать нового змея — сделанного в форме старинного самолета. Икиру в поселке все знали, и каждая ребячья компания готова была принять его к себе. А Икира, конечно, не считал, что, сделавшись Маркиным кровкой, должен постоянно быть рядом. Он же не рыба-прилипала!

— Давай, — одобрил его решение Марко. — Вибрация нити добавит тебе жизненной энергии.

— Да!.. А ты не хочешь со мной?

— Нет. Мне еще надо... подумать.

Мысли опять вернулись к Юнке.

Может быть, она специально не указала в письме номер телефона? Может быть, решила: «Я догадалась послать Коньку письмо на адрес школы, пусть и он пошлет на адрес театра...»

«Но ведь она говорила: кто же сейчас пишет письма!»

«Но ведь написала же!»

«Наверно, так... из вежливости».

«Ну, и ты должен... тоже из вежливости...»

Он завалился на постель и начал сочинять послание.

«Здравствуй, Юнка! Я получил твое письмо. Хорошо, что ты догадалась отправить его. У нас по-прежнему блокада, какое-то дурацкое положение. Я рад, что плечо твое почти не болит и что ты тренируешься с прыгалкой...»

А дальше что? Не писать же про случай с матросом Володей — вдруг прочитают те, кому это не надо знать!.. Рассказать, что появился у Марко девятилетний друг-кровка? Но это... не то чтобы тайна, но и не тема для досужего обмена новостями... Поведать историю с Прыгалкой?

Марко понял, что писать об этом не сможет. Будто пришлось бы выложить что-то слишком сокровенное и непонятное самому себе... И будто у Юнки сможет шевельнуться ревность. (К кому? К маленькой глиняной статуэтке? «Ты совсем спятил...») Хотя при чем здесь ревность? Зачем Юнке Конек? Они, скорее всего, больше никогда не увидятся. Или увидятся потом, когда станут другими. Он поступит (если получится!) в Академию корабелов, она в какой-нибудь театральный институт, и едва ли часто будут пересекаться их дороги...

«Что было — то было, а теперь прошло», — сказал себе Марко словами старой песенки. — К тому же там есть мальчик в зеленом берете...»

С этой мыслью Марко заснул.
Женька на цыпочках уволокла компьютер к себе.
Марко не проснулся...

Директор Гнездо сдержал слово. Он подарил Иванко Месяцу могучую рогатку, а Марко Солончуку темную от ржавчины рапиру с шишечкой на конце. Марко почистил клинок и повесил оружие над топчаном с постелью. А что еще с этой штукой делать? Второй рапиры не было, ни с кем не пофехтуешь. Да и никогда не увлекался Марко мушкетерскими приключениями. Другое дело — тайны пришельцев и парусные плавания. Слон обещал снова взять его (и, конечно, Икиру) на парусную шлюпку, когда пойдет в лиманы...

Икира несколько дней ходил с рогаткой, засунутой под резиновый поясок на шортиках. Она была такая большая, что конец рукоятки торчал внизу из коротенькой штанины. Икира иногда доставал рогатку и лупил сухими глиняными шариками по какой-нибудь подходящей цели: по блестевшей среди бурьяна жестянке, по шляпе пугала на огороде, по застрявшему в развилке ясения мячику (тот радостно выскакивал), по взлетевшей над головами чьей-нибудь бейсболке. И всегда попадал! Бывало, что просили пострелять другие ребята. Икира давал, но со словами:

— Только не по живому!

Его всегда одинаково успокаивали:

— Икира, да ты что!..

Однажды захотел «стрельнуть» Кранец...

Если человек неудачник, то неудачник он во всем.

Дело было на дворе у Топки.

Кранцу вздумалось разбить пол-литровую треснувшую банку, которая стояла на выступе каменного забора, невысоко от земли. Ну, казалось бы, младенец не промахнется. Кранец-Померанец промахнулся. Да еще

как! Глиняная пуля врезалась в набитый мешок, лежавший в метре от цели, раздался стеклянный звон. Кранец сел на землю, ладонями прижал заполыхавшие уши-лоскутья и стал безнадежно смотреть в пространство...

Дело в том, что в мешке были собранные им же, Кранцем-Померанцем, банки, которые он собирался отнести бабке Лександре для примирения. Целых две-надцать посудин разного размера. Один-единственный шарик ухитрился сквозь мешковину раздолбать четыре банки, в том числе и самую большую, трехлитровую.

— Нельзя давать гамадрилам огнестрельное оружие, — холодно сказала Славка. — Это опасно для окружающих.

Кранец даже не возразил, что рогатка — не огнестрельная. Горе его было неподдельно. Поэтому никто больше не сказал Кранцу укоризненных и насмешливых слов, наоборот, утешили, как могли. Топка принес из кладовки другую трехлитровую банку.

— А макитра наконец высохла? — придирчиво спросила Славка.

Лак на макитре высох. Бока громадной посудины отбрасывали солнечные зайчики и поражали воображение радужными рисунками: там были неземные цветы и земные подсолнухи, разноцветные петухи и невиданные звери. Расписанную посудину и мешок с банками понесли толпой бабке Лександре. Та, увидев небывалую красоту, расцвела, как самый пышный подсолнух на макитре. Долго охала и приседала перед сокровищем. Банкам тоже порадовалась, худого вспоминать не стала, угостила всех пряниками, которые только что испекла в летней духовке. Пряники были мягкие, замечательно пахли ванилью, и гости умяли их в немалом количестве. Бабка не огорчилась. Позвала всех поглядеть на телочку-малышку по имени Земфира (в честь известной киногероини).

Рыжая Земфира оказалась очень симпатичной. Ей гладили бока, чесали уши, круглая Галка даже поцеловала ее в белую звездочку на лбу.

Когда вышли на улицу, приободрившийся Кранец предложил:

— Пошли до Кривой бухты, искупнемся...

Кривая бухта располагалась не близко. Обычно туда ездили на велосипедах. Не у каждого они имелись, но хозяева великов сажали «безлошадных» приятелей на багажники. Для купания были места и поближе, но все они просматривались с крейсера, а кому охота плавать и нырять под прицелом «кукурузников»! Можно было уходить на другой берег косы, к лиману, только зеленая вода там — слишком теплая и мутная... Вот потому и предпочитали Кривую бухту, ее высокие берега заслоняли купальщиков от дальномеров «Полковника Думы».

Сейчас бежать за велосипедами не хотелось. Чего доброго услышишь дома: «Куда опять навострился? А кто будет помогать в огороде!» Зашагали пешком. Времени-то навалом — каникулы...

Поплавали от берега до берега, поныряли с камней, пожарились на солнце. Оголодали. Побрели обратно. Кто куда. Топка и Пиксель сказали, что займутся «пластиновыми делами». Матвейка Кудряш пошел им помогать. Марко с Икирой решили побывать у Пека.

Пек несколько дней назад поставил на снимок Прыгалки лицо. То, которое выбрал Марко. Получилось «очень даже ничего». А в общем-то лицо здесь не было главной деталью. Пек наполовину прикрыл его летучими волосами, это придавало девочке легкость и даже загадочность. А главное — в движении. В «динамике и пластике», как по-научному изъяснился Пек.

А теперь оказалось, что через спутниковую сеть Пек получил снимки от друзей. На них Прыгалка была «во всех ракурсах» — и спереди, и с боков, и со спины.

— Почти такая же, как у тебя! — удивился Марко.

— Да. Только про скакалку они не догадались.

— Все равно скакалка... она тут как будто есть, — заметил Икира.

— И сделано все не в пример профессиональнее, чем у меня, — сказал Пек, меняя кадр за кадром. — Постарались ребята. А?

— Да... — помедлив, кивнул Марко.

Пек внимательно посмотрел на него.

— Чую в тебе... некоторое сомнение. Не так ли?

— Нет, не так... только...

— Что?

Марко переглянулся с Икирой. Тот смотрел понимающе.

— Пек, снимки очень хорошие. И по ним, наверно, можно будет сделать статуэтки без этих... без изъянов... Только...

— Что?

— Только они будут... просто статуэтки. А та Прыгалка, глиняная, она... будто живая... Икира, правда?

— Правда, — кивнул Икира. — Я так же думал, только не знал, как сказать.

— Постараюсь обобщить ваши мысли, коллеги, — заявил доцент и референт Кротов-Забуданский, почесывая небритый подбородок. — Вы хотите убедить меня, что самая талантливая реконструкция не заменит подлинник. А я и не спорю, вы правы. В оригинал автор вкладывает живую душу, а копия всегда остается копией... Тонкие натуры это чувствуют. А вы ведь тонкие натуры, не так ли?

— Никогда не поймешь, зубоскалишь ты или всерьез, — насупился Марко.

— Пек всерьез, — сказал Икира.

— Да, я всерьез... Но я не знаю, где решение вопроса...

— А не надо решения! Пусть будет все, как есть! — Марко не стал скрывать свои тайные мысли. — Будут копии и будет настоящая Прыгалка! Пускай такая, как нашлась... А потом ученые, может быть, придумают способ...

— Какой? — очень серьезно спросил Пек.

— Ну, помнишь, мы говорили про память вещества. Как оно стремится сохранять формы предмета. Может быть, люди научатся пробуждать эту память... И восстанавливать.

— А! Мы говорили о руках Венеры Милосской...

— Да. Только для нее хотели сделать искусственные руки, а здесь — чтобы настоящее. Называется «регенерация»...

— Ну да! — оживился Пек (вроде бы опять слегка насмешливо). — Делают прибор в виде этакого волшебного ларца. Кладут в него Прыгалку. Нажимают кнопки, запускают программу... Через пять минут откidyвают крышку и достают целехонькую девочку. Да?

— Да! — сказал Марко с вызовом. — А что такого?

Вообще-то он думал о другом способе. Что неплохо бы научиться пробуждать в ладонях теплые струны с волшебными свойствами. Возьмешь в руки фигурку с отбитым плечом, подержишь, согреешь, и плечо — вот оно... Спрячешь в кулаке ножку с отбитой ступней, заjmuriшься, вздохнешь, и ножка — целехонька...

О таком способе Марко сказать не посмел. Но ларец — тоже неплохо.

— Да! А что такого? Может быть, люди сумеют... когда-нибудь...

Нет, насмешки у Пека не было. Он отозвался вполне серьезно:

— Да. Может быть... Но мне кажется, что ты думаешь гораздо дальше...

— Что... дальше? — почти испугался Марко.

Пек чуть улыбнулся:

— О волшебном сундуке, из которого выйдет *живая* девочка... Икира, я правду говорю?

Икира молчал. Достал рогатку и целился из нее в пустое небо. Икира никогда не врал, но и друзей не подводил.

— Ну вас... — пробормотал Марко.

— Значит, я угадал... Ты слышал про Пигмалиона?

— Кто такой? — надуто сказал Марко.

— Не слышал... Эх, современная молодежь... Есть легенда о древнем скульпторе, который силою любви оживил прекрасную статую девушки, которую изваял из мрамора...

— Никого я не ваял! — тихонько взвыл Марко. — Я просто нашел!.. Еще и любовь какая-то... Ты пережарился на солнце.

Пек не обратил внимания. Продолжал:

— На этот сюжет написано немало произведений: романов, драм, комедий. У старого забытого поэта есть стихотворение «Пигмалион»...

— Ты набит стихами, как подушка куриными перьями! — Марко своим нахальством хотел отвлечь Пека от рассуждений о любви (пришло же доценту-корреспонденту такое в голову!).

Пек вроде бы отвлекся.

— Я не набит, а лишь слегка начинен. Стихи запомнились, потому что там замечательные рифмы:

Феб златокудрый
Закинул свой щит златокованый за море.
И растекалась на мраморе
Вешним румянцем заря...

Это когда Пигмалион увидел мраморную глыбу, подходящую для статуи... Феб, как известно, Бог сол-

ница, щит его — солнечный диск... «Щит златокованый за море... И растекалась на мраморе»... Прекрасно, да? Нынешние стихоплеты должны лопнуть от зависти!

— По-моему, ты это сам сочинил, — заявил Марко, чтобы еще дальше отвлечь Пека.

— Нет, Пек не сам, — сказал Икира.

— Это написал поэт по фамилии Мей, — объяснил Пек. — Если бы мне обладать подобным даром... Но я не поэт, я прозаик. Вот закончу свою повесть, и вы убедитесь в моем недюжинном таланте.

— А когда закончишь? — поспешил спросил Марко.

— Как только закончится в этих краях волынка с блокадой...

— Ты напишешь все, как было? — простодушно спросил Икира.

— Да! Там будет и коричневый мальчик, не терпящий всякую неправду, и похожий на морского конька шестиклассник, который очень боится, что кто-то догадается о разных его тайных чувствах...

— Во-первых, уже семиклассник, — сказал Марко. — А во-вторых, попробуй только написать. Про конька и про чувства... Я отправлю жалобу в Нобелевский комитет, и фиг ты получишь, а не премию...

— Тогда я не дам тебе больше кататься на своем мопеде.

— А тогда... тогда... Ладно не буду отправлять жалобу. Дай мопед. Мы съездим в школу, навестим Володю...

Когда на плюющемся синим дымом драндулете они выкатили на улицу, Икира хлопнул Марко по плечу.

— Отвези меня, пожалуйста, к холму. Там опять запускают змея. А с Володей я виделся вчера.

— Поехали... Щит златой придумал Мей... А Икире нужен змей... Почему я не пишу стихи?

ЗАТМЕНИЕ

Судя по всему, про бежавшего с крейсера матроса знали все ребята на Маячной улице. А может быть, и не только на ней. Слухи-то сочтися, как вода в днище старой шлюпки. Но тайна есть тайна, и кому хочется за болтовню получить ярлык хихилы? Поэтому делали вид, что никому ничего не ведомо. Только самые посвященные вели между собой разговоры о Володе...

Володя выздоравливал. Он выходил из убежища подышать свежим воздухом. Чаще всего поздно вечером, но иногда и днем, в заросший садик. Здание школы загораживало это место от дальномеров «Полковника Думы»...

В садике и нашел Марко Володю. Тот укрывался за густыми яблонями и смолил сигаретку.

— А я вот наябедничаю доктору Канторовичу, что ты куришь, — пообещал Марко. — Он говорил, что нельзя, а ты...

Володя заулыбался:

— Я больше не буду... А вообще-то на свете столько «нельзя», что каждое не выполнишь, как ни крупись... Где Икира?

— Передавал привет. И усвистал к пацанам, которые запускают с холма нового змея... Потом прибежит...

— Везде ему хочется успеть... — с грустинкой сказал Володя.

— Не всегда... Иногда сидет в уголке, нахохлится и о чем-то думает. Бывает, что целый час... А змей ему нужен, потому что от вибрации нити он получает живую энергию. Так же, как от солнца...

— В соответствии с теорией струн, — вздохнул Володя.

— Что? — вздрогнул Марко.

— Что «что»? — в свою очередь, удивился Володя.

— Ты знаешь про теорию струн?

— А кто про нее не знает? Некоторые ученые мужи считают, что из струн состоит вся Вселенная. И не только материальные частицы, всякие там электроны и ядра, но и этакая тонкая материя. Как говорится, духовный мир. Все ощущения, настроения и движения души... Мы в универсе в спорах на этот счет поломали целый лес копий...

— А я думал, что это лишь моя догадка, — признался Марко. — Моя и... ну еще нескольких человек. — Не знал он: радоваться или огорчаться... Наверно, радоваться. Значит, и его мысли о всеобщем резонансе тоже справедливы.

— Когда о чем-то догадались несколько человек, это быстро становится достоянием человечества, — с оттенком важности заметил Володя. — Только это не всегда приводит к согласию. К пониманию...

— Чтобы получилось общее понимание, надо, чтобы все струны зазвучали в резонансе, да? Как в клипере...

— В чем?

— Ну... если хочешь, я расскажу...

Уж с кем, с кем, а с Володей-то у Марко было общее понимание. И он, постеснявшись чуть-чуть, рассказал ему про мечту о звучащем клипере. И о том, как этот корабль будет помогать людям достигать всеобщего согласия...

Володя слушал, не перебивал. А потом сказал:

— Здравомыслящим людям очень захочется обхихикать эту идею. Тем, кому новые модели «Вольво» и «Рено» не в пример интереснее всяких парусников... Но мы ведь не совсем здравомыслящие, да?

— Да! Женя говорит, что во мне «ни капли здравомыслия»...

— Старшие сестры всегда правы... Но у них своя правота, а у младших братьев своя... А под бушпритом будет фигура Прыгалки, да?

— Как ты догадался?!

— Ох как трудно догадаться...

— Ты чем-то похож на Пека, — насупленно сказал Марко. — Начнешь ему о чем-то говорить, а он уже все знает наперед.

Володя не стал спорить.

— Да, в чем-то мы похожи. Резонанс в мыслях порой удивительный... Кстати, Пек обещал, что скоро займется моей переправкой на континент...

— Жалко, что уедешь...

— Расставаться всегда жалко... Потом вспоминаешь и спохватываешься: столько вопросов, которые не успели обсудить... Знаешь что?

— Что? — почему-то встревожился Марко.

— Я сейчас тебе скажу... может быть, не очень приятную вещь, но... надо, чтобы от кого-то ты ее услышал. Чтобы потом не было в жизни всяких кораблекрушений...

— Говори, — хмуро велел Марко.

— Я о клипере. И о тебе. Случается всякое. Мечтает человек о волшебных парусах, а потом приходится идти механиком на траулер или диспетчером на местную электростанцию... И тут главное знаешь что?

— Что?

— Главное, чтобы человек не терял свой корабль ни в каких обстоятельствах. Чтобы клипер всегда жил у него внутри. Тогда струны будут звучать всю жизнь...

Потом оба с минуту молчали.

Володя повозился на скамье. Морщась, потрогал плечо.

— Кажется, я чересчур пафосно высказался...

- Как по книжке, — согласился Марко.
- Ну и что?! Книжки всегда полезны. Без них какая была бы жизнь?
- Паршивая... Только я... прежде чем податься в механики, все же постараюсь построить клипер.
- Молодец...
- С Прыгалкой под бушпритом, — сказал Марко чуть насмешливо и упрямо.
- Молодец, — еще раз проговорил Володя. — Дай Бог удачи... А Прыгалку-то когда принесешь? Обещал показать...
- Скоро. Вот закончат Пиксель и Топка мастерить площадь, тогда мы и покажем. Чтобы все было в резонансе... то есть в гармонии и композиции. Это они так говорят...

Топка и Пиксель мастерили площадь старинного города не спеша и со вкусом. Не хотели торопиться, их радовал сам по себе творческий процесс. Они разогревали в теплой воде пластилиновые бруски, потом лупили ими о доски и о собственные, похожие на печеные яблоки колени, разминали в ладонях, делили на мелкие кусочки. Из кусочков они выкладывали мозаику желтовато-серых и коричневых цветов. Плавные изгибы орнамента напоминали те, что есть в альбоме про искусство Эллады. Альбом Топка и Пиксель изъяли у Икириной мамы в библиотеке на «некоторое неопределенное» время. В чем и расписались...

Площадь была квадратная, небольшая, шириной в полметра. Ее окаймлял черно-оранжевый узор из квадратных загогулин в древнегреческом стиле. На одном краю был вылеплен маленький постамент, в который скульпторы собирались вмуровать пластмассовую подставку Прыгалки...

А дни шли — в солнце и запахах моря, в футбольных битвах, купании, «огородно-садовых повинностях» и вечерних беседах у Камней или на дворе у Тарасенковых. Пек хвастался, какую повесть он скоро напишет и как в ней «воздастся по заслугам» всем его знакомым.

— О каждом — все по правде. Только Икире припишу кое-какие недостатки. Потому что дитя, которое питается солнечными лучами и никогда не врет, совершенно не реалистично. Читатели не поверят...

Иногда Пек рассказывал про книги писателя Капитана Мариетта, о которых здесь никто не слышал. Или читал никому не известные стихи. Например, такие:

Я радуюсь тому, как связано все крепко.
Звезду и микромир в душе сливаю я.
Галактики спираль и семена сурепки,
Короткой жизни миг и вечность бытия...

— Вот это уж точно ты сам сочинил, — заявил Марко. В отместку за «шестиклассника с тайными чувствами».

— Ну и... хочешь сказать, что коряво?

— Да нет, ничего... Но все же не Мей... — хихикнул Марко и на всякий случай отодвинулся.

Ты в критике своей немей,
И, если даже я не Мей,
Суровых выводов не делай.
Не будь, как ядовитый змей,
Но будь пушист, как кролик белый... —

тут же откликнулся Пек.

— А это уже полное рифмоплетство, — сказал Марко.

— Нет, не получится у тебя и у меня резонанса, — подвел итог Пек.

Но резонанс почему-то нередко получался...

Однажды Пек сообщил, что через несколько дней случится солнечное затмение.

— Об этом известно во всем мире, и только здешнее население не знает ничего и живет заботами натурального хозяйства...

— Полное затмение? — деловито уточнила Славка.

— Полное будет где-то над Тихим океаном. А здесь чуть-чуть. Луна закроет четвертушку солнечного диска. Но все равно интересно. Если смотришь в телескоп, на лунной горбушке видны силуэты горных пиков и хребтов. Космическая картина...

Когда шли домой, Икира, глядя под ноги, сказал:

— Марко, я не буду смотреть на затмение...

— Почему?

— Потому что... солнце заслоняется. Мне от этого как-то зябко. Я даже про солнечные пятна слушать не люблю...

— Но затмение же не солнечное пятно! Просто Луна чуть-чуть наедет, вот и все. Совсем немного и не надолго...

— Я понимаю. Но все равно... — Икира съежил темные, как у мулата, плечи.

— Тогда я тоже не буду смотреть, — решил Марко.

— А ты почему?!

— Объяснить или сам догадаешься? — спросил Марко своего кровку.

Икира не стал врать, что не догадался.

— Я помогу ребятам поставить во дворе телескоп, а сам посижу в сторонке, — решил Марко.

— А я совсем туда не пойду. Лучше с мамой побуду, у нее отпуск по болезни...

— А что с ней? — встревожился Марко.

— Печень болит...

Когда с мамой что-то неладно, то какое уж тут настроение. Марко знал это по себе. Если мама ходила

печальная, расстроенная чем-нибудь, ему тоже было тошно (резонанс...). Но в нынешние дни мама была бодрая. Пришли сразу два отцовских письма. Отец писал, что он уже свободен от службы в имперском войске, получил офицерское жалованье за полгода и собирается вернуться домой, «как только закончится там у вас заварушка». А пока лучше подождать. Мол, нюшские комиссары опять привяжутся с мобилизацией и попадешь из одной казармы в другую...

— У нас дома есть лекарство, называется «Но-Шпа». Икира, я принесу.

— Спасибо, у нас тоже есть. Доктор Канторович дал, когда приходил...

Затмение «было назначено» через два дня. К этому времени Топка и Пиксель сделали наконец «площадь». Она даже без девочки смотрелась красиво. Будто законченная картина. Художники окантовали ее лакованными рейками.

— Мелодии Эллады, — сказал Пек, когда ребята принесли это произведение искусства к нему во двор.

Марко туда же принес Прыгалку. Ее закрепили на подставке. Статуэтку легко можно было снять, если надо куда-то переносить или перевозить.

Топка и Пиксель называли площадь с девочкой «композиция».

Композицию укрепили на щелястом садовом столике. Кусочек городской площади и девочку (пострадавшую от землетрясения, но все равно красивую) словно уменьшили во много раз и перенесли в наше время из древности...

— Классика, — веско сказал Слон. И все согласились. Даже бабка и дед Тарасенковы одобрительно покивали.

— Плохо только, что пластилин не застывает. Сначала был как дерево, а потом, когда размяк, не хочет никак твердеть обратно... — пожаловался Пиксель.

— Потому что жара, — объяснил Топка.

— Хотели эту штуку в холодильник, а она не влезает, потому что она широкая, а холодильник узкий, — добавил Пиксель.

— Затвердеет, когда станет прохладнее, — решила круглая Галка.

— Юрий Юрьевич просил показать, когда все будет готово, — напомнил Пек.

Марко сказал:

— Отнесем в школу завтра, перед затмением... — И глянул на Икиру: «Ты не думай, я не буду смотреть в телескоп, я обещал». Икира играл с пятнистым котенком Тарасенковых. Котенок был доволен, Икира тоже...

Затмение должно было случиться в середине дня. Телескоп установили на школьном дворе заранее. На широком табурете. Недалеко от сарайчика, под которым было Володино убежище. С этого места была видна половина безоблачного неба, а залив с крейсером заслоняли невысокие, но густые акации.

Не будь крейсера, наблюдать затмение можно было бы из верхней комнатки. Но ведь бдительные нюшские моряки могли углядеть в стереотрубы раскрытое окошко и телескоп на подоконнике. Чего доброго, решили бы, что школьники шпионят за доблестным «Полковником Думой». Не стоило лишний раз рисковать.

Солнце забралось на высоту и жарило изо всех сил, а встречаться с Луной время ему еще не пришло. Поэтому решено было устроить «вернисаж». Топка и Пиксель заранее принесли в плоской картонной коробке «площадь». Марко достал из ранца Прыгалку. Композицию установили недалеко от телескопа, на другом табурете.

Собралась почти вся компания с Маячной и двое ребят с соседней улицы, с Компасной — Сергийко Левченко и Толик Мовчун (из того же класса, что Матвейка Куряш). Только Икира не пришел. Марко из-за этого чувствовал себя слегка неуютно, хотя знал заранее: Икира сидит с мамой.

Да, и еще Пек не пришел! Он сказал, что будет работать над рукописью, а на затмение глянет, выбрав минутку, в свой бинокль.

Появились Юрий Юрьевич и тетя Зоря. Поглядывая по сторонам, выбрался на свет Володя — в брюках директора, в клетчатой рубашке Пека, побритый и вполне здоровый на вид. Все ребята, конечно, знали теперь про беглеца с крейсера, но тайну хранили железно. Делали вид, будто верят: это, мол, приехал в гости к тете Зоре племянник с ближнего хутора.

Обступили табурет с площадью и Прыгалкой. Поразглядывали так и сяк. Сказали «сила», «клёво», «ось, гарно...» и даже «зашибись...»

Володя наклонился к Марко и шепнул:

— Слов нет... Живая девочка...

Юрий Юрьевич заметил:

— Этот экспонат я с удовольствием выпросил бы для школьного музея... Но ведь Марко не отдаст.

— Не отдам, — сказал Марко чуть виновато, но твердо. — Лучше уж берите насовсем телескоп...

Директор почесал бровь.

— Широкий жест. Надо обдумать...

Марко добавил:

— Когда друзья Пека пришлют копии, одну можно взять в музей. А Топка и Пиксель сделают вторую площадь... Сделаете?

— Факт, — сказал Топка. Пиксель хотел прокомментировать этот факт подробно, однако Кранец (который чуть не сбил телескоп) напомнил:

— Щас начнется!

Марко надел на трубу темный фильтр.

Топка сказал, что пластилин плавится на солнце и площадь с девочкой надо унести в тень. Унесли вместе с табуретом в сарайчик, поставили у дальней стены.

Встали в очередь к телескопу. Поглядели все — даже директор и тетя Зоря — как черный бугристый шар в красноватом пространстве наезжает на серебристый солнечный круг. Не шумели, не толкались и не спорили, лишь Сергейко и Толик пихнули друг друга локтями, но Слон показал им кулак.

Потом, чуть передвинув трубу, посмотрели по второму разу. Потом еще...

— Дыхание Вселенной, — выговорил Володя с грустной ноткой. Марко вспомнил стихи Пека о галактике и семенах сурепки...

Стали расходиться.

Славка оглянулась на Марко:

— А ты почему ни разу не взглянул?

— Я только вчера летал на Луну, видел все вблизи.

— Понятно, — кивнула Славка. И неизвестно, что при этом подумала.

У телескопа остались Марко, Топка, Пиксель и Кранец. Неподалеку был и Володя, присел на порог сарайчика. Юрий Юрьевич сказал, что пойдет писать отчет по итогам учебного года. Для имперского Минроса. Блокада блокадой, а отчетность отчетностью. Тетя Зоря тоже ушла внутрь школы.

Марко взялся было разбирать телескоп — для переноски наверх.

— Давай помогу, — сунулся Кранец. Марко хотел сказать, что лучшая помощь, если он аккуратно посидит на лавочке. Но пожалел неудачника.

— Помоги. Придержи треногу...

В этот момент во двор ворвался взмыленный Матвейка Кудряш.

— Марко! Ребята! «Кукурузники» идут, прямо сюда!

Володя встал, неловко развел руками: приходится, мол, снова нырять в подполье... Исчез в сарайчике, захлопнулась за ним крышка люка. Топка и Пиксель сообразили: тоже кинулись в сарайчик, поставили на крышку табурет с площадью и девочкой. Мол, нет здесь никакого подполья. Правда, края люка все равно были видны...

«Может, пройдут мимо?» — подумал Марко с ощущением близкой беды. Он уже чувствовал, что не пройдут.

Не прошли. Появились на дворе вчетвером. Двое — старые знакомые — марин-сержант и «Дуремар». Еще двое — одинаково низкорослые, кривоногие, с рыскливыми глазками. Быстро оглядели территорию.

— А ну, школяры, говорите, як на духу, где ховаете шпиёнов и дезертиров? — добродушно сказал всем сразу марин-сержант и прошелся взглядом над головами.

Пиксель и Топка встали в дверях сарайчика. Пиксель вежливо сказал:

— Никого мы не ховаем, здесь кружок занимается по астрономии, только что наблюдали затмение...

— Ученые, значит. Это доброе, — тонким голосом заявил «Дуремар». — Мы вас вроде бы в прошлый раз бачили. То неспроста...

В открытом окне второго этажа показался директор.

— В чем дело, господа? Здесь школа. Она под имперской юрисдикцией!

— Твою юр... дик... пикцию мы видели знаешь где? — спросил Дуремар. И сказал, где. Двое кривоногих коротко поржали.

У черного входа школы появилась тетя Зоря. С метлой, как с алебардой.

— Ты чего это лаешься при детях, бессовестная рожа! Я вот как впишу тебе черенком промеж лопаток!..

— Дывись, хлопцы, яка адмыральша, — по-прежнему добродушно заметил марин-сержант. — Ну, точь-в-точь моя теща, тильки ж...а не така толста...

— Тетя Зоря, дайте ему по хребту, — бесстрашно попросил Матвейка Кудряш. Марин-сержант качнулся к нему, тот отскочил.

Юрий Юрьевич снова сказал из окна:

— Ступайте прочь. Много ли надо геройства воевать с детьми?

— А ты, пане начальник, уйми своих диток, — посоветовал марин-сержант. Попрочнее расставил ноги, поправил берет с малиновым шариком, вскинул голову к окну. — И сам уймись, у тебя свои заботы, у нас свои, бо велено шукаты биглых нарушителей.

— Шукай в своем кармане, — посоветовал издалека Кудряш.

Директор сказал:

— Тарханайская коса имеет статус нейтральной территории. У вас есть на руках разрешение для производства обысков?

— А то як же! Ось... — марин-сержант с удовольствием погладил по вороненой спинке свой «Б-2» с подствольником, из которого торчал похожий на толстую авторучку снарядик.

Марко взглядом подозревал Кудряша:

— Слиняй незаметно к Пеку, скажи про все...

Кудряш кивнул, отступил на шаг, на два, оказался у акаций. Ускользнул. «Кукурузники» на него не смотрели. Смотрели на своего командира, который вдруг шагнул к телескопу, пригляделся:

— Шо за дудка? Як пехотный миномет, я такие бачив у морпехов.

— Оптическая труба, — разъяснил «Дуремар». — Можно в нее наблюдать всякую астрономию, а можно и боевой корабль, щоб узнавать всякие военные секреты, да сообщать императорской разведке...

— Ясная ситуация, — кивнул марин-сержант и глянул на тетю Зорю. — А что у вас, бабка, вон в той халабуде? — и подбородком показал на сарайчик. В дверях там по-прежнему стояли Топка и Пиксель.

— Там, касатик, еще одна метла, покрепче этой, — сообщила тетя Зоря с ласковой угрозой. — Хошь попробовать?

— Треба глянуть, шо за метла, — решил командир патруля. — Пийшлы, хлопцы...

Они вчетвером шагнули к двери.

— Геть! — велел марин-сержант Пикселью и Топке. Они попятались. А что им было делать?

Зато знал, что делать, Кранец!

Он прыжком занял место Пикселя и Топки, поддернул полосатые штаны и надсадно заорал:

— Чё вы тут ходите, крысы земноводные! Тошно стало на своем корыте, да? Ржавчиной обросли?! Самогонки не хватает?!

Несколько секунд четверо патрульных смотрели на взбесившегося толстого мальчишку. Того просто распирало от ярости:

— Чё приперлись на чужой берег?! По бабам соскучились?! Так нету их тут для вас ни одной! Медузы вонючие!

Марин-сержант пришел в себя.

— Хлопцы! Доставьте-ка мне того скаженного порося. Та сорвите «тараскины слезы». Знаете таку травку?

— А то як же! — обрадовался «Дуремар». Он и двое кривоногих быстро шагнули к орущему Кранцу. Тот обрел неожиданную ревность. Метнулся к ракушечному

забору между сарайчиком и школой. Взлетел на крытый черепицей гребень. Заголосил сверху:

— Ха! Поймайте сперва! Штаны порвете, пока бегаете!..

Каждому, кто знал про Володю, ясно было, что Кранец уводит патрульных от саarya.

— Ну, че встали? Кишки свело? Письки кукурузные!

Последние слова были нестерпимы для доблестных представителей нюшкиного флота. Они втроем взревели и запрыгали, чтобы ухватиться за верх забора и подтянуться. А Кранец — он дурак, что ли, ждать их? Подскочил к углу школы, там вбиты были скобы — путь на крышу. Кранец вцепился в них, как обезьяна, оглянулся.

«Дуремар» и два других матроса торчали под забором и часто дышали. Понимали, что догнать пацана не сумеют — вроде бы грузный, а такой верткий, зараза...

— Может, стрельнуть?.. — неуверенно сказал один из кривоногих. Все трое оглянулись на командира. Но марин-сержанту было уже не до Кранца. Он стоял на вытяжку и держал у щеки коробку рации.

— Слухаю, пане капитан дрого рангу! Никак не маю, ваша вельможность... Сей же момент, ваша вельможность...

Он опустил радио, зло глянул на матросов:

— Швыдче на пароход! Командиры велят... Якие-то новые там заботы...

Они спешно зашагали со двора. Но через несколько шагов остановились. Оглянулись. «Дуремар» погрозил Кранцу кулаком, а марин-сержант велел:

— Хлопцы, да тюкните вы ту самоварную трубу. Ясно же, что шпигунский аппарат...

Один из кривоногих дернул автомат и с локтя выпалил по телескопу.

«Б-2» грохнул, как пушка. Или это грохнул разорвавшийся снарядик...

Все оглохли на полминуты, а когда пришли в себя, патрульных не было. И телескопа на табурете не было...

Но телескоп уцелел. Его просто сбросило в траву вихрем от пролетевшего вплотную снаряда (или мини-гранаты, или большущей разрывной пули — черт знает, как эту штуку называть). Сработал снаряд внутри сарайчика. Видимо, он ударил прямо в Прыгалку...

Марко ощутил кислый запах взрывчатки, как после обстрела на берегу.

Он не сразу понял, что Прыгалки нет. Что ее нет с о в с е м. Что крохотные керамические крошки — это все, что от нее осталось. Крошки впивались в колени, когда Марко лазил в дыму по цементному полу, пытаясь найти девочку.

Потом понял, что не найдет, вышел из сарайчика, сел на табурет рядом с валявшимся в сурепке телескопом. Сидел, снимал помусоленным пальцем крошки с колен, вытирая палец о нагрудный карман и смотрел перед собой.

В ушах словно все еще гудело эхо разрыва. Он плохо слышал, что говорили вокруг. Появился Пек. Сказал, кажется, что отправил через Космосеть информацию международным наблюдателям — о нападении матросов «Полковника Думы» на школу. Будет скандал на весь мир. Марко равнодушно кивнул. Никакие скандалы не могли помочь его беде.

Две радости были у него этим летом. Первая — Прыгалка. Вторая — Икира, их союз-кровка. Прыгалки нет...

— Икира не пришел? — спросил он.

И услышал сквозь вату в ушах от Пека:

— Икира уехал. Еще утром...

— Куда?!

— В Казанкой, с мамой. Туда поехал доктор Канторович и забрал их с собой. В Казанкое хорошая больница, а главный врач — его друг. Они договорились, что положат Икирину маму на обследование. А Икира побудет с ней... Они уехали неожиданно, доктор спешил.

Одно к одному...

— Марко, он просил передать тебе, что позвонит с больничного номера на мой мобильник. Это получится. И вы поговорите...

Марко кивнул. И спросил шепотом:

— А что с его мамой? Так плохо, да?

— Да нет, не так уж плохо. Однако доктор сказал, что нужна профилактика и нельзя упускать возможность. Бесплатную к тому же... А она сказала: «Поеду, если Иванко будет со мной. Без него я там изведусь...»

Все стояли вокруг и понимающие молчали.

Потом Топка сказал, что пластилиновая площадь почти не пострадала. Удивительное дело. Похоже, что все осколки ушли вверх и в стороны, а мозаику зацепили не сильно. Починить можно за час.

— Мы вечером принесем ее тебе, — начал объяснять Пиксель. — Она ведь все равно пригодится. Появится копия девочки, и ты поставишь ее туда...

— Да, конечно, — выговорил Марко. — Спасибо... — И потекли слезы.

Марко не стал их скрывать. Снимал капли со щек ребром ладони и стряхивал в траву. И все опять молчали рядом. Потом сбоку подошел Кудряш, тронул Марко за плечо:

— Посмотри, вот. Я там нашел.

Он держал на ладони крохотную коричневую ножку. Босую ступню, отбитую повыше щиколотки. Марко перестал всхлипывать, положил ножку на свою ладонь, медленно укрыл пальцами.

В маленькой ступне Прыгалки сидела колючая боль. «Подожди», — мысленно сказал Марко. И заставил дрожать струнки. Те, которые в ладони, и те, которые вокруг. И те, которые в клипере... Ступня чуть заметно задрожала в ответ. В ней появилось пушистое тепло.

«Больше не болит?»

«Нет...»

Захотелось опять заплакать, но Марко переглотнул комок, тряхнул головой. Оттянул на рубашке карман, аккуратно спрятал ножку Прыгалки. Посмотрел на всех. Были здесь не только ребята и Пек. Были и директор, и тетя Зоря, и Володя. Впереди Володи стоял Кранец. Володины ладони лежали у него на плечах.

Все без лишних слов понимали, что отныне Фимка Левада — другой человек. Никто больше не будет звать его Померанцем, а прозвище Кранец станет именем героя. Потому что если бы не он, патруль полез бы в сарай и запросто мог обнаружить люк...

СЛЕДЫ

Решили, что надо расходиться.

— Будьте осторожнее, мальчики, — сказал директор Гнездо. — Видите, какие времена...

Ему обещали быть осторожными.

Топка и Пиксель понесли квадратную фанеру с мозаикой к себе домой — для ремонта. Марко умылся у трубы с краном. Тетя Зоря повела Володю кормить обедом. Что бы ни случилось, а выздоравливающие люди должны питаться регулярно. Пек сказал Марко:

— Ты потом загляни ко мне, — и тоже ушел. Марко, Кудряш и Кранец понесли наверх телескоп. Устанавливать на подоконнике не стали, убрали в угол... Марко вдруг почувствовал, что ему очень хочется здесь же в углу лечь на половицы и уснуть. Он еле заставил себя

спуститься с ребятами на двор и потом добрести до Маячной. Кудряш и Кранец проводили Марко до калитки. Он не спорил.

В своей хижине он достал из кармана ножку Прыгалки, спрятал ее под подушку и лег ничком. Снова заплакал. Теперь не было никого рядом, и он плакал от души. Но недолго, потому что быстро уснул.

Засыпая, он подумал, что хорошо бы увидеть во сне Прыгалку. Живую. Это означало бы, что она не погибла, что где-то она есть.

Но увидел он Икиру.

Они были одни в замершем поселке. Ни цикад, ни петушиных криков, ни голосов. Ни души вокруг. И понимание, что в домах — тоже ни души.

Они шли посреди белой улицы, с которой исчезли все деревья, вся трава. Палило солнце. Оно было такое яркое, что Икирины шортики блестели, как новый лавсановый парус. Но в солнце не было тепла, была лишь беспощадность. Марко не нравилось это солнце. Икире оно тоже не нравилось. Две черные тени шагали сбоку от Икиры и Марко по белой щебенчатой дороге. Они накладывались друг на дружку, перепутывались ногами и отставали в движениях от хозяев.

Куда они с Икирой идут, Марко не знал. Знал только, что это важно для Икиры и что надо спешить. Однако спешить не получалось — ноги тяжелели, к босым ступням прилипала щебенка...

Икира быстро глянул на Марко лиловыми глазами, сказал неуверенно:

— Ничего, успеем...

Куда успеем? Зачем?

Никуда они не успели. Четверо в камуфляже выросли впереди. Лиц у них не было, были маски из той же камуфляжной ткани, что комбинезоны. Икира вдруг сильно оттолкнул Марко в сторону и встал посреди до-

роги. Щуплый, на расставленных ногах-стебельках, со вскинутой головой. Взлетели и мягко опали выгоревшие волосы.

Марко понял, что четверым нет дела до него, до семиклассника Солончука. Они видели только Икиру. Сдернули с плеч вороненые «Б-2» и пошли к нему шеренгой. Хрустел гравий. Икира стал отступать. Он пятился. Потом позади него возник белый (очень белый!) дом с черными провалами выбитых окон. Икира прижался спиной между окнами. И смотрел на убийц в масках без боязни и без надежды...

Много раз потом — и во снах, и наяву — Марко презирал и корил себя за те полсекунды малодушия, которые помешали ему сразу броситься наперерез врагам. В общем-то ничего эти полсекунды не решали. Просто было стыдно за трусость. Он все равно бросился и заслонил Икиру и увидел, как от стволов «Б-2» полетели дымные колечки...

Ну и что?

Врагам нужен был не он, а его кровка Икира. Пули ударили в Марко, безболезненно прошли сквозь его тело, а Икира негромко вскрикнул у него за спиной. Марко оглянулся. Икира лежал ничком...

Марко потом удивлялся, какие подробности, совсем как по правде, были у этого сна. Мельчайшие. Он видел, как горели на щебенке солнечные искры. Как валялись вокруг камушки и ракушки от порвавшегося Икириного ожерелья. Как белели следы известки на острых лопатках Икиры, которыми он только что прижался к стене. Как из-под плеча Икиры выползала на ракушечную плитку алая змейка. Как вздрагивали завитки его волос.

Марко перевернул невесомого Икиру на спину. Глаза его были закрыты, а рот приоткрыт, и между губ

ярко белела полоска зубов. Марко охнулся, увидев по-ниже ключицы черную дырку с красными пузырьками по краям.

«Ничего, ничего... Я сейчас... потерпи...» Надо было рвануть рубашку, обмотать плечо, положить на него ладони и собрать в них энергию. Силу дрожащих струн всего мира... «Сейчас...»

Он забыл про врагов. Но они напомнили о себе. Хрустом шагов. Марко увидел, что они приближаются ровным шагом, не опуская автоматов. И ощутил, как несет от них запахом гари и ружейной смазки, вонью пропотевших ботинок, трупной гнилью. Марко оглянулся. Он заметил телескоп. Тот, как ни в чем не бывало, стоял на треноге в двух шагах, словно ждал. Марко бросился к нему, поднял на трубе прицельную планку. Внутри трубы он в комок собрал перед рефлектором свое отчаяние, страх за Икиру, ненависть к вонючей пятнистой смерти и надежду на спасение. Не было спусковой кнопки, и он просто тряхнул трубу. Она выбросила бледно светящийся шарик. Тот ударили в крайнего стрелка. Стрелок выпустил автомат и вспыхнул. В одну секунду он превратился в черный дымящийся комок и пропал. Остальные трое повернулись и деловитой рысцой побежали прочь. Но шарики из телескопа догоняли врагов, и те тоже превращались в клубки дымящейся тьмы. Исчезали. Все кончилось в несколько секунд. Марко сжал в себе смешанное со слезами торжество и повернулся к Икире. «Сейчас мы к доктору Канторовичу...»

Икиры не было.

Было только алое мокрое пятно на ракушечной плитке. А Икиры не было *нигде*. Ощущение этого «нигде» задавило Марко своей безнадежностью.

«Икира-а!!»

— Икира! — Марко вскинул себя на локтях.

Теплые ладони легли ему на плечи.

— Мáричек, успокойся. Все хорошо.

Только сестра Женька называла его так — Маричек. И то нечасто. Лишь в минуты огорчений и обид. И случалось это, когда он был еще малышом.

Марко взял ее за веснушчатый локоть, прижался щекой к голому плечу.

— Ты что? Плакал? — шепнула она.

— Не знаю... Наверно, — выдохнул он.

Не все ли равно, плакал или нет. Не в нем дело. Главное, что недавний ужас оказался неправдой. Что Икира далеко отсюда и — слава Богу! — в безопасности...

Марко отвалился на подушку. Сон тускнел, страх уходил... А на место его возвращалась горькая память о Прыгалке. О потере не во сне, а наяву. Опять запершило в горле. Марко зашарил под подушкой, нашупал крохотную керамическую ножку, взял на ладонь.

— Вот...

Ему очень захотелось рассказать о судьбе Прыгалки, обо всем, что случилось на школьном дворе. Выплеснуть печаль. А кому, если не сестре? Она бывает вредная порой, но сейчас — самая родная. «Маричек...»

Женя взяла в свои ладони пальцы Марко с ножкой девочки.

— Маричек, я все знаю...

— Откуда?

— Пек приходил, рассказал... Ты спал, спал, а он сидел, ждал, когда проснешься, и мы разговаривали. Он так и не дождался, ушел...

— А зачем он приходил? — новые страхи зацарапали Марко.

— Да все в порядке. Просто хотел узнать, как ты себя чувствуешь. И сказать, что Икира с мамой устроились в

Казанкое нормально. Доктор приехал, сообщил... И с мамой его ничего страшного, подлечат...

Сразу — от мыслей об Икириной маме к мыслям о своей:

— Жень, ты ничего маме не говори, ладно? Про то, что случилось...

— Не буду... Папа приедет, расскажешь ему. Мужчины лучше разбираются в военных делах...

— Когда еще приедет-то...

— Думаю, что скоро... Иди умойся.

Марко умылся на огороде под краном. Женя принесла ему большущую кружку холодного молока и кусок пирога с капустой. Это был ужин. На часах оказалось уже около восьми. Правда, солнце еще не зашло...

Со двора кликнула Марко мама: помоги, мол, собрать с веревок выстиранные простыни. Марко помог. Сказал деловито:

— Еще сырьеватые, по-моему...

— Высушу утюгом...

Прохладная ткань касалась щек, локтей, коленей. Словно тонкая парусина, которую подтягивают к реям на стоянке в порту. Делалось спокойнее...

Прикатили на велосипедах Топка и Пиксель. С грузом на багажниках. Топка привез отремонтированную площадь, а Пиксель — Кранца. Кранцу почему-то захотелось навестить Марко. Везти на багажнике грузного пассажира было трудновато, но кто теперь мог отказать в просьбе герою.

Квадратную фанеру с пластилиновой мозаикой положили на бочку-стол в хижине Марко. В окно светило уходящее солнце, с тумбочки — настольная лампа. Смешивались закатные лучи и электрический свет. На мозаике не осталось от взрыва никаких следов. Только на лакированной раме — черный шрамик от осколка.

— Если хочешь, заделаем и его, но мы подумали: «Может, не надо?» Пускай будет на память... — объяснил Пиксель.

— Пускай будет... — согласился Марко.

То место, где раньше был цоколь для Прыгалки, теперь закрывал пластилиновый квадратик.

— Когда появится копия... ну, та, которую обещал Пек, сделаем другую подставку, — сказал Пиксель.

— Да, конечно. Спасибо... — отозвался Марко. Опять щекотало в горле. Твердая ножка Прыгалки ощущалась сквозь нагрудный карман. Марко показалось, что она опять болит, и он прикрыл карман ладонью.

— Пек сказал, что Володю отправят завтра или послезавтра, — вдруг сообщил Кранец.

— Доктор скоро снова поедет в Казанкой, — объяснил Топка. — Там корреспондентский пункт миротворческой миссии. Володе склепали какие-то документы...

«Еще одно расставание...» — подумал Марко.

— К тебе Славка хотела заехать, — вдруг вспомнил Кранец. — Уже села на велосипед. А потом...

— Что потом? — спросил Марко.

— Говорит: «Да ну... Еще вообразит что-нибудь...»

— А что я могу вообразить? — Марко пожал плечом. Слишком резко. От этого движения перекосилась на груди рубашка и в кармане (в правом, не в том, где ножка) тяжело шевельнулась медаль.

И сразу толкнулась мысль:

— Кранец, ты ведь сегодня спас Володю...

— Да ладно тебе! — и видно стало, что уши Кранца засветились, как стоп-сигналы.

— Подожди... Вот... — Марко вынул металлический кружок с морским коньком. Было жаль с ним расставаться, но этого требовала справедливость. Так, по крайней мере, казалось в тот момент Марко. — Это тебе... Такой джольчик получше, чем пробка...

— Да ты чего... — забормотал Кранец. — Это же твой... твоя...

— Была моя, теперь твоя. Так надо...

Кранец медленно взял. Если дарят джольчик, отказываться нельзя. Такой обычай...

— А как же ты? Без него... без нее? Хочешь мою пробку?

— Джольчиками не меняются, — сказал Топка. — Дарить можно, меняться нельзя... Да после того, что было, Марко может взять любой камушек со школьного двора...

Пиксель напомнил:

— Осталась ведь ножка от девочки. Самый лучший джольчик.

Марко мотнул головой.

— Я дождусь Икиру. Он мне даст что-нибудь от своих бус...

Кранец держал медаль на ладони. Разглядывал, поглаживал пальцем...

Марко проводил ребят до калитки. Подошел к собачьей будке, приласкал старого Бензеля. Бензель снисходительно лизнул мальчишке ладонь. Они были ровесниками, но Бензель считал себя гораздо старше и умнее — ведь он стал уже стариком, а Марко остался ребенком, только вытянулся в длину.

В хижине Марко снова включил на тумбочке лампу, разделся и залез под простыню. За окном темнело, дрожал яркий Юпитер. Ясно было, что сон придет не скоро, ведь Марко недавно проспал несколько часов. Он дотянулся до полочки, взял растрепанную книжицу Джона Колдуэлла «История клиперов». Известную до последней строчки, а для планов Марко в общем-то бесполезную. Потому что устройство знаменитых парусников давно известно и ничего нового Марко здесь все равно не придумал бы — ни в корпусе, ни в рангоуте, ни в па-

русах. А о струнах, которые должны звучать в кораблях, стригущих гребни волн, в книге не было ни слова. Наверно, в пору «Катти Сарк» и «Джемса Бейнса» это никому не приходило в голову. Все были уверены, что мир состоит просто из атомов и струны здесь ни при чем...

И Марко отложил книжку.

Снова ожила печаль о девочке Прыгалке. Что, если в момент взрыва боль пронзила ее тельце? И вот девочки нет, а боль осталась...

Марко взял с табурета рубаху, вынул из кармана керамическую ножку. Она затеплела.

«Больно?»

«Не больно...»

Это хорошо, когда не больно. Только... дальше-то что?

А что, если... Марко грустно улыбнулся мечте о несбыточном. Потом подумал уже без улыбки: «Ну а все-таки... А вдруг?»

Если в теплых ладонях с дрожащими струнками держать терракотовую ножку каждый день? Вернее, каждую ночь. В ладонях, под щекой или под подушкой... Может быть, в осколках предметов и правда хранится память о целых, еще не разбившихся вещах?

Если очень *постараться*, очень *захочеть*, то, возможно, миллиметр за миллиметром (или пусть даже микрон за микроном) керамическая материя начнет нарастать, нарастать... И вдруг однажды утром он ощутит в ладонях фигурку с откинутой головкой, разведенными в сторону ручками, с тонкими икрами ножек: одной — прямой, другой — согнутой для прыжка.

«Она не поместится в ладонях», — сказал себе Марко.

«Ну и пусть не поместится. Пусть окажется на подушке. Или прямо на площади, где стояла раньше. Целехонькая и... живая. Потому что в ней — душа!..

Марко взял ножку в сдвинутые ладони, положил их на подушку, осторожно лег на них щекой... Да, он спал днем несколько часов, но теперь сон милостиво пришел к нему снова. На этот раз — хороший сон.

Марко, в точности, как он ждал, ощутил в ладонях твердую фигурку. Сердце трепыхнулось, но не сильно. Он почти не удивился. Осторожно отнес Прыгалку к бочке, где лежала пластилиновая мозаика. Поставил девочку на прежнее место. Она держала в сжатых пальцах нитку-скакалку.

Марко отошел и сел. В окно светила большая Луна. Ей не полагалось нынче светить, ведь было новолуние! Именно в пору новолуния случаются затмения солнца, и одно из них произошло сегодня днем! Подумав про это, Марко наконец понял, что все вокруг — сон. И не огорчился. Стал осторожно руководить этим сном.

«Тебе надо вырасти», — шепнул он. И девочка выросла. Закачалась над столом в лунном мареве.

«Позови меня», — попросил Марко. Она повернулась к окну (ставшему очень большим), затем оглянулась и сказала чуть слышно: «Побежали...»

И они побежали от окна, как от распахнувшейся двери. По лунному, пахнувшему водорослями пространству, в котором со всех сторон мерцало море. А под ногами разматывалась дорога с хорошо различимой греческой мозаикой, с бордюром из квадратных завитушек...

Они бежали рядом. Бежали долго, но дыхание ни чуть не сбивалось. Девочка на бегу прыгала через ветвь. Иногда она взглядала на Марко и смеялась. Однако лицо ее было почти неразличимо. Луна светила ярко, но волосы густо падали на лицо, и сквозь них только блестели глаза. Временами казалось, что на волосах вспыхивает желтоватый отблеск.

Марко наконец решился:

— Как тебя зовут?

«Уж не Юнка ли?»

Она ответила с рассыпчатым смехом:

— Не выдумывай! Я просто Девочка. Девочка с прыгалкой...

«Ну и хорошо», — подумал Марко без печали. Даже с облегчением.

Луна погасла, и сразу же взлетело из-за туманного горизонта солнце.

«Феб златокудрый закинул свой щит златокованый за море...» Только сейчас — наоборот: не закинул, а вскинул над морем. «И растекалась на мраморе вешним румянцем заря...»

Розоватые лучи и правда растекались по белым колоннам, стенам и ступеням старинного города. По таким же белым одеждам жителей, которых становилось все больше. И на Марко оказалось что-то белое, легонькое. Кажется, называется «туника». Она пахла, как мамины прохладные простыни. И юбка Девочки — коротенькая, с широкой лямкой через красновато-коричневое плечо — сверкала снежным блеском.

А волосы Девочки и правда оказались золотисторыжими. А глаза, глядевшие сквозь прядки, голубыми. А лицо... нет, опять непонятно какое. То мелькнут яркие губы, то смуглые щеки, то ухо с бирюзовой горошиной-сережкой.

Девочка взяла Марко за руку тоненькими теплыми пальцами. Бок о бок они пошли посреди широкой, обставленной статуями улицы. Прохожие смотрели с понимающими улыбками: «Вот Девочка вернулась и привела с собой друга...»

По ступеням широкого амфитеатра сбежала на площадь толпа мальчишек и девчонок. Маленьких и больших — всяких. Вместе с ними двигался, подлетая над головами, большущий белый змей очень сложного

вида. Его вели на шнурах-поводках. Он казался громадным, как храм.

— Идем! — сказала Девочка. — Сейчас будет запуск! В честь богини Афродиты!

И они сразу оказались на склонах каменистого холма. Возможно, это был Фонарный холм, только в давние времена. Среди камней росла знакомая желтая сурепка. А еще — кусты сероватой пахучей полыни. Вокруг холма синело громадное море, на склонах громоздился мраморный город. Ветер дышал солью, йодом и теплыми травами. На змее нетерпеливо стрекотали десятки пергаментных трещоток. Он, готовясь к полету, держался метрах в пяти над ребятами. А ребят было человек сто, не меньше.

Мальчики заводят на горе
Вечные мальчишеские игры... —

вспомнил Марко.

А почему только мальчики? Девочек вон сколько...

Девочки заводят на горе
Вечные девчоночные игры...

Не очень складно, зато справедливо. А еще справедливее, чтобы все вместе:

Мальчики и девочки скорей
Манят змей в свои ребячьи игры.
Средь травы, в полынном серебре,
Блещут солнцем маленькие икры...

Бронзовые икры, локти, спины и плечи в самом деле отражали «щит златокудрого Феба». Многие из мальчишек были полуголые, только в белых тряпицах на бедрах. Тощие и смуглые, как Икира.

Марко подумал про Икиру, и тот сразу появился рядом. На плече его белел приkleенный пластырем ватный тампон. Это ударило по Марко резким толчком страха. Но Икира был резв и беззаботен. Радостно блеснул фиолетовыми глазами:

— Ура, я успел!

Но тут же огорчился:

— Нет, не успел. Не за что ухватиться...

Дело в том, что ведущие к змею шнуры были схвачены-перехвачены сотнями ребячих пальцев. Вплотную. Нет места, чтобы кому-то ухватиться еще. А ведь Икире так хотелось подержаться за нить чудесного змея, ощутить его трепет, вобрать его волшебную силу...

— Подождите, — сказала Девочка. И стала быстро пробираться к ближнему шнуру. На нее оглядывались недовольно, однако не спорили. Видимо, здесь не любили ссор. Девочка что-то заговорила на незнакомом языке. После ее слов ребята начинали улыбаться, раздвигались. Между сомкнутыми пальцами двух мальчиков Девочка пропустила конец своей скакалки. Затянула узелок. Отступила, вытягивая шнур-прыгалку за собой. Дала свободный конец Икире.

— Держи крепко...

— Да! — просиял он.

Змей, сияя белизной и стрекоча, стал быстро уходить в синеву древнего неба. Шнур в пальцах Икиры натянулся и начал скользить, делаясь все длиннее.

А Марко вдруг понял, что сон сейчас кончится. Он хотел ухватить Девочку за руку, но все стало таять, угасать...

Марко проснулся без печали. Ни о чем не жалея. Полежал, не открывая глаз и улыбаясь. Сквозь опущенные веки просачивалось утро. Он подумал, что надо

посмотреть: вдруг ножка малютки Прыгалки выросла хотя бы чуть-чуть. После такого сна все возможно!

Он придвинул к лицу сжатые пальцы и... понял, что ножки в кулаке нет.

Ее не было нигде. Ни на подушке, ни в складках скомканной простыни. И под подушкой не было. И под лежаком... И во всей хижине ее не было — ни на полу, ни на фанере с мозаикой, ни под ней... Ни на подоконнике, ни внутри тумбочки, ни на полке с книжками... Ну что она, растаяла, как льдинка?

Тоска и страх вернулись к Марко. То, что случилось, было не просто потерей. Это было предсказанием беды... Может быть, не стоило отдавать Кранцу джольчик?

Марко — встревоженный, в одних плавках — выскочил во двор, обошел вокруг хижину. Словно ножка Прыгалки могла сама собой ускакать наружу и затеряться в лебеде и сурепке. Коварно проросшие среди мирной травы «тараскины слезы» цапнули его за ногу. В другом случае Марко завизжал бы и запрыгал, как на сковородке. А сейчас только стиснул зубы: «Так тебе и надо...»

Он вернулся в хижину, сел на постели, уперся локтями в колени, ладонями обхватил щеки...

Ну, почему все так получается?.. Может быть, он в чем-то виноват?

Марко услышал, как вошла Женя. Но не поднял лица. Ожог на ноге горел так, что выжимал слезы. Да ожог ли?

— Маричек, ты чего такой? Сидишь голый, взъерошенный?

У Марко толкнулась догадка!

— Женя, это ты спрятала ножку?

— Какую ножку?

— Прыгалкину ногу! Ее нет нигде... Я подумал: вдруг ты подобрала на полу и положила куда-то...

— Маричек, я... нет. Зачем бы я... А ты везде хорошо посмотрел?

Марко снова обмяк. Подумал с растущим раздражением: «Сейчас будет вздыхать и советовать: посмотри снова, как следует, во всех углах...»

Женя сказала:

— Может быть, ночью ты поиграл, а потом спрятал в укромное место и забыл... А?

— Как поиграл? Чего ты городишь! Я спал...

— Не сердись. Поиграл и не помнишь теперь... Ведь кто-то же отпечатал на пластилине следы...

— Какие следы?! — Марко рванулся к мозаике.

Пластилиновый узор пересекала цепочка следов. От крохотных босых ступней. Четкие такие отиски, различим каждый пальчик...

Марко с минуту смотрел молча. Пробормотал:

— Может, ребята вечером баловались, а я не заметил?

Не мог он этого не заметить. Да и не решились бы Топка, Пиксель и Кранец на такое дело... Но должно же быть какое-то объяснение!

Женя взяла его за плечи, спиной прислонила к себе.

— Маричек, это не ребята. Где они взяли бы вторую ножку?

— К... какую вторую? — Он с испугом оглянулся на сестру.

— Ты посмотри... — очень осторожно проговорила она. — Ведь от Прыгалки оставалась лишь левая ножка. А тут следы от двух — от левой и правой...

Марко стремительно нагнулся над пластилиновым узором. Правда! Отпечатки двух ступней! От каждой — с полдесятка. Они тянулись так, будто девочка-малютка бегом пересекла пластилиновую площадку из угла в угол...

— Маричек... — шепнула Женя, и воздух от ее губ шевельнул его волосы на темени. — Девочка убежала...

Марко медленно выпрямился. Зачем-то тронул пальцем пластилиновый узор. Оказалось, что пластилин, который все эти дни упрямо не желал твердеть, сейчас застыл, как бетон.

— Убежала она... — повторила Женя. — Ожила, пока ты спал, и решила вернуться в свой город...

Пространство качнулось, белый город у подножья холма обступил Марко. Город с сотнями беззаботных девчонок и мальчишек, со стрекочущим змеем над склоном холма. С девочкой, у которой золотые волосы и почти неразличимое, но очень славное лицо. И теплые тонкие пальцы... Девочка нагнулась рядом с Марко, провела пальцами по ожогу на ноге, и едкая боль сгладилась, почти пропала...

Женя снова прислонила его спиной к себе. Это была самая лучшая на свете сестра. Марко прижал к щеке ее веснушчатые пальцы...

— Жень... но ведь никто не поверит...

Все поверили. И ребята, и Пек, и Володя. И даже директор Юрий Юрьевич Гнездо не стал возражать. Только покачал седой головой и сказал:

— Сей древний мир полон тайн и легенд. Будет одной больше...

Лишь Славка (то есть известная своим характером Мирослава Тотойко) дернула плечами, на которых то-поршились пышные рукавчики:

— Наверно, вы придумали это, чтобы Пеку интереснее писалась его повесть.

— Если бы и так, — отозвался Пек, — это была бы не самая плохая выдумка. Но история с Прыгалкой — правда. Свидетельство тому — окаменевший пластилин.

Да, пластилин и в самом деле окаменел. Похоже, что на веки вечные. Марко приделал к деревянной рамке проволочные дужки и повесил мозаику над топчаном. Будто картину. Когда вечерние лучи косо влетали в комнату, следы на узоре делались удивительно четкими...

Когда-нибудь друзья Пека подарят копию статуэтки (называется «реконструкция»). Если сумеют сделать... Но копия керамической девочки и снимки ее будут сами по себе. А мозаика с эллинским узором останется висеть на стене. На ней — следы *живой* Прыгалки...

ПОСЛЕДНИЕ ВЫСТРЕЛЫ

Володя уехал. Сказал на прощание:

— Жаль, не повидался больше с братиком Икирой. Но я напишу...

Прошло две недели. Незаметно так. Марко несколько раз ходил со Слоном под парусом на шлюпке. Слон был связным рыбачьей бригады — между берегом и уходившими далеко в лиманы баркасами. Однажды крепко потрепало неожиданно прилетевшим с берега ветром-степняком. Марко не дрогнул (по крайней мере, не дрогнул *внешне*). Слон смотрел на него с одобрением.

Иногда Слон спрашивал:

— Что слыхать про нашего Икиру? Чегой-то скучно без него...

Марко два раза говорил с Икиром по мобильнику Пека. Рассказал все, что случилось. Даже про сон о древнем городе и змее... Только про сон, где в Икиру попадает пуля, говорить не стал. Как-нибудь потом. А у Икиры были свои заботы, житейские. Он сказал откровенно (от кровки какие тайны!):

— Марко, знаешь, почему мы тут задержались?.. Да нет, с маминой печенью все в порядке! Но она позна-

комилась в больнице с фельдшером дядей Костей. Он хороший такой, похож на Пека, только в очках и с бородкой... Лишь одно немножко плохо...

— Что? — сразу испугался Марко.

— Он хочет научить меня есть овсянную кашу...

— Ужас какой... — засмеялся Марко. И тут же испугался с новой силой: — Икира, а вы что? Собираетесь оставаться там насовсем?!

Тогда засмеялся Икира:

— Да нет же! Дядя Костя хочет перебраться в Фонари.

Ну, слава Богу! А то как без Икиры? Кто будет уменьшать летний зной, впитывая в себя лишнюю солнечную энергию... И дядя Костя — это, наверно, хорошо. Потому что без отца что за жизнь? Марко вот все нетерпеливее ждет: когда же вернется домой штабс-капитан запаса Виталий Солончук. Вроде бы не так уж часто бывали они вместе, редко говорили по душам, у каждого хватало своих дел, а теперь — постоянное опасение: не случилось бы чего, не задержался бы... И мама с Женькой тревожатся...

Недавно пришло еще одно отцовское письмо. Даже с фотоснимком. Снимок вполне могли изъять на какой-нибудь заставе незаконные нюшкиские цензоры, но проглядели. На карточке отец в полной офицерской форме, в фуражке с имперским львом, в ремнях и даже с саблей. Хотя, казалось бы, какие в наше время сабли!.. А может, отец прихватит ее с собой? Повесили бы крест-накрест с начищенной рапирой Марко. Если клинки не для войны, а для красоты, это совсем даже не плохо...

А война... Хорошо, что штабс-капитана Солончука не сунули ни в какие заварушки. А то ведь там, на Севере, тоже бывает всякое. Империя, где нет императора, а правит какой-то непонятный регент, не упускает слу-

чая поиграть мускулами на границах нордических областей...

Пока Икиры не было, лишние лучи никто не поглощал и лето не ослабляло зной. Сколько ни купайся, все равно будто в духовке. А еще приходилось торчать в очередях за продуктами, потому как военное время: перебои то с хлебом, то с крупой и макаронами. И даже с солью... Среди мужчин уже всерьез ходили разговоры, что хорошо бы отыскать мину времен Второй мировой и однажды ночью подвести ее под ржавое днище «Полковника Думы».

— Психи, — сказал по этому поводу Пек. — Там же полным-полно ни в чем не виноватых ребят вроде нашего Владимира. Не все такие, как те дегенераты в патруле...

Марко, до той поры думавший про мину с интересом, словно окунулся в холодную воду...

А потом все вдруг кончилось. В один день...

Взмокший Марко приволок из продуктовой лавки буханку, пачку сахара, банку китайской тушенки и во дворе попал в Женькины объятья.

— Мариш! Ну наконец-то папа скоро будет дома!

— Он же писал, что «когда отменят военные ограничения»!

— Да отменили уже! В столице подписали соглашение, что теперь все будут решать мирно! Передали по радио!

— Разве оно работает?

— Только что включили!

Мама вся светилась. Бензель помолодел и прыгал вокруг...

С залива долетали звуки рожков — на палубе «Полковника Думы» играли горнисты. Видимо, крейсер готовился поднимать якоря.

...Но оказалось, что командование крейсера не согласно с решением своего правительства. Или не полностью согласно. «Полковник Дума» поднял флаги Международного свода. Пек посмотрел в бинокль и разобрал сигнал. Что-то вроде «Мы еще вернемся и покажем...» Что они покажут, Пек переводить не стал.

— Вот испугали! Шишки кукурузные... — хмыкнул Кранец. Впрочем, он сказал не «шишки» и за это получил от Славки кулаком по шее.

В тот же момент воздух содрогнулся, чугунный гул прокатился над заливом и поселком. Одно из орудий крейсера выплюнуло синий дым.

«Полковник Дума» решил на прощание показать жителям Тарханайской косы, какая он несокрушимая сила.

Стреляли, правда, не по улицам, а по пустырю у подножия Фонарного холма. Раз, второй... Встали взъерошенные дымные башни. Кинулись в стороны перепуганные козы, которые привыкли пасть в этих местах, не ожидая беды.

Пустырь был виден со двора Тарасенковых, где собирались ребята, — через плетни и невысокие крыши. Башни разрывов медленно оседали.

— Козы-то чем виноваты? — плаксиво удивилась круглая Галка.

А Кранец подскочил, как резиновый.

— Там же Земфира! Она привязана!

Он выхватил из травы валявшийся мопед Пека.

— Стой! — заорал Пек. — Стой, дурак, убью! (Или он крикнул «убьют»?)

Запросто могли убить. Жаль было рыжую телочку Земфиру, которая, в отличие от вольных поселковых коз, паслась привязанной к чахлому кизиловому деревцу. Но еще страшнее было за Кранца. А он вскочил в седло и нажал на газ. Кто мог бы угадать в Кранце такую резвость?!

Кранец мчался по улицам, пугая кур и стреляя мотором. За ним неслись остальные. Кто на велосипедах, кто просто так. Пек ругался словами, которых раньше от него не слышали.

Раздался еще один двойной удар: выстрел — разрыв. Кранцу вместе с мопедом упасть бы в бурьян, а он прибавил газу. Всем другим тоже упасть бы, а они поддали скорости. Однако сильно отстали...

Впрочем, крейсер больше не стрелял.

Кранец бросил мопед на краю пустыря. Когда к этому месту подоспели Пек и ребята, Кранец уже вел Земфиру им навстречу. За спиной у него, угольно-черная в свете знойного солнца, оседала башня третьего разрыва. Было в этой картине что-то зловещее и героическое, как в кино «Бессмертные мстители».

— Убью, — жалобно сказал Пек (теперь уже точно «убью»).

Но убивать Кранца было не за что. Он снова совершил подвиг — никто не смог бы опровергнуть этот факт. Кранец тащил Земфиру на веревке. Та с перепугу (дитя еще!) упиралась и взлягивала. Кранец иногда заходил сзади и без лишней гуманности торопил бесстолковую телку пинками...

Топка и Пиксель ухватили веревку и стали помогать Кранцу. Славка и Галка принялись целовать Земфиру в морду и уговаривать. Та поняла наконец, что все хотят ей добра...

Когда вышли на Маячную, навстречу метнулась бабка Лександра. Она все видела издалека. Теперь она одной рукой обняла свою любимицу, а другой обхватила за шею Кранца.

— Фимочка, золотце ты мое!..

Кранец вырвался и пропыхтел:

— Пошли, ребята...

И все было бы хорошо, но через полсотни шагов на пути встала тетушка Кранца — похожая на сухой ствол

акации тетка Ганна. Вышла из калитки. Ухватила племянника за полосатые штаны.

— А ну стой, паразит!

— Чё я сделал-то!.. — привычно заголосил Кранец.

— А кто усвистал из дома и печку на огороде не загасил как надо?!

— Сгорит он, что ли, твой огород?! Ай!..

«Ай» — потому что тетка Ганна отцепилась от штанов Кранца, но ухватила его за ухо. Так удобнее и привычнее.

— Я тебе покажу «сгорит»! Печка чуть не расплавилась! Новую где брать?! А ну, пошли, я тебе дома так ухи наверчу, будешь помнить до осени!..

— Пусти-и-и! Больно же!

— А для того и дерут, чтобы больно... — с удовольствием разъяснила тетка Ганна и за ухо поволокла Кранца к калитке. Второе ухо полоскало на ветру, как алый аварийный флаг.

Ребята возмущенно и сбивчиво закричали вслед. Громче и отчетливее всех прозвучал голос Матвейки Кудряша:

— Отпустите! Он же герой! Даже дважды герой!..

— А вот зараз будет трижды, — пообещала тетка, увлекая племянника в дом.

Сразу же из открытого окна донеслись визги и вопли:

— Пусти! Уй-я! Не крути! А-а-а!.. Я больше не буду! Тетечка, хватит!.. Ой, милая тетечка, прости!..

Матвейка выдернул из кармана рогатку. Не такую мощную, как у Икиры, но все же дальнобойную.

— Щас я сделаю ей звон, как на пожарном учении...

Рядом с открытым окном было другое, с прикрытыми створками. На него и нацелился Кудряш.

— Не надо, хуже будет, — испугалась круглая Галка.

— Не будет. Стекла зазвенят, тетка обкакается, Кранец сбежит...

Но Кранец сбежал до выстрела. Выскочил из открытого окна, погрозил ему кулаком и встал, прижимая уши к щекам. Галка и Славка подбежали, встали рядом — утешать. Глаза у Кранца были мокрые. Подошел Пек. Потрепал беднягу по белым от солнца вихрам:

— Древний мудрец Соломон говорил: «Все проходит...»

— Я ей дракончика подпущу в корыто... — всхлипнул Кранец. Все одобрительно молчали. Рыбка-дракончик в корыте — правильная месть...

Слон, который опоздал к событиям и подошел только теперь, сказал полные горькой правды слова. То ли свои, то ли из какой-то книжки:

— Даже герои беззащитны перед несправедливостью судьбы...

Эти слова Пек вставил в последний эпизод повести, которую закончил через две недели.

ЛЕТУЧАЯ ТЕНЬ

Приехал отец. Саблю он не привез и был даже без формы, в своей потертой куртке и джинсах. Ну и не надо никакой сабли! Главное, что вот он, под родной крышей... Марко вспомнил младенческие годы, повис у отца на шее, потерся щекой об отросшую щетинку. Согнул исцарапанные и побитые ноги, поболтал ими в воздухе.

— Я там каждый день про тебя думал, — сказал ему в ухо отец.

«Я про тебя тоже», — чуть не ответил Марко. Но Икира, который никогда не врал, словно глянул издалека лиловыми глазами: «Ведь не каждый...» И Марко сказал другое:

— Здесь было столько всего... всякого... Я тебе расскажу.

Сколько было «всякого», подробно изложил в повести «Неистребимое солнце» Никанор Кротов-Забуданский, он же Пекарь или Пек.

Он был талант — и по живости литературного стиля, и по быстроте написания. Прошло всего полмесяца после ухода крейсера, а повесть была уже готова.

Читали в хижине у Марко. Вернее, читал Пек, а остальные слушали. На улицах поселка и на берегах был солнцепек. А здесь — прохладно. Потому что Марко отыскал на чердаке и с отцовской помощью починил большущий, похожий на корабельный винт, вентилятор. Жестяные лопасти гоняли по хижине ветер, он лохматил волосы и, кажется, досадовал, что нельзя трепать листы рукописи — «рукопись» пряталась в ноутбуке.

Народ слушал, приоткрыв рты. Лишь Марко привычно вытягивал губы в трубочку, и тогда Женя щелкала по ним пальцем: отвыкай от детской привычки.

В повести было про все, что случилось в этих местах весной и летом: и про крейсер, и про девочку Прыгалку, и про Володю, и про телескоп, и про обстрелы, и про ребячьи игры, и... про вечернюю грусть, которая иногда приходила к шестикласснику, вернувшемуся из столицы. Нет, Пек не написал про девочку Юнку прямо. Но было здесь загадочное письмо и похожая на холодный ветерок печаль... Женя опять щелкала брата по губам...

Встречались в повести и всякие размышления. То история о том, как в разных краях появились и стали очень важными для ребят джольчики (ольчики, оло, холо, оловяшки, нолики). То рассуждения о конструкциях воздушных змеев и сходстве их с парусными судами. То о понимании, что каждый человек всегда — частичка своей земли. То о параллельных мирах, из

которых иногда приходят к нам полупрозрачные гости. То о природе удивительных земных существ, которые называются «девочки и мальчики» и в некоторых людях живут до старости. То о нарушениях в развитии Вселенной, заставляющих людей не строить, а воевать. То о свойствах солнечного света и тепле человеческих рук... Рассуждения были не длинными и вовсе не скучными. Они казались частью событий. А события то вытягивались в причудливую цепочку, то прыгали друг за дружкой, будто ступеньки спиральной лесенки. Пек объяснил, что это называется «сюжет».

Многое в сюжете было известно и знакомо. Но Пек рассказывал о событиях так, что все видели их по-новому. Словно через выпуклую линзу или разноцветные стекла: то апельсиновые, словно вечернее солнце или волосы незнакомой девочки; то бледно-зеленые, как лунное небо; то бирюзовые, как даль залива; то изумрудные, как пласти морской воды, сквозь которые легко разглядеть со скалы поросшие водорослями камни, полупрозрачных ленивых медуз, деловитых крабов, серебристых ставрид и снующих в подводной чаще морских коньков...

Все узнавали себя, друг друга и многих жителей поселка. И никто не спорил, Пек про всех написал без обид. Лишь Кранец в конце чтения вдруг сказал:

- Неправильно это...
- Что неправильно? — испугался Пек.
- Не визжал я и не вопил: «Милая тетечка, прости, больше не буду!» Я орал: «отцепись, ведьма, а то пожалеешь!» А потом лягнул ее и выскочил в окно... И глаза не были мокрые...

Пек оглядел слушателей. Все помнили, как оно происходило на самом деле, и... все равно были на стороне Кранца.

И Пек признал:

— Да, здесь я увлекся и допустил авторский ляп. Прошу прощения... Сейчас... Он тут же сделал поправки на экране ноутбука, и жалобные слезливые крики Кранца превратились в гневные угрозы.

— Так правильно?

— Да... — улыбнулся надутыми губами Кранец. И остальные сказали, что да...

Потом все пошли купаться. Только Женя осталась дома, помогать маме со всякими маринадами, да Славка исчезла. Ускользнула незаметно, даже Галке ничего не сказала...

Теперь, когда не стало крейсера, можно было не тащиться в Кривую бухту, а купаться у поселка, под обрывами. И компания двинулась к ближнему спуску.

С высоты видны были рассыпанные по заливу баркасы, шаланды и катера. Никто больше не чинил запретов рыбачьим бригадам. Носились чайки, веял ощущенный ветерок с веста, смягчал жару. На мысу, несмотря на яркий день, мигал маяк. Наверно, смотритель дед Казимир и бабка Лизавета проверяли аппаратуру.

Случилось так, что Марко и Пек оказались позади всех. Шли рядом. Пек повздыхал, глянул искоса и спросил:

— Ну... А что скажешь-то?

— О чем?

— Ну... О том, что я прочитал.

— Тебе же все сказали, что замечательно...

— Одно дело все, а другое — ты. Самый опытный читатель...

— Я тоже... По-моему, ты Диккенс и Александр Грин, вместе взятые... Одно только плохо...

— Что? — опять испугался Пек.

— То, что повесть лишь в ноутбуке. Только у тебя. Надо, чтобы она была у всех...

— У меня есть мини-принтер, но в нем кончилась краска. Вот раздобуду и сделаю распечатку. А потом пойду на почту, размножу на ксероксе. И подарю каждому... А Пиксель и Топка пускай сделают иллюстрации...

— Да! Только распишись на каждом экземпляре. Когда станешь нобелевским лауреатом, все будут гордиться твоими автографами. Показывать детям и внукам.

Пек пообещал:

— Вот как стукну меж лопаток, чтобы не молол языком... И чтобы не горбился. А то опять начал сутуляться, как бабка Лександра. Это что, от груза пережитых печалей?

Марко не хотел о печалах. Он хихикнул:

— Не надо, я больше не буду...

И оба разом вспомнили Кранца.

— Да, Ефим Левада сделал мне правильное замечание, — признался Пек. — Нельзя ради голого реализма жертвовать достоинством персонажа. И его внутренней сутью.

— Потому что бывает одна правда снаружи, а другая внутри. Та, которая внутри, главное. Да?

— Именно так, дорогой мой Марко Поло. Ты мудр... Даже несгибаемый Икира подтвердил бы, что Кранец прав...

— Жаль, что его не было сегодня. Все слушали, а он... Пек, ты почитай потом еще раз, когда он приедет! И он послушает, и еще ребят позовем. И те, кто уже слышал, придут снова...

— Я почитаю... Всякий автор мечтает о популярности в читательской среде. Надо привыкать к всемирной известности...

— А все-таки жаль, что Икиры нет сегодня, — повторил Марко.

Пек замедлил шаги. И вдруг сказал:

— Марко, это я виноват...

— Ты?! Почему?

— Пора признаваться... Это я устроил, чтобы Икира с матерью уехал в Казанкой...

— Как это... устроил? — Марко тоже придержал шаги.

— Так... С печенью не было ничего серьезного, небольшой приступ. Но я попросил доктора Канторовича, чтобы он уговорил ее лечь в больницу...

— Но зачем?! Если ей это было не надо!..

— Чтобы Икира исчез из Фонарей...

— Ничего не понимаю, — обиделся Марко. — Зачем?

— Потому что я стал бояться, — глядя под ноги, сказал Пек.

Марко ощущил позвоночником холодок.

— Пек... чего бояться-то?

— Дело в том, что слишком предсказуемым сделался сюжет... Понимаешь меня?

— Нет, — раздраженно сказал Марко.

Пек положил ему руку на плечо.

— Не злись...

— Я не злюсь, но...

— Видишь, я начал писать повесть, и ождалось в ней много интересного. Древние места, всякие события, характеры, опасности... Но вдруг стало казаться, что про все это я где-то уже читал. Или слышал... Приморские земли, военные споры, тупость взрослых агрессоров, опасности, дружба ребят, которая помогает им в трудные моменты. И среди этих ребят — самый ясный, каждым своим нервом отрицающий неправду и живущий солнечным светом... Понимаешь, Марко, всегда оказывалось, что такие мальчики обречены.

Марко ахнул про себя, но спросил шепотом:

— Почему?

— Потому что не боятся... или почти не боятся смерти. Считают, что в любом случае они — частичка этого мира. Один из его лучей. А если и боятся, то все равно... кидаются первыми, чтобы защитить друзей, правду, маму, свободу... И ловят пулю... Я даже стал видеть сны...

— Белая улица и рана в плече? — хрипловато спросил Марко.

— Ну вот... Значит, и ты?

Марко молча кивнул.

Пек нервно сказал:

— Теперь понимаешь... Значит, это и правда могло случиться. И что потом? Толпа у церкви, слезы, венки с вплетенной в хвою травкой-икирой... Обещания: «Мы отомстим»... Ракушечный обелиск над морем. Легенды про смелого солнечного мальчика. И как в старой повести о храбрых ребятах:

Летят самолеты — привет Мальчишу,
Плынут пароходы — салют Мальчишу...

А теперь смотри. То, что здесь происходило, было моей повестью. Ну, в какой-то степени... Так мне казалось... Будто я отвечаю за сюжет. Разве я мог допустить такой конец? Чтобы обелиск и салюты-приветы с неба и с моря... Я решил убрать этого мальчика подальше, пока не кончу писать. Икира-то нам нужен живой...

«Ох как нужен!» — стрункой-болью отозвалось в Марко.

Но будто сам Икира оказался рядом и глянул, требуя справедливости: «А разве другие не нужны?»

— Пек, а другие... — почти через силу выговорил Марко. — Тот же Кранец... Тогда, у школы... пуля могла попасть в него...

Пек вдруг засмеялся. Словно отбросил все страхи.

— Нет! У Кранца другая судьба...

— Какая?

— Мне кажется, он будет жить долго. Правда, ему предназначено всегда быть неудачником, но ведь бывают счастливые неудачники...

Марко ссгутился от мгновенной боязни, но не выдержал, спросил:

— Пек, а я?..

— Что ты?.. А! Я думаю, ты тоже будешь жить долго. И, наверно, построишь свой клипер... или что-то похожее на него. Только это случится в другие времена. Если они наступят...

— А они наступят?

Пек сказал:

— Будем стараться...

Они купались долго. Заплывали на глубину, возвращались, прыгали со скал, гонялись друг за другом, охотились за морскими кошками (без успеха, конечно), выскакивали из воды и падали животами на горячую гальку. Солнце жарило, а западный ветерок размахивал над берегом прохладным полотнищем...

Марко лежал, лежал и вдруг понял, что ему хочется побывать вдали от всех. Так, без всякой причины. Встал, пошел вдоль воды. Оказался на знакомом месте — у развалин, где когда-то встретился с Володей. Побрел вдоль ракушечной стенки в сторону обрыва. Но брел недолго, сел на стенку спиной к солнцу, сунул ступни в сухие мочалки водорослей и прикрыл глаза.

«Сюжеты... Да, хорошо, что Пек догадался отослать Икиру...»

Так он сидел. Потом ощутил позади и чуть в стороне шевеление. Вернее, легкий скачок. Марко не стал смотреть: кто это? Глянул перед собой. Он увидел на солнечной гальке свою тень, а рядом — еще одну. Тон-

коногую, с длинными разлетевшимися волосами и веревкой в разведенных руках.

— Ты кто? — осторожно спросил Марко.

— Я Славка, — с легким вызовом сказала тень. — А ты думал, кто?

Марко оглянулся. Славка стояла на стенке в шаге от него, босая, в невесомом своем платьице с пышными рукавами-крылышками. Смотрела на Марко с высоты. Белые пряди то взлетали, то падали на лицо.

Марко сказал, глядя вверх через плечо:

— Никогда не видел тебя со скакалкой. Другие девчонки то и дело скачут, а ты — никогда...

— Потому что не любила... да и не умела до сих пор.

— А сейчас научилась?

— Пришлось... — она прыгнула разок через веревку. Неловко, но независимо. Поморщилась.

— Сядь, — попросил Марко. И даже подвинулся, хотя места на стенке было сколько угодно. Славка скочила и села в полуметре от Марко. Он подумал и спросил:

— А правда, что ты читала толстенную книгу «Сага о Форсайтах»?

— Откуда ты знаешь?

Врать совершенно не хотелось.

— Но... ты ведь заглядывала в мой формуляр. И... брала то же, что я...

— Кто тебе сказал?!

— Кто сказал — не скажу...

— А я знаю!.. Вот поймаю этого болтуна. Не посмотрю, что самый коричневый...

— Не надо, — попросил Марко. — Он догадается, что я проговорился, а я не хотел. Это нечаянно...

— Ладно, не буду... — кивнула Славка. И призналась: — Я только начала читать и отложила. Она совсем для взрослых... Ты ведь уже в седьмом классе, а я в шестом...

— Я тоже отложил...

— Правда? — обрадовалась она. И вдруг сказала: — Конек...

— Что? — Он удивился, но не очень.

— А... можно я буду говорить тебе «Конек»?

— Говори... если хочешь...

Они помолчали, и Славка насупленно выговорила:

— Я знаю. Ты думаешь, я занялась прыгалкой из-за той глиняной девочки...

— Я не думаю... А из-за кого? Из-за чего?

— Я скажу. Только не сердись.

— Ладно...

— Помнишь, я нечаянно прочитала письмо твоей знакомой... Юнки?

«Еще бы не помнить!»

— Ну и что?

— Она писала, что тренируется с прыгалкой, чтобы не болело плечо. А я... ну, здесь такое совпадение. Не думай, что я сочиняю...

— Не думаю... Какое совпадение?

— В детском садике еще было. Я упала, ударилась о край песочницы. С тех пор плечо нет-нет да заболит. На рентгене просвечивали несколько раз, говорят ничего нет. Компрессы всякие делали... Иногда очень долго боль не чувствуется, а потом опять...

— А сейчас? — Марко вспомнил, как неуклюже Славка скакнула на стенке.

— Сейчас...

— Говори честно, — велел он.

— Немного...

— Сядь ближе.

Она приоткрыла губы и смотрела сквозь пряди. Глаза были золотисто-коричневые...

Марко тронул пальцем белое кружево рукавчика:

— Отцепи это оперенье.

— А... зачем?

— Надо.

Славка отстегнула рукавчик, уронила себе на колени. И смотрела все так же — вопросительно, однако без боязни. Загорелое, со светлой полоской, плечо торчало беззащитно и доверчиво.

— Сиди тихо, — велел Марко.

— Я... тихо.

Марко подержал ладони у щек. Ощутил в них щекочущее дрожание. Положил правую ладонь Славке на плечо, а пальцы левой осторожно прижал к тоненькой, как у Икиры, ключице. Под ней толкнулся пульс — живой, будто божья коровка.

С минуту они сидели молча, словно слушали струнки друг друга.

— Болит? — шепнул Марко.

— Нет... больше не болит.

— Честно?

— Да...

— Вот и хорошо.

Это ведь и правда хорошо, когда человеческих болей на свете хоть на капельку становится меньше.

21.08.09 — 23.10.09.

Содержание

БАБОЧКА НА ШТАНГЕ. Последняя сказка

Первая часть	
ЛЮДИ И КУКЛЫ	8
Педагогика тети Аги.....	8
Мама, папа, Лерка и я	23
Флейтист.....	38
Вермишель быстрого реагирования.....	53
Бумсель	66
Гравитация	76
Вторая часть	
«АРЦЕУЛОВЪ»	90
«Что ты здесь ишьешь?»	90
Про улыбки	108
Деревянная резьба	126
Скандал и философия	140
Подземелья	150
Подарок шевалье Арамиса	159
Третья часть	
КОЛЁСА	177
Ключик и другие тайны.....	177
Тропинки и рельсы	193
Пуппельхаус	209
Кнабс-лейтенанты	227
Четвертая часть	
ЖИВАЯ ВОДА	249
Кто-то поет в сарае.....	249
Он нашелся!	264
Спор.....	271
Новые беды	282
Завтрак для Бумселя.....	291
Высота	300
Музыка часов	306
ЭПИЛОГ	316

ПРЫГАЛКА. Повесть

Медаль	325
Морской конек	335
Струнки	350
Телескоп	360
Крейсер «Полковник Дума»	377
«Стой-замри!..»	390
Марко рассказывает	401
Пекарь	410
Большая Луна	422
Пловец	436
Кровка	452
«Мы дружили недолго...»	460
Прыгалка	470
Пигмалион	481
Затмение	492
Следы	508
Последние выстрелы	524
Летучая тень	530

Литературно-художественное издание

ВЕСЬ КРАПИВИН

Крапивин Владислав Петрович

БАБОЧКА НА ШТАНГЕ

Издается в авторской редакции
Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Л. Кузьмина*
Корректор *Э. Казанцева*

Иллюстрация на переплете *В. Стрелкова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 27.09.2010. Формат 84×108 1/32
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л 28,56
Тираж 3000 экз. Заказ № 1645.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-699-45335-1

9 785699 453351 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Ставки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78. Тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Сканирование и обработка:
AlexeiPetrov (Lion)

Б
К

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Владислав
КРАПИВИН

БАБОЧКА
НА ШТАНГЕ

ISBN 978-5-699-45335-1

9 785699 453351 >

ЭКСМО